

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА:

ПОЛИТИКА,
ЭКОНОМИКА,
ИДЕОЛОГИЯ

1975

ИВФ РАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОБЩЕСТВЕННЫХ
НАУК
МОСКВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

КИТАЙСКАЯ
НАРОДНАЯ
РЕСПУБЛИКА
в 1975 г.

III КИТ

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА,
ИДЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

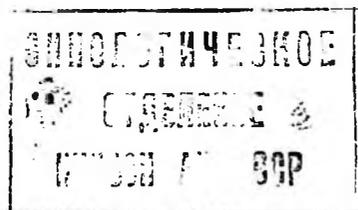
32 И
К 45

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — чл.-корр. АН СССР М. И. СЛАДКОВСКИЙ, заместитель главного редактора — канд. экон. наук В. И. ПОТАПОВ, д-р истор. наук Г. В. АСТАФЬЕВ, д-р истор. наук А. М. ДУБИНСКИЙ, д-р истор. наук Е. Ф. КОВАЛЕВ, канд. филос. наук В. А. КРИВЦОВ, канд. геогр. наук К. Н. ЧЕРНОЖУКОВ, ответственный секретарь — П. И. СМИРНОВ.

АВН 2020

П. И. СМ. И. О.

23466-К Ч

Китайская Народная Республика в 1975 г. Политика, экономика, идеология. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». М., 1978.

375 с. с карт.

В книге содержатся основные информационно-справочные сведения политического, экономического и идеологического характера, касающиеся КНР, дается анализ важнейших процессов общественной жизни страны.

К $\frac{11103-092}{013(02)-78}$ 96-77

32И+33И+37И

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978.

ОТ РЕДАКЦИИ

В очередном информационно-справочном издании «Китайская Народная Республика» освещаются события, происходившие в КНР в 1975 г. В сборник включены отдельные статьи обобщающего характера и некоторые дополнительные справочные материалы. В остальном данный выпуск построен по проблемному принципу, как и предыдущие.

Предлагаемый вниманию читателей новый сборник написан и подготовлен к печати большим коллективом научных сотрудников Института Дальнего Востока АН СССР. Разумеется, авторы статей не претендуют на исчерпывающее освещение затронутых в них тем, поскольку в Китае не публикуются официальные данные по многим областям общественной жизни страны. Редакционная коллегия будет признательна всем читателям за объективную критику, замечания и пожелания.

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА В 1975 г.

1975 год ознаменовался новыми победами миролюбивых сил всего мира. Успешное завершение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и прогресс разрядки международной напряженности, исторические победы героического вьетнамского народа, патриотов Лаоса и Камбоджи и прекращение войны в Индокитае, крупные успехи национально-освободительного движения (значительным среди которых было образование Народной Республики Ангола) явились важнейшими событиями этого периода. Материализация разрядки международной напряженности открыла перед народами дополнительные благоприятные возможности для разрешения наиболее насущных проблем современности — ограничения гонки вооружений, мирного разрешения международных конфликтов, окончательной ликвидации колониализма, радикальной перестройки неравноправных экономических отношений между империалистическими державами и развивающимися странами и т. д.

Вместе с тем 1975 год еще отчетливее выявил противников разрядки и мирного сосуществования, сторонников сил агрессии и войны. Одним из наиболее активных противников мира и социализма откровеннее, чем когда-либо, выступало китайское руководство, политика которого «не только совершенно чужда социалистическим принципам и идеалам, но по существу стала важным резервом империализма в его борьбе против социализма»¹.

События этого года с особой ясностью показали, что «маоизм как политика и идеология вышел за рамки внутренней проблемы не только самого Китая, но и мировой социалистической системы и международного коммунистического движения, превратился в фактор, касающийся всех миролюбивых государств независимо от их социального строя, всех прогрессивных сил, так как он несет растущую опасность для всех»².

¹ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, М., 1976, с. 12.

² «Коммунист», 1975, № 12, с. 104.

В результате политического переворота, произведенного под вывеской так называемой «культурной революции», в Китае был установлен режим военно-бюрократической диктатуры, когорая (вопреки конституции КНР) была легализована IX съездом КПК в 1969 г. Не выдвинув конкретной альтернативы ликвидированной генеральной линии КПК на переходный период, китайское руководство не смогло и на X съезде КПК (1973 г.) стабилизировать политическое положение в стране. После долгих отсрочек и конституционных нарушений в январе 1975 г. была созвана 1-я сессия Всекитайского собрания народных представителей 4-го созыва и без предварительных обсуждений принята новая конституция КНР. Ее прагматическая задача состояла в том, чтобы «законодательно» оформить политический строй, порожденный «культурной революцией» и, в частности, закрепить режим личной власти Мао. Все это привело к тому, что «Китай вступил в своеобразный новый этап своего развития»³.

Во внутренней политике эволюция общественной жизни КНР в 1975 г. характеризовалась следующими основными чертами:

— ужесточением режима военно-бюрократической диктатуры и культа личности Мао Цзэ-дуна;

— значительным углублением антисоциалистического процесса во всех областях общественно-политической жизни Китая;

— дальнейшим отходом от социалистического пути развития, еще большей деформацией социалистических элементов экономического базиса, усиленным нагнетанием духа милитаризма;

— нагнетанием крайнего антисоветизма.

В 1975 г. еще явственнее обозначились основные черты внешней политики КНР. Китайское руководство вступило не только в прямую конфронтацию с мировым социализмом в политической и идеологической сферах, но и в межгосударственное противоборство по всем линиям, прежде всего против СССР. Маоцзэдуновская политика «откровенно направлена против большинства социалистических государств»⁴.

От общего политического сближения с правительствами империалистических государств Пекин перешел к настойчивым выступлениям за активизацию деятельности «Общего рынка» и агрессивного блока НАТО, сохранение военного присутствия США на иностранных территориях и т. п.

Маскируясь так называемой «теорией трех миров», китайское руководство пыталось подрывать национально-осво-

³ Там же, с. 105.

⁴ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, с. 12.

бодительное движение угнетенных народов, раздробить и фактически ликвидировать антиимпериалистический фронт и создать под эгидой Китая «единый фронт» от крайне правых до крайне «левых» экстремистских сил, противостоящий СССР и другим странам социализма.

Китайское руководство пыталось сорвать разрядку, не допустить разоружения, сеяло недоверие и вражду между государствами, раздувало любые конфликтные ситуации в мире, выступало против принципов неизменности существующих границ и неприменения силы, за ревизию итогов II мировой войны и результатов послевоенного развития.

Хотя в течение 1975 г. китайские руководители по существу не внесли каких-либо изменений в свою внешнеполитическую программу, однако, средства и формы их борьбы с прогрессивными силами на международной арене стали еще более ожесточенными, менее разборчивыми. В поисках союзников они блокировались с любыми силами в мире, если они в какой-либо мере были полезными в борьбе с социализмом. «Теперь,— сказал на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев,— уже мало сказать, что маоистская идеология и политика несовместимы с марксистско-ленинским учением. Они прямо враждебны ему»⁵.

Как уже говорилось, одним из наиболее важных событий в 1975 г. в Китае была I-я сессия ВСНП четвертого созыва, проведенная в январе в Пекине в обстановке полной секретности, втайне от китайского народа. На сессии была принята новая конституция КНР, коренным образом отличающаяся от конституции 1954 г. Новая конституция явилась попыткой узаконения результатов «культурной революции» и последовавших за ней кампаний политических чисток и идеологической обработки населения. Она была призвана оформить антинародный диктаторский режим как «законную» власть и поставить дальнейшее политическое и экономическое развитие Китая в рамки, определяющиеся исключительно интересами этой власти. Новая конституция ставила цель — придать необратимый характер осуществляющемуся в стране курсу Мао Цзэ-дуна, создать формальные преграды, препятствующие возврату Китая на путь подлинного социалистического развития и дружбы с социалистическими странами.

В докладе «О работе правительства», сделанном на этой сессии ВСНП Чжоу Энь-лаем, была выдвинута задача — к концу столетия превратить Китай в «могучую державу». Осуществление этого предусматривало «два шага»: первый — до 1980 г. создать «самостоятельную, сравнительно целостную

⁵ Там же.

систему промышленности и всего народного хозяйства», второй — в последующие 20 лет на основе «всесторонней модернизации сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники» вывести Китай «в первые ряды стран мира». Однако конкретной экономической программы для достижения этой цели на сессии предложено не было.

Сессия не указала каких-либо путей решения существовавших острейших социально-экономических проблем. Отдельные противоречивые формулировки конституции, видимо, отражали своеобразный компромисс между различными соперничавшими группировками в китайском руководстве.

В новой конституции КНР, вопреки «левой» экономической доктрине, были зафиксированы положения о распределении по труду, о праве крестьян иметь в личном пользовании небольшие участки земли и заниматься подсобным хозяйством, а в скотоводческих районах — иметь небольшое количество личного скота. Как показали дальнейшие события, эти положения встретили явное противодействие со стороны «леворадикальной» группировки китайского руководства.

Налицо был процесс все большей деформации социалистических элементов экономического базиса, сложившегося в первые десять лет существования КНР. В новой конституции КНР в качестве господствующих были названы государственная и кооперативная формы собственности. Однако, как известно, суть дела состоит не в формальном наличии общественных форм собственности, а в том — кем и в каких целях используются эти формы и сама собственность. В условиях режима, паразитировавшего на социалистических элементах экономического базиса и проводившего антинародную, антисоциалистическую политику, государственная и кооперативная формы собственности использовались в антисоциалистических целях.

Все больше извращалось подлинно социалистическое содержание государственной и кооперативной форм собственности, происходило отчуждение труженников города и деревни от собственности. Из основы, на которой они начали строить свое счастливое будущее, она превращалась в средство их эксплуатации и принуждения к труду во имя чуждых им интересов.

Главным содержанием осуществлявшегося в стране экономического курса по-прежнему оставалось всемерное наращивание военно-промышленного потенциала и подготовка к войне. Доля военной промышленности (производство оружия) во всей валовой промышленной продукции, по оценке западных специалистов, в 1975 г. составляла примерно 22%⁶.

⁶ «Economist», 30.VIII.1975.

В то же время игнорировались задачи повышения материального и культурного уровня трудящихся, облегчения условий труда в промышленности и сельском хозяйстве на основе социалистической индустриализации и внедрения достижений научно-технического прогресса.

Важнейшее средство в осуществлении своего экономического курса китайское руководство видело в использовании методов политико-административного, внеэкономического принуждения.

Осуществление экономической политики, противоречащей требованиям объективной действительности и жизненным интересам китайского народа, вызывало серьезные осложнения в развитии народного хозяйства, постоянно наталкивалось на сопротивление трудящихся.

Уровень экономического развития Китая оставался сравнительно низким. Если исходить из таких важнейших показателей экономического развития, как национальный доход и производство важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции на душу населения, то практически по всем позициям производство в Китае намного ниже среднемирового уровня, а по ряду позиций — ниже развивающихся стран.

Что же касается намеченной на сессии ВСНП в январе 1975 г. цели — вывести Китай к концу нынешнего столетия «в первые ряды стран мира по уровню развития народного хозяйства», то даже простейшие расчеты обнаруживают нереальность выполнения подобной задачи. Китаю даже для достижения существовавшего среднемирового уровня производства на душу населения к концу столетия необходимо было (с учетом роста населения) увеличить национальный доход более чем в 12 раз, производство электроэнергии — в 18—20, нефти — в 20, стали — в 10 раз, угля, зерна, хлопка — в 2 раза.

Уже свыше 15 лет материальное положение трудящихся Китая практически не улучшалось. В 1975 г. производство на душу населения таких первостепенных по важности для китайского населения видов продукции, как зерновые и хлопок-волокно, оставалось ниже, чем в 1957 г., последнем году первой пятилетки.

Народное хозяйство Китая в 1975 г., названном в китайской печати «последним годом четвертой пятилетки», развивалось в очень сложных условиях массовых политических кампаний, которые отрицательно сказались на состоянии народного хозяйства. Предпринятое в ходе этих кампаний нарушение китайского руководства на жизненный уровень рабочих и крестьян столкнулось с сопротивлением трудящихся. Значительно ухудшилась производственная дисциплина,

снизилась производительность труда, имели место случаи за бастовок и саботажа в промышленности и на транспорте (в Гуанчжоу, Ханчжоу, Ухани и других городах). Для подавления выступлений трудящихся власти использовали крупные армейские подразделения. Прикрываясь лозунгом «диктатуры пролетариата», китайское руководство на деле применило насилие против пролетариата.

Общие итоги экономического развития страны в 1975 г., точно так же, как и за всю «четвертую пятилетку», в Китае не были опубликованы. Печать объявила лишь о том, что в 1975 г. «успешно выполнены показатели по валовой продукции промышленности и сельского хозяйства, намеченные четвертым пятилетним планом»⁷.

В начале февраля 1975 г. в Китае была развернута новая массовая политическая кампания, вуалируемая лозунгами «изучения теории диктатуры пролетариата», «укрепления диктатуры пролетариата». Эта кампания ожесточила внутриполитическую борьбу в КНР. Лозунги «изучения теории диктатуры пролетариата» и «укрепления диктатуры пролетариата» были использованы организаторами новой кампании прежде всего в борьбе между группировками, находившимися у власти, а также для политических репрессий и чисток в отношении тех, кто находился в оппозиции к режиму.

В ходе кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» особенно резким нападкам подвергались материальные стимулы, объявленные «буржуазным правом», «правовуклонистским поветрием» и т. п. Категоричное отрицание принципа материальной заинтересованности было по сути дела атакой «левых» на основной принцип социализма — распределение по труду.

Основными объектами «критики» и нападков стали те руководители в центре и на местах, которые пытались управлять хозяйством с помощью экономических методов. Одновременно эта кампания, как и все предыдущие, была направлена на всемерное подавление требований трудящихся о повышении их жизненного уровня.

В городе кампания «изучения теории диктатуры пролетариата» и «ограничения буржуазного права» была нацелена главным образом против рабочего класса. Части китайского рабочего класса адресовались прямые политические обвинения в «буржуазном перерождении».

В деревне атаке подверглись права крестьян на личные приусадебные участки, подсобные промыслы, право продавать свою продукцию на сельских рынках — на все это были наклеены ярлыки «пережитков буржуазного права», «капи-

⁷ «Жэньминь жибао», 1.1.1976.

талистических тенденций». Те же «тенденции» усматривались не только в деятельности отдельных крестьян, но и целых сельскохозяйственных коллективов.

В ходе данной политической кампании еще более обнажились многие острые социально-экономические проблемы и противоречия; она встретила противодействие основных классов и социальных групп китайского общества: рабочих, крестьян, интеллигенции, кадровых работников в деревнях и руководителей предприятий в городах. Против кампании либо активно, либо пассивно выступили многие хозяйственные руководители в центре и на местах. Официальная печать указывала на наличие «капиталистических тенденций среди кадровых работников и масс»⁸. Волнения и забастовки на промышленных предприятиях и на транспорте, выступления крестьян в деревне, обострение борьбы в руководстве (в центре и на местах), неблагоприятные экономические последствия, — все это к осени 1975 г. заставило затормозить дальнейшее развитие кампании «изучения теории диктатуры пролетариата».

В сентябре 1975 г. была объявлена новая политико-идеологическая кампания под флагом «критики романа „Речные заводы“», — известного средневекового литературного произведения.

Усилившаяся за последние годы тенденция к реабилитации ошельмованных в период «культурной революции» партийных и хозяйственных руководителей беспокоила представителей «левой» группировки. Возвращение на руководящие посты довольно значительного числа ранее раскритикованных партийных, государственных и военных руководителей вело к перераспределению власти.

Под флагом борьбы с «капитулянтами», препарирруя на свой лад образы и ситуации средневекового романа, организаторы кампании «критики романа „Речные заводы“» продолжали наступление на всех сознательных или стихийных противников режима. Здесь было видно стремление закрепить власть за силами, с которыми связывалось неуклонное следование маоизму в будущем. Открывая кампанию, газета «Жэньминь жибао» (4. IX. 1975) подчеркивала, что она «должна обеспечить неуклонное следование линии председателя Мао как сегодня, так и в будущем, как в нынешнем столетии, так и в следующем».

Почти одновременно с кампанией «критики романа „Речные заводы“» китайское руководство развернуло еще одно движение — «за учебу у Дачжяя и повсеместное создание уездов дачжайского типа», значение которого было прирав-

⁸ «Жэньминь жибао», 3.VI.1975.

нено к аграрной реформе, кооперированию сельского хозяйства и созданию «народных коммун». На всекитайском совещании, посвященном началу этого движения, была подчеркнута прямая зависимость успеха в реализации объявленных на 1-й сессии ВСНП экономических задач от темпов развития сельского хозяйства: «Если сохранятся нынешние темпы развития, то в текущем столетии мы не сможем осуществить задачи модернизации сельского хозяйства, а также модернизации промышленности, обороны, науки и техники»⁹.

По сути дела это совещание попыталось определить путь развития сельского хозяйства Китая до 1980 г. Кроме того, на этом совещании вновь проявились признаки наличия ожесточенной борьбы между различными группировками внутри партийного и государственного аппарата: «Чтобы повсеместно создать уезды дачжайского типа,— говорилось в докладе члена политбюро ЦК КПК Хуа Го-фэна,— необходимо провести повсеместную чистку, полностью разрешить вопросы в идеологическом, политическом и организационном планах, существующие среди большинства групп парткомов уездов»¹⁰.

Задача «упорядочения партии», «упорядочения стиля», «идейного и организационного упорядочения партийных организаций» была выдвинута еще в ходе кампании «изучения теории диктатуры пролетариата». Процесс организационной чистки и перестройки руководящих партийных органов под флагом «упорядочения стиля» усилился в июне—июле 1975 г. и особенно после всекитайского совещания по «учебе у Дачжая» в октябре 1975 г.

В конце 1975 г. была начата еще одна кампания — за «революцию в области образования», целью которой была чистка среди научно-преподавательских кадров и идеологическая обработка учащейся молодежи.

В целом внутривластная обстановка в КНР в 1975 г. характеризовалась неустойчивостью вследствие обострения противоречия между социалистическими элементами экономического базиса и антисоциалистической политикой и практикой китайского руководства, ожесточенной борьбы между различными группировками в руководстве и его неспособности решить насущные проблемы развития страны. Попытки стабилизировать положение, упрочить режим и постоянно растущее сопротивление как в среде работников партийно-государственного аппарата и военных органов, так и широких масс народа только усиливали внутривластическую напряженность в Китае.

⁹ «Жэньминь жибао», 21.X.1975.

¹⁰ Там же.

Проведение в течение одного года целой серии политико-идеологических «кампаний» и постоянно ширящееся сопротивление им со стороны народных масс, вынуждавшее руководство лавировать, также свидетельствовали о нестабильности внутриполитической обстановки в Китае.

В 1975 г. еще яснее проявилась роль КПК в политической системе КНР. Несмотря на провозглашение КПК «руководящим ядром всего китайского народа»¹¹, новая конституция КНР фактически лишила ее главной прерогативы как правящей партии — права разрабатывать, принимать и проводить в жизнь политический курс страны. По сути дела, на основании новой конституции КПК не является подлинно руководящей и направляющей силой общества, за ней были закреплены лишь функции главного инструмента осуществления «стратегического курса Мао Цзэ-дуна».

События 1975 г. еще раз показали, что, несмотря на постоянные призывы к сплочению и единству, КПК все же не представляла собой единого целого ни в идеологическом, ни в организационном отношении. В партии не было единства между центром и партийными организациями на местах, что отчетливо проявилось в ходе массовых политико-идеологических кампаний. Внутри ЦК КПК и парткомов различных ступеней не прекращалась борьба. Для партии была характерна идейная и политическая дезориентация как рядовых членов партии, так и кадровых партийных работников, их неспособность разобраться в обстановке, пассивность и нерешительность. В то же время внутри партии существовали оппозиционные настроения в отношении некоторых аспектов осуществляющегося курса и даже антимаоистская оппозиция.

Как показала практика внутриполитической борьбы в Китае, ни одной из группировок внутри китайского руководства, несмотря на интенсивную идеологическую обработку и репрессивные меры, все еще не удалось превратить КПК в полностью послушный инструмент осуществления их политики. В 1975 г. в КПК продолжала сохраняться та, чреватая кризисами, ситуация, которая была порождена в ней «культурной революцией» и годами последующей внутрипартийной борьбы.

Важнейшей опорой режима, как и прежде, оставалась армия, именуемая «главной составной частью государственной власти»¹². Китайское руководство все шире привлекало армию в качестве решающей силы для реализации своей политики и укрепления существующего режима.

¹¹ «Жэньминь жибао», 20.I.1975.

¹² «Жэньминь жибао», 2.IV.1975.

Армия в самых широких масштабах использовалась при развертывании политико-идеологических кампаний. В 1975 г. как «главная опора диктатуры пролетариата» она активно участвовала в проведении кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» и кампании за «повсеместное создание уездов дачжайского типа». Армия активно вмешивалась в экономическую жизнь страны. Политотделы военных округов осуществляли непосредственное руководство посевной и уборочной кампаниями в сельском хозяйстве.

Военные представители по-прежнему проводили «военный контроль» на многих промышленных предприятиях. Армия широко привлекалась для налаживания работы транспорта, подавления забастовок и выступлений рабочих в защиту своих жизненных прав и интересов. Представители армии занимали ключевые позиции в органах власти и общественных организациях. Так, в сформированном на 1-й сессии ВСНП Государственном совете военные составили около половины его состава. Многие государственные, партийные и военные посты были сосредоточены в руках одних и тех же лиц.

В то же время даже в армии продолжали существовать критические настроения, оппозиционные элементы. Об этом свидетельствовала чистка в армии, начатая еще раньше под видом «критики буржуазной военной линии Линь Бяо», а также получившая в 1975 г. широкий размах кампания по направлению многочисленных представителей кадрового состава в подразделения для прохождения службы в качестве рядовых¹³.

Основой внешнеполитического курса Пекина в 1975 г. по-прежнему были борьба за великодержавные, гегемонистские цели, борьба против социалистического содружества и антисоветизм. При этом китайское руководство, ведя разностороннюю деятельность против разрядки международной напряженности, считало подготовку к войне генеральным курсом партии и государства, закрепленным в последнем уставе КПК и в новой конституции КНР.

Настойчиво проводя политику сближения с наиболее агрессивными кругами на международной арене, выступая за возврат к политике «холодной войны», китайское руководство приложило максимум усилий, чтобы затормозить процесс разрядки, сорвать созыв Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, дискредитировать идею коллективной безопасности в Азии.

В то же время китайские руководители «наставляли» агрессивные круги Запада, призывая их крепить военное могу-

¹³ «Гуанши жибао», 13.VIII.1975; «Жэньминь жибао», 11; 12.VIII.1975.

щество и военно-политическое единство, отставить в сторону свои разногласия и противоречия и сосредоточить все усилия на борьбе против социалистического содружества, прежде всего — против Советского Союза. Как сообщало агентство Синьхуа, в мае 1975 г. Пекин предлагал следующую «рекомендацию»: «США должны пересмотреть и урегулировать свою внешнюю политику и стратегические планы, сосредоточить главное внимание и силы главным образом в районах, тесно связанных с интересами США и усилить соперничество с Советским Союзом в этих районах».

Стремление китайского руководства к оформлению антисоветских союзов особенно отчетливо сказалось в настойчивых попытках китайской дипломатии при подготовке к заключению «Договора о мире и дружбе» между КНР и Японией придать этому договору антисоветскую направленность, определенный «военный характер»¹⁴.

Антисоветизм как главное направление внешней политики был закреплен в материалах январской сессии ВСНП и новой Конституции КНР. В 1975 г. в китайской печати было опубликовано огромное количество клеветнических антисоветских материалов. Особенно неприглядной была позиция Пекина в связи с 30-й годовщиной Победы над гитлеровской Германией и милитаристской Японией, извращавшая и отрицавшая решающую роль советского народа и его Вооруженных Сил во II мировой войне.

Пропаганда продолжала твердить о существовании «угрозы агрессии с Севера», постоянно призывала «хорошо готовиться к войне против ревизионизма»¹⁵.

В течение всего 1975 г. китайское руководство проводило курс на преднамеренное ухудшение советско-китайских межгосударственных отношений, искусственно поддерживало состояние тупика на переговорах в Пекине по урегулированию пограничных вопросов, отказываясь от принятия конструктивных советских предложений.

Под флагом антисоветизма велась активная враждебная политика против всего социалистического содружества в целом с целью разрушить идеологические основы единства мировой социалистической системы, политические и экономические связи социалистических стран. Китайские руководители не переставали выступать с тезисом о том, что якобы «социалистический лагерь перестал существовать».

Открытая враждебность китайского руководства в отношении социалистического содружества ярко проявлялась в его грубых нападках на коллективные организации социали-

¹⁴ «Токкио Симбун», 22.IV.1975.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 11.X.1975.

стических стран — Совет Экономической Взаимопомощи и Организацию Варшавского Договора. Особенно активным нападкам подвергалась Комплексная программа социалистической экономической интеграции в рамках СЭВ. Выпады в адрес Варшавского Договора пополнились злостными утверждениями о его «угрозе» Южной Европе и странам Средиземного моря, о его «вмешательстве» во внутренние дела Португалии и Испании и т. п. Все это сопровождалось настойчивыми рекомендациями усиливать агрессивный блок НАТО, «укреплять союз с США с целью противостоять советской угрозе»¹⁶.

В 1975 г. представители КНР использовали трибуну ООН для новых атак на политику разрядки напряженности, для грубых антисоветских выступлений, подрыва единого антиимпериалистического фронта. Пекинские представители в ООН в 1975 г. снова выступили на Генеральной Ассамблее за ревизию Устава ООН и ликвидацию Совета Безопасности как действенного органа, предназначенного для поддержания международного мира и безопасности.

Все эти и многие другие факты свидетельствовали о том, что политика китайского руководства на международной арене в 1975 г. была направлена на раскол революционного, антиимпериалистического фронта, на противоборство с социалистическими странами, на подрыв дела мира.

Что касается позиции Советского Союза в отношении курса китайских руководителей, то она исчерпывающе была изложена Л. И. Брежневым на XXV съезде КПСС: «Если в Пекине возвратятся к политике, действительно основанной на марксизме-ленинизме, откажутся от враждебного социалистическим странам курса, станут на путь сотрудничества и солидарности с миром социализма, то это найдет соответствующий отклик с нашей стороны и откроется возможность для развития добрых отношений между СССР и КНР, отвечающих принципам социалистического интернационализма. Дело за китайской стороной»¹⁷.

¹⁶ «Жэньминь жибао», 16.VI.1975.

¹⁷ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, с. 13.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Территория — 9 597 520 кв. км (т. е. менее 25% площади Азии и около $\frac{1}{14}$ всей мировой суши). Протяженность страны в широтном направлении — 5700 км, в меридиональном — 3650 км.

Протяженность границ — 36,5 тыс. км, в том числе свыше 21,5 тыс. км по суше и около 15 тыс. км — морские границы; протяженность советско-китайской границы — 7518 км. Китай граничит с КНДР, СССР, МНР, Афганистаном, Индией, Непалом, Бирмой, Лаосом и ДРВ.

Поверхность страны — преимущественно гористая: $\frac{2}{3}$ территории расположено выше 100 м над уровнем моря и лишь $\frac{1}{6}$ территории — равнины. Самая высокая точка — вершина Джомолунгма (в Гималаях) — 8882 м.

Крупнейшие реки — Янцзы (5800 км), Хуанхэ (4845 км), Сицзян (2129 км).

Города КНР — столица — Пекин (население в 1970 г. — 7,6 млн.). Другие крупные города: Шанхай — 10,8 млн., Тяньцзинь — 6,9 млн., Шэньян (Мукден) — 2,8 млн., Ухань — 2,6 млн., Гуанчжоу (Кантон) — 2,5 млн., Чунцин — 2,4 млн., Нанкин — 1,75 млн., Харбин — 1,7 млн., Ляйда (Порт-Артур — Дальний) — 1,7 млн. (Население Пекина, Тяньцзиня и Шанхая исчислено, включая уезды, приписанные к этим городам центрального подчинения.)

*Оценка численности населения КНР, млн. человек**

1949 г. — 541,6	1958 г. — 659	1968 г. — 760
1950 г. — 551,9	1960 г. — 686	1969 г. — 772
1951 г. — 563	1961 г. — 692	1970 г. — 785
1952 г. — 574,8	1962 г. — 698	1971 г. — 797
1953 г. — 587,9	1963 г. — 702	1972 г. — 809
1954 г. — 601,7	1964 г. — 715	1973 г. — 820
1955 г. — 614,6	1965 г. — 729	1974 г. — 833
1956 г. — 627,8	1966 г. — 739	1975 г. — 844
1957 г. — 647	1967 г. — 750	

* Приведенные цифры не включают населения о-ва Тайвань. При подсчете численности населения КНР за основу взяты материалы переписи 1953 г., а также данные 1958—1960 гг.; в последующем учтены тенденции рождаемости и смертности по отдельным периодам. Различные оценки зарубежных специалистов-демографов откорректированы на основе методики, принятой в ИДВ АН СССР.

ПРИРОДНОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ КИТАЯ

В природном отношении Китай довольно четко делится на три крупных региона: Восточный — муссонный, Монголо-Синьцзянский — аридный и Цинхай-Тибетский — высокогор-

23466-1

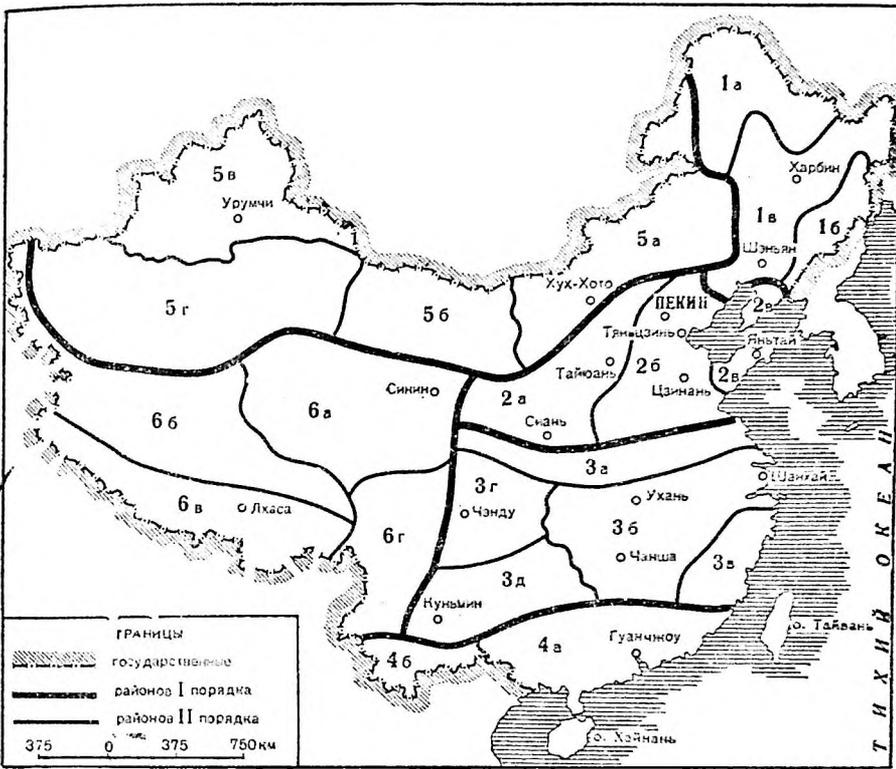

Схема 1. Природные районы КНР

ный, холодный. Эти регионы ограничены друг от друга ясно выраженными природными рубежами.

Широтная зональность проявляется в основном в Восточном муссонном районе, где можно более или менее отчетливо выделить определенную последовательность термических поясов. В западных частях страны преимущество остается за геоморфологическими факторами и связанной с ними вертикальной поясностью.

Природными условиями страны обусловлено соответствующее деление территории Китая на шесть основных физико-географических районов: Северо-Восточный, Северный, Центральный, Южный, Монголо-Синьцзянский и Цинхай-Тибетский. Детальное рассмотрение подрайонов (районов второго порядка) дано только для восточных, наиболее освоенных, частей страны, тогда как для западных, мало освоенных, частей Китайской Народной Республики подрайоны лишь обозначены (схема 1).

ЗООЛОГИЧЕСКОЕ
СТАЦИОНАРНОЕ
17

Восточная часть страны

В восточной части страны районы выделены преимущественно на основании показателей годовых сумм активных температур (выше $+10^{\circ}\text{C}$) с учетом показателей годового увлажнения.

1. Северо-Восточный Китай¹

Большая часть территории этого района лежит в пределах холодно-умеренного пояса с суммами активных температур ниже 3200° . Годовое количество осадков составляет 250—750 мм. Южная часть Северо-Восточного Китая (п-ов Ляодун и южная часть равнины Ляохэ) включены в границы Северо-Китайского района.

Характерными чертами климата этого района являются наиболее низкие (для восточной части страны) температурные показатели, относительно слабое воздействие муссонов, которые сюда доходят сильно ослабленными и потерявшими большую часть влаги, суровый зимний сезон с устойчивым снежным покровом и ледоставом на реках, теплый летний сезон.

Теплое лето позволяет выращивать хорошие урожаи сельскохозяйственных культур короткого вегетационного периода и даже таких теплолюбивых культур, как поливной рис. Северо-Восточный Китай богат естественными лесными массивами и служит одним из основных лесопроизводящих районов страны. Здесь преобладает богарное земледелие со сбором одного урожая в течение года. Северо-Восточный Китай имеет три подрайона.

Хинганский подрайон (1а) включает горные системы Большого и Малого Хингана. На этой территории расположены большие массивы естественных, преимущественно хвойных лесов (тайга) с подзолистыми почвами. Леса дают много высококачественной деловой древесины. Более половины года район покрыт снегом; ледостав ограничивает речное судоходство, но не препятствует подледному лову рыбы. Суровые природные условия сковывают развитие земледелия, которое ведется преимущественно в некоторых местах Малого Хингана. Основу хозяйственной деятельности составляют лесное хозяйство, промысловая охота. Северо-Западная часть этого района наиболее сурова с точки зрения температурных условий.

¹ Цифровые и буквенные обозначения районов и подрайонов соответствуют аналогичным индексам на прилагаемой картосхеме 1.

Подрайон Чанбайшань (1б) также характеризуется высоким процентом лесопокрытой площади и большим удельным весом лесного хозяйства. Однако благодаря более теплomu климату здесь относительно благоприятные условия для земледелия — возделывания сои, кукурузы, яровой пшеницы и в отдельных районах — риса. Местные реки богаты энергоресурсами (построено несколько ГЭС).

Равнина Сунляо (1в) — наиболее теплая область Северо-Восточного Китая, охватывает бассейны рек Сунгари и Ляохэ. Южная часть долины р. Ляохэ по своим природным условиям близка к районам Северного Китая. Помимо температурных показателей на равнине Сунляо большую роль играет рельеф местности. Так, например, чрезвычайно ровная поверхность бассейна р. Сунгари, обилие болот и топей создают опасность наводнения в периоды ливневых осадков в конце лета, когда местность на многие сотни гектаров заливают водой. Тем не менее это главный земледельческий район Северо-Восточного Китая. Здесь возделываются такие важные сельскохозяйственные культуры, как яровая пшеница, соя, кукуруза, лен, сахарная свекла, фрукты.

На плодородной равнине Сунляо сосредоточено большинство населения Северо-Восточного Китая. Богатые минеральные ресурсы в сочетании с гидроэнергоресурсами подрайона Чанбайшань, удобное транспортное положение способствуют превращению этого района в важнейшую промышленную базу Китая. Здесь находится широко развитая сеть железных и автомобильных дорог и водно-транспортных путей по рекам системы Амура, Сунгари и Ляохэ. Освоение крупных массивов пахотнопригодных целинных земель в этих местах не требует чрезмерно больших затрат на мелиорацию. Именно на этих массивах черноземных земель были организованы первые в Китае госхозы со значительной механизацией сельскохозяйственных работ.

2. Северный Китай

В этот район входит территория, расположенная между южной границей Северо-Восточного района — на севере и линией хребет Циньлин — р. Хуайхэ — на юге. Он охватывает Северо-Китайскую равнину и южную часть равнины Ляохэ, Лёссовое плато и низкогорья Шаньдуна и Ляодуна. Территория района находится в пределах умеренного и тепло-умеренного поясов, суммы активных температур составляют 3200—4500°, годовое количество осадков 500—750 мм. Характерно широкое распространение лёсса и аллювиальных почв, развитых на переложном лёссе.

Относительно холодная и сухая зима, когда прекращается вегетационный период, сменяется жарким и влажным летом. Климатические условия позволяют выращивать в течение года один урожай сельскохозяйственных культур в северной части района и три урожая за два года — в южной.

Территория Северо-Китайского района дренируется реками Хуанхэ, Хуайхэ, Юндинхэ, Ляохэ, Шухэ и др., большинство которых отличаются большим объемом твердого стока (высокая мутность воды). Преобладающие бурые и коричневые почвы и их разновидности довольно плодородны; некоторые участки земель (особенно в приморских районах) заселены. Северо-Китайский район является древней областью богарного земледелия, поэтому естественный растительный покров (листопадные леса и лесостепи) почти не сохранился; большая часть земель освоена под пашню. Однако в результате длительной распашки почвы подверглись значительным изменениям и для поддержания их плодородия требуется постоянное внесение органических и минеральных удобрений. Район делится на три подрайона.

Лёссовое плато (2а) отличается наличием мощных лёссовых отложений и широко распространенным процессом эрозии лёссовых толщ. Несмотря на значительное количество осадков (до 500 мм в год), эрозия лёссов и их высокая водопроницаемость делают эти районы довольно засушливыми. В силу этих причин земледелие возможно лишь в долинах рек и на пологих террасированных склонах лёссовых холмов. Основные сельскохозяйственные культуры — пшеница, чумиза, кукуруза, гаолян — возделываются на серо-бурых почвах (хэйлуту), сформировавшихся на лёссах и достаточно плодородных. Актуальной проблемой в этом подрайоне является борьба с эрозией лёссов и засухами.

Северо-Китайская равнина (2б), куда входит и южная часть равнины Ляохэ, представляет собой важнейшую житницу Китая и главный район богарного земледелия. Концентрированное выпадение осадков в жаркие летние месяцы весьма благоприятно для полеводства. Густая речная сеть позволяет противостоять частым засухам, однако она же служит источником сильных наводнений, особенно опасных при прорыве защитных береговых дамб. Проведенное здесь гидротехническое строительство (сооружение дамб, каналов, расчистка и спрямление речных русел) снизило размеры ущерба от стихийных бедствий, но не исключило их полностью.

Именно эта территория явилась колыбелью китайского государства, именно здесь за многие тысячелетия своей хозяйственной деятельности человек превратил естественные ландшафты в культурные. Бурые и коричневые почвы на

лессовидном аллювии достаточно плодородны при условии их постоянного удобрения и борьбы с засолением. Культивируются преимущественно пшеница и хлопчатник, а также соя, кукуруза, табак. Подрайон имеет густую сеть сухопутных и водных транспортных путей; много крупных городов и промышленных центров, основные из которых — Пекин и Тяньцзинь. Плотность населения высокая.

Шаньдун-Ляодунский подрайон (2в) включает территорию с невысокими горами, с удобными бухтами, изобилующими на побережье. Местные коричневые и бурые почвы обладают относительно высоким плодородием. Пашни находятся главным образом в долинах и на прибрежных равнинах; посадками некоторых культур заняты и пологие склоны гор и холмов. В посевах преобладают пшеница, соя, арахис, табак, хлопок. Повсеместно распространены фруктовые насаждения. Естественная растительность (листопадные леса умеренного пояса) почти не сохранилась. Экономическое значение этого подрайона во многом определяется его приморским положением. На побережье развито рыболовство и соляной промысел.

3. Центральный Китай

В физико-географическом отношении — это район, расположенный между хребтом Циньлин и р. Хуанхэ — на севере, хребтом Наньлин — на юге, Сычуаньский бассейн и Юньнань-Гуйчжоуское нагорье — на западе. Территория находится в пределах северной и средней части влажного субтропического пояса с суммами активных температур 4500—7000° и годовым количеством осадков от 750 до 1500 мм. Для климата его характерны очень высокие летние температуры (выше, чем в Южном Китае и Синьцзяне).

Центральный Китай в большей степени и более длительное время подпадает под воздействие влажного теплого летнего муссона. Сюда часто проникают тайфуны, причиняя значительный ущерб. Годовые колебания температуры и степени влажности не столь велики, как в Северном Китае, температура зимних месяцев, как правило, выше 0°, поэтому вегетация растений не прекращается и зимой.

Центральный Китай — типичный район поливного земледелия с преобладанием посевов риса. Однако и здесь ощущается переувлажнение летом и недостаток влаги в зимний период. В зависимости от особенностей рельефа выделяются равнина среднего и нижнего течения р. Янцзы, которая считается важнейшим рисопроизводящим районом Китая, и область холмов и низких гор, расположенных к югу от р. Ян-

цы и выходящих к морскому побережью. Природные условия Юньнань-Гуйчжоуского нагорья и Сычуаньской котловины («Красного бассейна»), замкнутой почти со всех сторон горами и возвышенностями, более специфичны. В данном районе собирают два урожая сельскохозяйственных культур в год; широко распространены дикие и культурные субтропические растения.

Река Янцзы — самая многоводная река Китая, с системой притоков и больших озер служит важнейшей транспортной артерией страны, доступной на сотни километров для плавания морских судов и дающей выход продукции внутренних районов Китая к морю и доступ промышленной продукции городов приморской части страны в глубь Китая.

В Центральном Китае выделяется пять подрайонов.

Циньлин-Ханьшуйский подрайон (3а) включает горы Циньлин и Дабашань, а также долину р. Ханьшуй (северный приток р. Янцзы). Характерная черта этого подрайона — теплая зима и влажное лето (средние температуры выше, чем в расположенном на одной широте с ним междуручье Янцзы и Хуайхэ).

Однако гористый рельеф этого подрайона ограничивает возможности освоения его под пашню, которая находится преимущественно в долинах притоков р. Ханьшуй. В горах сохранились естественные смешанные вечнозеленые и листопадные леса, дающие деловую древесину. На довольно плодородных желто-коричневых и желто-бурых почвах выращивают пшеницу и кукурузу.

Долина среднего и нижнего течения р. Янцзы (3б), являющаяся второй по величине равниной Китая, характеризуется сильной выровненностью поверхности в результате многовековой земледельческой деятельности населения, наличием густой гидрографической сети, которая включает как реки и озера, так и систему ирригационно-дренажных каналов и других гидротехнических сооружений.

Высокая степень окультуренности ландшафта выражена, в частности, в том, что типичная для этих мест естественная растительность (листопадные и вечнозеленые лиственные леса) практически сведена на нет, а распространенные здесь коричневые, желто-коричневые и желтозёмные почвы на $\frac{2}{3}$ территории равнины Янцзы заменены «рисовыми».

Наличие в междуручье Янцзы и Хуайхэ постепенного перехода от элементов умеренного пояса к субтропическому, приводит к сочетанию поливного земледелия с богарным. Основными культурами являются рис, пшеница и хлопчатник. Как правило, здесь собирают один урожай в год и лишь в некоторых районах в зимнее время — дополнительный урожай зерновых (пшеница, ячмень) или овощей.

Районы к югу от р. Янцзы — типичные субтропики с преимущественным развитием поливного рисосеяния, где получают два урожая сельскохозяйственных культур в год. Кроме риса, здесь культивируются хлопчатник, лубяные культуры (джут, рами), характерные для субтропиков цитрусовые; развито пресноводное рыболовство и рыбозаводство, а также шелководство. Густая речная сеть облегчает развитие водного транспорта.

Холмы и низкогорья Чжэцзяна и Фуцзяни (Зв) — подрайон с муссонным субтропическим климатом. Рельеф этой территории представляет собой сложное скопление низких гор и холмов, общее простирание которых с северо-запада на юго-запад. Распаханность земель невелика в силу гористости ландшафта, земледелие приурочено преимущественно к межгорным котловинам и узким полосам вдоль речных долин и морского побережья. Склоны невысоких гор и холмов использованы под посадки технических и плодовых субтропических культур. Преобладающие здесь желтоземы и красноземы и их горные разновидности позволяют выращивать два урожая в год. В посевах главное место занимает рис, разводятся чай и фрукты (цитрусовые).

Субтропические вечнозеленые муссонные леса дают возможность развивать лесное хозяйство.

На морском побережье имеется ряд удобных естественных бухт, в которых располагаются порты. Развит морской рыбный промысел.

Через эту территорию пролегают пути большинства тайфунов, обрушивающихся на китайское побережье и причиняющих большой материальный ущерб. Важной проблемой в этом подрайоне является борьба с эрозией желтоземов и красноземов и их мелнирация.

Сычуаньская котловина (Зг) — типичная межгорная котловина в среднем течении р. Янцзы, богатая природными ресурсами, важнейшая житница страны. Ввиду широкого распространения красноземов и фиолетовых почв ее часто называют «Красным бассейном».

Горное обрамление котловины защищает ее от внешних влияний и делает климат более ровным и мягким. Равнина Чэнду — район развитого орошаемого земледелия. В горах — вечнозеленые субтропические широколиственные леса. Горные склоны крутизной до 45° большей частью террасированы и используются в земледелии. Зимний сезон здесь гораздо теплее, минимальные показатели зимних температур не ниже —2°.

Летние муссоны, проникающие сюда по долине Янцзы, создают высокую увлажненность, но большая глубина речных русел практически исключает вероятность наводнений

(кроме равнины Чэнду). Реки богаты гидроэнергией. Теплый, мягкий климат в сочетании с развитой ирригационной сетью превратил Сычуаньскую котловину в крупнейший в Китае район субтропического сельского хозяйства. Летом почти все орошаемые земли заняты рисом, а зимой на них выращивается пшеница и зимние бобовые. Широко распространено выращивание citrusовых, масличных культур (тунг), табака, батата, сахарного тростника. Развито также свиноводство и шелководство. Богатые природные ресурсы (в том числе и минеральные), а также удобное транспортное положение способствовали возникновению крупных промышленных центров.

Юньнань-Гуйчжоуское нагорье (Зд) включает плато Гуйчжоу и Юньнаньское нагорье (юго-западные районы Юньнани относятся к тропическому поясу). Территория отличается сильной гористостью и слабой распаханностью. Для земледелия пригодны лишь отдельные участки межгорных долин и котловин. На плато Гуйчжоу очень широко распространены карстовые явления, вследствие его известнякового сложения. Карст затрудняет развитие земледелия, особенно поливного.

Юньнаньское нагорье имеет почвенный покров латеритного типа (разновидности красноземов). Во многих местах сохранилась естественная растительность — вечнозеленые субтропические леса со своеобразным животным миром. Подрайон менее подвержен воздействию муссонов, поэтому колебания основных показателей тепла и влаги не очень велики (мягкая зима и прохладное лето). Основными сельскохозяйственными культурами являются рис и кукуруза; развито лесное хозяйство, встречаются посевы пшеницы и посадки табака.

4. Южный Китай

В район Южного Китая входят области, лежащие к югу от важнейшего климатического рубежа — хребта Наньлин, а также юго-западная часть Юньнани, дренируемая реками, относящимися к бассейну Индийского океана. Эти территории характеризуются суммами активных температур 7000—8000° и годовым количеством осадков 1500—2000 мм. Хребет Наньлин в Южном Приморье и Юньнаньское нагорье в юго-западном районе Юньнани служат препятствиями на пути распространения холодных воздушных масс, приносимых с Севера зимним муссоном, и теплового влажного летнего муссона (с Тихого океана в Южном Приморье и с Индийского океана в Юньнани).

В Южном Китае уровень зимних температур и количество осадков достаточны для того, чтобы и в этот период за-

ниматься земледелием. Для Южного Китая характерно культивирование широкого ассортимента тропических технических и плодовых культур (сахарный тростник, различные виды пальм, гевея, кофе, бананы, ананасы и др.) и разработка богатств тропических и субтропических лесов. Бассейн р. Чжуцзян — один из важнейших сельскохозяйственных районов Китая. Важное место занимает речное и морское судоходство и рыбный промысел. Естественные бухты и речные эстуарии удобны для строительства морских портов. Тропические леса юго-западной Юньнани уникальны по составу флоры и фауны.

Южный Китай имеет два подрайона.

Южное Приморье (4а) включает территорию к югу от хребта Наньлин, дренируемую системой р. Чжуцзян, морское побережье Гуандуна и Гуанси и о-в Хайнань. Характеризуется высокими показателями температур и влажности в течение всего года. Наличие широко разветвленной, охватывающей почти всю территорию подрайона единой речной сети создает благоприятные условия для развития речного транспорта и ирригации. Верховья рек богаты гидроэнергией.

Почвы, представленные преимущественно красноземами и латеритизованными красноземами, отличаются повышенной кислотностью и относительно невысоким плодородием. Наиболее плодородны аллювиальные почвы в долинах и дельтах рек. Особо важное значение имеет дельта р. Чжуцзян, являющаяся основным массивом поливного рисосеяния и многоотраслевого сельского хозяйства. Естественная растительность представлена тропическими дождевыми лесами, муссонными дождевыми лесами, мангровой растительностью и саваннами. Горы и холмы ограничивают возможности расширения площади пашни.

Большой ущерб хозяйству причиняют наводнения в период ливневых осадков, а также тайфуны. Значительную опасность для тропических культур представляют зимние «волны холода», прорывающиеся через хребет Наньлин.

В земледелии распространена система получения двух последовательных урожаев риса в год (в крайних южных районах — до трех урожаев). Выращиваются также батат и другие зерновые, технические и плодовые культуры. Однако, помимо поливного рисосеяния, этот подрайон имеет и другую не менее важную специализацию в масштабах страны, обусловленную его природными условиями. Это — тропическое растениеводство, дающее такие виды растительного сырья, которые не выращиваются в других районах Китая, прежде всего сахарный тростник; по производству его подрайон занимает первое место в стране. Важную роль играет производство джута, рами, тропических фруктов, маслич-

ных культур (в том числе тропических эфиромасличных), ценных пород древесины и тропической лесной продукции, бамбука.

В бассейне р. Чжуцзян широко развито речное рыболовство, искусственное рыборазведение и отлов мальков.

В условиях Южного Приморья шелковица приносит шесть-восемь урожаев листьев в год, что дает возможность развивать шелководство в широких масштабах. Заложены опытные плантации гевеи и кофе. Судходство по рекам системы Чжуцзяна обеспечивает надежный товарообмен между отдаленными внутренними районами и побережьем. Значительные лесные запасы позволяют развивать целлюлозно-бумажную промышленность.

Юго-западная Юньнань (46) изолирована от влияния холодных зимних муссонов высокими нагорьями и горными хребтами и находится под воздействием муссонов Индийского океана, которые проникают сюда по долинам рек бассейна этого океана, простирающихся в меридиональном направлении. Довольно четко проявляется вертикальная поясность.

Территория обладает ровным, относительно мягким и влажным тропическим климатом. Здесь сохранилась типичная влаготропическая лесная растительность, характерная для тропиков Южной Азии, с богатейшей фауной, имеющей в своем составе немало эндемичных видов (например, большая и малая панды, ряд других животных).

Сельское хозяйство развито преимущественно по речным долинам. Основная продукция — рис, кукуруза, тропические культуры.

Западная часть

В этой части Китая районы выделяются преимущественно по геоморфологическому признаку.

5. Монголо-Синьцзянский район

Этот район представляет собой цепь плоскогорий и высоких равнин, простирающихся в виде дуги от Внутренней Монголии до крайних северо-западных центральноазиатских районов Китая. Горные системы, протянувшиеся с северо-востока на юго-запад, преграждают доступ влажных воздушных масс с Тихого океана, поэтому климат этого района отличается континентальностью, которая возрастает в широтном направлении. Этим объясняется увеличение засушливости и резкости годовых колебаний основных климатических показателей, а также постепенный переход от степей и сухих степей к полупустыням и каменистым (гоби) и песчаным (ша-

мо) пустыням. Лишь в северных частях Синьцзяна начинает ощущаться влияние теплых влажных воздушных масс, приносимых западными ветрами с Атлантического океана.

Район окружен крупными горными системами (Куньлунь, Наньшань, Большой Хинган, горы Джунгарии и др.). Континентальность климата обуславливает большие колебания годовых, месячных и суточных температур, что выражается в холодной зиме и жарком сухом лете, низких ночных и высоких дневных температурах. Количество атмосферных осадков не превышает 200 мм в год, снижаясь в некоторых районах до 5 мм. Реки, преимущественно ледникового питания, обычно или теряются в песках, или впадают в бессточные (чаще всего засоленные) озера. Почвы относятся к сероземно-пустынному ряду. Растительность в основном ксерофитная.

Поскольку природные условия Монголо-Синьцзянского района необычайно суровы, земледелие возможно здесь лишь при наличии искусственного орошения или в районах, имеющих источники воды. В восточных частях района, где осадков выпадает больше, возделывают некоторые засухоустойчивые культуры, в частности яровую пшеницу. На западе земледелие сосредоточено в отдельных орошаемых районах и оазисах (Иньчуань в Нинся-Хуэйском автономном районе, оазисы Синьцзян-Уйгурского автономного района), в которых кроме пшеницы выращивают хлопчатник, бахчевые культуры, фрукты.

В целом в этом районе больше развито скотоводство (как оседлое, так и кочевое) с преобладанием овцеводства, верблюдоводства и коневодства. Для выпаса скота служат как степи и сухие степи, так и горные пастбища. Именно скотоводство составляет основу хозяйства этого района и его специализацию в масштабах страны, хотя нельзя не отметить и важную роль нефтяных ресурсов и других минеральных богатств. Средняя плотность населения здесь невелика и крупные города крайне редки.

Ввиду малой освоенности этой территории нет необходимости подробно останавливаться на отдельных подрайонах, хотя они и отличаются друг от друга по ряду показателей. Эти подрайоны следующие (см. схему): Внутренняя Монголия и Лёссовое плато (5а); Ганьсу-Нинся (5б); Северный Синьцзян (5в); Южный Синьцзян (5г).

6. Цинхай-Тибетский район

Этот район, включающий Тибетское нагорье и нагорье Цинхай, расположен южнее Монголо-Синьцзянского района, однако ввиду преобладания значительно более высоких

гипсометрических уровней его природные условия гораздо суровее. Здесь преимущественно ландшафты холодной пустыни.

Горное обрамление, достигающее в отдельных вершинах 6000—8000 м, изолирует этот район от влажных океанических воздушных масс и обуславливает выпадение небольшого количества осадков. Тем не менее вследствие слабого испарения влаги (из-за низких температур) происходит накопление ее в многочисленных озерах, крупнейшим из которых является Кукунор (Цинхай).

Небольшая мощность почвенного слоя (во многих местах он полностью отсутствует) приводит к угнетенности растительности, к слабой выраженности зональности и ландшафтов. Наиболее распространены почвы холодных пустынь и горно-луговые.

В юго-восточных районах Тибетского нагорья, где по долинам рек, открытым на юг, проникают влажные южные ветры, отчетливее выражена вертикальная поясность. Земледелие развито лишь в долинах Южного Тибета (долина р. Цангпо, район Лхасы). В посевах преобладают «цинкэ» (голозерный ячмень), яровая пшеница, некоторые овощи.

В юго-восточных долинах Тибета благоприятный климат позволяет заниматься земледелием субтропического типа и лесным хозяйством. В остальных районах преобладает скотоводство (разведение яков, коз, овец).

Подрайоны Цинхай-Тибетского района следующие: Цинхайский (6а); Северо-Тибетский (6б); Долина р. Цангпо (6в); Долина юго-восточной окраины Тибета (6г).

Схема природного районирования Китая разработана автором на основании советских и китайских работ:

1. «Восточный Китай». М., 1955.
2. Мурзаев Э. М. Северо-Восточный Китай. М., 1955.
3. «Физическая география Китая». М., 1964.
4. Атлас Китайской Народной Республики по провинциям (Чжунхуа жэньминь гунхэго фэньшэи дитуцзи). Пекин, 1974.
5. Атлас мира (Шлице дитуцзи). Пекин, 1972.
6. Дэн Цзин-чжун. Предварительные исследования по районированию современного сельского хозяйства Китая (Чжунго нунье сяньчжуан цюйхуа чубу яньцзю). — «Дили сюэбао», 1963, т. 29, № 4, с. 265—280.
7. Жэнь Мэй-э, Ян Жэнь-чжан. Вопросы природного районирования Китая (Чжунго цзыжань цюйхуа вэньти). — «Дили сюэбао», 1961, т. 27, № 12, с. 66—74.
8. Ло Кай-фу. Проект физико-географического районирования Китая (Чжунго цзыжань дили цюйхуа цаоань). — «Дили сюэбао», 1954, т. 20, № 4.
9. Проект природного районирования Китая (Чжунго цзыжань цюйхуа цаоань). Пекин, 1956.
10. Хуан Бин-вэй. Комплексное природное районирование Китая (уточненный вариант) (Чжунго цзунхэ цзыжань цюйхуа цаоань сючжэнь). — «Кэсюэ тунбао», 1959, № 18, с. 594—602.

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ

В административно-территориальном делении КНР принята четырех-ступенчатая система: провинция (автономный район, город центрального подчинения) — округ (автономный район, аймак) — уезд (автономный уезд, хошун) — «народная коммуна».

1. Провинции (22)

- Аньхой (130 тыс. кв. км), административный центр — г. Хэфэй
Округа: Сусянь, Фуян, Люань, Чусянь, Чаоху (Чаосянь)², Уху, Хуэйчжоу (Тунси), Чичжоу (Гуйчи), Аньцин
Городские территории: Хэфэй, Тундин, Мааньшань, Хуайнань, Хуайбэй, Банбу
Городов³ — 8
Уездов — 70
- Ганьсу (530 тыс. кв. км) — г. Ланьчжоу
Округа: Динси, Цинъян (Сифэнчжэнь), Пинляя, Тяньшуй, Уду, Увэй, Чжапте, Цюцюань
Автономные округа: Линься-Хуэйский (Линься), Ганьнань-Тибетский (Хэцзо)
Городские территории: Ланьчжоу
Городов — 4
Уездов — 66
Автономных уездов — 6
Хошунов⁴ — 2
- Гуандун (220 тыс. кв. км) — г. Гуанчжоу (Кантон)
Округа: Мэйсянь, Шаньтоу, Хуэйян (Хуэйчжоу), Шаогуань, Фошань, Чжаоцзи, Чжаньцзян
Автономные округа: Хайнань-Ли-Мяоский, подчинен Хайнаньскому административному району (Хунцичжэнь, бывш. Тунши)
Административный район: Хайнаньский (Хайкоу)
Городские территории: Гуанчжоу
Городов — 10
Уездов — 94
Автономных уездов — 3
- Гуйчжоу (170 тыс. кв. км) — г. Гуйян
Округа: Тунжэнь, Цзунь, Аньшунь, Синъян, Люпаньшуй (Шуйчэнь), Хуанзе
Автономные округа: Цяннань-Бун-Мяоский (Дуюнь), Цянь-дуннань Мяо-Тунский (Кайли)
Городские территории: Гуйян
Городов — 4
Уездов — 70
Автономных уездов — 9
- Ляонин (230 тыс. кв. км) — г. Шэньян
Округа: Шэньян (Телин), Чаоян, Ляонань (Гайсянь), Цзиньчжоу
Аймаки: Чжоуда (Чифэй)
Зона непосредственного подчинения провинции — 1
Городские территории: Шэньян, Фушунь, Бэньси, Ляоян, Аньшань, Дандун, Люйда, Цзиньчжоу, Фусинь, Инкоу

² В скобках указаны названия административных центров, не совпадающие с названиями соответствующих административных единиц.

³ Здесь и далее указывается число городов непосредственного подчинения провинциям, автономным районам, округам, национальным округам, аймакам. В число городов непосредственного подчинения включены и городские территории, указанные отдельно.

⁴ Хошун по административному статусу соответствует уезду.

- Городов — 11
 Уездов — 44
 Автономных уездов — 2
 Хошунов — 7
 Сычуань (560 тыс. кв. км) — г. Чэнду
 Округа: Ваньсянь, Дасянь, Фулин, Наньчун, Мьяньян, Вэньцзян, Нэйцзян, Цзинцзинь (Юнчуань), Ибинь, Сичан, Янь, Лэшань
 Автономные округа: Ганьцзы-Тибетский (Кандин), Ляншань-Иский (Чжаоцзяо), Аба-Тибетский (Маркан)
 Городские территории: Чэнду, Чунцин, Цыгуан, Дукоу
 Городов — 9
 Уездов — 181
 Автономных уездов — 3
 Фуцзянь (100 тыс. кв. км) — г. Фучжоу
 Округа: Путянь, Ниндэ, Цзиньцзян (Цюаньчжоу), Луши (Чжапчжоу), Лунъянь, Саньмин, Цзяньян
 Городские территории: Фучжоу, Сямынь
 Городов — 6
 Уездов — 60
 Хубэй (180 тыс. кв. км) — г. Ухань
 Округа: Сяогань, Хуанган, Сяньнин (Вэньчжоань), Ичан, Цзинчжоу (Цзянлин), Сянъян (Сяньфань), Эньши, Юаньян (Шиянь)
 Городские территории: Ухань, Хуанши, Шиянь
 Городов — 6
 Уездов — 73
 Хунань (210 тыс. кв. км) — г. Чанша
 Округа: Сянтань, Юэян, Хэнъян, Чэньчжоу (Чэньсянь), Линлин, Шасян, Цяньян, Или, Чандэ.
 Автономные округа: Сянси-Туцзя-Мяоский (Цзэншоу)
 Городские территории: Чанша, Чжучжоу
 Городов — 8
 Уездов — 85
 Автономных уездов — 4
 Хэбэй (183 тыс. кв. км) — г. Шинцзячжуан
 Округа: Чжанцзякоу, Чэндэ, Таншань, Ланфан (Аньцы), Цаньчжоу (Цаньсянь), Баодин, Шинцзячжуан, Хэншуй, Синтай, Ханьдань
 Городов — 9
 Уездов — 137
 Автономных уездов — 2
 Хэйлунцзян (710 тыс. кв. км) — г. Харбин
 Округа: Хэцзян (Цзямусы), Муданьцзян, Сунхуацзян (Харбин), Ичунь, Суйхуа, Нуньцзян (Цицикар), Хэйхэ (Айхунь), Большой Хинган (Цзякэдацзи).
 Аймаки: Хулун-Буир (Хайлар)
 Городские территории: Харбин, Аньда, Цицикар (включая г. Нянцзышань), Цзиси, Шуанъяшань, Хэган
 Городов — 12
 Уездов — 63
 Автономных уездов — 1
 Хошунов — 9
 Автономных хошунов — 3
 Хэнань (160 тыс. кв. км) — г. Чжэнчжоу
 Округа: Кайфын, Аньян, Шанцю, Чжоукоу (Шаншуй), Синьян, Чжумадянь, Наньян, Лоян, Сюйчан, Синьсян
 Городские территории: Чжэнчжоу, Кайфын, Лоян, Пиндиншань
 Городов — 14
 Уездов — 110
 Цзилинь (Гирин) (290 тыс. кв. км) — г. Чанчунь

- Округа: Сыпин, Тунхуа, Байчэн
 Автономные округа: Яньбань-Корейский (Яньцзи)
 Аймаки: Джирим (Тунляо)
 Городские территории: Чанчуль, Цзилинь (или Гирич)
 Городов — 10
 Уездов — 39
 Автономных уездов — 2
 Хошунов — 7
- Цзянси (160 тыс. кв. км) — г. Наньчан
 Округа: Шанжао, Фучжоу, Ганьчжоу, Цзинганшань (Цзиань), Ичунь,
 Цзюцзян
 Городские территории: Наньчан, Цзиндэчжэнь, Пинсян
 Городов — 8
 Уездов — 80
- Цзянсу (100 тыс. кв. км) — г. Нанкин (Наньцзин)
 Округа: Чжэньцзян, Сучжоу, Наньтун, Яньчэн, Хуайинь (Цинцзян),
 Сюйчжоу, Янчжоу.
 Городские территории: Нанкин, Чанчжоу, Наньтун, Сюйчжоу, Уси,
 Сучжоу, Ляньюньган
 Городов — 11
 Уездов — 64
- Цинхай (720 тыс. кв. км) — г. Синин
 Автономные округа: Хуаннань-Тибетский (Тунжэнь), Хайбэй-Тибет-
 ский (Мэньюань), Хайнань-Тибетский (Гунхэ), Голо-Тибетский
 (Мачи), Юйшу-Тибетский (Юйшу), Хайси-Монголо-Тибетско-Казах-
 ский (Дэлинха)
 Зона непосредственного подчинения провинции — 2
 Городские территории: Синин
 Городов — 1
 Уездов — 32
 Автономных уездов — 5
- Чжэцзян (100 тыс. кв. км) — г. Ханчжоу
 Округа: Цзяси (Уси), Шаосин, Нинбо, Тайчжоу (Линьхай), Вэнь-
 чжоу, Лишуй, Цзиньхуа, Чжоушань (Динхай).
 Городские территории: Ханчжоу, Нинбо, Вэньчжоу
 Городов — 3
 Уездов — 65
- Шаньдун (150 тыс. кв. км) — г. Цзинань
 Округа: Яньтай, Чанвэй (Вэйфан), Линь, Цзинин, Хэйцзэ, Ляочэн,
 Дэчжоу, Хуэйминь (Биньсянь), Баоань
 Городские территории: Цзинань, Цзыбо, Циндао, Цзаочжуан
 Городов — 9
 Уездов — 106
- Шаньси (150 тыс. кв. км) — г. Тайюань
 Округа: Яньбэй (Датун), Синьсянь, Цзиньчжун (Юйцы), Линьфэнь,
 Юньчэн, Цзиньдуннань (Чанчжи), Люйлян (Лиши)
 Городские территории: Тайюань
 Городов — 7
 Уездов — 97
- Шэньси (190 тыс. кв. км) — г. Сиань
 Округа: Вэйнань, Шанло (Шансянь), Анькан, Ханьчжун, Сяпянь,
 Яньань, Юйлинь
 Городские территории: Сиань, Тунчуань, Баоцзи
 Городов — 5
 Уездов — 93
- Юньнань (380 тыс. кв. км) — г. Куньмин
 Округа: Лицан, Сымоу, Юйци, Баошань, Лицзян, Шаотун, Цюйцзин
 Автономные округа: Вэньшань-Чжуан-Мяоский (Вэньшань), Хунхэ-
 Хани-Иский (Гэцзю), Сишунбаньна-Тайский (Цзинхун), Дэхун-

Тай-Цзиньпоский (Луен), Дали-Байский (Сягуань), Нунцзин-Лису-
ский (Бицзян), Дицин-Тибетский (Чжундянь), Чусюн-Иский
(Чусюн)

Городские территории: Куньмин, Дунчуань
Городов — 4
Уездов — 106 (и одно село уездного уровня)
Автономных уездов — 15
Всего в КНР насчитывается 22 провинции (в том числе Тайвань).

2. Автономные районы (5)

Внутренняя Монголия (400 тыс. кв. км) — г. Хух-Хого
Аймаки: Баян-Нор (Линьхэ), Икэчжао (Дуншэи), Уланцаб (Цзиннин),
Силлигол (Сили-Хото)

Городские территории: Хух-Хого, Баотоу

Городов — 6

Уездов — 16

Хошунов — 27

Гуанси-Чжуанский автономный район (230 тыс. кв. км)

Округа: Наньнин, Циньчжоу, Юйлинь, Учжоу, Лючжоу, Гуйлинь,
Хэци, Байсэ

Городские территории: Наньнин, Учжоу, Гуйлинь, Лючжоу, Бэйхай

Городов — 6

Уездов — 72

Автономных уездов — 8

Нинся-Хуэйский автономный район (170 тыс. кв. км) — г. Иньчуань

Округа: Гуянь, Иньбэй (Даукоу), Иньнань (Учжун)

Городские территории: Иньчуань, Шинцзюйшань

Зона непосредственного подчинения автономному району — 1

Городов — 2

Уездов — 16

Хошунов — 1

Синьцзян-Уйгурский автономный район (1600 тыс. кв. км) — г. Урумчи

Округа: Хами, Аксу, Хотан, Алтай, Чугучак, Кашгар

Автономные округа: Баянгол-Монгольский (Курля), Чанцзи-Хуэйский
(Чанцзи), Казылсу-Киргизский (Артуш), Или-Казахский (Кульджа)
и Боротала-Монгольский (Боротала)

Городские территории: Урумчи, Карамай

Зона непосредственного подчинения автономному району — 1

Городов — 4

Уездов — 74

Автономных уездов — 6

Тибетский автономный район (1200 тыс. кв. км) — г. Лхаса

Округа: Чамдо, Нагчу, Ари (Шинцюаньхэ), Шигацзе, Лходраг или
Шаньянь (Цзэдан)

Городские территории — Лхаса

Уездов — 71

Городов — 1

3. Города центрального подчинения (3)

Пекин (Бэйцзин) — столица КНР

Городских районов — 8

Уездов — 9

Тяньцзинь

Городских районов — 12

Уездов — 5

Шанхай

Городских районов — 10

Уездов — 10

Изменения в административном делении КНР

Анализ данных, опубликованных в последнее время в КНР (см. «Атлас Китайской Народной Республики по провинциям», «Туристические карты Китая») ⁶, позволяет выявить некоторые изменения в административном делении КНР. Эти изменения коснулись лишь некоторых административных единиц, тогда как общие принципы административно-территориального устройства сохранены прежними.

Основным изменением в административном делении КНР следует считать расширение городской территории города центрального подчинения Тяньцзиня и ее смыкание с городской территорией города центрального подчинения Пекина. Расширение территории г. Тяньцзиня произведено главным образом в северо-западном направлении за счет включения в нее пяти уездов из состава округа Аньцы пров. Хэбэй. Таким образом, территория Тяньцзиня с включенными в нее сельскими уездами увеличилась с 4 тыс. кв. км до 11 тыс. кв. км, а население — с 4 млн. 280 тыс. до 6 млн. 280 тыс.

Основной целью расширения территории г. Тяньцзиня, очевидно, в первую очередь, является укрепление продовольственной базы города за счет развития в прилегающих к нему районах интенсивного земледелия. Возможно, такое изменение связано с проблемами освоения новых нефтяных и газовых месторождений зоны Бохайского залива. Не исключено также, что это первый шаг на пути создания Пекин-Тяньцзиньской городской агломерации.

Число провинций (автономных районов) и городов центрального подчинения осталось прежним, но число округов, аймаков и автономных округов, уездов и городов окружного и провинциального подчинения в отдельных провинциях изменилось: пять уездов из пров. Хэбэй были включены в границы г. Тяньцзиня; по одному уезду — в провинции Шаньси и Чжэцзян; на один уезд меньше стало в провинции Хэйлуцзян. Число городов провинциального и окружного подчинения возросло с четырех до семи в пров. Шаньси и с четырех до пяти в пров. Шэньси. (Провинция Хэнань, в 1970 г. входившая в состав Восточного Китая, в настоящее время относится к Центральному Китаю.)

Все указанные изменения в приведенном выше административно-территориальном делении учтены.

⁶ «Чжунго дитуцэ», Пекин, июнь 1974; «Чжунхуа жэньминь гунхэго фэньшэнь дитуцэ», Пекин, октябрь 1974; «Чжунго люйсин юлань ту», Шанхай, декабрь 1974.

НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ КНР

В начале 1975 г. государственная система КНР получила некоторое подобие законодательного оформления: 1-я сессия Всекитайского собрания народных представителей четвертого созыва приняла 17 января новую конституцию КНР. Она заменила конституцию 1954 г., которая была фактически отменена «культурной революцией», когда была подвергнута слому основанная на ней система государственных органов, попораны конституционные права граждан, парализована деятельность других конституционно-правовых институтов. Новая конституция не только оформила политический режим военно-бюрократической диктатуры, но и закрепила антинародную, антисоциалистическую политику китайского руководства.

Сессия ВСНП, принявшая указанную конституцию, откладывалась в течение длительного времени. Такая отсрочка была связана с обострением внутривнутриполитической борьбы в КНР в ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» и объяснялась сложностью решения организационно-кадровых вопросов при подготовке нового состава органов государственной власти и государственного управления (см. схему 2).

* * *

При формировании состава ВСНП четвертого созыва (2885 депутатов) вместо всеобщих выборов проводились так называемые «демократические консультации» — специфический метод подбора кандидатур вышестоящими партийно-административными органами при формальном согласовании с нижестоящими организациями.

Официальным заседаниям 1-й сессии ВСНП четвертого созыва, проходившим в обстановке строгой секретности с 13 по 17 января 1975 г. в Пекине, предшествовали не менее секретные подготовительные заседания (5—11 января), на которых депутатов ознакомили с содержанием проектов основных документов сессии. Эти проекты были утверждены состоявшимся одновременно (8—10 января 1975 г.) плену-

мом ЦК КПК и еще ранее согласованы и одобрены пекинским руководством, предопределившим также и все назначения на высшие государственные посты.

Доклад о проекте новой конституции КНР, официально называвшийся «Докладом о внесении изменений в конституцию», сделал видный представитель группировки «левых» Чжап Чунь-цяо¹, назначенный затем заместителем премьера Государственного совета КНР и начальником Главного политического управления Народно-освободительной армии Китая.

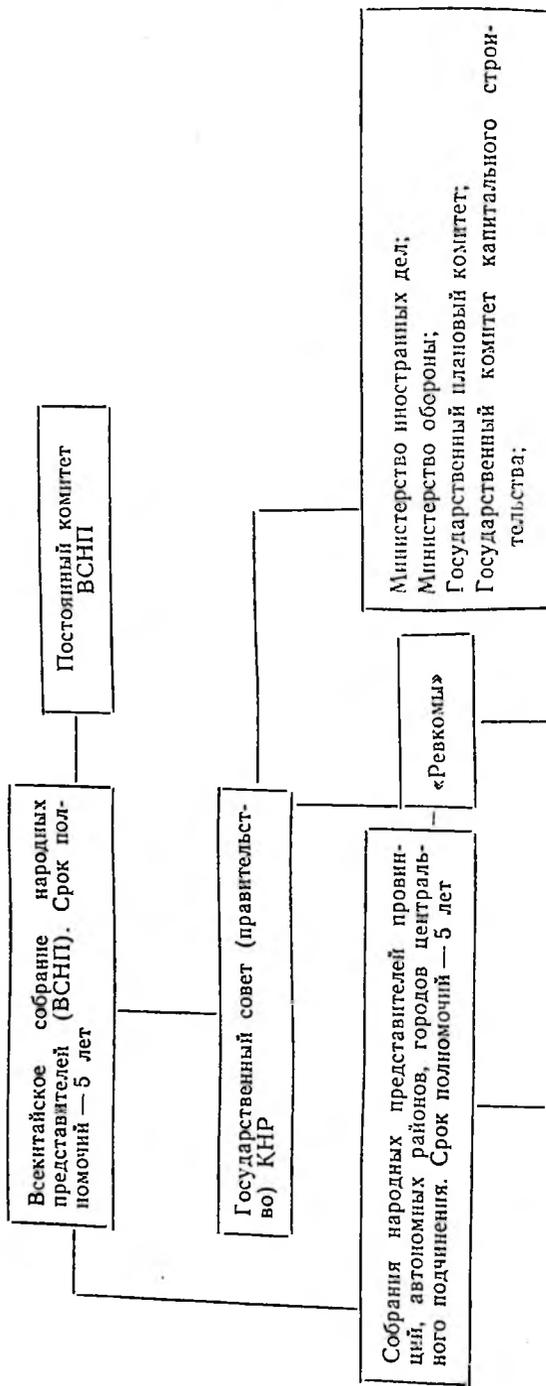
Представляя проект новой конституции на сессии ВСНП, Чжап Чунь-цяо утверждал, что он «есть продолжение и развитие конституции 1954 г.», основные принципы которой якобы «применимы и по сей день». Однако при сравнении текстов двух конституций общими оказывались лишь схемы их построения (введение и четыре главы), а по содержанию они в корне отличны друг от друга. Число статей сократилось со 106 до 30 именно за счет тех разделов, которые требуют подробного правового регулирования: государственная структура, основные права и обязанности граждан. Глава «Государственная структура» новой конституции содержит 10 статей вместо 64, а в главе «Основные права и обязанности граждан» осталось только 4 статьи из прежних 19. Сокращению подверглась и глава «Общие положения», которая теперь стала носить исключительно декларативный характер.

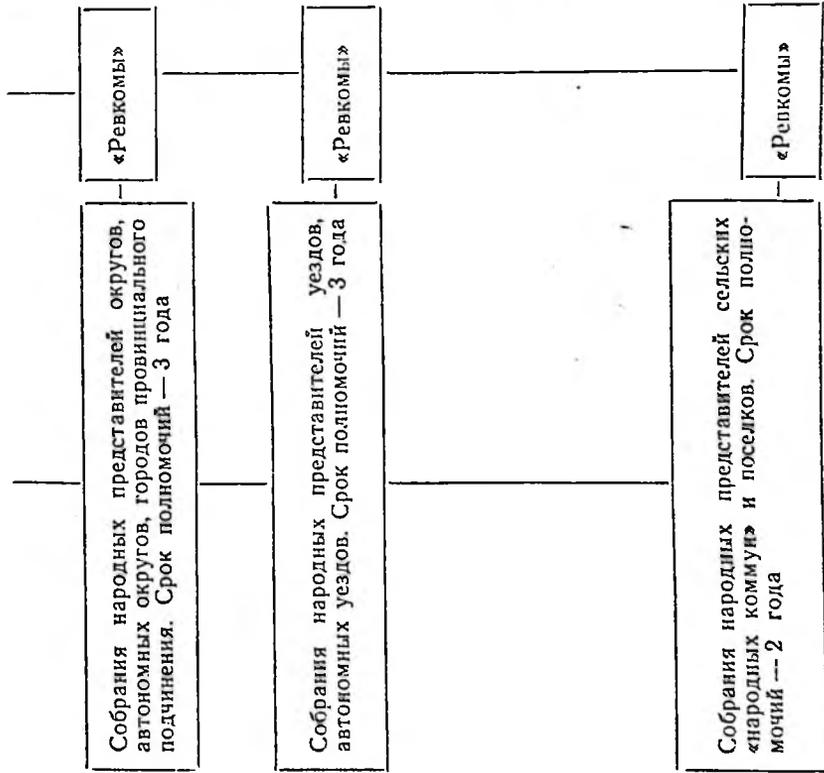
Но суть не в краткости нового основного закона КНР, а в изменении существа его главных положений. В преамбуле конституции КНР 1954 г. ее действие было отнесено к переходному периоду — «от создания Китайской Народной Республики до построения социалистического общества». С этим временем было связано и осуществление закрепленной в конституции (1954 г.) генеральной линии Коммунистической партии Китая, предусматривающей «постепенное уничтожение системы эксплуатации и построение социалистического общества» на основе «социалистической индустриализации и социалистических преобразований».

Конституция 1975 г., провозглашая «великие победы в социалистической революции и социалистическом строительстве», рассматривает социализм почти исключительно в свете «классовых противоречий» и «классовой борьбы», а также «опасности реставрации капитализма», спасти от которой может якобы только последовательное проведение в жизнь тезиса о «теории и практике продолжения революции при диктатуре пролетариата». На деле это означало не что иное,

¹ «Жэньминь жибао», 20.I.1975.

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
и ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КНР
по Конституции 1975 г.

- Министерство общественной безопасности;
- Министерство внешней торговли;
- Министерство внешних экономических связей;
- Министерство сельского и лесного хозяйства;
- Министерство металлургической промышленности;
- 1-е Министерство машиностроения
- 2-е Министерство машиностроения
- 3-е Министерство машиностроения;
- 4-е Министерство машиностроения;
- 5-е Министерство машиностроения;
- 6-е Министерство машиностроения;
- 7-е Министерство машиностроения.
- Министерство угольной промышленности;
- Министерство нефтяной и химической промышленности;
- Министерство водного хозяйства и электроэнергетики;
- Министерство легкой промышленности
- Министерство железных дорог
- Министерство коммуникаций;
- Министерство финансов;
- Министерство торговли;
- Министерство культуры;
- Министерство просвещения;
- Министерство здравоохранения;
- Комитет по делам физкультуры и спорта

как узаконение расправ с политическими и идейными противниками, якобы «идущими по капиталистическому пути».

Новая конституция маоистов фиксировала отказ от введения в жизнь принципов национального равноправия, фактически закрепляя курс на дальнейшую ассимиляцию не-китайских национальностей КНР. В отличие от конституции 1954 г. она не определяла автономные права национальных районов, а «органы самоуправления» устанавливала в формах, характерных для обычных административно-территориальных единиц, т. е. по своему правовому положению они сводились к последним. В нее не включено положение прежней конституции о том, что «в ходе экономического и культурного строительства государство будет проявлять заботу о нуждах всех национальностей, а в вопросах социалистических преобразований в полной мере учитывать особенности их развития»², так как оно в полной мере противоречило великоханьской, шовинистической политике китайского руководства.

Духом маоистского великодержавного, шовинистического курса в сочетании с демагогией пронизаны и положения внешнеполитической программы, содержащиеся в конституции 1975 г. Из нее полностью исключены принципиальные положения об «отношениях нерушимой дружбы с великим Союзом Советских Социалистических Республик» и другими социалистическими странами. Вместо этого содержится призыв к борьбе против «социал-империализма», под которым, как известно, подразумевается первое в мире социалистическое государство. В конституции содержится демагогическая фраза о необходимости «укреплять сплоченность с социалистическими странами», из числа которых исключают Советский Союз и целый ряд других стран социализма.

В новом основном законе закреплена также гегемонистская претензия великоханьских националистов «внести сравнительно большой вклад в дело человечества». Предлагая странам иного общественного строя «мирное сосуществование» на основе пяти принципов, перечисленных в конституции, китайское руководство в то же время ориентировало китайский народ на подготовку войны. При этом полностью был предан забвению тезис конституции КНР 1954 г. о том, что «борьба за благородные цели мира во всем мире и прогресса человечества является неизменным курсом» КНР в международных делах³.

² «Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики». М., 1955, с. 30.

³ Там же, с. 31.

В конституции содержатся ложные тезисы, будто политический режим, созданный в результате «культурной революции», характеризует «социалистическое государство диктатуры пролетариата, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян», а рабочий класс осуществляет руководство государством через Коммунистическую партию Китая. Однако эти важнейшие положения основного закона, определяющие социальную сущность государства, противоречили реальной действительности. В условиях военно-бюрократического режима ведущая роль рабочего класса утрачена. Он не только фактически отстранялся от власти, но служил объектом подавления. В частности, рабочий класс Китая явился одним из объектов начатой вскоре после обнародования новой конституции в феврале 1975 г. кампании «изучения теории диктатуры пролетариата». В установочных материалах этой кампании было прямо заявлено, что рабочий класс якобы порождает «новые буржуазные элементы», и опубликовано «новейшее указание председателя Мао» относительно угрозы «распространения буржуазных взглядов в среде пролетариата»⁴.

«Буржуазные нравы» были усмотрены в «материальной заинтересованности» рабочих в результатах своего труда, стремлении к лучшей жизни. Как известно, наращивание антирабочей кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» привело летом 1975 г. к серьезным вспышкам недовольства китайского рабочего класса. Особенно сильное сопротивление оказали рабочие Ханчжоу (пров. Чжэцзян). Для подавления рабочих забастовок в этот город были введены воинские части, которые затем остались для надзора на предприятиях. В этих событиях выявилась истинная сущность военно-бюрократической диктатуры.

В современном Китае подорван и классовый союз рабочих с основной массой крестьян. Пытаясь объединить «весь народ» для реализации создания мощной милитаризованной сверхдержавы, китайские руководители извратили классовые интересы рабочего класса и крестьянства, противопоставили «общегосударственный интерес» военно-бюрократической диктатуры интересам союза рабочих и крестьян.

Они заигрывали с крестьянством (с его наиболее отсталой, обездоленной частью), противопоставляя его рабочему классу, ставя его выше пролетариата по «степени революционности». На деле город обособлялся от деревни, рабочий класс от крестьянства. Социальные антагонизмы между городом и деревней возникали ввиду бессистемной массовой переброски то сельских жителей в города (период «большо-

⁴ «Жэньминь жибао», 1.III.1975.

го скачка»), то городских жителей на постоянное жительство в деревню (во время и после «культурной революции»).

Китайские лидеры систематически проводили политику раскола рабочего класса и крестьянства, для чего, например, среди рабочих обнаруживали «новые буржуазные элементы», а в деревне — особый слой «бедняков и низших середняков», причем делалось это более чем через 20 лет после сплошного кооперирования сельского хозяйства. Такая политика была направлена на предотвращение единых действий рабочего класса и крестьянства против существовавшего режима и ничего общего с диктатурой пролетариата не имела.

* * *

Декларированная новой конституцией «диктатура пролетариата» — фактически не что иное, как диктатура партийного вождя, к режиму личной власти которого приспособлен весь политический механизм.

Лидеры КНР не скрывали, что «единое руководство всем государством» со стороны партии понимается ими как необходимость для всех «выполнять указание председателя Мао»⁵, во всем следовать «идеям Мао Цзэ-дуна» и его «революционной линии»⁶. Для того чтобы гарантировать «централизованное, единое руководство» партийного вождя, существует специальный механизм воздействия на органы государства и общество в целом, дабы не допустить выхода партийно-государственного аппарата и народа из-под контроля «вождя».

Во-первых, устав КПК требовал многократного проведения политических переворотов типа «культурной революции», в ходе их председатель ЦК уполномочен создавать по своему усмотрению «компактные и оперативные органы, которые в едином порядке ведут текущую работу партии, правительства и армии» (ст. 9) и являются единственными руководящими инстанциями для «всей партии и всей страны». В конституции (ст. 10) содержится указание на то, что государству следует осуществлять «курс на ведение революции, который соответствует доктрине Мао Цзэ-дуна о «продолжении революции при диктатуре пролетариата». Именно такой призыв прозвучал в «Докладе о внесении изменений в конституцию КНР» Чжан Чунь-цяо.

Известно, что маоистская «теория перманентной революции» обосновывалась необходимостью регулярного подавления противников под видом ведения «классовой борьбы»

⁵ «Жэньминь жибао», 21.III.1975.

⁶ «Хунши», 1972, № 11.

против «буржуазии». Закрепление в партийном уставе и конституции права на «продолжение революции» фактически означало, таким образом, предоставление возможности беспрепятственно осуществлять карательные акции в отношении тех, кто так или иначе не согласен с «идеями» и политическим «курсом» Мао Цзэ-дуна.

Во-вторых, лозунг «единого партийного руководства» дополнен маоистским девизом «партия командует винтовкой», что практически означало, что вооруженные силы (армия и ополчение) остаются главной опорой режима. Являясь, согласно новой конституции, главнокомандующим вооруженными силами страны, председатель ЦК КПК по должности возглавляет Военный совет ЦК. Это делает его фактически бесконтрольным в решении вопросов войны и мира, в определении судеб китайской нации. Следует отметить, что эти функции не включены конституцией в сферу компетенции Всекитайского Собрания народных представителей (ст. 17), а, значит, оставлены на усмотрение председателя ЦК КПК.

В-третьих, для решения «вождем» многих государственных дел в обход органов партии и государства использовалась «линия масс», закрепленная в новой конституции КНР. При этом исходили из тождества диктатуры пролетариата и диктатуры масс⁷, относя к «массам», или «народу», все «классы, прослойки и общественные группы», которые принимают и поддерживают «линию Мао Цзэ-дуна», в том числе и национальную китайскую буржуазию, пользующуюся, как известно, особыми привилегиями в Китае.

Таким образом, декларированная в конституции «диктатура пролетариата» на деле оказывалась диктатурой партийного «вождя», способного действовать в обход органов государства.

В этих условиях конституционные органы государства приобретали второстепенное значение, а потому их полномочия изложены в конституции 1975 г. нечетко, в общих чертах, что создавало большие возможности для произвольного толкования и применения положений конституции. Между тем конституция КНР 1954 г. регулировала основные принципы организации и деятельности органов государственной власти, государственного управления, суда и прокуратуры.

Помимо конституции КНР, правовое положение и порядок деятельности этих органов регулировались ранее пятью органическими законами: об организации Всекитайского Собрания народных представителей, Государственного совета, местных собраний народных представителей и народных комитетов, органов суда и прокуратуры. В 1975 г. органические

⁷ «Жэньминь жибао», 1.IV.1975.

законы ВСНП не принимались. Схематичное изложение полномочий органов государственной власти и государственного управления КНР в конституции 1975 г. фактически означало сужение полномочий этих органов. Так, значительно сужены полномочия ВСНП, провозглашенного «высшим органом государственной власти» (ст. 16). Исключено положение о том, что ВСНП является «единственным органом, осуществляющим законодательную власть в стране» (ст. 22 конституции КНР 1954 г.), осуществляющим контроль за проведением в жизнь конституции (ст. 27, п. 3 конституции 1954 г.).

Права ВСНП по формированию других высших органов государства сведены новым основным законом только к назначению и освобождению от должности премьера Государственного совета и других лиц, входящих в его состав. В конституции даже не зафиксирована ответственность и подотчетность Постоянного комитета перед ВСНП, ничего не говорится об исключительной компетенции ВСНП в решении вопросов войны и мира, амнистий, а также государственного устройства.

В новой конституции КНР формально провозглашалось положение о том, что ВСНП «также выполняет другие функции, которые оно считает необходимым взять на себя» (ст. 17). Однако согласно статье 16-й ВСНП находится под организационным «руководством Коммунистической партии Китая». Между тем, как сказано выше, партия подчинялась в конечном итоге воле председателя ЦК, наделенного особыми полномочиями. Тем самым принятие важнейших государственных решений, в том числе по вопросам войны и мира, оставлено на усмотрение «вождя», а не Всекитайского Собрания народных представителей.

Основной закон государства не содержит положений о правах и обязанностях депутатов ВСНП, согласно которым депутатам предоставлено право обращаться с запросами в Государственный совет КНР, министерства, госкомитеты и комиссии, а на эти органы возлагается организационно-правовая обязанность давать ответы. Ничего не говорится и о депутатской неприкосновенности, т. е. о том, что депутат ВСНП не может быть арестован или привлечен к судебной ответственности без разрешения ВСНП или его Постоянного комитета. Отсутствие подобного положения в основном законе тесно связано с политикой массовых внесудебных репрессий, которую повседневно проводило китайское руководство.

В конституцию 1975 г. не включены и содержавшиеся в прежней конституции КНР (ст. 34—35) положения о постоянных и временных комиссиях ВСНП по делам национальностей, законодательных предположений, бюджетной,

мандатной, по расследованию определенных вопросов и других комиссий, действующих под руководством Президиума ВСНП в период сессии или под руководством Постоянного комитета в период между сессиями ВСНП. Тем самым из работающего органа ВСНП превращается в специально создаваемый руководством орган для формального утверждения заранее принятых решений, в том числе связанных с риском провала, ответственность за который заранее хотели бы с себя снять китайские руководители. Организационно-правовая обязанность по ежегодному созыву сессий ВСНП по-прежнему возложена на Постоянный комитет, однако в новой конституции отсутствует указание на то, что внеочередные сессии ВСНП могут быть созваны «по усмотрению Постоянного комитета» или «по предложению одной пятой депутатов» (ст. 25 конституции КНР 1954 г.).

Конституция 1975 г. крайне обобщенно формулировала полномочия Постоянного комитета ВСНП (ст. 18), сокращая число установлений, касающихся его компетенции, с 19 (ст. 31 конституции КНР 1954 г.) до 7. При этом полностью исключались такие важнейшие полномочия Постоянного комитета, записанные в прежней конституции КНР, как проведение выборов депутатов в ВСНП (выборы заменены «демократическими консультациями», организуемыми «ревкоммами» и парткоммами на местах), контроль за работой Государственного совета, Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры (последняя упразднена).

В новой конституции отсутствовало также право отмены Постоянным комитетом нецелесообразных постановлений и распоряжений Государственного совета, а также органов государственной власти провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, решения вопросов отдельных назначений и смещений заместителей премьер-министра Государственного совета, министров, председателей государственных комитетов и комиссий в период между сессиями ВСНП.

Далее, отменено право назначения и смещения заместителей председателя Верховного народного суда, судей и членов судебной коллегии Верховного народного суда, заместителей Генерального прокурора, прокуроров и членов коллегии Верховной народной прокуратуры, принятия в период между сессиями ВСНП решений об объявлении состояния войны, о всеобщей или частичной мобилизации в стране, о введении военного положения по всей стране или на части ее территории.

Новая конституция ликвидировала институт председателя республики, который по конституции 1954 г. возглавлял вооруженные силы страны; упразднены и такие, связанные с ним институты, как Государственный комитет обороны во

главе с председателем республики и Верховное государственное совещание, созывавшееся председателем КНР в составе его заместителей, председателя Постоянного комитета ВСНП, премьера Государственного совета и других лиц. Известно, что вокруг поста председателя республики шла острая борьба.

Конституция 1975 г. в самом общем виде формулировала и функции Государственного совета КНР, сводя их число к 5 (ст. 20) вместо 17, указанных в ст. 49 конституции КНР 1954 г. При этом исключались такие важные полномочия Государственного совета, как право внесения законопроектов на рассмотрение ВСНП или его Постоянного комитета, руководство строительством вооруженных сил, утверждение административного деления автономных округов, уездов, автономных уездов и городов, руководство отраслевой деятельностью (по защите интересов государства, поддержанию общественного порядка, охране прав граждан, руководству работой в области культуры, просвещения, здравоохранения и т. д.). Фиксируя одной фразой состав Государственного совета (премьер, заместители премьера, министры и председатели комитетов), новая конституция не определяла компетенции должностных лиц, входящих в него. В то же время прежняя конституция КНР специально посвящала этому две статьи (50 и 51).

Новая конституция КНР внесла существенные изменения в организацию местного государственного аппарата. При формальном сохранении Собраний народных представителей в качестве «органов государственной власти на местах» (ст. 21) новый основной закон закреплял систему «революционных» комитетов — органов «захвата власти», созданных во время «культурной революции». Они именовались «постоянно действующими органами местных Собраний народных представителей», т. е. органами государственной власти типа Постоянного комитета ВСНП в центральном аппарате, и в то же время «местными народными правительствами» — исполнительно-распорядительными органами на местах.

Формально «ревкомы» являются производными от Собраний народных представителей, ответственны перед ними и им подотчетны. Однако новая конституция (ст. 23) наделяла «ревкомы» одинаковыми полномочиями с Собраниями народных представителей, формулируя их в общих чертах. «Ревкомы», как и Собрания народных представителей, «рассматривают и утверждают местные народнохозяйственные планы, бюджеты и отчеты об их исполнении», обеспечивают исполнение законов и указов на местах, поддерживают «революционный порядок», охраняют «права граждан», руководят «социалистической революцией и социалистическим

строительством» в соответствии с «линией» и «курсом», работанными Мао Цзэ-дуном «на весь исторический период социализма».

Обращала на себя внимание строгая централизация системы «ревкомов», беспрекословное подчинение нижестоящих органов вышестоящим, ответственность и подотчетность перед ними. В практике «ревкомов» решения по всем входящим в компетенцию местных органов государственной власти вопросам принимались не на сессиях Собраний народных представителей, которые практически не созывались⁸, и даже не на заседаниях «ревкомов», а на собраниях «руководящего ядра», включающего председателя «ревкома» (часто он же первый секретарь соответствующего парткома) и его заместителей (часть их — секретари партийного комитета).

В качестве способа формирования Собраний народных представителей закреплялся принцип «демократических консультаций», исключавший участие избирателей в образовании органов государственной власти, а также их контроль за деятельностью избранных ими депутатов. Увеличение срока полномочий Собраний народных представителей провинций с четырех до пяти лет, городов центрального подчинения — с двух до пяти, уездов и городов — с двух до трех лет при общем сокращении объема их полномочий не меняло существа дела, заключающегося в подмене органов народного представительства бюрократически централизованной системой «руководящих ядер».

* * *

В новой конституции КНР говорилось об органах самоуправления в районах национальной автономии, создаваемых в соответствии с принципами административной автономии, но никак не регламентировалось правовое положение национальных автономных районов. Так, на местные органы государственной власти не возлагались обязанности по «обеспечению равноправия национальных меньшинств». Не упоминалось и о том, что «формы органов самоуправления могут быть определены в соответствии с волеизъявлением большинства населения той национальности, которая осуществляет районную автономию». Районам национальной автономии предписаны те же формы местных руководящих органов, которые приняты для всей страны — Собрания народных представителей и «ревкомы» (ст. 24).

⁸ В 1975 г. сообщалось лишь о сессии Собрания народных представителей Или-Казахского автономного округа, носившей характер мобилизационного совещания по выполнению установок, полученных сверху.

Из новой конституции исключены положения конституции 1954 г. о том, что в органах самоуправления национально-территориальных единиц, где проживает много национальностей, каждая из них должна иметь соответствующее число своих представителей, что органы самоуправления ведают финансами в данной местности, организуют на местах отряды общественной безопасности, могут «в соответствии с политическими, экономическими и культурными особенностями национальности данной местности разрабатывать положения об автономии и отдельно действующие положения» (ст. 68, 70 конституции КНР 1954 г.). При отсутствии указанных пунктов провозглашение «права на самоуправление» носит чисто декларативный характер.

Новая конституция закрепила упразднение органов надзора за соблюдением законов государственными органами, работниками государственного аппарата и гражданами (ст. 81 конституции КНР 1954 г.). Согласно ст. 25 «функции прокуратуры осуществляются органами общественной безопасности различных ступеней». При этом, однако, органам безопасности передавались лишь второстепенные функции прокуратур, связанные с ведением следствия и поддержанием обвинения при рассмотрении дел, а не с наблюдением за точным, неукоснительным, единообразным применением действующих законов.

Более того, конституция не требовала соблюдения законов и от самих органов безопасности, указывая на необходимость «при осуществлении прокурорского надзора и рассмотрении дел» проводить «линию масс», т. е. опираться не на нормы законности, а руководствоваться управляемой властью «непосредственной волей революционных масс». Это означало предоставление карательно-репрессивным органам «права» на произвол. Важнейшим средством осуществления вне-судебных расправ оказывался закрепленный в новой конституции метод проведения массовых судилищ с расстрелами на стадионах или специально выделенных местах, открытых для широкого обозрения. Этот способ запугивания китайского населения завуалирован в основном законе формулой о необходимости «мобилизовать массы для развертывания обсуждения и критики» при рассмотрении важных якобы «контрреволюционных» дел.

Наряду с «судами масс» конституция 1975 г. закрепляла ранее сложившуюся систему народных судов, в которую входит Верховный народный суд, местные народные суды и специальные народные суды. При этом изменялся порядок назначения председателей народных судов: если раньше председатель Верховного народного суда избирался Всекитайским собранием народных представителей, а председатели

местных народных судов — местными Собраниями, то теперь председатели народных судов назначаются и освобождаются от должности «постоянно действующими органами Собраний народных представителей соответствующей ступени», т. е. Постоянным комитетом ВСНП и «ревкомами». Таким образом суды оказывались в зависимости от местного административного аппарата. Практика деятельности судов в условиях существовавшего режима свидетельствовала о том, что они служили орудием расправ над неугодными лицами и являлись лишь придатками партийно-административных «руководящих ядер».

Из конституции 1975 г. полностью исключены провозглашенные ранее демократические принципы организации и деятельности народных судов: независимость судов и подчинение их только закону, коллегиальное рассмотрение дел с участием в низовых народных судах народных заседателей, гласность работы судов и предоставление обвиняемым права на защиту, национальное равноправие в судопроизводстве, осуществление вышестоящими судами надзора за судебной деятельностью нижестоящих судов и осуществление Верховным народным судом высшего судебного надзора. По новой конституции Верховный народный суд наряду с прочими судами осуществляет обычные судебные функции.

В части, касающейся основных прав и обязанностей граждан КНР, конституция 1975 г. делала особенно заметное отступление от демократических положений прежней конституции. В новом основном законе отсутствует важнейшее положение о равенстве всех граждан перед законом. Основным правом и основной обязанностью граждан КНР объявлена «поддержка руководства» КПК.

Большой шаг назад делается в части регулирования социально-экономических прав граждан (права на труд, на отдых, на получение материальной помощи в старости, а также в случае болезни или потери трудоспособности, права на образование), полностью исключались указания на материальные гарантии осуществления этих прав.

С точки зрения «теории» и практики маоизма явным «экономизмом» и «ревизионизмом» оказывались такие, например, гарантии права на труд, как «улучшение условий труда и повышение реальной заработной платы». В КНР отсутствовала законодательно установленная система платных отпусков рабочим и служащим, являющаяся гарантией права на отдых. Стараясь сократить расходы на медицинское обслуживание населения, маоисты навязывали народу систему «босоногих врачей» — наскоро подготовленных общественных санитаров. Сокращая расходы на школьное образование, режим стремился переложить их на производственные

бригады сельских «коммун» и население городских кварталов.

Из новой конституции исключено важное положение об обеспечении гражданам «свободы научно-исследовательской деятельности, литературно-художественного творчества и другой культурной деятельности», поощрении творческой работы граждан в области науки, просвещения, литературы, искусства и т. д. Вместо этого требовалось осуществление «всесторонней диктатуры над буржуазией в области надстройки, в том числе и во всех сферах культуры» (ст. 12), что означало на деле подавление неугодной властям деятельности в сфере культуры и просвещения, литературы и искусства, научных исследований.

В конституции 1975 г. отсутствовали положения о свободе жительства и переселении граждан, об охране законом тайны переписки (ст. 90). В ней сохранены пункты о неприкосновенности личности граждан, однако правовой гарантии от произвола они не давали, поскольку аресты санкционировались теми же органами безопасности, которые производили аресты, вели следствие и приводили в исполнение приговоры при отсутствии контроля со стороны другого органа. К тому же на основе пресловутой «линии масс», открытых или тайных инсинуаций любое лицо может быть причислено к одной из категорий «классовых врагов» — по определению новой конституции (ст. 14), «помещиков», «кулаков», «реакционных капиталистов» и «других вредных элементов» — и после навешивания того или иного ярлыка полностью лишено всех политических прав, что облегчало властям расправы над их действительными или мнимыми противниками.

В целом конституция КНР 1975 г. имела главной целью закрепление результатов «культурной революции», дополненной последующими кампаниями политических «чисток» и идеологической обработки общественного сознания в духе маоизма. Провозглашение «курса на ведение революции» (ст. 10) фактически означало перефразировку положения устава КПК о многократном повторении «культурных революций», об узаконении ее методов в Китае. К методам «широкой демократии» отнесены такие средства, широко использовавшиеся во время «культурной революции», как лозунг «четыре больших»: большой крик, большая воля (в смысле «дозволено все»), большие дебаты, большие стенгазеты (дацзыбао). Таким образом, в основном законе поощрялись доносы и самобичевание, унижение и поношение людей, жестокость, фанатичное изуверство.

В число закрепленных новой конституцией видов «революционной нови» входили: узаконение «ревкомов» (ст. 22), предписание Мао Цзэ-дуна о необходимости для всех кад-

ровых работников заниматься физическим трудом в специальных лагерях — «школах 7 мая» (ст. 11), установка на продолжение «революции» в области культуры, образования, литературы и искусства (ст. 12).

В конституцию по инициативе Мао Цзэ-дуна⁹ включено положение о праве граждан на забастовки, что можно рассматривать не иначе, как узаконение действий «бунтарей» (цзаофаней) периода «культурной революции», использовавших методы забастовок для смещения неугодных руководителей предприятий.

Противоречивое сочетание в одном и том же основном законе ортодоксально-маоистских установок с некоторыми статьями, внешне сохранившими «социалистическое» облачение, свидетельствовало, с одной стороны, о компромиссном характере новой конституции, с другой — о стремлении использовать социалистические идеалы китайского народа, практически уводя его все дальше от пути подлинно социалистического развития Китая.

* * *

Новый этап конституционного развития КНР показал, что «культурная революция» не разрешила практически проблемы формирования адекватной созданному ей режиму системы политических институтов. Военно-бюрократическая диктатура паразитировала и на терминологии, заимствованной из марксизма-ленинизма, и на прежних надстроечных формах, сложившихся в условиях народно-демократического строя. Как обнаружило внутривнутриполитическое развитие Китая после X съезда и принятия новой конституции КНР, сохранившиеся государственные формы, свойственные народной демократии, служили лишь безвластными придатками бюрократически централизованного партийно-административного аппарата.

Новый основной закон КНР был призван придать необратимый характер курсу Мао Цзэ-дуна. Он не только легализовал практику «культурной революции», но и создавал формальные преграды, препятствующие возврату Китая на путь подлинного социалистического развития и дружбы с социалистическими странами¹⁰.

⁹ Чжап Чунь-цяо. Доклад о внесении изменений в конституцию. — «Жэньминь жибао», 20.1.1975.

¹⁰ См. «Коммунист», 1975, № 12.

ОБЩИЙ ОБЗОР

Внутриполитическая обстановка в Китае в 1975 г. определялась растущим несоответствием между основами социализма, заложенными в первое десятилетие существования КНР, и политическим курсом, уводящим страну на путь «казарменного коммунизма», шовинизма. Такой курс вел к дальнейшей деформации социалистических элементов, еще сохранившихся в экономике и социальной структуре КНР, с одной стороны, и к обострению противоречий, присущих режиму, — с другой.

В целом внутриполитическая обстановка характеризовалась неустойчивостью, борьбой за власть внутри китайского руководства, дальнейшим углублением общего кризиса маоизма и нарастанием сопротивления политическому курсу в китайском народе, а также попытками пекинского руководства стабилизировать режим.

Как и в предыдущем году, политическая власть оставалась в руках узкой группы лиц во главе с Мао Цзэ-дуном. Внутри руководства продолжалась ожесточенная борьба за власть между соперничающими группировками. «Левые», опираясь на поддержку Мао Цзэ-дуна, продолжали свои попытки утвердиться у власти. Свое наступление они вели под флагом массовых политико-идеологических кампаний: «изучения теории диктатуры пролетариата», критики романа «Речные заводи», «в сельском хозяйстве учиться у Дачжая» и «революции в образовании».

Развернувшаяся после сессии ВСНП четвертого созыва кампания «изучения теории диктатуры пролетариата» была направлена на реализацию положений новой конституции, идеологическую обработку населения, дальнейшее ужесточение диктатуры, усиление методов внеэкономического принуждения. Однако поиски путей осуществления одной из главных целей великодержавно-гегемонистской стратегии — превращение Китая к концу нынешнего столетия в одну из наиболее мощных держав мира — вызвали обострение разногласий между «прагматиками» и «левыми», а также внутри группы «левых».

Не менее важную роль для усиления «левых» в пекинском руководстве сыграли и две другие кампании: «в сельском хозяйстве учиться у Дачжая» и «революция в образовании». Если первая была призвана интенсифицировать эксплуатацию сельского хозяйства в милитаристских целях, то вторая была направлена в первую очередь на дальнейшую идеологическую обработку китайской молодежи и интеллигенции, защиту курса «культурной революции».

В политико-идеологическом отношении для поддержания режима руководство использовало, как и ранее, концепцию «классовой борьбы», которая, по Мао Цзэ-дуну, составляла основную закономерность общественного развития «на всем историческом этапе социализма». На практике эта концепция выступала главным образом в форме осуществления массовой кампании «изучения теории диктатуры пролетариата».

Политико-организационная деятельность китайского руководства состояла в основном в попытках завершить оформление новой политической системы. Узаконение режима было подчеркнуто принятием новой конституции и проведением сессии ВСНП четвертого созыва. В 1975 г., впервые после «дела Линь Бяо» (сентябрь 1971 г.), были, наконец, замещены все вакантные посты в высшем партийно-государственном и военном аппаратах.

В то же время усиленными темпами продолжался процесс «реабилитации» старых кадров, репрессированных в период «культурной революции». Наибольшее количество «реабилитированных» появилось на приемах по случаю дня Народно-освободительной армии Китая и 26-й годовщины образования КНР. Сильнее всего процесс «реабилитации» коснулся армии. Так, например, из 76 высших офицеров, получивших в течение 1975 г. назначения на высшие командные должности в Генеральном штабе НОАК, Главном политическом управлении, Научно-техническом комитете министерства обороны, Главном управлении тыла, Военно-политической академии, в штабах Военно-морских сил, Военно-воздушных сил, артиллерии, танковых, строительно-технических и железнодорожных войск, а также в штабах провинциальных военных округов, 34 (44%) были «реабилитированными»¹.

Приостановилось оформление и массовых организаций. Не были проведены всекитайские съезды профсоюзов, КСМК, женской федерации. Начатая в 1973 г. в деревне работа по созданию «союзов бедняков и низших середняков» так и не была доведена до конца во всех провинциях.

¹ «Чжунгуан яньцзю», 1975, № 107 (11), с. 43.

Фактически массовые организации превратились в инструмент политики «левых». Так, например, профсоюзам поручались «четыре главных дела»: «содействие парторганизациям в развертывании движения „критики Линь Бяо и Конфуция“», содействие парторганизациям в организации „теоретических отрядов“, подготовка новых кадровых работников из рабочих, содействие парторганизациям в развертывании движения за учебу у Дашина»².

Неустойчивость политического режима

Расстановка политических и социальных сил в стране отвечала в целом характеру военно-бюрократического режима Мао Цзэ-дуна, который лавировал между классами и использовал отдельные социальные группировки.

Рабочий класс Китая оставался искусственно расколотым на социальные группы («старые рабочие», «молодые рабочие», ученики, члены городского ополчения из промышленных рабочих и т. д.). С целью подорвать единство китайского пролетариата и этим обессилить его в ходе кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» молодых рабочих восстанавливали против старых под флагом разоблачения «новых буржуазных элементов» в среде рабочего класса. Профанируя идею руководящей роли рабочего класса, маоистское руководство, по примеру прошлых лет, направляло рабочих в вузы и «места скопления интеллигенции» в составе так называемых «рабочих отрядов пропаганды идей Мао Цзэ-дуна» для контроля над преподавателями и учащейся молодежью. «Группы наставников из рабочих» по-прежнему находились в деревне для контроля настроений и «идеологического уровня» молодежи, отправленной в горные и сельские районы.

В 1975 г. путем строгого отбора продолжалась работа по формированию «теоретических отрядов из рабочих», которые фактически являлись опорой «левых» маонистов в среде рабочих. Численность участников этих «отрядов» (например, в Пекине — 160 тыс.; в Тяньцзине — 200 тыс.; на Аньшаньском металлургическом комбинате — 20 тыс.; в Юйлине Гуанси-Чжуанского автономного района — 110 тыс.³) очень велика. Таким образом «левые» маонисты создали наряду с ополчением особую прослойку в среде пролетариата для внедрения своих идей и усиления контроля.

² «Жэньминь жибао», 22.III.1975.

³ «Гуанмин жибао», 8.X.1975; «Жэньминь жибао», 3.II, 22.III, 28.III.1975.

Важным средством милитаризации страны, контроля над массами и подавления сопротивления рабочих в 1975 г. оставалось так называемое «городское народное ополчение из числа промышленных рабочих».

Следует подчеркнуть, что даже тотальная система слежки и новая кампания по идеологической обработке рабочего класса под вывеской «изучения теории диктатуры пролетариата» не смогли сдержать выступления рабочих в защиту своих прав. По сообщениям печати, попытки снизить заработную плату рабочим привели к беспорядкам на железнодорожном транспорте⁴. В апреле 1975 г., когда рабочие г. Ханчжоу обсуждали вопросы «осуществления полной диктатуры пролетариата», часть рабочих потребовала увеличения заработной платы. Ханчжоуский горком партии, по указанию из Пекина, квалифицировал эти требования как «революционные». Власти произвели массовые аресты так называемых «классовых врагов» среди рабочих. Это привело к столкновениям между рабочими и органами безопасности.

Рабочие ответили забастовкой на более чем ста промышленных предприятиях Ханчжоу⁵. Дело дошло до баррикадных боев между сторонниками политики «левых» и ее противниками⁶. Квалифицированных рабочих в их борьбе против новоявленных цзаофаней поддержала часть народного ополчения из рабочих. Имели место столкновения ополчения с армией, подавлявшей выступления рабочих⁷.

События, аналогичные ханчжоуским, произошли в провинциях Фуцзянь, Хэйлуцзян, Цзянси, Чжэцзян, Гуандун и во Внутренней Монголии⁸. Во многих дацзыбао, расклеенных в Ханчжоу, выдвигались требования осуществления принципов материального стимулирования для рабочих; подобные же требования выдвигались в дацзыбао, появившихся на заводах и фабриках Снани, Ухани, Чжэнчжоу и Лояна⁹.

По вопросам так называемого «подавления контрреволюционной деятельности» в первых числах августа 1975 г. в Пекине было созвано специальное совещание представителей провинциальных органов безопасности, народного ополчения и судов. Одним из главных на данном совещании был вопрос дальнейшего ужесточения режима. Обстановка к концу года так и не нормализовалась.

⁴ «Daily Telegraph», 16.VII.1975.

⁵ «Чжапъван», 1.IX.1975, с. 7; 16.XI.1975, с. 16.

⁶ «Жэньминь жибао», 11.IX.1975.

⁷ «Чжапъван», 1.IX.1975, с. 8; 16.IX.1975, с. 16.

⁸ «Straits Times», 22.IX.1975.

⁹ «Far Eastern Economic Review», 1.VIII.1975, с. 30—31.

Следует отметить, что рабочие выступали с требованиями не только экономического, но и политического характера. Так, например, в «Материалах спецвыпусков по совещанию относительно обеспечения безопасности на железных дорогах провинции Юньнань»¹⁰ говорилось о таких «преступлениях» рабочих и служащих, как «нападки на революционную внешнеполитическую линию председателя Мао», пропаганда лозунга «освободить всех, кого отправили на трудовое перевоспитание».

Крестьянство в 1975 г., как и рабочий класс, официально разделялось на ряд искусственно выделяемых категорий. Главную политическую роль в деревне маонисты отводили «крестьянам-беднякам и низшим середнякам», «теоретическим отрядам» и народному ополчению из числа «крестьян-бедняков и низших середняков».

В ходе кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» в ряде мест делались попытки под лозунгом «ограничения буржуазного права» лишить крестьян приусадебных участков и закрыть сельские рынки. Факты свидетельствовали, что эти попытки провалились. По признанию пекинской пропаганды, в деревне «продолжается стихийный уклон в сторону занятий торговлей, приусадебным участком и подсобным промыслом»¹¹. Во время проверки в сельских «коммунах» пров. Шаньси было обнаружено, что здесь «в производстве придерживаются свободного сева, а в области обмена придерживаются опоры на свободный рынок». За всем этим якобы стоят кадровые работники, которые «не осмеливаются встать на пути буржуазного поветрия, не осмеливаются вести борьбу»¹², т. е. фактически просто саботируют установки властей.

Не нашла поддержки у крестьян и продолжавшаяся кампания «в сельском хозяйстве учиться у Дачжая». В информациях и на совещаниях парткомов уездного уровня по вопросу о кампании заявляли, что «учеба у Дачжая проходила поверхностно», «не получила большого размаха», что ею «занимались несерьезно», что «за три и даже пять лет мало чего добились в учебе у Дачжая». В некоторых сообщениях говорилось, что «прошло уже 11 лет после опубликования призыва Мао „учиться у Дачжая“ и 5 лет после совещания по вопросу развития сельского хозяйства в северных районах, а экономический облик деревни не изменился». Общей причиной этого назывались «недостаточная» или «слабая борьба уездных парткомов за идейно-политическую линию партии».

¹⁰ «Чжунгуи далу», № 98 (10), 1975, с. 53—56.

¹¹ «Жэньминь жибао», 28.VII.1975.

¹² «Гуанмин жибао», 14.IX.1975.

Как видно, развитие движения «за учебу у Дачжая» наталкивалось на прямое сопротивление, называемое в печати «ошибочной точкой зрения», «отсутствием заботы, уважения и стремления к проведению этого движения». Были и такие, кто «препятствовал и мешал этому движению», «выступал против него».

Для исправления создавшегося положения руководство пыталось прибегнуть к такому методу, как «упорядочение низовых организаций», «революционизация парткомов уездов». Другими словами, предполагалась очередная чистка, на этот раз низового звена, руководство которого, как выяснилось, «не всегда придерживалось основной линии партии», «не всегда проводило правильную линию»¹³. Ответственность за это, как заявил член ЦК КПК Хуа Го-фэн на Всекитайском совещании по вопросам учебы у Дачжая, несут уездные парткомы.

Под флагом «дачжанзации» десятки тысяч кадровых работников по всей стране (помимо трудоспособного населения деревень) были посланы для наблюдения за крестьянами и непосредственной работы на полях. В пров. Ляонин, например, в полевых работах ежедневно принимало участие 6 млн. человек. Осенью к ним присоединились 35 тыс. административных кадровых работников, в том числе 3 тыс. руководящих. Подобные же сообщения имелись и из других районов страны. По существу, была объявлена массовая повсеместная мобилизация кадровых работников.

В 1975 г. армия по-прежнему оставалась главной опорой режима. Воинские части продолжали находиться на железнодорожном транспорте (в 1974 г. они были призваны «ликвидировать хаос на транспорте»). Летом 1975 г. части НОАК заняли многие промышленные предприятия с целью подавления выступлений рабочих в защиту своих материальных прав. Армия была главным организатором идеологической кампании «изучения теории диктатуры пролетариата». За первые два месяца кампании подавляющее большинство статей об «опыте изучения теории» было написано военнослужащими НОАК. В этих статьях «армия» превозносилась как «главная опора диктатуры пролетариата»¹⁴, как «железная рука для классовых врагов»¹⁵. Армию, судя по печати, ориентировали в первую очередь на борьбу с «новыми буржуазными элементами, появившимися в рядах рабочих»¹⁶, т. е. фактически против наиболее передовой части китайского народа.

¹³ «Жэньминь жибао», 13.XI.1975.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 3.II.1975.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 10.III.1975.

¹⁶ «Гуанмин жибао», 12.II.1975.

Армия вела кампанию не только на предприятиях и в деревнях, а также в школах и учебных заведениях. В связи с усилившимся летом 1975 г. сопротивлением проведению кампании газета «Гуанмин жибао» откровенно призвала армию «стать в авангарде борьбы, стать в авангарде критики буржуазии и ревизионизма»¹⁷.

НОАК широко привлекалась для практического внедрения «опыта Дачжая» в сельское хозяйство Китая. В Уведомлении Главного политического управления «учеба у Дачжая» называлась «великим массовым революционным движением», на армию была возложена «ответственность за налаживание сельского хозяйства и повсеместное распространение узлов дачжайского типа». Уведомление прямо призывало к мобилизации всей армии для распространения движения по всей стране¹⁸. Последующие обращения парткомов и приказы провинциальных военных округов и отдельных воинских частей также подтвердили, что армия и народное ополчение были привлечены для самого непосредственного и активного участия в подъеме сельского хозяйства.

Вместе с тем в армии тоже начали появляться признаки своеобразного противодействия проводимому курсу. Как явствовало из пекинской пропаганды, в армии «учебой занимаются спустя рукава», «предлагают винтовки сдать в арсенал и отдохнуть», т. е. «не хотят замечать классовых врагов и классовую борьбу»¹⁹.

В статье «Во всех действиях слушаться командования, только в едином порыве можно добиться побед»²⁰ от армии потребовали «слушаться приказов председателя Мао, подчиняться командованию ЦК, возглавляемого председателем Мао». «Левых» по-прежнему беспокоили «буржуазная фракционность», «частные интересы маленьких группировок или меньшинства» в армии, т. е. выступления части военнослужащих на стороне неугодных «левым» группировок или непосредственно в поддержку требований рабочих, как это имело место в г. Ханчжоу²¹. Только сильными оппозиционными настроениями можно объяснить небывалый размах кампании по «направлению руководящих кадровых работников армии в подразделения для несения службы в качестве рядовых»²². Эта мера называлась «мощной критикой в адрес буржуазной военной линии»²³. Согласно сообщениям печати

¹⁷ «Гуанмин жибао», 2.VIII.1975.

¹⁸ «Жэньминь жибао», 2.XI.1975.

¹⁹ «Гуанмин жибао», 24.VII.1975.

²⁰ «Жэньминь жибао», 18.IX.1975.

²¹ «Чжаньван», 1.IX.1975.

²² «Гуанмин жибао», 13.VIII.1975.

²³ «Хунци», 1975, № 8.

и радио, в Пекинском, Хэйлуцзянском, Уханьском, Нанкинском военных округах было принято решение о периодической отправке руководящих армейских кадров для службы рядовыми. Подчеркивалось, что такого масштаба и размаха «отправки в низы» не было с 1958 г., когда началось это движение²⁴.

Сессия ВСНП

Важным политическим событием года явилась 1-я сессия ВСНП четвертого созыва (13—17 января). Она обозначила новую веху в конституционном оформлении режима.

Как уже отмечалось, всеобщие выборы не проводились, депутаты были избраны «на основе широких демократических консультаций и многократных обсуждений», т. е. по просту назначены. Большинство депутатов из рабочих, крестьян и солдат являлись активистами «культурной революции» и последующих идеологических кампаний. Вместе с тем, судя по опубликованным спискам президиума сессии и Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, среди депутатов довольно широко были представлены старые деятели, в том числе из беспартийных и функционеров так называемых демократических партий и групп.

Повестка дня сессии включала три вопроса: внесение изменений в конституцию (фактически принятие новой конституции); доклад Чжоу Энь-ляя о работе правительства; избрание и назначение руководящих работников государства.

По первому вопросу повестки дня с докладом от имени ЦК КПК выступил Чжан Чун-цяо.

На сессии не обсуждалась и не принимались народнохозяйственные планы и бюджет, что явилось еще одним подтверждением неблагополучия в экономическом положении страны.

Избрание и назначение руководящих работников государства происходило в соответствии с положениями новой конституции КНР и поэтому касалось лишь двух органов, которые формирует ВСНП: Постоянного комитета и Государственного совета. Это значит, что ВСНП (в отличие от статута конституции 1954 г.) не избирает председателя КНР и его заместителей, а также председателя Верховного суда, генерального прокурора Верховной народной прокуратуры, заместителей председателя и членов Государственного комитета

²⁴ «Жэньминь жибао», 11.VIII.1975.

обороны — все эти органы, кроме Верховного суда, новой конституцией вообще не предусмотрены.

Постоянный комитет ВСНП избран в составе председателя, 22 его заместителей и 114 членов (ранее было 18 заместителей и 96 членов). Постоянный комитет возглавил один из старейших деятелей КПК — Чжу Дэ, большинство его заместителей также принадлежали к числу старейших государственных и общественных деятелей (Дун Би-у, Лю Бо-чэн, Не Жун-чжэнь, Чжоу Цзянь-жэнь, Сун Цин-лин, Го Мо-жо, Чэнь Юнь, бывший генеральный прокурор Чжан Дин-чэн и др.). В состав Постоянного комитета вошли все старшие по возрасту члены Политбюро, кроме самого Мао Цзэ-дуна. Обращает внимание увеличение в составе Постоянного комитета, как и в ВСНП в целом, представительства от женщин и лиц некитайской национальности (в числе заместителей председателя известные деятели из национальных меньшинств Уланьфу, Сайфуддин, Нгапод Нгаван-дзигмэд, Вэй Го-цин).

Государственный совет (правительство) КНР был назначен в несколько меньшем численном составе, чем существовавший до «культурной революции». Число заместителей премьера сократилось с 16 до 12, а количество министерств и государственных комитетов — с 46 до 29. Премьером Госсовета был оставлен Чжоу Энь-лай²⁵. В руководство Госсовета впервые вошли Чжан Чунь-цяо, Чэнь Юн-гуй (член Политбюро ЦК КПК, бригадир Дачжайской производственной бригады), У Гуй-сян (кандидат в члены Политбюро ЦК КПК, вожак цзаофаней). В числе заместителей премьера оказался командующий Пекинским военным округом Чэнь Си-лянь. Установилось странное соотношение административных и военных постов: командующему округом подчинен по линии Госсовета министр обороны. В руководстве Госсовета и среди министров немало военных, в 1967—1968 гг. возглавлявших военно-контрольные органы в министерствах.

В Государственном совете, органе, осуществляющем реальное государственное руководство, нет представителей не-китайских национальностей. Не был восстановлен существовавший до «культурной революции» Комитет по делам национальностей Госсовета, на сессии не была избрана Комиссия национальностей ВСНП. Не состоялись выборы в комиссию законодательных предположений или какие-либо другие постоянные комиссии ВСНП. Основной закон КНР не содержит правовых преград против произвола властей, наоборот, ряд положений дают основания узаконить его (в

²⁵ Умер 8 января 1976 г.

основном это статьи, закрепляющие «новь», порожденную «культурной революцией»).

Итоги сессии могли быть истолкованы как частичный успех «левых» (впервые получивших представительство в Государственном совете), как законодательное закрепление последствий «культурной революции». Однако «левые» не получили на сессии ВСНП того результата, на который надеялись. Сессия и ее документы явились плодом политического компромисса между борющимися фракциями в Китае.

Активизация «лево»маоистской группировки

Кампания «изучения теории диктатуры пролетариата» означала, по существу, пропаганду «идей Мао Цзэ-дуна» и троцкистско-маоистской концепции «непрерывной революции при диктатуре пролетариата на всем историческом этапе социализма».

Передовая статья «Жэньминь жибао» от 9 февраля 1975 г. содержала «недавнее указание председателя Мао», в котором «восьмиразрядная система заработной платы, распределение по труду и обмен через посредство денег» были квалифицированы как примеры «буржуазного права» и рекомендовалось ограничить это право. О том, как ограничить «буржуазное право», писал Яо Вэнь-юань в мартовском номере «Хунци» в статье «О социальной основе антипартийной группировки Линь Бяо».

Яо Вэнь-юань предлагал не отменять полностью заработную плату, что уже имело печальные последствия в период «большого скачка», а «сократить различие между разрядами». В условиях Китая это фактически означало снижение зарплаты сотням миллионов трудящихся.

После статьи Яо Вэнь-юаня развернулась широкая агитация за отмену материального стимулирования. Предлагалось поднимать трудовую активность масс «не материальным стимулированием, а воспитанием в духе линии председателя Мао»²⁶. Печать призывала рабочих «поменьше требовать от государства и побольше давать революции» во имя быстрого превращения страны в великую державу с мощным военным потенциалом. Выполнить эту задачу руководство стремилось за счет наступления на жизненный уровень китайского рабочего класса, затягивания поясов крестьян, путем искусственного повышения «революционного» энтузиазма масс в целях «стимулирования производства», что фак-

²⁶ «Жэньминь жибао», 24.IV.1975.

тически сводится к внеэкономическому принуждению трудящихся.

Важной задачей кампании являлась также борьба с так называемыми «новыми буржуазными элементами». В своей статье Яо Вэнь-юань нашел такие «элементы» во всех слоях китайского общества. Статья не случайно была озаглавлена «О социальной основе антипартийной группировки Линь Бяо». Действительно, оппозиция режиму имела широкую социальную основу. Раньше твердили о «горстке» противников в стране, теперь Яо Вэнь-юань говорил о 10% и «социальной основе». Факты свидетельствовали, что сопротивление политическому курсу захватило рабочих, крестьян, солдат, интеллигенцию, молодежь, руководящих работников всех уровней.

Новая кампания в первую очередь была направлена против китайского пролетариата, против его завоеваний в китайской революции. В журнале «Хунци» подчеркивалось: «Появление новых буржуазных элементов среди рабочего класса... неразрывно связано с защитой и расширением буржуазного права»²⁷. «Жэньминь жибао», развивая эту мысль, указывала, что «существование буржуазного права — это важная экономическая основа появления новых буржуазных элементов»²⁸. В результате определения буржуазного права, данного Мао Цзэ-дуном, «распределение по труду, материальное стимулирование, повышение зарплаты и т. п.» — все это «экономическая основа новых буржуазных элементов среди рабочих». Печать призывала «ограничить буржуазное право», т. е. в первую очередь заработную плату рабочих. Всех несогласных пропаганда объявляла «новыми буржуазными элементами», «мошенниками типа Линь Бяо», «ревизионистами» и пр.

Вследствие широкого сопротивления кампании «изучения теории диктатуры пролетариата», направленной против жизненных интересов китайских трудящихся, и усиления трений среди руководства в Пекине в конце августа 1975 г. развернулась очередная политико-идеологическая кампания. 23 августа «Гуанмин жибао» опубликовала под рубрикой «Литература» подборку статей с критикой средневекового классического романа «Речные заводи», а через две недели после выступления газеты началась огромная политическая шумиха. Анализ многочисленных публикаций не оставлял сомнений в том, что новая кампания была развязана и направлялась «левой» группировкой, наиболее тесно связанной с Мао Цзэ-дуном.

²⁷ «Хунци», 1975, № 4.

²⁸ «Жэньминь жибао», 13.VII.1975.

В ходе кампании Мао Цзэ-дун пытался закрепить преемственность власти за выдвиженцами «культурной революции», с которыми он связывал неуклонное следование маоизму после своего ухода. Мао был очень озабочен тем, что «произойдет капитуляция и возврат к ревизионизму» (т. е. к линии VIII съезда КПК) подобно тому, как это случилось в древности, «когда Сун Цзян, дождавшись смерти Чао Гая, узурпировал верховную власть»²⁹. В печати подчеркивалось, что «критика романа „Речные заводы“ должна обеспечить неуклонное следование линии председателя Мао как сегодня, так и в будущем, как в нынешнем столетии, так и в следующем»³⁰.

Кроме вопросов преемственности власти и борьбы между группировками, в кампании «критика романа „Речные заводы“» был поднят также и другой не менее важный вопрос — о дальнейшей судьбе маоизма.

Мао Цзэ-дуна беспокоил любой отход от «линии» после его смерти и особенно возможное возвращение Китая на путь мира и дружбы с Советским Союзом и другими социалистическими странами. В этой связи пропаганда намеренно проводила параллель между «капитулянтом Сун Цзяном» и «капитулянтами Лю Шао-ци и Линь Бяо», которые якобы «пошли на капитуляцию перед Советским Союзом»³¹. Газеты писали, что «если бы Лю Шао-ци и Линь Бяо пришли к власти, то за рубежом они бы обязательно капитулировали перед советским ревизионистским социал-империализмом»³². Линь Бяо, как и Сун Цзяну, приписывался конфуцианский постулат «преодолеть себя и восстановить церемонии»³³, причем это трактовалось как «восстановление советского ревизионизма»³⁴. Вот почему «лево»маоистское крыло в ноябре 1975 г. пошло на соединение кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» с кампанией «критики романа „Речные заводы“».

Активизация «ортодоксальных» маоистов в 1975 г. вызвала углубление разногласий в руководстве, что нашло свое выражение в псевдонаучных выступлениях на исторические темы в ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Начиная с июля ежемесячно вплоть до конца года в «Гуанмин жибао» появлялись «исторические» материалы с прозрачными аллегориями.

²⁹ «Гуанмин жибао», 17.IX.1975.

³⁰ «Жэньминь жибао», 4.IX.1975.

³¹ «Жэньминь жибао», 4.IX.1975.

³² «Жэньминь жибао», 7.IV.1975.

³³ «Хунци», 1975, № 9.

³⁴ «Гуанмин жибао», 14.XII.1975.

Обострение внутривнутриполитического положения в Китае в 1975 г. (проводилось пять массовых политико-идеологических кампаний одновременно) сопровождалось дальнейшим нагнетанием антисоветизма в стране, подогреванием обстановки «подготовки к войне». Все это свидетельствовало о политической неустойчивости режима, о глубоких противоречиях, бурно проявлявших себя в общественной жизни современного Китая.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Со времени принятия в 50-х годах ряда законодательных актов КНР по национальному вопросу курс национальной политики китайского руководства претерпел существенные изменения. Принятая сессией ВСНП в январе 1975 г. новая Конституция КНР, закрепляя эти изменения в национальной политике, значительно сузила (по сравнению с Конституцией 1954 г.) круг вопросов, затрагивающих права и интересы неханьских национальностей Китая. В текст Конституции не вошел целый ряд важных положений, касающихся основных принципов национальной политики Китайской Народной Республики, которые содержались в Конституции 1954 г.

Так, в текст новой конституции не вошло положение прежней конституции о том, что «во всех районах, где национальные меньшинства живут компактно, осуществляется районная автономия»³⁵.

В новой конституции отсутствуют положения конституции 1954 г. о создании Всекитайским собранием народных представителей комиссии по делам национальностей (ст. 34), а также о том, что местные собрания народных представителей «обеспечивают равноправие национальных меньшинств» (ст. 58).

Положения, касающиеся общих принципов межнациональных отношений и отдельных прав неханьских народов, вошедшие в главу I конституции 1954 г., в тексте конституции 1975 г. даются в существенно урезанном виде или вовсе опущены.

Так, исключены пункты, в которых говорилось о запрещении дискриминации и гнета в отношении любой национальности, о свободе всех национальностей сохранять или изменять свои нравы и обычаи. Из положения, гласившего «все национальности пользуются свободой использования и

³⁵ Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики. М., 1955, с. 31.

развития своего языка и письменности»³⁶ изъято слово «развития»³⁷.

Сведен до нескольких строк обширный раздел конституции 1954 г., регулировавший вопросы самоуправления в районах национальной автономии³⁸. Узаконение новой конституцией «ревкомов», заменивших в ходе «культурной революции» органы самоуправления национальных районов, фактически подчеркивало еще более номинальный характер системы национальной автономии в современном Китае.

Таким образом, новая конституция КНР явилась свидетельством намерения китайского руководства продолжать в отношении неханьских народов Китая прежний дискриминационный курс. Это подтверждал и анализ последних событий в национальных районах КНР.

В январе 1975 г. китайское руководство еще призывало «углублять критику Линь Бяо и Конфуция» в национальных районах³⁹. Вскоре, однако, центр тяжести переместился на новую кампанию — «изучение теории диктатуры пролетариата». Китайская печать требовала, например, чтобы в ходе этой кампании в Синьцзяне были усилены нападки на Советский Союз и разгромлены все противники «линии председателя Мао» в данном автономном районе — «горстка продавшихся советскому ревизионизму национальных раскольников»⁴⁰.

Особый накал антисоветизма наблюдался в национальных районах, граничащих с СССР. «Жэньминь жибао», в частности, подчеркивала, что «главная опасность для Синьцзяна исходит от советского социал-империализма»⁴¹. Первый секретарь парткома Синьцзян-Уйгурского автономного района Сайфуллин (Азизов) в полной антисоветских выпадов статье, опубликованной в журнале «Хунци», клеветнически утверждал, что Советский Союз «замышляет превратить Синьцзян в свою колонию»⁴², проводит в отношении Синьцзяна «подрывную деятельность и агрессию» и т. п. В антисоветском духе была выдержана и его речь на митинге в Урумчи⁴³. Парткомам всех уровней Синьцзян-Уйгурского автономного района предписывалось «ставить во главу угла проведение

³⁶ Там же.

³⁷ В период «культурной революции» в КНР, как известно, были закрыты учреждения и организации, занимавшиеся проблемами развития языков неханьских народов.

³⁸ См. «Конституция и основные законодательные акты...», с. 48—49.

³⁹ «Жэньминь жибао», 2.I.1975.

⁴⁰ «Жэньминь жибао», 1.X.1975.

⁴¹ Там же.

⁴² «Хунци», 1975, № 10, с. 26.

⁴³ «Жэньминь жибао», 2.X.1975.

воспитания кадров и масс в духе борьбы против ревизионизма, защиты от ревизионизма»⁴⁴.

С антисоветизмом было тесно связано раздувание военно-го психоза. Призывы к усилению «подготовки к войне», «готовности к боям»⁴⁵; клеветнические измышления об угрозе нападения со стороны Советского Союза постоянно использовались в ходе пропагандистской обработки неханьского населения национальных районов (в особенности граничащих с СССР и МНР).

Тема «подготовки к войне» была характерна для китайской пропаганды и в национальных районах, не граничащих с СССР и МНР,— в особенности в Тибете: «Огромные успехи в стимулировании подготовки к войне» Тибета — один из пунктов приветственной телеграммы ВСНП и Госсовета по случаю десятилетия Тибетского автономного района⁴⁶. О необходимости «повышать бдительность, усиливать подготовку к войне» говорилось в редакционной статье «Жэньминь жибао», посвященной Тибету⁴⁷. Сообщалось о «стимулировании подготовки к войне» в Гуанси-Чжуанском автономном районе⁴⁸, а также в других национальных районах Китая.

Китайская печать всячески подчеркивала важнейшую роль армии в жизни национальных районов, особенно пограничных. «Достижения Тибета в строительстве социализма за десять лет,— писала „Жэньминь жибао“,— результат совместных усилий армии и народа»⁴⁹.

О превращении районов расселения неханьских национальностей в настоящий военный лагерь свидетельствовали сообщения Синьхуа из многих национальных районов КНР. Так, в Синьцзяне армия «глубоко проникла на промышленные предприятия, в деревни, на пастбища»⁵⁰. В Автономном районе Внутренняя Монголия (в частности, в Баяннорском военном подокруге) 1/3 личного состава частей НОА находилась, как сообщалось в китайской печати, непосредственно в производственных бригадах (на пастбищах и в деревнях). Там военные помогали вести работу с народным ополчением, организовывали «изучение массами теории диктатуры пролетариата» (фактически — «идей Мао Цзэ-дуна») и т. п. Милитаризация охватывала и национальные районы внутренних провинций Китая. Так, в национальных районах провинции Хунань, где проживает значительное число туцзя,

⁴⁴ «Жэньминь жибао», 1.X.1975.

⁴⁵ «Жэньминь жибао», 2.X.1975; «Хунци», 1975, № 10, с. 26.

⁴⁶ «Жэньминь жибао», 9.X.1975.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ «Жэньминь жибао», 15.XII.1975.

⁴⁹ «Жэньминь жибао», 8.IX.1975.

⁵⁰ «Гуанмин жибао», 29.IX.1975.

мяю и яо, обращалось особое внимание на «усиление военной тренировки, повышение тактического уровня» кадровых работников неханьских национальностей, на выполнение заданий отрядами народного ополчения в ночное время⁵¹.

В течение сентября — октября китайские газеты опубликовали немало материалов, посвященных десятилетию Тибетского и 20-летию Синьцзян-Уйгурского автономных районов. В Тибет и Синьцзян на юбилейные мероприятия были направлены специальные партийно-правительственные делегации⁵².

Продолжалось массовое переселение ханьцев, в особенности ханьской «грамотной молодежи», в национальные районы. При этом главное внимание обращалось на то, чтобы переселенцы «прочно оседали» в районах проживания неханьских национальностей. «Пустить корни на границе», прочно закрепиться в национальных районах — эти и им подобные призывы, обращенные к ханьским переселенцам, стали постоянной темой китайских газетных статей и радиопередач. Сообщалось, в частности, что свыше 210 тыс. человек «грамотной молодежи» из Пекина, Тяньцзиня, Шанхая, Нанкина, провинций Чжэцзян, Шаньдун и Хэбэй были направлены для проживания в автономном районе Внутренняя Монголия⁵³. Велась широкая агитация за отправку в национальные районы (например, в Синьцзян, Тибет) ханьских солдат, демобилизуемых из армии⁵⁴. В Синьцзяне, по сообщениям китайской прессы, немало ханьских кадровых работников-военных, уже свыше 20 лет «ведущих борьбу». «Пустили корни» на границе и полны решимости там остаться⁵⁵. Как заявляла печать, множество ханьских выпускников различных учебных заведений якобы хотели «посвятить всю свою жизнь служению освобожденным рабам» (т. е. тибетцам) и прочно осесть в Тибете⁵⁶. Согласно китайским газетам, желание «пустить корни среди рабочих и крестьян» в Синьцзяне, Тибете и Цинхас выразили студенты пекинского университета Цинхуа⁵⁷.

В этой связи обращали на себя внимание участвовавшие в китайской печати заявления о «сильной нужде» националь-

⁵¹ «Жэньминь жибао», 19.IX.1975.

⁵² Делегацию в Тибет возглавлял член Политбюро ЦК КПК, в то время заместитель премьера Госсовета Хуа Го-фэн, делегацию в Синьцзян — член Политбюро и заместитель премьера Чэнь Си-лянь, заместителем главы делегации был член ЦК КПК Уланьфу.

⁵³ «Жэньминь жибао», 28.X.1975.

⁵⁴ «Гуанмин жибао», 4.VIII.1975; «Жэньминь жибао», 6.VIII.1975, 19.VIII.1975.

⁵⁵ «Гуанмин жибао», 29.IX.1975.

⁵⁶ «Жэньминь жибао», 15.XII.1975.

⁵⁷ «Жэньминь жибао», 30.XII.1975.

ных районов в людях. Это свидетельствовало о намерении китайского руководства значительно расширить поток ханьских переселенцев в национальные районы КНР (и прежде всего в Синьцзян, Внутреннюю Монголию, Тибет)⁵⁸. «Синьцзян нуждается в людях для строительства и обороны», — писал в «Жэньминь жибао» демобилизованный солдат, принявший решение «поехать с семьей в синьцзянскую деревню»⁵⁹. С санкции руководства КНР многие заявления подобного рода раздавались непосредственно с мест. Так, Сайфуддин (Азизов) писал в «Хунци» (1975, № 10, с. 24), что Синьцзяну необходима «в особенности помощь людьми». Деревня Внутренней Монголии «нуждается в большом количестве революционной молодежи», подчеркивал в своем письме ханьский переселенец, прибывший в этот автономный район в 1969 г.⁶⁰

Подавляющее большинство кадровых работников местных национальностей использовалось маоистами лишь на самой низкой «руководящей работе». Так, в Тибетском автономном районе, по данным китайской печати, насчитывалось 27 тыс. национальных кадровых работников (тибетцев, монба, лоба, дэн). Однако из них только 2% неханьцев были допущены к работе в партийно-административных органах на уровне уездов — округ. Основная же масса работала в «коммунах» и внутриездных районах⁶¹.

Политика китайского руководства, игнорируя национальные особенности неханьских народов КНР, а также специфические условия национальных районов страны, лишала эти народы экономической и другой помощи со стороны государства. С этой целью в Китае, как и в предыдущие годы, подвергались резкой критике приписываемые Лю Шао-ци «ревизионистские теории» об «отсталости национальных районов» и т. п. С этой же целью продолжалось насаждение в национальных районах курса «учебы у Дачжая» и «учебы у Дацина».

Внедрение «духа Дачжая» в национальных районах сопровождалось активизацией усилий по пресечению попыток крестьян добиться более справедливого распределения продуктов сельскохозяйственного производства. Крестьяне национальных районов выражали неудовлетворенность тем, что их труд не получал необходимой материальной компен-

⁵⁸ Как известно, после 1949 г. процент ханьского населения в национальных районах увеличился во много раз. Так, в одном только Синьцзяне численность ханьцев возросла с 6% (в 1949 г.) примерно до 40% («Жэньминь жибао», 25.IX.1975).

⁵⁹ «Жэньминь жибао», 19.VIII.1975.

⁶⁰ «Жэньминь жибао», 23.XII.1975.

⁶¹ «Жэньминь жибао», 1.IX.1975.

сации. Однако требования крестьян «увеличить распределение» отвергались, в частности, из-за «необходимости подготовки к войне»⁶².

В области промышленности продолжался курс на «самообеспечение» национальных районов, на создание в них мелких промышленных предприятий «собственными силами» уездов и «коммун». Такая политика, не учитывая специфики национальных районов, ставила неханьские народы перед большими трудностями. В соответствии с этим курсом промышленные предприятия оснащались, по словам агентства Синьхуа, «преимущественно машинами местного производства». «Жэньминь жибао», указывая на производственный опыт некоторых предприятий национальных районов, писала, в частности, что рабочие этих предприятий, «ремонтируя старое, используя негодное, сами вооружают себя»⁶³. В целом районы компактного проживания неханьских национальностей по уровню промышленного развития продолжали значительно отставать от районов с ханьским населением.

Китайские газеты сообщали и о борьбе против «старых традиций» неханьских народов. «Хотя в ходе культурной революции старые традиции и привычки и были частично разрушены, но их влияние еще имеет место», — писала в «Гуаньмин жибао» представительница ханьской «грамотной молодежи». В связи с этим выдвигался призыв «быть бдительными» и активно бороться со «старыми обычаями и привычками» неханьского населения⁶⁴.

Продолжалась фальсификация прошлого неханьских народов. Китайская печать утверждала, в частности, что якобы еще во II в. до н. э. от самих неханьских народов (например, народов «западного края») исходили «требования» о необходимости установления над ними господства тогдашней китайской династии Хань⁶⁵.

Политика в отношении литературы и искусства неханьских народов КНР по существу препятствовала их нормальному развитию. Допускалось существование национальной литературы и искусства исключительно в русле пропаганды «идей Мао Цзэ-дуна», антисоветизма и «стратегического курса подготовки к войне». В течение 1975 г., в частности, делался особый упор на пропаганду средствами «национальных» литературы и искусства разнообразной военной тематики. Так, в рекламировавшийся на страницах китайских

⁶² «Жэньминь жибао», 24.XI.1975.

⁶³ «Жэньминь жибао», 4.X.1975 (в приведенном высказывании газеты речь идет об изготовлении «собственными силами» рабочих простейшего машинного оборудования).

⁶⁴ «Гуаньмин жибао», 27.VIII.1975.

⁶⁵ «Гуаньмин жибао», 22.VIII.1975.

газет «Сборник стихов и песен нацменьшинств»⁶⁶ вошли такие стихи, как «Борясь с ревизионизмом, защищаясь от ревизионизма, охраняем границу», «С винтовкой в руках охраняем северную границу родины» и т. п. Ряд театральные постановки были посвящены теме «строительства и защиты границы», пропаганде деятельности армий в пограничных и других районах проживания неханьских народов. Место действия пьесы «Форпост» — южная граница Тибета; спектакль «Гроза в Мяолине» посвящен операциям НОА в районах с мяоским населением⁶⁷ и т. д.

ЖЕНЩИНЫ В КИТАЕ

В старом Китае женщины мало вовлекались в общественное производство, что соответствовало старым традициям, ограничивающим ее роль ведением домашнего хозяйства и присмотром за детьми, а также вытекало из конкретных условий хронической безработицы в городах и неполной занятости в сельском хозяйстве. Из десяти женщин в трудоспособном возрасте, проживавших в городах, девять не работали⁶⁸. В 1949 г. в Китае насчитывалось всего 600 тыс. женщин — рабочих и служащих, что составило 7,5% их общей численности. В 1957 г. численность женщин — рабочих и служащих увеличилась до 3,3 млн., т. е. 13,4%⁶⁹. Однако за исключением немногих отраслей, в которых по традиции заняты женщины, — текстильной, швейной, культтоваров, резиновой и керамической — в промышленности доля женщин оставалась очень низкой. Так, в машиностроении она составляла 8,1%, в химической — 15, в кожевенной — 9, электроэнергетической — 4,7% и т. д. Из общего числа женщин, занятых в промышленности, $\frac{2}{3}$ приходилось на текстильную и пищевую отрасли; в текстильной промышленности Шанхая удельный вес женщин достигал 45%⁷⁰.

В 1958 г., как известно, была предпринята попытка в экстраординарном порядке разрешить проблему занятости в городах, создав наряду с мелкой промышленностью так называемые «предприятия улицы», т. е. предприятия бытового обслуживания, находившиеся в ведении того или иного комитета улицы города. В результате, в течение нескольких месяцев занятость женщин в городах возросла до 7 млн., не считая 8 млн. женщин, участвовавших в производстве город-

⁶⁶ См. «Гуанмин жибао», 15.XI.1975; «Жэньминь жибао», 26.XII.1975.

⁶⁷ «Жэньминь жибао», 14.X.1975.

⁶⁸ См. «Современный Китай», М., 1972, с. 89.

⁶⁹ «Вэйдады шинянь», Пекин, 1959, с. 162.

⁷⁰ «Синьвэнь жибао», 3.I.1957.

ских «народных коммун». Без каких-либо капитальных вложений, без обучения производству и подготовки рабочих мест во время «большого скачка» более половины женщин трудоспособного возраста было вовлечено в производство. Работали они в непригодных помещениях, при отсутствии какого-либо современного оборудования, на вторичном сырье, выпускали в большинстве своем ненужную или негодную продукцию; оплачивать такой труд было нечем. Естественно, что затея с «промышленностью улицы», в которой на $\frac{3}{4}$ были заняты женщины, быстро провалилась; предприятия распались; женщины вернулись к своим прежним обязанностям.

Не лучше обстояло дело с занятостью женщин в китайской деревне. Хотя практически все женщины трудоспособного возраста принимали участие в сельскохозяйственном производстве в страдную пору, тем не менее лишь небольшая часть их могла считаться полностью занятыми. По обследованию 228 производственных кооперативов в 1957 г. $\frac{1}{3}$ всех женщины, занятых в течение года, отработали менее 50 дней в году, почти $\frac{2}{3}$ — менее 100 дней в году и лишь 8,2% — свыше 200 дней⁷¹. Возникла огромная разница в степени использования женского труда по отдельным районам страны. Так, в рисосеющих районах юга Китая занятость женщин вдвое превышала тот же показатель в северных районах страны. На Северо-Востоке женщины в среднем отработывали по 60 дней в году, в южных районах — по 133 дня⁷².

В 1975 г. в целом по стране на долю занятых в сельском хозяйстве приходилось 46% женщин, однако в некоторых провинциях, на отдельных видах работ и в страдную пору их роль решающим образом возрастала. Так, в пров. Гуандун во многих видах полевых работ участвовало 80% женщин. В «народной коммуне» Мачжай во Внутренней Монголии, по сообщению китайской прессы, среди скотоводов 85% составляли женщины⁷³. В окрестностях крупных городов женской рабочей силы насчитывалось 60—70%⁷⁴. Так, в «народной коммуне» Шюанцяо (в пригороде Пекина) 60% общего числа занятых в сельском хозяйстве были женщины⁷⁵.

Из сообщений китайской печати видно, насколько возросла доля женщин, принимающих участие в приращиваемых работах, в капитальном строительстве и т. д. Например, «железные девушки» Дачжайской производственной бригады

⁷¹ P. Schran. The Structure of Income in Chinese Agriculture. California, Berkeley, с. 196.

⁷² «Синьхуа баююэкань», 1958, № 18, с. 94—98.

⁷³ «Гуанмин жибао», 7.III.1975.

⁷⁴ «Чжунгун яньцзю», 1972, № 28, с. 29.

⁷⁵ «Жэньминь жибао», 18.XII.1975.

«изменили облик склона горы Хутоушань, создав террасированные поля». В «коммуне» Цидунсян пров. Цзянсу 7 тыс. женщин с наступлением зимы были направлены на ремонт небольших дамб, переброску на поля ила в качестве удобрения⁷⁶.

Расширение фронта работ с участием женщин в Китае привело к росту среднего числа отработанных ими дней в году. Так, Дачжайская производственная бригада добилась «рекордных» цифр. Если мужчины отработывали в среднем по 330 дней, то «железные девушки» — 320 дней, остальные женщины — 180—260 рабочих дней⁷⁷. В «коммуне» Цидунсян женщины в среднем отработали более 270 дней в году⁷⁸. Если учесть непосильную нагрузку для китайских женщин, их участие в тяжелых работах, постоянное недопотребление важнейших продуктов питания, отражающееся на здоровье, и отсутствие квалификации, то можно утверждать, что начавшаяся интенсивная замена мужского труда женским трудом в китайской деревне пагубно отразилась на эффективности производства и породила новые кризисные явления в китайской деревне.

С 60-х годов произошли значительные изменения в применении женского труда и в промышленности КНР. Наряду с традиционными отраслями женщины стали вовлекаться в тяжелую промышленность, в строительство и на транспорт, что сопровождалось громогласными пропагандистскими сообщениями в центральной прессе. Приведем некоторые из них: «Бригада нефтедобытчиков из молодых женщин на Дацинских нефтепромыслах развивала дух „железного“ человека на работах по добыче и перегонке нефти, строительству нефтепромыслов. Эта бригада была провозглашена „бригадой железных девушек“».

«„Группа 8 марта“ молодых девушек г. Гуанчжоу добровольно обучилась профессиям электриков, верхолазов, установщиков опор и приняла участие в строительстве ЛЭП-220».

«В районе Большого Хингана (пров. Хэйлуцзян) был организован женский понтонный отряд, который провел жестокий 70-дневный „бой“ — навел железобетонный мост длиной 110 м и шириной 5 м»⁷⁹.

Эти и многие другие сообщения показывали, что «героизм» китайских женщин необходим для преодоления «узких мест» в производстве, срочного выправления дел в экономике, преодоления различных трудностей, образовавшихся в результате пагубной экономической политики. Как правило, в

⁷⁶ «Жэньминь жибао», 23.11.1972.

⁷⁷ «Population Studies», 1972, № 2, с. 250.

⁷⁸ «Жэньминь жибао», 23.11.1972.

⁷⁹ «Чжунгун яньцзю», 1972, № 5.

производстве применялся неквалифицированный женский труд, на его подготовку не расходовались государственных средств, что серьезно отражалось на производительности и эффективности женского труда в целом.

Государство стремилось всячески «экономить» на использовании женского труда, в связи с этим нарушались или игнорировались законы и положения об охране труда и трудовом страховании. Так, в соответствии со статьей 16-й Положения о трудовом страховании рабочему или служащему выплачивалось пособие после рождения ребенка. Однако с начала 60-х годов это положение игнорировалось: при выдаче пособия принимались в расчет конкретные материальные условия семьи; пособие получали только «семьи, испытывавшие трудности»⁸⁰. В ряде случаев женщины вынуждены выходить на работу досрочно после родов⁸¹.

Китай являл собой картину широкого применения женского труда. В Шанхае в промышленности и на транспорте уже было занято несколько сотен тысяч женщин ($\frac{1}{3}$ всех рабочих и служащих). В городе фактически работали все трудоспособные женщины в возрасте до 45 лет. Около $\frac{1}{3}$ млн. бывших домохозяек привлечены к работе на предприятиях и в мелких мастерских, созданных комитетами улицы⁸². В Нанкине в начале 70-х годов вновь получила определенное развитие мелкая промышленность, которой руководили эти комитеты. К 1973 г. в городе насчитывалось свыше 500 мелких предприятий с числом занятых более 20 тыс. человек, из них 75% женщин⁸³. Даже на Дацинских нефтепромыслах женщины составили 20% общего числа рабочих и служащих⁸⁴.

В середине 60-х годов женщины составляли примерно $\frac{1}{4}$ всех работников, занятых в промышленности, торговле, культуре и образовании КНР⁸⁵. Можно полагать, что в 1975 г. удельный вес их поднялся примерно до $\frac{1}{3}$, если учесть политику высылки «грамотной» молодежи из крупных городов в сельские районы. По отдельным городам этот удельный вес значительно выше среднего по стране. (В Пекине примерно 40% работников женщины⁸⁶.)

Приведенные данные о занятости женщин в городах и сельских районах Китая отнюдь не свидетельствовали о рав-

⁸⁰ А. В. Холодковская. Рабочий класс Китая в период «урегулирования» (1961—1965). М., 1975, с. 131.

⁸¹ «Цзуго», 1966, № 5, с. 7.

⁸² ИБАС, 31.III.1973.

⁸³ «Жэньмиш жиблао», 11.III.1973.

⁸⁴ ИБАС, 9.III.1973.

⁸⁵ «Наука и техника Китая», 1967, № 4.

⁸⁶ ИБАС, 6.III.1973.

неправном положении женщин в Китае, об их подлинном освобождении в современных условиях.

Власти вынуждены признавать, что к женщинам в стране относились часто все еще презрительно, считали, что они не могут занимать ведущее положение, отводили им второстепенные роли. Как подчеркивалось в китайской прессе, среди части кадровых работников-женщин существует мнение, что работать трудно и хлопотно. По мнению некоторых, старые женщины — некультурны, женщины средних лет — обременены семьей, а молодым девушкам надо выходить замуж, поэтому вплотную заниматься работой женщинам невозможно. Всю ответственность за подобный тон и презрительное отношение к женщине маоисты в демагогических целях возложили на Лю Шао-ци, приписав ему «теорию бесполезности женщин».

Однако действительное положение китайской женщины, ее социальная и экономическая роль всецело зависели от политики государства, проводимой Мао Цзэ-дуном и его окружением. Женщины в КНР оставались неравноправными по сравнению с мужчинами прежде всего экономически. Сун Цин-лин в статье «Освобождение китайских женщин» писала: «В настоящее время у нас в народных коммунах сельских районов женщины в процессе производства за одинаковую работу по-прежнему получают меньшую заработную плату, чем мужчины»⁸⁷.

В сельскохозяйственных производственных кооперативах Китая женский труд всегда оплачивался ниже мужского. Так, в 1957 г. женщина, работая полный день, получала лишь $\frac{3}{5}$ оплаты рабочего дня⁸⁸. В «образцовой» Дачжайской бригаде, опыт организации и оплаты труда которой распространялся на всю страну, существовало различие в оплате труда мужчины и женщины. Так, если мужчинам в день начислялось 11 рабочих единиц, то девушкам — всего лишь 7,5. Для семейных женщин рабочий день сокращен, и они получали 6,5 рабочих единиц. В условиях, когда главенствующим принципом в оплате труда являлось не количество и качество, а преданность «идеям Мао», ни о каком фактическом равенстве в оплате труда в сельском хозяйстве Китая не могло быть и речи.

Подобная дискриминация женского труда существовала и в других отраслях материального производства. На фабрике, изготовлявшей теплую одежду, среднемесячная зарплата женщин составляла всего 35—37 юаней при средней зар-

⁸⁷ «Чжунгун яньцзю», 1972, № 5.

⁸⁸ «Population Studies», 1972, № 2, с. 249.

плате по Дацинскому району 60 юаней. Несмотря на наличие восьмизрядной тарифной сетки заработной платы, фактическая оплата женского труда значительно ниже по целому ряду причин: недостаточный стаж работы, меньшая активность в общественной работе и т. д.

Неравноправное положение китайской женщины можно видеть и в других сферах жизни. Новый закон о браке 1950 г. ликвидировал старые феодальные традиции, установил официальный возраст вступления в брак — не ниже 20 лет для мужчин и не ниже 18 лет для женщин. Однако случаи нарушений Закона о браке в КНР многочисленны: нередко в брак вступали девушки до 16 лет.

В положение о браке было добавлено несколько пунктов, появление которых объяснялось особым пониманием политической ситуации. В частности, предусматривались строгие «классовые» ограничения при выборе жениха и невесты. Не разрешалось расписываться жениху и невесте, если один из них принадлежал к помещицкому классу, другой — к крестьянской семье. Сельские власти предупреждались, что «в этих случаях возможен соблазн красивыми женщинами крестьян, особенно активистов». Таким образом предстояло «всячески препятствовать заговорам помещиков по вовлечению крестьян в семейные связи с ними». После завершения аграрной реформы и кооперирования помещицким детям трудно было найти себе пару для замужества⁸⁹.

Подобная регламентация распространялась и на город. В прессе проводились дискуссии на тему: «Можно ли рабочему и служащему любить выходцев из эксплуататорских классов?» Позже официальным основанием для брака объявлялась совместная работа («совместная цель в борьбе»). Различия в политических взглядах считались препятствием для вступления в брак.

Установление нового брачного возраста формально связывалось с укреплением здоровья матери и ребенка, здоровья всей нации. Однако, когда в стране менялась экономическая ситуация, возрастные критерии вступления в брак изменялись. В ходе кампании ограничения рождаемости (1956—1958) основное внимание уделялось повышению возраста вступления в брак, которое рассматривалось как наиболее эффективное средство. И если еще в 1954 г. откладывание браков квалифицировалось в качестве вредной, «мальтузианской идеи», то в 1957 г. в Пекине на совещании работников здравоохранения было принято решение поощрять поздние браки. Участники совещания пришли к выводу, что «вступле-

⁸⁹ «Гунжэнь жибао», 14.IV.1966.

ние в брак в возрасте 20—25 лет для женщин и 30—35 лет для мужчин не следует рассматривать как позднее»⁹⁰.

В этих условиях маоистское руководство не могло сформулировать четких позиций по поводу оптимального возраста вступления в брак. Исходя из политических установок, более желательны были поздние браки. В тот период пресса писала: «Мы должны изменить традицию ранних браков. Чем раньше люди вступают в брак, тем больше детей они имеют и тем больше трудностей приходится преодолевать молодежи... Пропаганда поздних браков необходима. В настоящее время многие молодые люди вступают в брак до 25 лет и даже до 20 лет, возлагая на себя бремя жизненных трудностей. Таким образом, необходимо энергично проводить работу с массами с целью преодоления вредных традиций ранних браков и распространения более позднего вступления в брак»⁹¹.

Несмотря на интенсивную пропаганду поздних браков, они не получили широкого распространения среди населения. Лишь после провала «большого скачка», огромных экономических затруднений, которые пережила вся страна, лишь в результате второй кампании по контролю над рождаемостью (1961—1965) властям удалось провести в жизнь идею поздних браков. На этот раз пропаганда за откладывание браков осуществлялась в более широком контексте «воспитания молодежи в революционном духе», когда брак и семья рассматривались как «бесполезная трата времени и энергии», что вело якобы к пренебрежению работой и учебой, к «политической отсталости».

В КНР искаженно трактовалось равноправие женщины в семье. Пропаганда ставила вопрос таким образом — если женщина живет только для семьи, то это — «бесполезная жизнь», она должна посвятить себя «большой семье» — кооперативу, фабрике, стране. «Женщина не может жить и для семьи, и для революции: революция должна быть на первом месте»⁹². Сурово наказывались учащиеся средних школ, которые помышляли о любви, их поведение критиковалось на публичных собраниях.

Пропаганда поздних браков и малодетной семьи осуществлялась по месту жительства и работы в форме лекций, выставок, показа кинофильмов, через специально подготовленный персонал агитаторов. В сельские районы направлялись тысячи подвижных медицинских отрядов, укомплекто-

⁹⁰ L. Aird. Population policy and Demographic Prospects in the PRC.— «Economic Profile of mainland China», 1972, с. 269.

⁹¹ «Жэньминь жибао», 5.III.1957.

⁹² «Чжунго цинянь бао», 22.XI.1962.

ванных городскими медработниками для пропаганды ограничения рождаемости.

«Ранние» браки рассматривались как вредные для здоровья супружеской пары и их детей, служили препятствием при получении образования, продвижения по службе. Рекомендуемый возраст вступления в брак равнялся 23—27 лет для женщин и 25—29 лет для мужчин. Против тех, кто пренебрегал этими рекомендациями, применялись административные меры. Нарушавшим не предоставлялось общежитие, не выдавались продовольственные карточки, женщинам не давали послеродовой отпуск. Девушки из деревни не получали права на жительство в городе. Особое внимание уделялось бракам демобилизованных солдат и кадровых работников. Солдат уговаривали брать невест из родных мест, а затем отсылали на постоянную работу в другие районы страны. Кадровым работникам помогали найти «подходящий объект» из активисток и т. д.⁹³

В период «культурной революции» сторонников ранних браков стали относить к числу «классовых врагов». В печати пропагандировалось: «Ранние браки и бесконтрольная рождаемость являются результатом привычек, унаследованных от старого общества. За влиянием этих привычек стоит борьба между двумя классами, двумя путями, двумя идеологиями»⁹⁴. Ранние браки считались противоречащими служению делу «культурной революции», делу председателя Мао. Поздние браки связывали с «приготовлениями к войне», «укреплением рядов партии»⁹⁵, надеждами на молодое поколение. Однако все эти призывы были непопулярны. Молодежь Китая всячески противилась принудительным мерам повышения брачного возраста.

Несмотря на жесткий административный контроль со стороны местных органов власти, были отмечены многочисленные случаи «нарушения» нового закона о браке, что вызвало серьезную озабоченность властей. В прессе, например отмечался «дурной ветер ранних браков среди грамотной молодежи» пров. Хэнань. Газеты призывали «во имя революции, всеми силами добиваться поздних браков»⁹⁶. В 70-е годы кампания пропаганды поздних браков охватила не только большинство густонаселенных районов страны⁹⁷, но и малонаселенные области. В частности, в прессе упоминалось о работе специальных групп по проведению кампании в провинциях Хэйлуцзян, Цзилинь и даже отдаленном степном

⁹³ «Чжунго пинлунь», 1972, № 435, с. 21.

⁹⁴ «Вэньхуэй бао», 22.IV.1968.

⁹⁵ «Иляо вэйшэн цзыляо», 1970, № 5.

⁹⁶ «Жэньминь жибао», 30.I.1971.

⁹⁷ «Гуанмин жибао», 7.III.1975.

районе пров. Ляонин, населенном монголами⁹⁸. Появлялись также сообщения о пропаганде поздних браков в местности, населенной мяо.

Другим направлением контроля над рождаемостью в Китае служили кампании по ограничению числа детей в семье и увеличению интервалов между рожденьями детей. Если в первой кампании в качестве идеала рассматривалась семья, где имелось трое детей с интервалами между рожденьями в три года⁹⁹, то в первой половине 60-х годов — семья с числом детей — двое, с интервалом рожденьев в три-пять лет¹⁰⁰. Был выдвинут лозунг «двое детей — хорошо, трое — слишком много, четверо детей — ошибка». «Нежелательные» дети не обеспечивались карточками на продовольствие и предметами первой необходимости, женщинам не предоставлялся декретный отпуск. В отдельных провинциях не ставили на снабжение четвертого и последующего ребенка (пров. Гуандун). Партком уезда Хусянь той же провинции постановил, чтобы на третьего ребенка выдавалось лишь 80% нормы продовольствия¹⁰¹.

В КНР была развернута широкая кампания по использованию противозачаточных средств. По обследованию пекинской главной больницы из замужних женщин в возрасте 18—45 лет применяли противозачаточные средства 62%, в г. Ухани — около 70%. В одном из уездов пров. Шаньдун количество населения, перешедшего на контролируемую рождаемость, достигло 91,3%¹⁰².

В ряде районов определенное распространение имели операции по стерилизации женщин. Обычно на эту операцию соглашались женщины в возрасте 35—40 лет, имеющие двух-трех детей. Согласие мужа было необязательно. Эту операцию выполняли как в больницах, так и в медпунктах, и даже на дому¹⁰³. По некоторым источникам, женщины, согласившиеся на операцию по стерилизации, получали единовременно 10 юаней, отпуск на 5 дней, а также паек из 15 кг риса и 1,5 кг мяса.

В большинстве районов страны молодых юношей и девушек принуждали составлять «индивидуальные планы» вступления в брак, предполагаемого года рождения первого ребенка и «желаемого» числа детей в будущей семье. Эти планы разрабатывались совместно с пропагандистами по ограниче-

⁹⁸ «Гуанмин жибао», 17.II.1973; «Жэньминь жибао», 23.VIII.1973.

⁹⁹ «Шэяоши бао», 5.III.1975.

¹⁰⁰ «Чжунго фунюй», 1966, № 4.

¹⁰¹ «Чжунгун яньцзю», 1972, № 72.

¹⁰² «Жэньминь жибао», 27.I.1974.

¹⁰³ «Studies in Family Planning», vol. 3, 1972, № 7, suppl.

нию рождаемости и утверждались местными комсомольскими, партийными и административными органами. Такими планами охватывались практически не только девушки, а все женщины в возрасте 18—45 лет в крупных городах и от 70 (пров. Фуцзянь) до 95% (пров. Цзянсу) в сельских районах.

Все эти принудительные меры по ограничению рождаемости дали свои результаты, которые привели к снижению показателя рождаемости в городах, а затем и в сельских районах.

Для внешнего мира демографическая политика в КНР маоистами изображалась как «гуманная» и полностью «добровольная». На сессии ЭКАДВ в 1973 г. китайский делегат Цзи Лун заявил, что «работа по контролю над рождаемостью в Китае основывается на принципах добровольности со стороны народных масс под государственным руководством», а наблюдатель КНР в Комиссии ООН по народонаселению Сюй Ли-чжан в 1974 г. утверждал, что эта политика «отвечает интересам и желаниям широких масс».

Режим широко использовал демагогию для покрытия своих неблагоприятных действий в отношении женщин Китая, спекулируя на фактах выборов женщин в различные руководящие партийные, государственные органы и общественные организации. Во время празднования Международного женского дня 8 Марта неоднократно отмечалась героическая роль женщин, получивших революционную закалку, упоминалось о выдвижении большого количества женщин на руководящие посты в парткомы и «ревкомы». В последнее время в газетах участились упоминания о возрождении и упорядочении женских организаций, разгромленных в годы «культурной революции». В ряде парткомов и «ревкомов» женщины стали составлять «определенный процент» (10—20%).

В политическом докладе на IX Всекитайском съезде КПК говорилось, что «такого количества женщин-делегатов еще не было в истории съездов КПК». Из 319 членов и кандидатов в члены ЦК на X съезде КПК была выдвинута 41 женщина, т. е. менее 13%. Из 218 членов Президиума 1-й сессии Всекитайского Собрания народных представителей КНР четвертого созыва (январь 1975 г.) женщины оказались 44, или 20% общего количества¹⁰⁴. Если учесть, что законодательный орган власти КНР почти полностью утратил свои функции и не собирался на очередную сессию в течение 11 лет, то можно представить всю меру формализма и демагогии, которую

¹⁰⁴ См. Документы X Всекитайского съезда КПК. Пекин, 1973, с. 94—98; Документы 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей КНР IV созыва. Пекин, 1975, с. 81—85.

представляло собой участие женщины в управлении маонистским государством.

«Активизация» роли женщины в КНР, прежде всего проявляющаяся в широком подключении десятков миллионов неподготовленных женщин к производству в малопродуктивных отраслях, на предприятиях с использованием неквалифицированного, низкооплачиваемого труда, не знаменует собой революционный процесс освобождения китайской женщины. На духовный рост, на самообразование, на воспитание детей ей не предоставляется ни возможностей, ни времени. Такова «модель» якобы освобожденной женщины, так и не получившей ни экономической свободы, ни равных прав с мужчиной в семье, в обществе, обреченной на материально и духовно убогое существование.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И МАССОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КИТАЯ

Новая конституция КНР, формально провозглашая КПК «руководящим ядром всего китайского народа», на деле ограничила ее роль функциями инструмента осуществления маонистского политического курса.

Конституция определила главной задачей государства осуществление так называемого «стратегического курса Мао Цзэ-дуна»¹. Тем самым подтверждалось создавшееся положение, при котором КПК утратила право самостоятельно разрабатывать, принимать и проводить в жизнь политический курс страны.

Одновременно под предлогом необходимости укрепления «руководства государством со стороны Коммунистической партии Китая» новая конституция КНР узаконила такие методы внутриполитической борьбы, как использование дацзыбао, которые в «культурной революции» были направлены против руководящих органов и организаций КПК. Фактически это означало, что подобные методы в любой момент вновь могли быть применены против партийных организаций, если деятельность их будет квалифицирована правящей группировкой как идущая вразрез с политическими установками руководства или как недостаточно последовательное осуществление их.

Роль руководящих органов и организаций КПК в качестве орудия осуществления политического курса Мао Цзэ-дуна вновь проявилась в том, что на них была возложена ответственность за проведение очередных общенациональных политических кампаний, ставших в последнее время для маонистской верхушки главным средством реализации ее установок во всех сферах деятельности — в политике, экономике, идеологии, культуре и т. д. В частности, была развернута кампания «изучения теории диктатуры пролетариата». После ее официального провозглашения в органах печати комитетов КПК провинциального звена стали появляться пе-

¹ «Жэньминь жибао», 20.1.1975.

редовые статьи, излагающие ее основные установки. В течение февраля — июня в этих комитетах состоялись многочисленные совещания по вопросам проведения кампании.

Парткомы наряду с кампанией «изучения теории диктатуры пролетариата» вели также работу, связанную с кампаниями «учебы» у Дачжая и Дацина. Созданные еще в 1974 г. «отряды теоретиков-марксистов» представляли собой костяк активистов, осуществлявших идеологические кампании на местах.

Партийное строительство в 1975 г.

Используя КПК в качестве главного инструмента осуществления своей политики, маоистское руководство продолжало уделять большое внимание проблемам «партийного» строительства.

Эти проблемы стояли на повестке дня пленумов парткомов провинциального уровня, состоявшихся в провинциях Хэйлуцзян, Хунань, Цинхай и др. Организационное строительство велось в КПК под общим лозунгом необходимости дальнейшего утверждения принципа «демократического централизма»², как известно, означавшего насаждение системы принудительной дисциплины по армейскому образцу, призванной обеспечить неукоснительное выполнение директив Мао Цзэ-дуна органами и организациями КПК.

Главной задачей в области организационного строительства оставалась дальнейшая реализация установок на так называемое «соединение представителей трех поколений» («соединение трех») в составе руководства партийных органов и организаций. Официальная интерпретация этих установок по-прежнему требовала выдвижения в состав руководства партии «молодых» кадровых работников, с которыми связывались надежды на более эффективное и последовательное осуществление политического курса Мао Цзэ-дуна. Поэтому печать неоднократно напоминала о необходимости введения «молодых» кадров в состав руководства низовых партийных организаций, а также парткомов среднего уровня³.

Некоторое понятие об официальных требованиях относительно норм представительства каждой из трех категорий кадровых работников, по крайней мере в руководящих партийных органах среднего звена, можно получить на примере парткома уезда Хайлунь (пров. Хэйлуцзян). В составе это-

² «Хунци», 1975, № 1, с. 6.

³ «Гуанмин жибао», 18 и 30.XII.1975.

го парткома на кадры «старшего» поколения приходилось 12%, «среднего» поколения — 57 и «молодых» кадровых работников — 31%⁴. О таких же нормах для низовых партийных организаций можно судить на примере одной из «коммун» Хэйлуцзян, где 17 человек из числа «молодых» кадров были назначены на должности секретарей и заместителей секретарей партийных ячеек в 15 больших производственных бригадах «коммуны».

Что касается руководящих партийных органов провинциального звена, то приблизительную картину можно составить на основании следующих данных. По неполным подсчетам, в парткомах провинциального уровня было произведено не менее 38 новых назначений. На посты первых секретарей назначались исключительно «старые» кадры, многие из которых стали в свое время жертвами «культурной революции», но впоследствии были реабилитированы. Представители этой прослойки кадров преобладали и в назначениях на посты секретарей парткомов при незначительной уступке тем, кто считался «выдвиженцами культурной революции» и последующих политических кампаний.

В новых назначениях на посты членов постоянных комитетов парткомов почти такое же или даже несколько большее преимущество получили представители «среднего» и «молодого» поколений. При этом характерно почти полное отсутствие армейских кадров.

Важным моментом «организационного строительства» партии оставался интенсивный прием в ее ряды новых членов, судя по отрывочным сведениям, опубликованным в китайской печати. Сообщалось, например, что к началу года число «новобранцев» партии составило в пров. Ляониня 41,4% общего количества ее членов, при этом 61,3% самих «новобранцев» приходилось на молодежь.

Несмотря на скупость официальных данных о приеме новых членов в КПК, очевидно, руководство продолжало придавать ему огромное значение, стараясь путем обновления кадрового состава за счет «выдвиженцев культурной революции» и последующих политических кампаний придать необратимый характер процессу превращения КПК в орудие осуществления своей политики. Однако, видимо, результаты усилий в этой области не совсем соответствовали первоначальному плану, в конце года органы КПК печатали призывы не увлекаться количеством принятых новых членов в партию, а больше внимания обращать на качество⁵.

«Идеологическое строительство» КПК осуществлялось в

⁴ «China News Analysis», № 1007, 11.XII.1975.

⁵ «Жэньминь жибао», 15.VIII.1975.

первую очередь в рамках проводившихся на протяжении года общенациональных политических кампаний («критики Линь Бяо и Конфуция» и «критики романа „Речные заводи“»). Поэтому его ведущими организационными формами по-прежнему были всевозможные «учебные группы», или «курсы», создававшиеся специально для изучения как старых, так и новых установок каждой очередной кампании. Эти группы и курсы создавались отдельно для рядовых членов партии, для руководящих кадров низовых организаций, а также для кадровых работников руководящих партийных органов среднего звена.

Важнейшая роль в решении задач «идейного и организационного строительства» КПК, как и раньше, отводилась так называемым «школам 7 мая». Их главная функция теперь заключалась в подготовке и переподготовке кадровых партийных работников для руководящих органов всех ступеней. В частности, именно в этих «школах» готовились к руководящей работе «новые» или «молодые» кадры, которые после их окончания получали назначения на ответственные посты в органах КПК и партийных организациях. В то же самое время эти «школы», несомненно, продолжали выполнять и свои репрессивные функции в отношении тех кадровых работников, которых направляли сюда за «провинности» политического характера.

Руководящие партийные органы КПК, под эгидой которых функционировали «школы 7 мая», уделяли им в своей деятельности большое внимание, организуя на протяжении года специальные совещания, посвященные вопросам работы этих «школ»⁶.

Новое «движение за упорядочение стиля»

Решение задач партийного строительства в 1975 г. по-прежнему ставилось руководством КПК в прямую зависимость от результатов борьбы с тенденциями, квалифицированными как противодействие «линии Мао Цзэ-дуна» или как отклонение от нее. Эта борьба велась в рамках кампании «изучения теории диктатуры пролетариата», которая была охарактеризована как «продолжение борьбы двух линий в партии»⁷.

Существование и действие негативных, с точки зрения маоистского руководства КПК, тенденций было на этот раз

⁶ «Чжунгун яньцзю», т. 9, 1975, № 5(101), с. 154; № 6(102), с. 147; № 8(104), с. 136.

⁷ «Хунци», 1975, № 2, с. 52.

объяснено сохранением норм «буржуазного права» и присутствием «новых буржуазных элементов» внутри партии⁸. С самого начала новой кампании был сделан достаточно ясный намек на то, что кампания фактически должна вылиться в очередную чистку партии⁹. И по прошествии некоторого времени «изучение теории диктатуры пролетариата» действительно было приравнено по своему значению к яньбаньскому «чжэнфэну» 40-х годов¹⁰.

Вопрос о развертывании нового «чжэнфэна», по сути дела, был поставлен в КПК еще в начале 1975 г., до провозглашения кампании «изучения теории диктатуры пролетариата». Острее очередного «упорядочения» было направлено, как и прежде, в первую очередь против руководящих партийных органов всех ступеней. Характерно, что в новогодней передовой трех редакций была поставлена задача развернуть «активную идейную борьбу внутри руководящих партийных органов»¹¹, а такие заявления, как правило, предшествовали развертыванию в КПК очередных чисток.

Уже в январе в органах печати провинциальных комитетов КПК появились сообщения о необходимости кампании по «упорядочению партии» и «упорядочению стиля» в КПК¹². А на совещании по организационно-партийной работе, созванном в первой половине января комитетом КПК пров. Цинхай, обсуждался вопрос о проведении в руководящих органах и организациях КПК так называемого «упорядочения» как «идейного», предусматривавшего «изменение идей», так и «организационного», под которым подразумевалась «смена людей», т. е. чистка партийных организаций от кадров, заподозренных в нелояльности «линии Мао Цзэ-дуна».

После провозглашения кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» на совещании по вопросу о ее реализации, созванном в апреле комитетом КПК пров. Цзянси, также были выдвинуты задачи «упорядочения стиля» и «организационного упорядочения», а на августовском совещании по организационно-партийной работе, созванном комитетом КПК пров. Чжэцзян, говорилось о необходимости «идейного и организационного упорядочения партийных организаций».

Первые конкретные шаги по проведению чистки в руководящих партийных органах, по-видимому, были предприня-

⁸ «Жэньминь жибао», 9.11.1975; «Хунци», 1975, № 2, с. 36—55.

⁹ «Хунци», 1975, № 2, с. 52.

¹⁰ «Хунци», 1975, № 6, с. 4.

¹¹ См. «Наньфан жибао», 1.1.1975.— «Чжунгун яньцзю», т. 9, 1975, № 2 (98), с. 152.

¹² «Наньфан жибао», 11.1.1975.

ты в марте — апреле. В апрельском номере журнала «Хунци» появились первые открытые призывы заняться «упорядочением линии» и «идейным и организационным строительством». В это время — в мартовском и апрельском номерах того же журнала — были опубликованы установочные статьи члена Политбюро ЦК КПК Яо Вэнь-юаня и члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Чжан Чунь-цяо, явно призванные активизировать кампанию «изучения теории диктатуры пролетариата».

Именно в статье Яо Вэнь-юаня был впервые выдвинут лозунг о «стабильности и сплоченности», представленный впоследствии в качестве очередного указания Мао Цзэ-дуна. Как свидетельствовала вся предшествовавшая практика, призывы к «сплочению» провозглашались всякий раз, когда предполагалось проведение очередных широкомасштабных чисток.

Показательным в этом плане являлось то обстоятельство, что чистку 40-х годов, или яньаньский «чжэнфэн», они именovali не иначе как «движение за сплочение партии». Иными словами, возглавляемое Мао Цзэ-дуном руководство всегда призывало добиваться «сплочения» одним путем — чисткой противников «идей Мао».

В статье Чжан Чунь-цяо полностью было процитировано то место из выступления Мао Цзэ-дуна на I пленуме ЦК КПК девятого созыва в апреле 1969 г., где он фактически выразил политическое недоверие руководящим кадрам низовых партийных организаций, заявив, что они не являются «марксистами», т. е. сторонниками его «линии»¹³. При этом Мао Цзэ-дун назвал такое положение одной из главных причин, вызвавших «культурную революцию», и дал тем самым понять, что считает эту проблему окончательно не решенной.

В статье Чжан Чунь-цяо был выдвинут получивший впоследствии широкое распространение тезис о том, что многие вступившие в КПК «в организационном отношении» оставались вне партии «в идейном отношении»¹⁴, которому в политической практике маоистов также всегда отводилась роль некоего обоснования предстоявших репрессий. Поэтому статья прозвучала как явный призыв к новой чистке «руководящих кадровых работников партии».

Согласно опубликованным в прессе сообщениям, на местах к практической реализации установок кампании «изучения диктатуры пролетариата» и внутрипартийной чистке приступили в июне — июле. Так, в начале июня состоялось

¹³ «Хунци», 1975, № 4, с. 6.

¹⁴ Там же, с. 10.

созванное комитетом КПК пров. Хунань совещание по вопросу о «строительстве руководящих групп»¹⁵. На одном из совещаний, устроенном парткомом пров. Хэйлуцзян было заявлено о необходимости «решить вопрос о направлении работы и линии» руководящих партийных органов¹⁶. В июле аналогичные призывы были подхвачены комитетами КПК других провинций.

Судя по всему, в июне — июле в КПК действительно начался широкий процесс организационной чистки и перестройки руководящих партийных органов под флагом «чжэн-фэна». Толчок к его развитию дал закрытый пленум ЦК КПК, состоявшийся, по сообщению некоторых зарубежных информационных агентств, в конце мая. В начале июля в журнале «Хунци» и газете «Жэньминь жибао» появились статьи по проблемам партийного строительства, приуроченные к годовщине образования КПК, в которых руководящие партийные органы обвинялись в неспособности эффективно осуществлять «линию Мао Цзэ-дуна». В связи с этим ставился вопрос о необходимости реорганизации и «упорядочения» их с целью превращения в «боевой оплот» по претворению в жизнь маоистского политического курса¹⁷. И хотя в статье содержалась традиционная для таких случаев оговорка, будто речь шла о «меньшинстве» партийных организаций, несомненно, масштабы их охвата были более значительными.

«Упорядочение» руководящих партийных органов и организаций в этот период, судя по сообщениям, поступавшим из провинций, тесно связывалось с поставленными перед кампанией «изучения теории диктатуры пролетариата» задачами резкого повышения темпов роста промышленного и сельскохозяйственного производства. Решение этих задач в тех или иных организациях ставилось в прямую зависимость от проведения в них «упорядочения руководящих групп»¹⁸.

Эти же мотивы прозвучали и на всекитайском совещании по Дачжаю, провозгласившем «создание уездов типа Дачжая» важной задачей всей партии. Там было сказано, что «ключ» к решению этой задачи — формирование соответствующего руководства уездных парткомов путем их «упорядочения»¹⁹. В выступлении Цзян Цин, не опубликованном в китайской печати, но содержание которого стало известно

¹⁵ «Чжунгуан яньцзю», т. 9, 1975, № 7, с. 146.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Хунци», 1975, № 7, с. 17—19; «Жэньминь жибао», 1.VII.1975.

¹⁸ «China news analysis», 5 и 12.IX.1975; см. также «Жэньминь жибао», 17.VIII.1975.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 19, 25 и 28.IX.1975.

за рубежом, необходимость такого «упорядочения» мотивировалась тем, что негативная или пассивная позиция партийного руководства являлась якобы одним из главных препятствий на пути развития «учебы у Дачжая».

Совещание по Дачжаю вызвало еще большую активизацию кампании «упорядочения стиля» в КПК. Почти сразу же после закрытия совещания в «Жэньминь жибао» в специальной статье появился призыв усилить процесс «упорядочения партии» и «упорядочения стиля»²⁰.

На состоявшихся в октябре — ноябре совещаниях руководящих партийных органов провинциального и среднего звена было заявлено, что впредь «упорядочение стиля» будет проводиться в парткомах среднего звена два раза в год, а в низовых партийных организациях — постоянно. В это время с мест стали поступать сообщения о проведении «чжэнфэна» в руководящих партийных органах и организациях, и именно тогда появились установки, призывавшие «сочетать» развернутую в конце августа — начале сентября кампанию критики романа «Речные заводы» со «строительством» руководящих партийных органов.

Отдельные сообщения позволяли составить некоторое представление о последствиях нового «чжэнфэна». В частности, доклад об обследовании изучения теории диктатуры пролетариата и осуществления строительства низовых партийных организаций, подготовленный в июне партийным комитетом одной из «коммун» в пров. Хэйлуцзян, показал, что в процессе «упорядочения» там были смещены руководители партийных ячеек больших производственных бригад. По-видимому, эта ситуация может в известной мере расцениваться как типичная.

Внутрипартийная борьба

Чистка, развернутая в КПК в 1975 г., как всегда, была нацелена на всех, проявлявших оппозиционные настроения в отношении маоистского политического курса, и прежде всего «культурной революции» и ее итогов, которые пекинская пропаганда именовала «новыми социалистическими явлениями».

В известном выступлении о задачах кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» еще в январе 1974 г. заместитель председателя ЦК КПК Ван Хун-вэнь признавал широкое распространение в партии негативной оценки «культурной

²⁰ «Жэньминь жибао», 26.X.1975.

революции». Утверждение «правильного отношения» к «культурной революции» в среде кадровых партийных работников было объявлено одной из важнейших задач кампании «изучения теории диктатуры пролетариата»²¹. По словам «Жэньминь жибао», это было обусловлено наличием в их рядах тех, кто не только «плохо» относился к ее результатам («новым социалистическим явлениям»), но и стремился к их ликвидации («подавлял») ²². По свидетельству корреспондента итальянской газеты «Коррьере дела сера», в разговоре с ним один из кадровых работников КПК заявил, что считает «культурную революцию колоссальной ошибкой»²³.

Именно эти настроения кадровых партийных работников заставили маоистское руководство развернуть во второй половине года широкую кампанию по борьбе с так называемой «буржуазной фракционностью», под которой имелись в виду любые оппозиционные тенденции. Кампания эта широко не освещалась в центральных органах печати КПК, однако занимала видное место в деятельности комитетов КПК провинциального звена.

К концу года руководство КПК резко активизировало свои усилия, нацеленные на утверждение «правильного отношения» к «культурной революции». В начале декабря в «Жэньминь жибао» этой теме были посвящены две статьи установочного характера. Восхвалениями в адрес «культурной революции» и ее результатов была заполнена «новогодняя» передовая той же газеты.

Многие факты свидетельствовали о том, что в КПК на протяжении всего года продолжали развиваться и межфракционные конфликты, связанные главным образом с борьбой за власть и влияние на самых различных уровнях партийного руководства, в первую очередь на высшем уровне. В июньском интервью заместителя председателя ЦК КПК Дэн Сяо-пина группе американских журналистов содержалась беспрецедентная публичная полемика с Яо Вэнь-юанем. Дэн Сяо-пин выразил несогласие с его тезисом (опубликованным в мартовском номере журнала «Хунци») о существовании опасности для нынешнего режима со стороны некой «буржуазии».

Следовательно, одним из важнейших аспектов кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» являлась борьба между группировкой в руководстве КПК, именуемой «фракцией культурной революции», лидерами которой считали Цзян Цин, Ван Хун-вэня, Чжан Чунь-цяо, Яо Вэнь-юаня, и

²¹ «Хунци», 1975, № 4, с. 40.

²² «Жэньминь жибао», 3.IV.1975.

²³ «Corriere della sera», 21.VI.1975.

той, которую условно называли «группировкой старых партийных кадров». Отсюда также ясно, кого имели в виду лидеры фракции «культурной революции», якобы выступавшие против «буржуазии».

Признаком продолжавшегося противоборства этих группировок явились также сообщения ряда информационных агентств о распространении в Пекине материалов, направленных лично против Дэн Сяопина, резко осуждавших процесс реабилитации старых кадровых партийных работников, ставших в свое время жертвами «культурной революции»²⁴. С этим связано и появление материалов, в которых критиковалась Цзян Цин за интервью американке Уитке, данном ею еще в 1972 г.²⁵; сведения о дацзыбао в Ханчжоу, направленных против Ван Хун-вэня²⁶.

Борьба внутри руководящих органов КПК среднего и низового звеньев отражалась в печати преимущественно в виде конфликта между «старыми» и «молодыми» кадровыми партийными работниками. Официальная пресса, с одной стороны, объявила «клеветническими» утверждения о наличии острых противоречий между новыми и старыми кадровыми работниками, «между одной и другой фракциями»; с другой — нередко сообщала факты о «зажиме» и «притеснении» «старыми» кадрами «молодых», о произвольных перемещениях «молодых» кадров на низшие посты²⁷. В одной из публикаций журнала «Хунци» было высказано резкое раздражение по поводу «беспринципных склок» и «беспринципной фракционной борьбы» в партийных организациях²⁸.

Все эти проявления внутрипартийной борьбы и конфликтов свидетельствовали о том, что в 1975 г. в КПК продолжала сохраняться та чреватая кризисами ситуация, которая была порождена общим курсом Мао Цзэ-дуна и особенно «культурной революцией».

Наиболее важным итогом 1975 г. для КПК явилось законодательное оформление в новой конституции КНР места и роли партии в общей политической структуре режима. Факты, связанные с деятельностью КПК в 1975 г., показали, что она действительно играла роль основного инструмента претворения в жизнь курса Мао Цзэ-дуна: ответственность за его осуществление была возложена на руководящие органы и организации КПК, и именно они проводили в жизнь все главные установки Мао. В процессе реализации этих уста-

²⁴ «Times», 11.VIII.1975.

²⁵ «Daily Telegraph», 11 и 27.XI.1975.

²⁶ «Indian express», 3.IX.1975.

²⁷ «Жэньминь жибао», 9.IV, 1.VII, 11.IX, 1975.

²⁸ «Хунци», 1975, № 8, с. 20.

новок достаточно активно функционировали все основные звенья организационной структуры партии.

В то же время характерно, что на протяжении года состоялся всего лишь один официально объявленный пленум ЦК КПК (II пленум десятого созыва), связанный с созывом сессии ВСНП. Последующие важнейшие политические решения, в частности о новых общенациональных кампаниях, принимались, как это официально объявлялось, лично Мао Цзэ-дуном. И это лишний раз подтверждало, что партия оставалась на протяжении года исполнителем директив своего «кормчего».

И даже если принять во внимание возможность проведения закрытых пленумов ЦК, подобных пленуму, состоявшемуся предположительно в мае, о которых официально ничего не сообщалось, то суть дела не менялась.

Еще одним характерным для 1975 г. моментом явилось развертывание внутри КПК новой кампании «упорядочения стиля».

В деятельности КПК в 1975 г. по-прежнему наблюдались такие факты и явления, которые могли рассматриваться как прямое свидетельство продолжавшегося действия оппозиционных тенденций, острой внутривнутрипартийной борьбы и междоусобных конфликтов, связанных с борьбой за власть. Коренные причины этих явлений связаны прежде всего с порочностью и общей несостоятельностью проводившегося политического курса.

СЪЕЗДЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ

I съезд КПК

23 июля — 5 августа 1921 г., Шанхай. Присутствовало 13 делегатов от семи коммунистических кружков, представлявших примерно 60 членов партии.

Приняты «Первая программа Коммунистической партии Китая» и «Первое решение о целях КПК».

Избрано Временное бюро: Чэнь Ду-сю (секретарь), Чжан Го-тао, Ли Да.

II съезд КПК

16—23 июля 1922 г., Шанхай. 12 делегатов от 123 членов партии.

Приняты: Устав КПК; Программа-минимум в виде Декларации II съезда КПК; Резолюции: о вступлении КПК в Коминтерн; о международном положении; о международном империализме; о национальном едином фронте; о парламентской деятельности; о профсоюзном движении; о молодежном движении; о женском движении; об Уставе Коммунистической партии Китая.

Принято решение об издании центрального органа партии — политического еженедельника «Сяндао» («Проводник»).

Избран ЦК из пяти человек. Генеральный секретарь — Чэнь Ду-сю.

III съезд

10—19 июня 1923 г., Гуанчжоу. 30 делегатов от 420 членов партии.

Принято официальное решение о вступлении коммунистов в гоминьдан, который признавался организационной формой единого национального фронта и руководителем национально-революционного движения в Китае.

Приняты Декларация III съезда КПК; Резолюция по докладу делегата от КПК на IV конгрессе Коминтерна; Решение об отношении к национальному движению и гоминьдану; Резолюции: о рабочем движении; об аграрном движении; о женском движении; о пропаганде и просвещении.

Избран ЦК из девяти членов и пяти кандидатов. Генеральный секретарь — Чэнь Ду-сю.

IV съезд КПК

14—21 января 1925 г., Шанхай. 20 делегатов от 994 членов партии.

Съезд разработал новую тактику КПК в отношении гоминьдана.

Приняты: Устав КПК; Декларация IV съезда КПК. Резолюции: по докладу делегата КПК на V конгрессе Коминтерна; по докладу представителя ИККИ; по докладу ЦК; о позиции Троцкого; о национально-революционном движении; о профсоюзном движении; о крестьянском движении; о движении молодежи; о женском движении; об агитационно-пропагандистской работе; по организационным вопросам.

Было также принято специальное Обращение в связи с первой годовщиной со дня смерти В. И. Ленина.

Избран ЦК из девяти членов и пяти кандидатов. Генеральный секретарь — Чэнь Ду-сю.

V съезд КПК

27 апреля — 11 мая 1927 г., Ухань. 80 делегатов от 58 тыс. членов партии.

Приняты: Декларация съезда; Политическая резолюция; Резолюции: по аграрному вопросу; по профсоюзному движению; по организационному вопросу; Решение о Политбюро и Секретариате.

Съезд внес поправки и дополнения в Устав.

Избран ЦК — 29 членов и 11 кандидатов. Избрано Политбюро в составе шести человек. Генеральный секретарь — Чэнь Ду-сю.

VI съезд КПК

18 июня — 11 июля 1928 г., Москва. 118 делегатов (84 с решающим, 34 с совещательным голосом) от 130 тыс. членов партии.

Приняты: Развернутая программа КПК; Политическая резолюция; Устав КПК; Резолюции: по аграрному вопросу; по крестьянскому вопросу; о профсоюзном движении; о комсомоле; по организационной работе; по национальному вопросу.

Съезд разработал предложения по организации стратегии и тактики Красной армии Китая.

Избран ЦК — 23 члена и 13 кандидатов. Председатель Политбюро и Секретариата ЦК — Сян Чжун-фа.

VII съезд КПК

23 апреля — 11 июня 1945 г., Яньань. 544 делегата с решающим и 208 с совещательным голосом от 1211 тыс. членов партии. Повестка дня: доклад Мао Цзэ-дуна «О коалиционном правительстве»; доклад Лю Шао-ци «О новом Уставе партии».

Принят Устав КПК. Съезд признал в качестве теоретической основы партии «идеи Мао Цзэ-дуна».

Избран ЦК — 44 члена и 33 кандидата. Председатель партии — Мао Цзэ-дун.

VIII съезд КПК

Первая сессия

15—27 сентября 1956 г., Пекин. 1026 делегатов с решающим и 86 с совещательным голосом от 10 730 тыс. членов партии. Присутствовало 50 делегатов братских компартий.

Повестка дня: 1) Политический отчет ЦК КПК (Лю Шао-ци); 2) Доклад об изменениях в Уставе партии (Дэн Сяо-пин); 3) Доклад о предложениях по второму пятилетнему плану народного хозяйства (Чжоу Энь-лай).

Принят Устав КПК, в котором изъято всякое упоминание об «идеях Мао Цзэ-дуна» как идейной основе партии. Съезд подтвердил правильность генеральной линии КПК, принятой в 1952 г. Утвержден второй пятилетний план народного хозяйства на 1958—1962 гг.

В состав нового ЦК вошли практически все члены ЦК, избранные на VII съезде КПК. Председатель ЦК КПК — Мао Цзэ-дун.

Вторая сессия

5—23 мая 1958 г., Пекин (сессия проходила в закрытом порядке и ревизовала, по существу, решения первой сессии).

Повестка дня: 1) Доклад Лю Шао-ци о работе ЦК КПК; 2) Доклад Тань Чжэнь-линя о разъяснениях к «Основным положениям развития сельского хозяйства КНР на 1956—1967 гг.»; 3) Доклад Дэн Сяо-пина о Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве.

Были приняты соответствующие резолюции по докладам. 2-я сессия VIII съезда КПК утвердила новую (маоистскую) генеральную линию КПК, политику «большого скачка».

Избрано 25 новых кандидатов в члены ЦК КПК.

IX съезд КПК

1—24 апреля 1969 г., Пекин.

На съезде присутствовало 1512 человек. Участники съезда не избирались, а были отобраны руководящей верхушкой.

В качестве основного документа съезда был принят доклад Линь Бяо. Принят Устав КПК, где официально закреплены «идеи Мао Цзэ-дуна» в качестве программных и организационных установок партии.

Съезд провозгласил курс на подготовку к войне как долговременную программу партии и всего народа.
Избран ЦК из 170 членов и 109 кандидатов, среди нового состава 53 человека из прежнего состава. Председатель ЦК — Мао Цзэ-дун, заместитель председателя (преемник Мао) — Линь Бяо.

X съезд КПК

24—28 августа 1973 г., Пекин. Согласно коммюнике, присутствовало 1249 делегатов.

(Съезд проходил в условиях строжайшей секретности).

После окончания работы съезда были опубликованы; краткое коммюнике; Политический отчет ЦК КПК (Чжоу Энь-лай); Доклад об изменениях в Уставе партии (Ван Хун-вэнь).

Принят Устав партии.

Избран ЦК из 319 членов и кандидатов, из них 111 — новых.

30 августа состоялся I пленум Центрального комитета Коммунистической партии Китая 10-го созыва. Пленум избрал центральные органы. Результаты выборов:

Председатель Центрального Комитета — Мао Цзэ-дун.

Заместители председателя Центрального Комитета: Чжоу Энь-лай, Ван Хун-вэнь, Кан Шэн, Е Цзянь-ин, Ли Дэ-шэн. Члены Политбюро ЦК: Мао Цзэ-дун, Ван Хун-вэнь, Вэй Го-цин, Е Цзянь-ин, Лю Бо-чэп, Цзян Цин, Чжу Дэ, Сюй Шин-ю, Хуа Го-фэн, Цзи Дэп-куй, У Дэ, Ван Дун-син, Чэнь Юн-гуй, Чэнь Си-лянь, Ли Сянь-нянь, Ли Дэ-шэн, Чжан Чунь-цяо, Чжоу Энь-лай, Яо Вэнь-юань, Кан Шэн, Дун Би-у.

Кандидаты в члены Политбюро ЦК: У Гуй-сян, Су Чжэнь-хуа, Ни Чжи-фу, Сайфуддин.

Члены Посвященного комитета Политбюро ЦК: Мао Цзэ-дун, Ван Хун-вэнь, Е Цзянь-ин, Чжу Дэ, Ли Дэ-шэн, Чжан Чунь-цяо, Чжоу Энь-лай, Кан Шэн, Дун Би-у.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

После разгрома Коммунистического союза молодежи Китая (КСМК) в период «культурной революции» с 1968 г. начала фактически оформляться новая массовая молодежная организация. Она ставила своей конечной целью воспитание молодого поколения в духе маоистских канонов. Однако этот процесс происходил довольно медленно и с периодическими перерывами, связанными в основном со спадом или обострением внутривнутриполитической борьбы за власть в КПК.

В 1975 г. в деятельности КСМК можно выделить следующие четыре момента: продолжалось «упорядочение» работы комсомольских организаций всех ступеней и ужесточение контроля над ними; усилилось привлечение комсомола к проведению массовых идеологических кампаний, организуемых КПК; делалась попытка созыва X съезда КСМК; активизировалась подготовка молодежи к работе в сельскохозяйственном производстве, от комсомола требовалось углубление «воспитательной работы» среди молодежи, отправленной в деревню.

В процессе «упорядочения» работы комсомольских организаций всех ступеней неизменно ставилась цель обеспечения в них полного контроля. Проведенные в течение второй половины 1974 г. и в 1975 г. пленумы и заседания комитетов КСМК ряда провинций и принятые на них решения подтвердили наличие в некоторых комсомольских организациях сопротивления руководству КПК, нежелание многих комсомольцев участвовать в массовых идеологических кампаниях; отмечали появление в КСМК «духа фракционности». Так, в апреле 1975 г. комитет комсомола пров. Юньнань издал циркуляр, требовавший «широкой пропаганды диктатуры пролетариата и борьбы с фракционностью». К еще большей «боевитости» призывали комсомольцев на своих пленумах комитеты КСМК провинций Цзянсу, Хубэй и др.

Руководство КПК в 1975 г. осуществляло настойчивые попытки мобилизовать комсомол к активному участию в кампаниях «критики Линь Бяо и Конфуция», «изучения теории диктатуры пролетариата», «критики романа „Речные заводы“» и «в сельском хозяйстве учиться у Дачжая». Особые надежды возлагались в этом смысле на X съезд КСМК (IX съезд был в 1964 г.).

Однако несмотря на создание подготовительной группы съезда (первое заседание группы состоялось еще в феврале 1975 г. в Пекине) и ее решение созвать съезд в середине 1975 г., несмотря даже на проведение в некоторых провинциях конференций по выборам делегатов на Всекитайский съезд КСМК, съезд так и не был созван.

Весьма серьезные причины воспрепятствовали созыву съезда. Прежде всего выявилась неспособность руководства разрешить целый ряд проблем, возникших в кадровой политике «соединения трех поколений» («старших», «средних» и «молодых» кадров), а также проблему подготовки и расстановки молодых комсомольских кадров, у которых отсутствовал опыт руководства организациями.

Среди китайской молодежи усилились тенденции к критике результатов «культурной революции» и порожденных ею пресловутой «социалистической нови» — «отправки грамотной молодежи в отдаленные сельские и горные районы», «осуществлении революции в области образования» и др.²⁹ В связи с этим на страницах «Хунци», центральных и местных газет неоднократно раздавались призывы к кадровым работникам старшего и среднего звена обеспечивать «сочетание трех поколений», воспитывать молодых кадровых работников среди комсомольцев в духе верности маоизму. Отмеча-

²⁹ См. «Хунци», 1975, № 12; «Жэньминь жибао», 28.XII.1975.

лось, что особо важной задачей КСМК было осуществить направление «грамотной молодежи» в деревню.

В течение года комсомол проводил многочисленные практические мероприятия: «рабочие совещания городской молодежи», «конференции активистов из грамотной молодежи, отправленной в деревню». Из представителей «канцелярий по отправке грамотной молодежи в деревню», комсомольских и женских организаций создавались объединенные группы с целью сбора информации по воспитанию и устройству «грамотной молодежи» в деревне. Провинциальные и уездные комитеты КПК и КСМК регулярно созывали совещания по работе «грамотной молодежи» в деревне. В этих совещаниях участвовали руководящие работники парткомов, ревкомов, комитетов КСМК провинциального и уездного звеньев, представители «канцелярий по отправке грамотной молодежи в деревню», имеющие к этому отношению работники городских организаций, представители парторганизаций «коммун» и производственных бригад.

В 1975 г., кроме выпускников средних школ и городской молодежи, в деревню были возвращены бежавшие или уехавшие под разными предлогами к своим семьям в город. В течение года из города в деревню было отправлено около 2 млн. грамотных молодых людей. Для сопровождения подростков в деревню и привлечения их к труду от партийных организаций было выделено 60 тыс. кадровых работников³⁰. В 1974 г. среди отправленных из города в деревню насчитывалось 70 тыс. членов КПК, свыше 1480 тыс. комсомольцев и 290 тыс. членов руководящего состава различных ступеней³¹. Общее число выпускников высших и средних учебных заведений, отправленных в сельские районы на постоянное жительство, достигло к концу декабря 1975 г. 12 млн.³²

Расширение мероприятий по обеспечению отправки «грамотной городской молодежи» в деревню, увеличение числа кадровых работников и организаций, связанных с их осуществлением, большой поток информации и установочных статей по этому вопросу на страницах прессы, идеализирующих жизнь в деревне и требующих от партийных и комсомольских организаций более пристального внимания к «грамотной молодежи» в деревне, наглядно свидетельствовали о том, что данная проблема оставалась нерешенной. Еще одним подтверждением этому явилась опубликованная в журнале «Хунци» статья «Усилим воспитание молодежи». Указывая на методы воспитания молодежи, статья подчеркивала, что ранее «свергнутые помещичье-буржуазные элементы, стре-

³⁰ ИБАС, 22.XII.1975.

³¹ ИБАС, 24.XII.1975.

³² «Жэньминь жибао», 23.XII.1975.

мясь подорвать дело социализма, постоянно ведут наступление на молодежь, всячески используя для этого всевозможные родимые пятна, оставшиеся от старого общества»³³.

В 1975 г. организационно оформилась детская организация хунсяобинов, которая действовала под контролем комсомола. Впервые эта организация возникла в 1967 г. на месте разогнанной пионерской организации. Однако она существовала не везде, а создавалась все эти годы в экспериментальном порядке. В городах отряды детской организации формировались на базе школ в период занятий или при так называемых «солнечных дворах» во внешкольное время³⁴; в деревне они организовывались в больших производственных бригадах.

ПРОФСОЮЗЫ

В 1975 г. форсировался процесс образования профсоюзных организаций и их руководящих органов на уровне предприятий, уездов, районов, городов, провинций и всей страны в целом.

В феврале — марте было созвано заседание Подготовительного комитета по созыву IX Всекитайского съезда профсоюзов. В некоторых провинциях и городах страны специальные «подготовительные» органы занимались подбором кандидатов на предстоящие съезды.

Однако создание профсоюзных организаций и их руководящих органов в значительной степени тормозилось острой политической борьбой в руководстве КПК, развернувшейся в ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Особенно замедленно проходило образование местных профсоюзных организаций. Так, если в Пекине городская организация профсоюзов была сформирована уже в апреле 1973 г., то в некоторых других провинциях они отсутствовали и в 1974 г. В Тибетском автономном районе трудности образования профсоюзной организации не были преодолены даже в 1975 г. К концу года профсоюзные организации появились во всех провинциях, городах центрального подчинения и автономных районах страны.

В то же время не на всех предприятиях и не во всех территориальных административных единицах профсоюзы заменили ранее существовавшие «Конференции представителей революционных рабочих» («Гундайхуэй») ³⁵.

³³ «Хунин», 1975, № 6.

³⁴ Так называют маонисты «образцовые» в политическом и организационном отношении дворы.

³⁵ «Гундайхуэй» — организации, созданные в КНР в период «культурной революции» вместо разгромленных маонистами профсоюзов.

В 1975 г. руководству КНР так и не удалось создать высшие руководящие профсоюзные органы — Всекитайскую федерацию профсоюзов и всекитайские комитеты отраслевых профсоюзов.

Новые китайские профсоюзы не выполняли каких-либо функций «школ коммунизма», или органов защиты жизненных интересов трудящихся, они служили лишь инструментом политической обработки народа в духе «идей Мао Цзэ-дуна». Для внедрения этих идей использовались всевозможные формы — кружки, курсы, семинары, вечерние школы и университеты для рабочих, служащих и кадровых работников, где слушателей учили критиковать Лю Шао-ци, Линь Бяо, Конфуция, «советский социал-империализм», где они знакомились с «новейшими указаниями» председателя Мао. О масштабах подобной деятельности, навязанной китайским профсоюзам, можно судить на основании следующих цифр. В одной только пров. Хэйлунцзян функционировало 1900 вечерних политшкол и более 64 тыс. кружков с числом слушателей 1110 тыс. В июне 1975 г. в Шэньяне действовало 4400 вечерних политшкол, 3150 кружков по изучению «идей Мао Цзэ-дуна» и 5200 кружков по изучению «общественных наук», главным предметом которых были все те же «идеи Мао Цзэ-дуна». Эти школы и кружки создавались непосредственно партийными комитетами с помощью профкомов либо самими профсоюзами различных уровней.

Профсоюзы в данном году проявляли усиленное внимание к так называемым «рабочим университетам 21 июля», получившим свое наименование от даты их формирования по указанию Мао Цзэ-дуна, данному 21 июля 1968 г. В 1975 г. количество «рабочих университетов» в стране заметно возросло. Так, например, в Шанхае их насчитывалось свыше 400. В г. Люйда в начале 70-х годов было открыто лишь несколько «рабочих университетов», а в июне 1975 г. — уже 77 с числом учащихся более 7 тыс. Если в начале 70-х годов в этих «университетах» числилось по 20—30 слушателей, то в 1975 г. в некоторых «университетах» — уже по 100 человек и более. Подбор слушателей в эти «университеты» производился непосредственно профсоюзными органами. Овладевая главным предметом — «идеями Мао Цзэ-дуна», обучаемые «меняли» свое мировоззрение в соответствии с политическими установками руководства. Слушатели и выпускники «рабочих университетов» готовились стать активными участни-

С 1973 г. маоисты на базе «Гундайхуэй» начали создавать новые профсоюзные организации. Более подробно об организациях «Гундайхуэй» см. «Китайская Народная Республика. Политическое и экономическое развитие в 1973 г.».

ками политических кампаний, постоянно организуемых в стране.

Профсоюзам была поручена также организация специальных курсов по подготовке так называемых «отрядов теоретиков из рабочих», которые направлялись главным образом в начальные, средние и высшие учебные заведения для ведения пропагандистской работы среди учащихся и преподавателей.

Пропаганда «идей Мао Цзэ-дуна» велась не только в ходе обучения в специальных школах и на курсах, но и на многотысячных так называемых «клятвенных митингах», на городских площадях и стадионах, участники которых обязывались быть преданными Мао Цзэ-дуну и принимать активное участие в изучении и реализации его установок. В 1973—1974 гг. такие митинги целиком посвящались задачам текущих кампаний «критики Линь Бяо и Конфуция», в 1975 г.— «изучения теории диктатуры пролетариата».

Участие профсоюзов в кампаниях выразилось в развертывании критики так называемой «черной ревизионистской линии» в области литературы и искусства. На предприятиях и в специальных аудиториях проводились митинги с критикой тех произведений искусства, которые стали объектом нападков, широко практиковались тематические показы «образцовых» кинофильмов, опер и спектаклей, отредактированных Цзян Цин, а также «собрания воспоминаний о прошлой горькой жизни и сравнение ее с настоящей счастливой».

Профсоюзам вменялось в обязанность контролировать поведение и настроение городской молодежи, окончившей учебные заведения и насильно переселенной властями в сельскую местность (в основном в пограничные районы страны). Молодым людям внушалась необходимость самопожертвования ради осуществления «идей Мао Цзэ-дуна». Однако вдохновить многие миллионы оторванных от родителей юношей и девушек на пожизненное поселение в трудовых лагерях оказалось весьма сложной задачей. Трудности усугублялись также недовольством переселенцев невозможностью применить свои знания в условиях примитивного ведения сельскохозяйственного производства. Несмотря на усиленную обработку как профсоюзными, так и другими маоистскими организациями, десятки тысяч молодых людей тайно возвращались в свои семьи, жили на нелегальном положении в городах, бежали за границу, главным образом в Сянган (Гонконг).

Выбор направлений, форм и методов пропагандистской и организационно-политической работы профсоюзов тесно связан с процессом милитаризации страны, с военизацией образа жизни рабочего класса, поскольку распространение

«идей» Мао Цзэ-дуна возможно лишь в условиях военизации чуть ли не всей общественной жизни в стране. Профсоюзные организации приобрели формы полувоенных формирований; многие высшие профсоюзные руководители одновременно занимали видные посты в армии. Военизация профсоюзов позволяла усиленно использовать их в целях подготовки страны к войне. В частности, это проявлялось в обязанности профсоюзов участвовать в формировании частей городского ополчения.

Традиционные формы деятельности, ранее присущие профсоюзам, были полностью извращены. Прежде всего это относилось к организации профкомами соревнования коллективов промышленных предприятий. Профсоюзные органы под руководством парткомов широко использовали эту популярную в рабочем классе форму общественных отношений, наполнив ее новым содержанием. Так, например, в начале 70-х годов было инспирировано обращение рабочих и служащих Пекинского металлургического комбината к рабочим и служащим других металлургических предприятий страны с призывом развернуть соревнование «за повышение готовности к войне с советскими ревизионистами». Основной целью такого «соревнования» стало преследование «классовых врагов», т. е. тех, кто выступал против «линии и политики председателя Мао». Предприятия «соревновались» за более активное участие в политических кампаниях, за успешную «чистку» классовых врагов, за наиболее глубокое изучение «идей Мао Цзэ-дуна». И лишь после учета данных показателей подводили итоги производственной деятельности того или иного рабочего, служащего и т. п.

Такие формы, как коллективные договоры, собрания представителей рабочих и служащих, постоянно действующие производственные совещания, функционировавшие на промышленных предприятиях до «культурной революции», были объявлены «капиталистическим хламом» и преданы забвению. Для производственно-массовой работы профсоюзных организаций стали характерными отказ от привлечения трудящихся к управлению производством и широкое применение военно-административных методов.

Последние годы характеризовались весьма путаным и противоречивым обращением профсоюзов к практике стимулирования труда рабочих. С одной стороны, пропагандируя «идеи Мао Цзэ-дуна», они боролись с «экономизмом», призывали к «бескорыстию», объясняли вред «буржуазного индивидуализма» и «эгоизма», с другой — вынуждены были в некоторых случаях выступать за материальное стимулирование рабочих, добившихся высоких производственных показателей.

1975 год ознаменовался усиленными гонениями на принципы и практику материального поощрения труда. Все чаще пресса и радио КНР пропагандировали случаи, когда рабочие якобы отказывались от премиальных или от оплаты за сверхурочную работу в выходные дни. Шумно рекламировались «факты», когда рабочие трудились без отпусков и выходных дней в течение восьми — девяти лет без какого-либо дополнительного вознаграждения. Такой поворот был связан с развертыванием кампании «изучения теории диктатуры пролетариата». Общественные организации страны, профсоюзы призывались выступить против стремления некоторых хозяйственных руководителей экономически заинтересовать рабочих в повышении производительности труда и одновременно на попытки рабочих ряда предприятий улучшить свое материальное положение.

В ходе кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» были подняты на щит лозунги: «Избавляться от вредного влияния материального стимулирования», «Чтобы правильно осуществлять принцип распределения по труду, нужно выступать против материального стимулирования», — насаждавшие уравниловку в области распределения. Руководители нынешних китайских профсоюзов открыто заявляли, что прежние профсоюзы «уделяли слишком много внимания благосостоянию рабочих». Как альтернатива прежнему курсу провозглашался лозунг «сделать упор на изучение идей и указаний Мао Цзэ-дуна».

Таким образом, в сферах деятельности профсоюзов, которые связаны с материальным производством, наблюдалось игнорирование экономических законов социализма и выдвижение на первый план лозунга «политика — командная сила».

В угоду установке Мао Цзэ-дуна на «революционизирование» китайских трудящихся профсоюзы фактически отказались от каких бы то ни было шагов в защиту интересов рабочих. Профсоюзные организации не боролись против широко практикуемой в Китае сверхурочной работы и работы в выходные дни, а всячески поощряли ее. Они не выступали против фактического отсутствия ежегодных отпусков, а сами способствовали тому, чтобы рабочие отказывались от них. Профсоюзные руководители призывали рабочих работать вечерами, ночами, в праздники, выходные дни, без отпусков, работать, несмотря на болезнь и травмы.

Направления и формы работы профсоюзов были подчинены одной задаче — превратить китайского рабочего в безропотное орудие осуществления гегемонистской, националистической политики. Выполнению данной задачи соответствовали совершенно определенные методы: культ вождя,

идейно-политическая обработка масс, военнизация их образа жизни, внеэкономическое принуждение в области производства и уравниловка в области распределения, замораживание жизненного уровня трудящихся.

Созданная в ходе «культурной революции» военнизированной политической система, подчиненная указанной задаче, отвергала демократические методы работы с массами. Поэтому особенностью деятельности профсоюзов КНР являлось отсутствие у них характерных для профсоюзных организаций задач, функций и методов работы. Они полностью лишены организационной самостоятельности. Стремление некоторых партийных и хозяйственных руководителей в КНР определить профсоюзам «собственный участок работы» китайская пресса в 1973—1975 гг. неоднократно называла «глупыми разговорами», «ревизионизмом», «воскрешенном черной линии Лю Шао-ци».

Характерно также, что при подготовке профсоюзных съездов и конференций делегаты не избирались, а подбирались властями без участия масс, так называемым методом «демократических консультаций», т. е. практически назначались директивным порядком. Создаваемые профсоюзы не имели устава.

Для организационных методов весьма типично такое явление, когда сформированные весной 1975 г. на всекитайском, провинциальном и городском уровнях «подготовительные» органы были призваны заниматься подготовкой одновременно созыва IX съезда профсоюзов, X съезда комсомола и IV съезда женщин Китая. Руководство КПК фактически не делало разницы между профсоюзами, комсомолом и женскими организациями.

Права профсоюзов в Китае крайне ограничены — они могли лишь «просить инструкций и указаний» сверху и «информировать» руководство о положении в массах, роль профсоюзных органов свелась к механическим обязанностям «канала связи» между властями и массами, к функциям «отделов парткомов по профсоюзной работе».

За отказом от предоставления профсоюзам надлежащих прав и самостоятельности скрывалась боязнь того, что существующие методы руководства окажутся неэффективными и недостаточными для обеспечения полного контроля за деятельностью массовых организаций трудящихся. Этим объяснялась и борьба с принципом отраслевого построения профсоюзов на протяжении всей истории КНР. Маоисты стремились максимально ограничить права и роль отраслевых профсоюзов, поскольку ранее неоднократно сталкивались с трудностями в осуществлении постоянного контроля за их деятельностью.

Созданные немногие отраслевые профсоюзные органы (профсоюз работников 1-го министерства машиностроения, профсоюз работников железнодорожного транспорта) не вмешивались в непосредственное руководство первичными профсоюзными организациями; руководство этими организациями осуществляли территориальные федерации профсоюзов. Комитеты отраслевых профсоюзов превращены в номинальные органы, выполняющие формально-представительские (как внутри страны, так и за рубежом) функции. Поэтому правомерно говорить о начале образования в КНР не отраслевых профсоюзов, а системы отраслевых профсоюзных органов.

Следует добавить, что китайские руководители нарушили связи китайских профсоюзов со Всемирной федерацией профсоюзов и обрекли трудящихся страны на изоляцию от мирового рабочего движения.

* * *

Анализ деятельности воссозданных в Китае профсоюзов дает основание сделать вывод, что профсоюзные организации превращены фактически в орудие политической обработки трудящихся, в средство распространения идей национализма, гегемонизма, великодержавного шовинизма и антисоветизма. Подобные тенденции проявлялись и до разгрома профсоюзов в 1966 г.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

1975 год имел значение для жизни демократических партий Китая в том отношении, что вернул их из состояния «политического небытия».

Первая сессия ВСНП четвертого созыва подтвердила право демократических партий на существование. Из документов видно, что из 2864 депутатов, принимавших участие в сессии, 22 представителя демократических партий избраны в состав Постоянного комитета ВСНП (см. справку в конце статьи).

В текст конституции, принятой на сессии ВСНП в январе 1975 г., была внесена формулировка, подтверждавшая возможность приглашения некоторых деятелей (в обход принципа выборности) для участия в работе высшего органа государственной власти КНР.

Практически же в положении демократических партий ничего не изменилось. По-прежнему не было сообщений о каких-либо формах проявления их деятельности: съездах,

пленумах, решениях и т. п. В течение года использовались лишь определенные даты для официального появления представителей этих партий. Так, например, в Пекине в парке имени Сунь Ят-сена отмечались годовщины его рождения и смерти. 12 марта свыше 500 представителей «различных кругов столицы» участвовали в церемонии по случаю 50-й годовщины со дня смерти Сунь Ят-сена³⁶. 109-я годовщина со дня рождения Сунь-Ят-сена отмечалась также в Шанхае, Нанкине, Гуанчжоу, Ухани и уезде Чжуншань (пров. Гуандун)³⁷.

Члены демократических партий принимали участие в таких общенациональных праздниках, как 1 Мая и 1 октября (день провозглашения КНР). Причем принадлежность их к той или иной партии не указывалась, они перечислялись среди «депутатов ВСНП, НПКС и других патриотических деятелей».

В конце февраля в Пекине состоялось собеседование с участием 100 представителей «общественности Пекина и находящихся в столице соотечественников из провинции Тайвань», посвященное 28-й годовщине восстания 28 февраля на Тайване³⁸.

В своем выступлении член ЦК КПК Ляо Чэн-чжи отметил, что уже многие тайваньцы приезжали в Китай и «путем практических контактов углубили свое понимание континентальной части родины», а также выразил надежду, что «еще большее количество тайваньских соотечественников возвратится на свою континентальную родину для ознакомления, посещения родных и участия в других мероприятиях»³⁹.

Все эти факты подтверждают, что пекинское руководство заинтересовано хотя бы в формальном существовании демократических партий в Китае и в показном сотрудничестве с ними для камуфляжа режима военно-бюрократической диктатуры. Сохранение демократических партий вызывалось также сугубо конъюнктурными целями — стремлением активизировать «мирное присоединение Тайваня», расширить связи с капиталистическими странами, активнее использовать для этой цели китайских эмигрантов.

Деятели демократических партий, избранные в состав Постоянного комитета ВСНП IV созыва

Заместителями председателя Постоянного комитета ВСНП избраны: Чжоу Цзянь-жэнь — заместитель председателя Ассоциации содействия развитию демократии; Сюй Дэ-хэн — председатель Общества «3 сентяб-

³⁶ «Жэньминь жибао», 13.III.1975.

³⁷ «Жэньминь жибао», 13.XI.1975.

³⁸ «Жэньминь жибао», 1.III.1975.

³⁹ Там же.

ря»; Ху Цзюэ-вэнь — заместитель председателя Ассоциации демократического национального строительства Китая.

Членами ВСНП избраны: Чжу Юнь-шань, У Синь-юй, Чэнь Цы-шэн, Лю Фэй, Лю Вэнь-хой (Революционный комитет гоминьдана); Ши Лян, Дэп Чу минь, Хуа Ло-гэн, Чэнь Ван-дао, Тан Ди-чжоу, Ху Юй-чжи (Демократическая лига Китая); Ша Цинь-ли, Жун И-жэнь, Ло Шу-чжан, Ху Цзы-ан (Ассоциация демократического национального строительства Китая); Ян Дун-чунь (Ассоциация содействия развитию демократии); Цзи Фан (Крестьянско-рабочая демократическая партия); Янь Цзи-шы, Мао И-шэн (Общество «3 сентября»).

ЖЕНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

В 1975 году в связи с проведением кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» перед женскими организациями была поставлена задача привлечения женщин к активному участию в ней. Так, в Уведомлении комитета федерации женщин автономного района Внутренняя Монголия по случаю женского праздника 8 Марта трудящихся женщин призывали изучать «важное указание председателя Мао по вопросам теории».

Пекинский курс «дачжанзации» китайской деревни обусловил осуществление специальных мероприятий женскими организациями. Например, этой теме было посвящено состоявшееся с 11 по 14 декабря расширенное заседание комитета женщин района Хэцзян пров. Хэйлунцзян, в работе которого приняли участие председатели женских комитетов всех городов, уездов и «коммун» района. На заседании присутствовали и выступили с речами ответственные лица парткома района Хэцзян.

В декабре 1975 г. комитет федерации женщин Синьцзян-Уйгурского автономного района провел конференцию по претворению в жизнь решений Всекитайского совещания о создании уездов дачжайского типа. В Харбине также состоялось расширенное заседание комитета федерации женщин пров. Хэйлунцзян, на котором обсуждался вопрос об участии женщин в движении за «дачжанзацию» страны и о роли сельских женщин в выполнении очередного пятилетнего плана. Комитетами федераций женщин провинций опубликовались Уведомления с обращениями ко всем женским организациям округов, уездов, коммун и больших производственных бригад «немедленно начать борьбу за изучение, пропаганду и претворение в жизнь документов Всекитайского совещания по вопросам сельского хозяйства». Руководство привлекало женские организации для пропаганды за использование женщин на тяжелых физических работах. Неоднократно подни-

мался вопрос о создании отрядов «железных девушек», провозглашались призывы «проливать пот и браться за самую тяжелую работу» (сообщения китайского радио 15. XI, 2. XII).

Задача пропаганды и внедрения строго регламентированных норм поведения китайских женщин также была возложена на женские организации. Например, в «Обращении комитетов профсоюза, крестьян-бедняков и низших середняков, комсомола и женщин пров. Чжэцзян» в связи с наступлением праздника весны говорилось о «необходимости во время праздника изучать стихи председателя Мао, критиковать плохие спектакли и оперы, сокращать потребление зерна, угля и электроэнергии, не устраивать пышных столов, не преподносить подарков, приветствовать поздние браки и плановую деторождаемость, повышать бдительность, стимулировать производство и подготовку к войне» (сообщение китайского радио 21. I. 1976 г.). Большое место в работе женских организаций занимала обработка женской части населения в антисоветском духе.

В 1975 г. продолжалось воссоздание женских организаций на новой основе. В Цзинане 18—28 апреля состоялась 6-я конференция женщин Шаньдуна, где был сформирован комитет федерации женщин этой провинции. На конференции присутствовало 1483 делегата. Председателем комитета федерации избрана Хао Цзянь-сю⁴⁰.

Всего было образовано 29 комитетов уровня провинции, автономного района и города центрального подчинения. Тем не менее до сих пор в Китае еще не было заявлено о создании Всекитайской федерации женщин, хотя пекинское руководство провело ряд мероприятий по подготовке к IV Всекитайскому съезду женщин. В частности, весной в Пекине состоялось первое совещание подготовительной группы по созыву этого съезда⁴¹. На повестке дня совещания стояли следующие вопросы: обсуждение проекта основного доклада на съезде; об изменениях устава этой организации; о составе делегатов.

В 1975 г. провинциальные комитеты КПК собирали на местах конференции представителей женских организаций с целью подбора делегатов Всекитайского съезда китайских женщин⁴².

На Всемирный конгресс, посвященный международному году женщин, который проходил в июне 1975 г. в Мехико, Китай направил делегацию женщин, не упомянув, какую ор-

⁴⁰ «Жэньминь жибао», 26.IV.1975.

⁴¹ «Жэньминь жибао», 21.III.1975.

⁴² «Чжунгун яньцзю», 1976, № 109.

ганизацию она представляет. В состав делегации вошли Ли Су-вэнь (глава делегации), Ван Шу-чжэнь (заместитель главы делегации), Сюй Гуан, Поньцзон, Ли Шу-чжэн, Сюэ Юнь-ди⁴³. Китайская делегация на этом конгрессе занималась главным образом раскольнической деятельностью. Ли Су-вэнь, выступая на заседании конгресса, обрушилась с нападками на Советский Союз⁴⁴.

СОЮЗЫ БЕДНЯКОВ И НИЗШИХ СЕРЕДНЯКОВ

«Союзы бедняков и низших середняков» как элемент политической структуры Китая впервые получили официальное закрепление в новом уставе партии, принятом на X съезде КПК 29 августа 1973 г. В документах съезда термин «союзы бедняков и низших середняков» был официально зафиксирован для обозначения крестьянской общественной организации.

Пекинское руководство через систему провинциальных комитетов КПК начало подготовительную работу по созыву конференций представителей «бедняков и низших середняков» провинциального звена, на которых до конца года были созданы несколько руководящих органов союзов — комитеты «союзов бедняков и низших середняков» провинций. Вначале эти комитеты были сформированы только в четырех провинциях, в остальных лишь кое-где существовали подготовительные группы или прошли предварительные совещания в низовом звене.

Организационно-политическая работа по созданию «союзов бедняков и низших середняков» встретила значительные трудности уже в силу того, что эти организации должны были охватить почти 80% населения Китая. Кроме того, существовали сложности внутривнутриполитического плана, поскольку создание таких союзов означало политический раскол крестьянства и противопоставление одних социальных слоев и групп крестьян другим.

Тем не менее, преодолевая сопротивление на местах, весь 1974 г. парткомы провинций продолжали работу по созданию «союзов бедняков и низших середняков». Провинциальные конференции (съезды) представителей «бедняков и низших середняков» созывались после того, как в большинстве уездов данной провинции уже были сформированы уездные комитеты и отобраны делегаты на конференции провинции.

⁴³ ИВАС, 14.VI.1975.

⁴⁴ Там же, 25.VI.1975.

В 1974 г. также было создано всего четыре комитета провинциального уровня.

В 1975 г. в КНР не публиковалось сведений о создании «союзов бедняков и низших середняков» провинциального уровня. Таким образом из 29 провинций, автономных районов и городов центрального подчинения (к городам относилась и значительная сельскохозяйственная зона) только в восьми существовали союзы «бедняков и низших середняков» и их комитеты.

Китайская печать избегала освещения программных целей и задач «союзов бедняков и низших середняков». Не были опубликованы уставы союзов или их программы. Однако некоторое представление о них все же можно составить по информационным передачам радио Китая. Анализ обращений к крестьянам, повесток и докладов, сделанных на конференциях, позволял утверждать, что в основе создававшихся союзов лежали «идеи» Мао Цзэ-дуна 60-х годов с изменениями, обусловленными современным этапом внутренней борьбы в Китае. Так, например, конференция представителей «бедняков и низших середняков» пров. Хубэй в своем обращении выдвинула следующие задачи перед крестьянами: активно участвовать в кампании «критики Линь Бяо и Конфуция»; укреплять и развивать коллективное хозяйство; следовать «генеральной линии»; контролировать, «как кадровые работники различных степеней в сельских коммунах осуществляют партийную линию и политику»; под руководством организаций «союза бедняков и низших середняков» крепить «сплоченность». Через некоторое время на расширенном совещании постоянного комитета «союза бедняков и низших середняков» уезда Баокан (пров. Хубэй) упоминались те же программные пункты, но главное внимание акцентировалось на лозунге «учиться у Дачжая» и на том, что «нужно контролировать кадровых работников, чтобы они претворяли в жизнь... линию и политику председателя Мао».

На конференциях «бедняков и низших середняков» одно время все большее значение приобретали лозунги: «критиковать Линь Бяо и Конфуция», создавать отряды крестьянских «теоретиков», поддерживать «новые явления», которые появились в период «культурной революции» в Китае, и т. п. Таким образом, «союзы бедняков и низших середняков» использовались как орудие маоистов во внутривластной борьбе и, в частности, для того, чтобы начать новую чистку низового партийно-административного аппарата в китайской деревне.

С другой стороны, нельзя не отметить, что в конце 1974 г., в 1975 г. из документов, публикуемых в китайской печати, ис-

чезла задача «контроля» над кадровыми работниками со стороны крестьянских союзов, что имело целью укрепить позиции партийных администраторов (ганьбу) в деревне. Это связано с программными задачами, выдвинутыми позднее Хуа Го-фэном в его докладе на Всекитайском совещании по распространению опыта Дачжая в сентябре 1975 г.

Что касается замедления темпов организации «союзов бедняков и низших середняков» в провинциях, то оно объяснялось неблагоприятной ситуацией в китайской деревне, а также острой борьбой по вопросам развития сельского хозяйства в среде высшего руководства КНР.

ИТОГИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР В 1971—1975 гг.

Изменение основных направлений экономического развития

После «культурной революции» действие общих закономерностей строительства социализма претерпело дальнейшие изменения и подверглось искажению. Еще более сузились масштабы проявления объективных законов социализма, в том числе основного экономического закона. Основная цель общественного производства пришла в противоречие с новым «стратегическим» курсом, провозглашенным в новогодней статье «Жэньминь жибао» от 31 декабря 1972 г., где руководство КПК призывало все население: «Глубоко рыть траншеи, широко запасать зерно, готовиться к войне, готовиться на случай стихийных бедствий». Это явилось конкретизацией генеральной линии Мао Цзэ-дуна.

Изменение характера и целей экономического развития задержало рост производительных сил страны, по крайней мере, на десять лет. Китайское руководство оказалось вновь, как и после периода «большого скачка», перед необходимостью сочетать волюнтаристские методы с отдельными мероприятиями, применимыми в странах с централизованной плановой экономикой. Эти компромиссные методы и регламентации нашли отражение как в решениях X съезда КПК (август 1973 г.), так и в тексте новой конституции КНР.

1971—1975 годы были периодом вынужденного маневрирования руководства КНР в различных сферах социально-экономической и политической жизни, что вытекало из объективных условий Китая. Политика и стратегические цели государства все в большей мере утрачивали социалистическое содержание, вступая в глубокое противоречие с коренными интересами и социалистическими завоеваниями китайского народа. Китайские руководители пытались приспособить и использовать в своих интересах государственную и кооперативную формы собственности. И, хотя наличие этих

форм собственности объективно создавало возможность развития китайского общества по пути социализма, этому мешала деформация государства с его идеологической и политической надстройкой.

Руководители КНР не смогли выдвинуть долговременной позитивной социально-экономической программы. Предложенный ими лозунг «подготовки к войне», по сути дела, подчеркивал отказ от решения задач строительства социализма. В этих условиях общественное производство в Китае утрачивало социалистическую ориентацию, теряло органическую связь с целью социализма — удовлетворение потребностей трудящихся. Постепенно цели и направленность общественного производства все более определялись великодержавным, националистическим курсом, а результаты функционирования государственной и кооперативной собственности использовались для реализации этого курса.

По вопросу об изменениях, происходящих в социалистическом экономическом базисе под влиянием деформации надстройки, Чжан Чунь-цяо писал в программной статье: «Социалистический экономический базис в нашей стране постепенно укрепляется и развивается... Однако мы должны видеть, что проблема собственности еще не разрешена полностью... буржуазное право в сфере собственности еще ликвидировано не полностью»¹. Этот вывод был сделан для того, чтобы подкрепить тезис о «классовой борьбе на всем историческом этапе социализма». Как это ни парадоксально, но вывод основывался на данных о том, что в промышленности КНР в 1973 г. на долю государственного сектора приходилось 97% стоимости основных фондов и 86% валовой стоимости продукции, на долю промышленности коллективной собственности — соответственно 3 и 14%. В сельском хозяйстве коллективной собственности принадлежало 90% пахотной земли и осушительно-оросительного оборудования, а также около 80% тракторов и крупного скота и 90% продукции зерна и технических культур. Государственный сектор являлся господствующим и в розничном товарообороте страны (92,5% общего объема), на кооперативный сектор приходилось 7,3, на долю лоточников-единоличников — всего 0,2%².

В статье также подчеркивался «формальный» характер решения проблем собственности в Китае, но в том лишь смысле, «в чьих руках находится руководство предприятия — хороших или плохих людей», а также в какой форме распределение по труду оказывало обратное воздействие на формы собственности. Таким образом, социалистические пре-

¹ «Жэньминь жибао», 1.IV.1975.

² Там же.

образования, происшедшие в первые годы после образования КНР, теперь были объявлены «формальной победой», а фактическая победа социализма отодвигалась до тех времен, когда будут изжиты все остатки буржуазного права. Автор статьи пытался установить сроки решения и этой задачи. «Буржуазное право перестанет существовать лишь тогда, когда все средства производства превратятся в собственность всего общества»³. Этим китайское общество как бы подстегивалось на новый скачок, на дальнейшее обобществление и превращение собственности бригад и «народных коммун» в государственную собственность, на лишение крестьянства Китая последних клочков земли в виде приусадебных участков.

Чжан Чунь-цяо выдвигал также тезис об обратном воздействии надстройки на базисные отношения, что в «известных условиях» надстройка играет определяющую роль в отношении базиса. «Правильна или неправильна идейная и политическая линия, в руках какого класса находится руководство, от этого зависит, какой класс фактически владеет тем или иным промышленным предприятием» — говорилось в статье⁴. Как известно из практики, в тех случаях, когда в производстве привносились методы классовой борьбы, на предприятиях всегда можно было найти «классовых врагов», не согласных с проводимой линией. Следовательно, социалистическая революция не могла получить своего полного завершения и после любых экономических преобразований в области собственности и распределения. Тезис об определяющей роли надстройки «в известных условиях» понадобился для увековечивания волюнтаристских, сугубо административных методов в экономике, для дальнейшего осуществления стратегического курса подготовки к войне.

В Китае действительно существовала угроза социалистическому экономическому базису, но она исходила от политического режима и вытекала из самой сути и цели государства. Его цель все дальше отодвигалась от цели социалистического общественного производства, государственная и кооперативная собственность из реальной силы вновь превращалась лишь в потенцию социалистического развития, а по сути — в средство, которое руководство использовало в своих интересах. Несмотря на глубокие противоречия, существовавшие между этим направлением экономического развития и экономическими интересами китайских трудящихся, руководителям КНР удалось временно приглушить проявления этих интересов, отложить на неопределенные сроки решение кардинальных социально-экономических проблем.

³ Там же.

⁴ Там же.

Между тем изменение цели и направления экономического развития, отстранение трудящихся от фактического управления предприятиями и распределения доходов приводило к тому, что и внутри государственной собственности накапливались «государственно-бюрократические» элементы в ущерб общенародной собственности. Этому процессу также способствовало приспособление структуры и нужд производства и воспроизводства к самообеспечивающейся милитаризованной системе, все теснее блокирующейся в ходе эволюции внешней политики и научно-технической политики КНР с экономической системой наиболее реакционных империалистических стран.

Таким образом, общенародная по своему характеру собственность во все большей мере приобретала «государственный», «казенный» характер; государственный бюджет и весь аппарат принуждения начинал обслуживать милитаристские и престижные нужды руководства. За истекший период в стране закладывались основы «государственно-бюрократической» экономической системы, находящейся в противоречии с подлинными интересами китайского народа, китайской революции, с общими интересами народов стран социалистического содружества.

Сущность экономической политики

1975 год был заключительным годом того периода в развитии экономики Китая (1971—1975), который был назван периодом выполнения «четвертого пятилетнего плана». Однако в течение этих лет никаких контрольных цифр пятилетнего плана опубликовано не было, перед народным хозяйством на этот период, по крайней мере гласно, не было поставлено никаких конкретных заданий.

В течение 1971—1975 гг. народное хозяйство Китая, так же как и на протяжении предыдущих десяти с лишним лет, развивалось при отсутствии научно обоснованной экономической программы. Внутриполитические условия в стране не могли способствовать стабильности развития и нарастанию эффективности народного хозяйства. Китай жестоко лихорадили такие события и политические кампании, как «сентябрьский кризис 1971 г.», «критика Лянь Бяо и Конфуция», «изучение теории диктатуры пролетариата», непрерывающаяся междоусобная борьба внутри китайского руководства. В результате развитие народного хозяйства страны было неравномерным, в нем отчетливо проявилась тенденция снижения из года в год темпов экономического роста, и прежде всего в промышленности.

К началу периода «четвертой пятилетки» в народном хозяйстве Китая довольно отчетливо сформировались две сферы, два хозяйственных комплекса, один из которых был представлен группой отраслей, прямо или косвенно связанных с военным производством, а другой — отраслями гражданского производства, главным образом сельским хозяйством, средней и мелкой промышленностью. При этом второй из них рассматривался как питательная почва для военной промышленности и обслуживающих ее отраслей и функционировал на основе принципа «опоры на собственные силы», без какой-либо существенной помощи со стороны государства.

По-прежнему в 1971—1975 гг. основные усилия руководства были сосредоточены на наращивании военно-экономического потенциала, сохранялось деление народного хозяйства на две сферы и различное отношение к ним со стороны государства. В основном распространялись прежние «курсы» и лозунги.

Состоявшаяся в январе 1975 г. после десятилетнего перерыва сессия ВСНП «конкретизировала» перспективные экономические цели китайского руководства, выдвинув задачу к концу столетия превратить Китай в «могучую державу». Сделать это было намечено в «два шага»: первый — до 1980 г. — имеющий целью создать «самостоятельную, сравнительно целостную систему промышленности и всего народного хозяйства», второй — последующие 20 лет — на основе «всесторонней модернизации сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники» вывести Китай «в первые ряды стран мира». Кроме этой весьма общей формулировки задач экономической политики государства, сессия ВСНП ничего принципиально нового не внесла.

Однако вышесказанное не означало, что в течение 1971—1975 гг. экономическая политика в Китае осуществлялась в строгом соответствии с экономическими концепциями Мао Цзэ-дуна. В эти годы в экономической политике были заметны определенные «искривления» и «отходы» от этой концепции, поскольку сама жизнь жестоко вносила поправки и приходилось в какой-то мере считаться с объективными законами экономики.

В экономической практике этих лет, особенно во второй половине 1971 — первой половине 1973 г., имели место явления, противоречившие или не свойственные концепции Мао Цзэ-дуна. Например, использование, хотя и очень ограниченное, некоторых форм материального стимулирования трудящихся; известное расширение прав и хозяйственной самостоятельности низовых коллективных хозяйств (больших и малых производственных бригад) и крестьянских дворов в деревне; попытки реального планирования развития народного

хозяйства; внимание к вопросам рентабельности и прибыльности предприятий; определенное повышение роли инженерно-технических и планово-экономических работников на производстве и т. п.

В результате комплекса экономических мероприятий, и прежде всего вследствие напряженнейшего труда китайского народа, стране в какой-то мере удалось оправиться от ударов «культурной революции» и добиться определенной, хотя и неустойчивой, стабилизации экономики. По существующим примерным оценкам, валовая продукция промышленности в 1971 г. возросла на 10%, в 1972 г. — на 7, а в 1973 г. — на 6%.

Определенное оживление в применении экономических рычагов и стимулов развития производства стало уже характерным явлением в периоды стабилизации экономики Китая как вынужденная потребностями хозяйствования мера после эксцессов «культурной революции». Вместе с тем это и итог борьбы за свои права китайских трудящихся, а также деятельности той части практических хозяйственных руководителей на всех уровнях руководства, которые трезво оценивали возможности и потребности развития народного хозяйства.

Подобные отступления от экономической политики в духе «идей Мао Цзэ-дуна» подвергались ожесточенным нападкам со стороны группировки «левых», которая видела в них препятствие на пути максимально быстрой милитаризации. Так, развернутая в 1973 г. и продолжавшаяся в течение почти всего 1974 года массовая политико-идеологическая кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» связывалась, как подчеркивала китайская печать, и с «наличием определенных тенденций в партии, направленных на внедрение ревизионистских экономических методов хозяйствования».

В ходе этой кампании, наряду с попытками укрепить и расширить свое политическое влияние, группировка «левых» резко выступила против материального стимулирования, против «черного вихря экономизма» (что в устах пропагандистов являлось синонимом требований трудящихся, касающихся более справедливой оплаты труда, улучшения условий труда и быта), а также против «саботажа со стороны классового врага», под которым понималось всякое сопротивление трудящихся наступлению на их материальные интересы.

В адрес трудящихся и ряда хозяйственных руководителей выдвигались обвинения в «ниждивенческих настроениях», «недостаточной опоре на собственные силы», «нежелании идти на выполнение сверхплановых заданий, необходимых государству», и т. п.

Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» в ее экономическом аспекте была направлена на сдерживание и подавление объективного экономического процесса, отражавшего

прямую зависимость развития общественного производства, успешного экономического строительства от личной материальной заинтересованности трудящихся. Альтернативой этому процессу, согласно маоистской концепции, было повсеместное и всестороннее внедрение и утверждение политико-административных методов управления экономикой, уравнительного распределения и казарменно-утопических форм организации труда, диктата политики над экономикой по принципу: «политика — командная сила». Как и в годы «большого скачка» и «культурной революции», в ходе кампании политико-идеологические факторы в противовес материальным были объявлены решающими двигателями в развитии производства.

Нажим со стороны руководства вызвал ответное сопротивление рабочего класса и крестьянства. Недовольство рабочих приняло массовый характер и в ряде случаев вылилось в забастовки на предприятиях и транспорте. Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» крайне отрицательно сказалась на производстве. Сокращение добычи угля, осложнения на транспорте, выступления промышленных рабочих привели к падению и даже остановке производства на ряде предприятий. В итоге оказались невыполненными задания по производству стали, чугуна, цветных металлов, химических удобрений. «КНР сейчас сталкивается, вероятно, с самыми серьезными трудностями в торговле и экономике со времен „культурной революции“», — отмечалось в западной прессе⁵.

Итоги 1975 года

Первоначально 1974 год был определен китайским руководством как «ключевой год в выполнении IV пятилетнего плана»⁶. Однако итоги этого года оказались намного хуже тех, на которые оно рассчитывало. Общее промышленное производство за год возросло лишь незначительно, его прирост составил, видимо, не более 4%, а в некоторых важнейших отраслях, таких, как, например, черная металлургия, оно даже понизилось по сравнению с 1973 г.

1975 год в целом мало чем отличался от предыдущих лет. Никаких сведений о плане на 1975 г., никаких контрольных цифр и плановых заданий опубликовано не было. В газете «Жэньминь жибао» промелькнуло лишь сообщение о том, что в марте на втором заседании Постоянного комитета ВСНП был заслушан доклад председателя Государственного планового комитета Юй Цю-ли об этом плане.

⁵ «Financial Times», 12.XII.1974.

⁶ «Жэньминь жибао», 31.XII.1973.

В начатой в феврале новой массовой кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» наступление на всю совокупность экономических рычагов и стимулов развития экономики, объявленных «буржуазным правом», приняло особенно острый характер. Выдвинутый при этом основной лозунг «всемерного ограничения буржуазного права в условиях диктатуры пролетариата» фактически стал требованием безоговорочного принятия и внедрения методов хозяйствования, предусмотренных «моделью» социально-экономической организации китайского общества, выдвинутой Мао Цзэ-дунем. Помимо материальной заинтересованности, в сферу «буржуазного права» включались также товарное производство, денежный обмен, различия между городом и деревней, рабочими и крестьянами, умственным и физическим трудом. Такое широкое «ограничение», по сути дела, явилось проповедью эгалитаристских, военно-казарменных принципов экономического строительства.

В кампании «изучения теории диктатуры пролетариата», в отличие от «критики Линь Бяо и Конфуция», отчетливо видна ее преимущественно экономическая направленность. Основными объектами «критики» и нападок в ходе кампании стали, с одной стороны, руководители в центре и на местах, которые пытались управлять экономикой (будь то все народное хозяйство или отдельное предприятие и сельскохозяйственная производственная бригада) с помощью экономических методов, понимали необходимость учета объективной действительности и интересов трудящихся. С другой стороны, эта кампания, как и все предыдущие, была направлена на всемерное подавление требований лучшей жизни со стороны трудящихся, на пресечение любых попыток обеспечить более сносное существование, чем то, которое давал им существовавший режим.

Объектом кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» и «ограничения буржуазного права» явился также рабочий класс Китая. Ожесточенным нападкам подверглись случаи выплаты рабочим премий и сверхурочных, как якобы «изживших себя», критиковалась восьмизрядная сетка оплаты труда в промышленности, взамен которой предлагалось ввести упрощенную, игнорирующую качество труда трехзрядную сетку. Прямые политические обвинения адресовались самим китайским рабочим, часть их обвинялась в «буржуазном перерождении» и т. д.

Пропаганда требовала от рабочих «работать, не считая часы и не думая о вознаграждении», «развивать в настоящем и будущем революционный пролетарский „дух голытьбы“», убеждала, что единственно правильным, необходимым и полностью соответствующим теории диктатуры пролетариата-

та» является добровольный сверхурочный труд, бесплатная работа в субботу и по воскресеньям.

В качестве пережитков «буржуазного права» атаке подверглись права крестьян на личные приусадебные участки, подсобные промыслы, право продавать свою продукцию на сельских рынках. «Капиталистической тенденцией» было объявлено стремление крестьян уклониться от изнурительной и почти неоплачиваемой работы в «коммунах», уделить больше внимания обработке своих приусадебных участков и подсобным промыслам. «Капиталистические тенденции» усматривались не только в деятельности отдельных крестьян, но и целых сельскохозяйственных коллективов.

В этой «критике» еще раз отразился тот реальный факт, что экономическая политика китайского руководства находилась в противоречии как с личными, так и с коллективными интересами крестьян. Кампания по «ограничению буржуазного права» в китайской деревне еще раз показала, что у ее организаторов по-прежнему отсутствовала сколько-нибудь приемлемая и научно обоснованная программа развития и модернизации производительных сил сельского хозяйства и повышения жизненного уровня основного населения страны — крестьянства, программа, которая обеспечивала бы добровольное и активное участие крестьян в сельскохозяйственном труде в «коммунах» и бригадах.

Наступление на жизненные интересы трудящихся, на все виды материального стимулирования столкнулось с новым широким недовольством и сопротивлением со стороны китайских рабочих, крестьян, интеллигенции. Рабочие ответили саботажем и забастовками. Прежде всего беспорядки приняли широкий размах среди железнодорожников, а затем перешли на промышленные предприятия и в сельское хозяйство. В ряде случаев, как было, например, в июле — августе 1975 г. в пров. Чжэцзян и г. Ханчжоу, пекинские власти для подавления беспорядков и недовольства рабочих использовали крупные армейские подразделения.

Серьезные трудности на транспорте возникли уже в феврале — марте. В связи с этим в провинциях Аньхой, Хубэй, Цзянсу, Чжэцзян, Хэнань, Ганьсу, Юньнань и Внутренней Монголии были проведены срочные совещания, на которых обсуждалась инструкция ЦК КПК «Об улучшении работы железных дорог»⁷. А в середине года печать признавала, что 20 железнодорожных управлений значительно невыполнили свои полугодовые задания. Среди этих железнодорожных управлений были названы такие, как Цицикарское, Харбин-

⁷ «China News Analysis», 2.V.1975.

ское, Цзиньчжоуское, Пекинское, Тайюаньское, Лючжоуское, Чэидуское, Сианьское⁸.

В связи с этим правительство вынуждено было в железнодорожном строительстве широко использовать труд подразделений железнодорожных войск НОАК, а также ополчения. В строительных работах на железных дорогах в 1975 г., по сообщениям китайской печати, помимо рядовых солдат, принимало участие 40 тыс. кадровых работников железнодорожных войск и особые части НОАК, называвшиеся «инженерными войсками капитального строительства».

Нарушения работы транспорта и выступления рабочих на многих предприятиях повлияли на работу промышленности. В апреле в ряде городов и провинций были проведены совещания по вопросам развития промышленности, на которых подводились итоги выполнения производственных заданий за первый квартал и обсуждались меры мобилизации на успешное выполнение производственных заданий второго квартала. Однако, несмотря на это, в середине 1975 г. в Шанхае, Харбине, Цзилине, Цицикаре, Урумчи, в провинциях Гуйчжоу, Ляонин, Юньнань, Аньхой, Чжэцзян, во Внутренней Монголии положение с выполнением производственных заданий промышленными предприятиями оставалось неблагоприятным.

В конце июля в прессе имелись сообщения о прямых выступлениях и прекращении работы на 22 промышленных предприятиях в Ханчжоу и Нанкине. В последующие месяцы серьезные беспорядки, простои и нарушения дисциплины отмечались на многих промышленных предприятиях в провинциях Хэйлуцзян, Хубэй, Хунань, Шэньси, Цзянси, Ганьсу, Фуцзянь, Юньнань, Гуандун.

Весьма неблагоприятная ситуация с выполнением производственных планов и волнения рабочих наблюдались на ряде предприятий, например на Аньшаньском и Уханьском металлургических комбинатах. В связи с этим в июне была распространена «Инструкция ЦК КПК о развитии металлургической промышленности». Пресса призывала рабочих «создать необходимые производственные условия на предприятиях металлургической промышленности», «всемерно содействовать развитию производства чугуна и стали», «бороться с нарушителями порядка на производстве»⁹.

Заметные нарушения произошли в производстве угольной и электроэнергетической промышленности. Участники всекитайского совещания бригадиров-забойщиков и проходчиков, состоявшегося 30 октября в Пекине, призывали «уско-

⁸ «Жэньминь жибао», 29.VII.1975.

⁹ «Жэньминь жибао», 30.VI; 2.VIII.1975.

ритель темпы развития этой отрасли», «более интенсивно использовать имеющиеся мощности», «укреплять трудовую дисциплину»¹⁰.

Ряд экстренных производственных совещаний, конференций и митингов, посвященных работе промышленности и транспорта, был проведен в июле — октябре в провинциях Северо-Западного Китая, провинциях Аньхой, Сычуань, Хунань, Фуцзянь, Хубэй, Цзянси, Юньнань, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. На многих из них присутствовали представители высшего китайского руководства (Дэн Сяопин, Цзян Цин и др.). На совещаниях отмечалась нестабильность и неравномерность работы многих промышленных предприятий, намечалось «обследовать одно за другим предприятия, которые имеют больше всего нерешенных проблем и оказывают наибольшее влияние на всю ситуацию»¹¹.

Состояние работы промышленных предприятий, невозможность наладить эффективную деятельность промышленности на основе принципа «политика — командная сила» заставляли китайских руководителей, как это было в прошлом, уделять большее внимание конкретным экономическим показателям для оценки работы промышленных предприятий. В качестве таких показателей агентство Синьхуа в конце декабря 1975 г. вновь, как и в конце 1972 г., назвало следующие: 1) количество произведенной продукции; 2) ассортимент; 3) качество; 4) расход сырья, материалов, топлива, электроэнергии; 5) производительность труда; 6) себестоимость; 7) прибыль¹².

В области капитального строительства в 1975 г. особые усилия были направлены на завершение ранее заложенных объектов. Было дано указание, чтобы «провинции, города центрального подчинения и автономные районы, а также промышленные ведомства определили очередность строительства объектов, поставив на первое место важнейшие из них, сузили фронт строительных работ и организовали сотрудничество». Это позволило, по сообщению китайской печати, в первом полугодии 27 провинциям, городам центрального подчинения и автономным районам выполнить планы реализации капитальных вложений, причем объем реализованных капитальных вложений возрос на 32% по сравнению с первым полугодием 1974 г.¹³ Однако через два месяца китайская печать сообщала, что объем реализованных капитальных вложений за восемь месяцев 1975 г. лишь на 20% превысил

¹⁰ «Жэньминь жибао», 31.X.1975.

¹¹ «Хунань жибао», 2.VIII.1975; «Жэньминь жибао», 16.X; 12.XI.1975.

¹² ИБАС, 20.XII.1975.

¹³ ИБАС, 20.VII.1975.

показатели того же периода 1974 г.¹⁴, т. е. во второй половине 1975 г. темпы капитального строительства значительно снизились.

Темпы роста продукции сельского хозяйства в период четвертого пятилетия были весьма скромными. Среднегодовой темп прироста валовой продукции сельского хозяйства в эти годы составил примерно 2,5%. В 1975 г. в Китае зерновых на душу населения приходилось все еще меньше, чем в 1957 г. (примерно 270—276 кг против 286 кг).

В течение 1975 г. китайская печать проявляла озабоченность «недостаточными темпами развития сельскохозяйственного производства», а также «систематическим невыполнением» в некоторых районах страны программы развития сельского хозяйства¹⁵. Вместе с тем много внимания уделялось пропаганде необходимости «осуществления ускоренной механизации сельского хозяйства», «ускорения темпов капитального полеводческого строительства».

Однако при этом китайское руководство не сделало никаких заявлений о намерении увеличить расходы из государственного бюджета на нужды сельского хозяйства. Наоборот, оно призывало в деле модернизации сельского хозяйства «опираться на массы, на собственные силы, идти по пути самостоятельного осуществления механизации сельского хозяйства». С конца сентября поднялась новая волна усиленной пропаганды «опыта Дачжая», санкционированная всекитайским совещанием по распространению передового «опыта Дачжая». На пленарном заседании этого совещания был объявлен призыв «мобилизовать всю партию на всемерное развитие сельского хозяйства, на борьбу за повсеместное создание уездов дачжайского типа». К концу 1975 г., как сообщалось, в Китае уже было создано около 300 уездов «дачжайского типа»¹⁶, т. е. «самообеспечивающихся» хозяйственных единиц уездного масштаба.

* * *

Подводя итоги социально-экономического развития КНР и экономической политики за пятилетие (1971—1975), следует подчеркнуть, что по сравнению с другими крупными государствами мира развитие экономики КНР происходило медленно, причем проводимый курс являлся одной из главных причин того, что в целом экономика Китая оставалась на сравнительно низком уровне развития¹⁷, а материальное

¹⁴ «Жэньминь жибао», 30.IX.1975.

¹⁵ «Гуаньши жибао», 15.X.1975.

¹⁶ «Жэньминь жибао», 21.X.1975.

¹⁷ «Коммунист», 1975, № 12, с. 108.

положение народных масс на протяжении многих лет почти не улучшалось.

Не желая предстать перед всем миром в качестве банкрота, пекинское руководство не предавало гласности ни хозяйственных итогов, ни конкретных плановых наметок. Официальные данные об итогах экономического развития страны как за 1975 г., так и за всю «четвертую пятилетку» в Китае опубликованы не были. В китайской печати не приводились даже обычные частичные данные об «успехах» отдельных отраслей и районов. В традиционной новогодней статье «Жэньминь жибао» от 1 января 1976 г. было лишь декларировано, что в 1975 г. якобы «успешно выполнены показатели по валовой продукции промышленности и сельского хозяйства, намеченные четвертым пятилетним планом». Примечательно, что наряду с такой лапидарностью оценки экономического развития значительная часть статьи была отведена полемике и нападкам на тех, кто утверждает, что в Китае «сегодня положение, хуже, чем вчера».

В докладе Чжоу Энь-лая на сессии ВСНП в январе 1975 г. говорилось о необходимости составления планов на ближайшие пять и десять лет. Западная печать сообщила, что с содержанием десятилетнего (1976—1980) и десятилетнего (1976—1985) планов якобы были ознакомлены высшие руководящие работники на конференциях и совещаниях, проходивших по всему Китаю осенью 1975 г.¹⁸ Однако никаких контрольных показателей этих планов в китайской печати опубликовано не было.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

В 1975 г. в политике китайского руководства в промышленности не произошло каких-либо существенных изменений по сравнению с предыдущим годом. В самой общей форме, как это видно из передовой статьи, опубликованной накануне 1975 г. в газетах «Жэньминь жибао» и «Цзэфанцзюнь бао», журнале «Хунци», задачи в области промышленности были сформулированы следующим образом: «Следует и впредь претворять в жизнь курс — сельское хозяйство является основой народного хозяйства, промышленность — его ведущей силой, планировать народное хозяйство в порядке: сельское хозяйство, легкая промышленность, тяжелая промышленность... усиливать поддержку промышленности сельскому хозяйству, укреплять основные отрасли промышленности и надлежащим образом организовать работу оборонной

¹⁸ «Sunday Times», 12.1.1976; 14.1.1976.

промышленности. Надо развивать революционный дух независимости и самостоятельности, опоры на собственные силы, вести вглубь массовое движение под лозунгом „в промышленности учиться у дацзинских нефтяников“¹⁹.

В течение всего года настойчиво подчеркивалось требование максимально усилить подготовку к войне. Новые, дополнительные задачи перед китайской промышленностью были поставлены в связи с решениями 1-й сессии ВСНП четвертого созыва о необходимости вывести КНР «в первые ряды стран мира по уровню развития народного хозяйства»²⁰. Эти задачи в области промышленного развития неоднократно упоминались на страницах китайской прессы.

Деятельность промышленности в первые месяцы 1975 г. осложнилась из-за промышленного спада, вызванного политической кампанией «критики Линь Бяо и Конфуция» в предыдущем году. Этот спад привел, по словам гонконгского еженедельника «Фар истери экономик ревью», к тому, что народное хозяйство Китая, в том числе и его промышленность, «вступило в 1975 год со значительно меньшим заделом, чем предполагали авторы экономических планов»²¹. Сказывались затруднения в работе металлургии, угольной промышленности и ряда других важных отраслей.

После 1-й сессии ВСНП в китайской печати стали появляться сообщения о разработке отдельными промышленными предприятиями новых годовых и десятилетнего перспективного планов²². В ряде провинций и городов были проведены совещания по вопросам развития промышленности, в том числе в Тяньцзине — по обмену опытом учебы у Дацина, в пров. Хэйлуцзян — секретарей парткомов промышленных предприятий, на которых ставились задачи развития различных отраслей промышленности, и т. д.

Однако начавшаяся в феврале новая политическая кампания «изучения теории диктатуры пролетариата» оказывала негативное влияние на промышленное производство. Руководство пыталось в ходе этой кампании форсировать темпы индустриального развития путем искусственного взвинчивания «революционного» энтузиазма рабочих и других работников промышленности. Одновременно оно повело наступление на экономические методы руководства промышленностью, принципы материального стимулирования, распределения по труду. Маонисты требовали «больше работать и меньше получать вознаграждения». В ответ на попытки руководства уси-

¹⁹ «Жэньминь жибао», 31.XII.1974.

²⁰ ИБАС, 20.I.1975.

²¹ «Far Eastern Economic Review», 3.X.1975.

²² «Хуцзи», 1975, № 1.

лить раскол среди рабочего класса и снизить заработную плату квалифицированным рабочим в ряде провинций в феврале — марте произошли столкновения и забастовки. Возникла, как отмечал журнал «Фар истери экономик ревью», «угроза промышленному производству КНР»²³.

Трудности в промышленности вынудили китайское руководство принять определенные меры. От рабочих и служащих промышленных предприятий стали требовать соблюдать дисциплину, трудовые распоряжения, придерживаться «системы ответственности за занимаемый пост», постоянно находиться на рабочем месте. Резко усилилась пропаганда безвозмездного труда. Были усилены репрессии в отношении недовольных и тех, кто «саботирует промышленное производство». Срочные мероприятия проводились по улучшению работы железнодорожного транспорта, особенно по перевозке угля, больше внимания стало уделяться капитальному строительству в промышленности.

В марте — июне, судя по материалам китайской и западной прессы, большое беспокойство у пекинского руководства вызвало неблагоприятное положение в металлургической промышленности страны. Из-за недовольства металлургов попытками ущемить их материальное положение упала трудовая дисциплина. Среди руководящего состава усилились раздоры. Иностранная печать сообщала о фракционной борьбе в ряде провинций (Фуцзянь, Хэйлуцзян, Цзянси, Чжэцзян, Гуандун, Автономном районе Внутренняя Монголия), которая наносила ущерб работе промышленности²⁴. Вместе с тем сказывались неполадки в обеспечении предприятий топливом и сырьем, а также ущерб, причиненный землетрясением предприятиям металлургии в южной части пров. Ляонин. Как отмечалось в сообщении из пров. Цзянси, ЦК КПК издал специальную инструкцию о развитии металлургической промышленности²⁵. В конце июня в газете «Жэньминь жибао» был опубликован призыв оказать всемерную помощь металлургической промышленности.

В конце августа на металлургические предприятия и угольные шахты нескольких провинций и Автономного района Внутренняя Монголия были направлены войска, «чтобы поддержать промышленное производство». О трудностях в области промышленности в августе весьма откровенно писала гуандунская провинциальная печать. В частности, она информировала, что «в провинции в целом развитие неравномерное; в некоторых районах и на некоторых предприяти-

²³ «Far Eastern Economic Review», 7.III.1975.

²⁴ «Straits Times», 4.VII.1975.

²⁵ «China News Analysis», 22.IX.1975.

ях прогресс медленный и нестабильный; есть отсталые предприятия». Пресса призывала к тому, чтобы заводы и шахты «имели строгие правила производства и строгую организацию. Иначе не могло быть никакой гарантии хорошего качества продукции, стабильного производства или безопасности»²⁶.

Учитывая сложившееся неблагоприятное положение в промышленности, китайская пропаганда примерно с сентября 1975 г. в известной мере приглушила призывы «к ограничению буржуазного права», смысл которого прежде всего заключался в сокращении заработной платы рабочим и служащим. Средства массовой пропаганды усилили обработку рабочих и служащих промышленности, с тем чтобы «покончить с ошибочными взглядами в среде рабочих», «повысить сознательность», «укрепить дисциплину», «всемерно увеличить производство». Заигрывая с рабочими, китайские руководители стали создавать на предприятиях «рабочие группы управления» и «группы контроля» с участием рабочих²⁷. Цель подобных мероприятий заключалась: во-первых, в создании у рабочих иллюзий непосредственного участия в управлении, а во-вторых, в предупреждении требований со стороны рабочих повышения зарплаты.

Для того чтобы укрепить авторитет администрации предприятий, поощрялось вмешательство вышестоящих административных и партийных органов²⁸. В ряде сообщений за октябрь и декабрь месяцы подчеркивалась необходимость «активно развивать роль технического персонала» в «решении задач, стоящих перед сельским хозяйством, промышленностью, обороной и наукой», в «стимулировании производства»²⁹.

В целом, несмотря на обилие политических кампаний, положение в промышленности оказалось несколько лучшим, чем в 1974 г. Китайское руководство при наличии в нем различных точек зрения о путях и методах экономического развития стало уделять больше внимания укреплению системы планирования и руководству промышленностью на всех уровнях. Осуществлялись меры по укреплению трудовой дисциплины, упорядочению взаимоотношений между рабочими и руководящим персоналом.

Тем не менее по-прежнему в центре внимания китайского руководства оставалась военная промышленность и ведущие отрасли тяжелой промышленности, от деятельности которых

²⁶ «Напъфан жибао», 18.VIII.1975.

²⁷ «Жэньминь жибао», 7.X.1975; «Far Eastern Economic Review», 19.IX.1975.

²⁸ «Far Eastern Economic Review», 19.IX.1975.

²⁹ «Гуаньмин жибао», 13.X.1975.

в первую очередь зависел рост военно-промышленного потенциала. По оценке американского специалиста Р. Дернбергера, доля военной промышленности (производство оружия) увеличилась в валовой продукции всей промышленности КНР до 22%³⁰. Продолжалась модернизация отдельных предприятий в нефтяной, химической, ряде отраслей машиностроительной, металлургической промышленности.

В китайской печати помещалось немало материалов, характеризующих большое экономическое значение легкой промышленности³¹. Как утверждала китайская пропаганда, экономика страны планировалась в следующем порядке: сельское хозяйство, легкая промышленность, тяжелая промышленность. Этот принцип, казалось бы, свидетельствовал о предпочтении легкой промышленности. Однако на практике подавляющая часть централизованно выделяемых материальных и финансовых ресурсов, квалифицированных кадров предоставлялась военной и тяжелой промышленности. Легкая промышленность получала мизерную помощь от государства, рекомендовалось развивать ее за счет местных ресурсов, путем «опоры на собственные силы».

В 1975 г. промышленность продолжала испытывать такие трудности, как наличие ряда межотраслевых и внутриотраслевых диспропорций; дефицит угля, электроэнергии, многих видов сырья, недостаток машин и оборудования; техническая отсталость многих промышленных предприятий; нехватка квалифицированных кадров; недостаточно высокое качество многих выпускаемых промышленных изделий; истощающее влияние роста милитаризации экономики.

Об итогах работы всей промышленности и большинства отраслей в прессе КНР публиковалось крайне мало конкретных данных. Так, сообщалось, что в первом полугодии 1975 г. по сравнению с соответствующим периодом 1974 г. добыча нефти возросла на 24%, переработка нефти — на 14³², продукция машиностроения — на 14, выработка электроэнергии — на 12%³³. В свою очередь, западная печать также писала о досрочном выполнении плана первого полугодия 1975 г. угольной промышленностью КНР. По оценке гонконгских экономистов в этот период темпы роста промышленного производства составили 9—11%³⁴.

30 сентября агентство Синьхуа опубликовало информацию о том, что за восемь месяцев 1975 г. по сравнению с соответствующим периодом 1974 г. валовая промышленная про-

³⁰ «Economist», 30.VIII.1975.

³¹ ИБАС, 25.IX.1975.

³² ИБАС, 8.VII.1975.

³³ ИБАС, 12.VIII.1975.

³⁴ «New York Times», 22.VIII.1975

дукция возросла на 17,3%, добыча сырой нефти — на 25,5, выработка электроэнергии — на 15,7%. Из приведенных данных наиболее сомнительны явно завышенные цифры о темпах роста валовой продукции промышленности.

В ноябре и декабре 1975 г. в китайской прессе стали появляться разрозненные сообщения о досрочном выполнении годового производственного плана по некоторым видам продукции (в частности, по добыче соли), отдельными отраслями промышленности провинций (например, хлопчатобумажной промышленностью пров. Шэньси), отдельными промышленными предприятиями. Однако данные о темпах роста валовой продукции промышленности и важнейших ее видов за год отсутствовали. В передовой статье, опубликованной в ряде центральных органов китайской печати накануне нового года, было сказано лишь, что в 1975 г. «нового уровня достигло промышленное производство»³⁵. По предварительной оценке гонконгских специалистов, общий объем промышленного производства в 1975 г. мог увеличиться примерно на 8% против 1974 г.³⁶. В сообщении агентства Франс Пресс от 9 декабря 1975 г. рост промышленного производства в КНР оценивался примерно в 10%.

По ориентировочным подсчетам, развитие промышленности КНР в 1975 г. (для сравнения приводятся оценочные данные 1974 г.) охарактеризовано в табл. 1.

Таблица 1

Производство валовой продукции и основных видов промышленной продукции в 1974—1975 гг.

Продукция	1974 г.	1975 г., оценка
Валовая продукция промышленности, млрд. юаней (в ценах 1957 г.)	196	215
Уголь, млн. т	340	365
Нефть, млн. т	45	56
Электроэнергия, млрд. кВт·ч	102	115
Чугун, млн. т	26	26
Сталь, млн. т	25	25
Металлорежущие станки, тыс. шт.	70	76
Автомобили, тыс. шт.	82	92
Цемент, млн. т	20	23
Минеральные удобрения, млн. т	26	30
Хлопчатобумажные ткани, млрд. м	8,9	9,0
Сахар, млн. т	2,3	2,5

³⁵ «Жэньминь жибао», 31.XII.1975.

³⁶ «Far Eastern Economic Review», 3.X.1975.

Судя по материалам китайской печати, несколько улучшилось положение в капитальном промышленном строительстве. Больше стало обращать внимания на централизацию планирования строительства, улучшение работы сотрудничающих строительных организаций. Как сообщала печать, «провинции, города центрального подчинения и автономные районы, а также промышленные ведомства определили очередность строительства объектов, поставив на первое место важнейшие из них, сузили фронт строительных работ и организовали сотрудничество»³⁷.

За первые восемь месяцев было реализовано капиталовложений на 20% больше против того же периода 1974 г.³⁸. Введены новые производственные мощности в металлургической, электроэнергетической, нефтяной, угольной, автомобильной, сахарной промышленности и промышленности минеральных удобрений.

Угольная промышленность продолжала оставаться одной из наиболее отстающих отраслей промышленности страны. В начале года во многих провинциях были проведены конференции, на которых обсуждалась директива из Пекина «О необходимости расширения добычи полезных ископаемых». В ходе этих конференций местных руководителей нередко критиковали за то, что по их вине развитие угледобычи в стране не отвечало требованиям революции и строительства»³⁹. С целью усиления руководства угольной промышленностью было воссоздано министерство угольной промышленности⁴⁰. В течение всего года в китайской печати подчеркивалась необходимость строгого выполнения и перевыполнения производственных планов, «стимулирования производства угля». В середине года и в третьем квартале с целью «поддержки производства» в ряде районов страны на угольные шахты были посланы войска.

Одним из мероприятий по улучшению положения в угольной промышленности и по ускорению ее развития явилось Всекитайское совещание руководителей бригад забойщиков и проходчиков угольной промышленности (30 октября — 11 ноября 1975 г.). В числе задач, которые были поставлены перед участниками совещания, был обмен производственным опытом и изыскание мер и средств с целью заставить рабочих «учиться у Дацина» для ускорения темпов развития

³⁷ ИБАС, 20.VII.1975.

³⁸ ИБАС, 2.X.1975.

³⁹ «Mirrog», 13.I.1975.

⁴⁰ Министерство угольной промышленности впервые было создано в 1955 г., в конце 1970 г. его объединили с министерством нефтяной промышленности. вновь министерство угольной промышленности образовано в начале 1975 г.

угольной промышленности. На совещании министр угольной промышленности в своем докладе заявил, что в течение ближайшего десятилетия угольная промышленность должна развиваться темпами, «невиданными» в ее истории. Для этого необходимо всемерно изыскивать производственные резервы старых шахт, как можно скорее завершить работы по строящимся шахтам, умножать количество мелких шахт и вместе с тем концентрировать силы на строительстве нескольких крупных угледобывающих баз. Необходимо значительно увеличить нагрузку на шахту, ускорить проходку выработок и повысить уровень использования резервов; необходимо прилагать максимальные усилия для механизации труда⁴¹.

В печати подчеркивалось, что в 1975 г. «более успешно, чем в течение нескольких предыдущих лет, осуществлялось строительство угольных шахт»⁴². Сообщалось, что за первое полугодие были введены в строй 22 угольные шахты⁴³. В течение года сданы в эксплуатацию Баодинский угольный комбинат в составе семи шахт, углеобогатительной фабрики, ремонтных заводов в пров. Сычуань, Уланьский угольный комбинат в Нинся-Хуэйском автономном районе, шахта мощностью 900 тыс. т в пров. Гуйчжоу, шахта «Янцунь» мощностью 600 тыс. т в пров. Хэнань (шахтоуправление Има) и др.

В последние годы усиленными темпами наращивались мощности Кайлуаньского угольного комбината, крупнейшего угледобывающего предприятия КНР. В 1975 г. здесь было добыто 25,2 млн. т угля⁴⁴.

Несмотря на все усилия, темпы роста добычи угля в 1975 г. были недостаточными. В целом по стране прирост добычи угля, по предварительным оценкам, составлял лишь около 7%.

Китайское правительство продолжало уделять первостепенное внимание развитию *нефтяной промышленности*, рассматривая нефть не только как средство ускорения темпов экономического роста, но и как важный инструмент своей «нефтяной» дипломатии. За десять месяцев добыча нефти в КНР возросла на 20% по сравнению с соответствующим периодом 1974 г.

Как и в предшествующие годы, по темпам роста нефтеперерабатывающие мощности значительно отставали от нефтедобывающих. За десять месяцев нефтепереработка возросла на 13% при росте добычи нефти в 20%⁴⁵. В целях лик-

⁴¹ ИБАС, 30.X.1975.

⁴² «Гуанмин жибао», 30.X.1975.

⁴³ ИБАС, 20.VII.1975.

⁴⁴ «Жэньминь жибао», 29.XII.1975.

⁴⁵ ИБАС, 1.XII.1975.

видации хронического отставания нефтеперерабатывающих мощностей осуществлялись сооружение и реконструкция ряда нефтехимических предприятий. Например, в уезде Цзиньшань вблизи Шанхая велось сооружение нефтехимического комбината, строительство которого было начато в январе 1974 г. К середине 1975 г. были в основном закончены строительные работы на восьми из десяти производственных и вспомогательных объектов. Кроме того, были построены железнодорожная ветка, мост через р. Хуанпуцзян, нефтяной причал, трубопроводы для отработанных жидкостей и т. д. Этот комбинат являлся крупнейшей стройкой Шанхая со времени образования КНР, его предполагалось в значительной степени оснастить импортным оборудованием.

При участии французских фирм продолжалось строительство другого крупного нефтехимического комбината, расположенного в г. Ляояне вблизи Шэньяна. На комбинат, который будет производить 87 тыс. т полиэфирного и 46 тыс. т нейлонового волокна, а также многие другие виды химических продуктов, планировалось поставить из Франции технологическое оборудование общим весом в 45 тыс. т.

Слабым звеном в китайской нефтяной промышленности была транспортировка нефти, что сдерживало добычу нефти в стране. В связи с этим принимались меры по расширению сети магистральных трубопроводов и строительству новых нефтяных причалов в морских портах. В июне был введен в строй нефтепровод Циньхуандао — Пескин протяженностью 355 км, который явился продолжением нефтепровода Дацин — Циньхуандао (1152 км), построенного в 1973 г. По нефтепроводу Циньхуандао — Пекин нефть поступает на Пекинский нефтехимический комбинат и на расположенную вблизи Пекина железнодорожную станцию Шилоу. С этой станции нефть в железнодорожных цистернах доставляется в другие районы страны⁴⁶. Сооружение нефтепровода Циньхуандао — Пекин улучшило снабжение нефтью Пекинского нефтехимического комбината и позволило примерно в 1,5 раза увеличить его производственную мощность. Было также закончено сооружение нефтепровода между КНР и КНДР.

Китайская пресса сообщала о сооружении нефтяного порта Чэньшань на берегу Ханчжоуского залива (пров. Чжэцзян), расширении портов Синьган, Циньхуандао и др. Построенные в этих портах нефтяные причалы могут принимать танкеры с максимальной грузоподъемностью в 30 тыс. т. В порту Циньхуандао начато строительство причалов для танкеров грузоподъемностью в 50—70 тыс. т⁴⁷.

⁴⁶ См. «Китай на стройке», 1975, № 9.

⁴⁷ ИБАС, 30.IX.1975 и 5.IX.1975.

В последние годы, в том числе и в 1975 г., особое значение придавалось *электроэнергетической промышленности*, поскольку хроническое отставание этой важной отрасли тормозило развитие производительных сил страны, ограничивало темпы роста военной промышленности. По данным китайской печати, прирост производства электроэнергии составил за первые семь месяцев 14,3% по сравнению с соответствующим периодом 1964 г.⁴⁸ Судя по опубликованным материалам (имеются в виду призывы к более полному использованию мощностей, всемерной экономии электроэнергии, использованию электроэнергии на важнейших участках и т. д.), страна продолжала испытывать нехватку электроэнергии.

Вместе с тем имелись сведения о строительстве новых электростанций. В 1975 г. велось строительство более 100 относительно крупных и средних электрических станций и распределительных блоков; сооружаемые объекты оснащались импортным и отечественным оборудованием. Газеты писали о сдаче в эксплуатацию ряда крупных и средних электростанций, высоковольтных линий электропередач и других объектов. В июле завершено строительство гидроэлектростанции Чэньцунь в уезде Цзинсин пров. Аньхой (ее строительство началось еще в 1958 г.). На этой ГЭС установлены три гидроагрегата общей мощностью 150 тыс. квт, электроэнергия со станции поступает по новой линии электропередачи длиной 390 км в энергосистему Восточного Китая. В ноябре появилось сообщение о частичном вводе в эксплуатацию ГЭС Бапанься в пров. Ганьсу. На этой ГЭС имеются три гидроагрегата общей мощностью 108 тыс. квт. В районе Пекина сооружены электростанция Цзинси (установлен один энергоблок на 200 тыс. квт), линия электропередачи напряжением 220 тыс. вольт и пять электроподстанций. В пров. Шэньси построена гидроэлектростанция Сицунь (три агрегата общей мощностью 135 тыс. квт).

Согласно сведениям китайской печати, в стране проводился курс на одновременное строительство тепловых и гидравлических электростанций (атомные электростанции в Китае отсутствовали), на сочетание строительства крупных, средних и мелких электростанций.

В ходе его осуществления подчеркивалась необходимость укрепления руководства новостройками электроэнергетической промышленности и недопустимость распыления сил в капитальном строительстве. В качестве показательного примера в строительстве объектов электроэнергетики приводилась пров. Шаньдун, в которой по сравнению с 1970 г. мощ-

⁴⁸ ИБАС, 12.VII.1975; «Жэньминь жибао», 20.VIII.1975.

ности по производству электроэнергии возросли на 940 тыс. квт.⁴⁹

Результатом этого курса явилось сооружение большого количества мелких гидростанций, эффективность и эксплуатационная надежность многих из них вызывает большое сомнение. В частности, сообщалось, что в 1975 г. в Китае действовало около 60 тыс. мелких и мельчайших «гидростанций». Оборудование для мелких ГЭС выпускалось на предприятиях провинций, ежегодный объем производства подобного оборудования — 50 тыс. квт.⁵⁰

Металлургическая промышленность. В китайской печати не появлялось сообщений о вводе в строй каких-либо крупных или средних металлургических предприятий. Публиковались сведения лишь о расширении действующих металлургических комбинатов, в том числе Бэньсийского, Баотоуского и Уханьского, а также заводов средней мощности. В пров. Хунань на Сянтаньском металлургическом заводе была введена в эксплуатацию доменная печь, а на Ляньюаньском — два конвертера с верхним кислородным дутьем.

Некоторый рост производства металла отмечался на Пекинском, Таншаньском и ряде других комбинатов по сравнению с предшествующим годом. Однако, в отличие от прежних лет, китайская печать не приводила цифр о росте выплавки чугуна и стали на крупнейшем в КНР Аньшаньском металлургическом комбинате, который, по всей вероятности, пострадал от сильного землетрясения в феврале 1975 г. Снижение выплавки металла на этом комбинате вряд ли могло быть компенсировано некоторым ростом производства на других металлургических предприятиях, поэтому общее производство чугуна и стали в КНР осталось примерно на уровне 1974 г.

Развитие металлургической промышленности КНР сдерживалось большим дефицитом железной руды, что вызывало необходимость строительства как крупных, так и мелких рудников. Только в пров. Ляонин за последние пять лет введены в эксплуатацию железные рудники общей мощностью 10 млн. т⁵¹. В 1975 г. была построена первая очередь крупного Мэйшаньского рудника в пров. Цзянсу, который должен стать сырьевой базой шанхайской металлургической промышленности. Однако проблема снабжения рудой еще далека от разрешения: самообеспечения железной рудой добились только треть средних и мелких металлургических заводов и несколько крупных заводов⁵².

⁴⁹ «Жэньминь жибао», 30.VIII.1975.

⁵⁰ ИБАС, 20.X.1975.

⁵¹ ИБАС, 18.IX.1975.

⁵² См. «Китай на стройке», 1975, № 2.

В металлургической промышленности велась работа по модернизации оборудования, особенно прокатных станов, и внедрению современных металлургических процессов. Сообщалось, в частности, что кислородное дутье применялось на всех металлургических предприятиях Шанхая. В пров. Сычуань к началу года $\frac{2}{3}$ металлургических заводов работало на природном газе.

Черная металлургия Китая еще не в состоянии полностью удовлетворить потребности страны в стали, которую Китай вынужден в больших количествах импортировать из Японии и других стран. В связи с большим ростом потребления стального проката в сельскохозяйственном машиностроении и нефтяной промышленности предполагалось продолжать крупные закупки стального проката, главным образом в Японии.

В химической промышленности главное внимание уделялось увеличению производства минеральных удобрений, пластмасс, синтетических смол, волокон, каучука и моющих средств, химических средств защиты растений и химической продукции военного назначения. Ведущей отраслью химической индустрии КНР оставалась промышленность минеральных удобрений. За восемь месяцев 1975 г. производство минеральных удобрений в КНР возросло на 24,4% по сравнению с соответствующим периодом 1974 г.⁵³ Промышленность минеральных удобрений продолжала развиваться с упором на создание средних и мелких предприятий, сооружаемых на средства местных органов. Число мелких заводов минеральных удобрений превысило 2 тыс.⁵⁴ Мелкие заводы давали 60% всех азотных и $\frac{2}{3}$ фосфорных удобрений в стране. На мелких рудниках добывалось свыше половины всей фосфорной руды⁵⁵. В некоторых провинциях страны мелкие заводы имели очень высокий удельный вес в производстве минеральных удобрений. Так, в первой половине 1975 г. мелкие заводы пров. Сычуань дали 70% всего производства минеральных удобрений в этой провинции⁵⁶. В пров. Цзянсу мелкие заводы выпустили синтетического аммиака в 4 раза больше, чем крупные химические предприятия⁵⁷.

Китайская печать в течение года продолжала публиковать призывы, чтобы развитие промышленности минеральных удобрений происходило с упором на строительство мелких заводов, подчеркивая при этом некоторые преимущества та-

⁵³ ИБАС, 10.XI.1975.

⁵⁴ ИБАС, 27.VII.1975.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ «Жэньминь жибао», 8.VIII.1975.

⁵⁷ «Хунци», 1975, № 10.

ких заводов (небольшие объемы капиталовложений, короткие сроки строительства, простое оборудование и несложная технология производства, близость к местам потребления продукции). Однако главная причина усиленной пропаганды курса на преимущественное строительство мелких заводов заключалась в том, что сооружение таких заводов осуществлялось главным образом за счет средств местных органов власти.

Так, из общей суммы в 50 млн. юаней, затраченных на строительство 8 мелких заводов азотных удобрений в пров. Цзянсу, 30 млн. юаней ($\frac{3}{5}$ всех средств) были предоставлены уездными органами, а остальные $\frac{2}{5}$ — провинциальными и центральными органами⁵⁸.

Чрезвычайно отрывочные данные публиковались о строительстве или реконструкции средних и крупных заводов минеральных удобрений. В них говорилось лишь о вводе в строй Цянгоского завода минеральных удобрений в пров. Цзилинь и завода минеральных удобрений № 1 при Шэнлиском нефтехимическом комбинате (пров. Шаньдун) а также о реконструкции Сычуаньского химического завода, мощность которого по производству синтетического аммиака возросла с 72 тыс. до 180 тыс. т⁵⁹.

В стране продолжался монтаж оборудования химических заводов, закупленных КНР в капиталистических странах в 1972—1974 гг. С участием американских и голландских инженеров велось строительство трех из восьми крупных заводов минеральных удобрений, контракт на строительство которых КНР заключила с голландским филиалом американской фирмы «Келлог». Эти заводы сооружались в провинциях Сычуань, Ляонин и Хэйлунцзян. В начале 1975 г. от Дацзинских нефтепромыслов к строящемуся в пров. Хэйлунцзян заводу минеральных удобрений был проложен газопровод⁶⁰.

Некоторые усилия прилагались, видимо, к расширению сырьевой базы для производства минеральных удобрений, особенно фосфорных. Так, печаталось сообщение об открытии в пров. Шаньдун месторождения фосфорных руд, об обнаружении 173 новых залежей таких руд, из которых 23 уже подвергались разработке. На фосфорных рудах этого месторождения действовал ряд заводов минеральных удобрений.

Промышленность еще далеко не полностью удовлетворяла потребности китайского сельского хозяйства в минеральных

⁵⁸ ИБАС, 19.IX.1975.

⁵⁹ «Жэньминь жибао», 8.VIII.1975.

⁶⁰ «Цзинцзи даобао», 1975, № 30.

удобрениях. Масштабы импорта удобрений из Японии, главным образом мочевины, сульфата аммония и хлорида аммония, не сокращались.

В химической промышленности слабым местом оставалось производство пластмасс, синтетических смол, волокон и каучука. Свои надежды на резкое увеличение выпуска этих важнейших видов химической продукции и сырья для их производства КНР продолжала в значительной степени связывать с закупкой иностранного оборудования. В феврале с рядом японских фирм был подписан контракт на 31,5 млн. долл. на поставку в КНР завода по производству 12 тыс. т этилена в год⁶¹.

Машиностроительная промышленность развивалась более ускоренными темпами, чем ранее. За первое полугодие 1975 г. валовая продукция машиностроения возросла на 14% по сравнению с тем же периодом предшествующего года⁶².

Прирост продукции китайского машиностроения в 1975 г. все же был в 1,5 раза меньше, чем в среднем за последние 20 с лишним лет, когда, согласно утверждению китайской печати, среднегодовой прирост машиностроительной продукции превышал 20%⁶³. Однако следует отметить, что такой сравнительно высокий среднегодовой прирост продукции был достигнут благодаря особенно высоким темпам развития машиностроительной промышленности КНР в 50-е годы.

Как и в предшествующем году, наиболее высокими темпами характеризовалось развитие судостроения, сельскохозяйственного машиностроения, станкостроения и приборостроения.

В судостроительной промышленности расширялось производство танкеров и сухогрузных судов. На судовой верфях Шанхая, Даляня и Тяньцзиня был сокращен срок постройки судов на стапелях. На шанхайских судовой верфях «Цзяннань» и «Худун» строились сухогрузные суда грузоподъемностью в 7,5, 10, 16 и 25 тыс. т, на даляньской судовой верфи «Хунци» — танкеры грузоподъемностью 10, 15 и 24 тыс. т, небольшие суда и буксиры, на тяньцзиньской судовой верфи «Синьхэ» — вспомогательные суда и плавучие средства различных типов (спасательные суда, землечерпалки, плавучие краны и т. д.), на чэндуской судовой верфи «Дунфын» — речные суда с двигателями мощностью 2 тыс. л. с., а также речное пассажирско-грузовое судно водоизмещением 3700 т с двигателем мощностью 4 тыс. л. с.

На 112 местных предприятиях в большом количестве сооружались бетонные суда и лодки преимущественно для сель-

⁶¹ «U.S. China Business Review», 1975, № 7, 8.

⁶² ИБАС, 17.VII.1975.

⁶³ ИБАС, 5.XII.1975.

скохозяйственных целей. На темпы развития судостроительной промышленности КНР сдерживающее влияние продолжали оказывать такие негативные факторы, как недостаточная грузоподъемность стапелей на действующих судостроительных верфях (на 3000- и 5000-тонных стапелях приходится строить 10000-тонные суда), слабые производственно-технические возможности по изготовлению судовых двигателей большой мощности (максимальная мощность двигателей не превышает 10 тыс. л. с.), недостаток специальных сталей, цветных металлов и других материалов, а также современного навигационного оборудования.

В сельскохозяйственном машиностроении много внимания уделялось увеличению производства маломощных тракторов, двигателей внутреннего сгорания, ирригационных насосов и другой сравнительно несложной техники, выпуск которой освоили многочисленные местные машиностроительные заводы. Китайская печать сообщала о следующих новинках сельскохозяйственной техники: малогабаритном гусеничном тракторе, машине для террасирования горных склонов, малогабаритной рисоуборочной машине, тракторе с четырьмя поворотными колесами для работы на рисовых полях.

В станкостроительной промышленности происходило освоение производства тяжелых, прецизионных и автоматических станков, в которых китайское машиностроение испытывало наибольший дефицит. В опытном порядке были изготовлены зуборезные станки для обработки зубчатых колес диаметром 5 и 8 м, агрегатный станок с числовым программным управлением, шлифовальный станок для обработки метчиков. Большой недостаток в современном станочном оборудовании вынуждал машиностроительные заводы собственными силами изготавливать металлорежущие станки.

Как главное достижение приборостроительной промышленности КНР в 1975 г. китайская печать отмечала рост производства электронно-вычислительных машин. Так, Шанхайский радиозавод № 13 начал серийное производство ЭВМ со скоростью 500 тыс. операций в секунду. В числе новинок приборостроения можно отметить создание фазового лазерного дальномера, радиотелескопа с высокой разрешающей способностью, мощного цветного телевизионного передатчика, электронного микроскопа со сканированием, микроспектроскопа на жидкостном лазере и т. д. Особое внимание уделялось использованию в приборостроении лазерной, инфракрасной, ультразвуковой и других видов новейшей техники.

Машиностроительная промышленность КНР еще далеко не полностью удовлетворяла потребности страны в современном оборудовании. Для поддержания необходимых темпов

развития промышленности КНР продолжала закупать в других странах современное технологическое оборудование, машины и транспортные средства. Импорт оборудования и машин только из Японии за первые восемь месяцев 1975 г. составил 516,22 млн. долл., или возрос на 73,2% по сравнению с тем же периодом 1974 г. КНР импортировала землечерпательные снаряды и газотурбинные электростанции из Японии, локомотивы из Японии и Франции, пассажирские самолеты из Англии, морские буровые установки из Гонконга и т. д.

В *цементной промышленности* рост выпуска продукции в значительной степени был достигнут за счет строительства мелких цементных заводов мощностью по 6—8 тыс. т цемента в год. Доля таких заводов в общекитайском производстве цемента достигла 57%⁶⁴. За десять месяцев они увеличили выпуск продукции на 30% по сравнению с тем же периодом 1974 г.

В 80% уездов страны действовало более 2800 мелких цементных заводов. 70% выпускаемого ими цемента шло на строительство ирригационных сооружений, построек сельскохозяйственного назначения, механизированных колодцев, бетонных лодок, хранилищ для аммиака и т. п.

Одновременно со строительством и расширением мелких предприятий проводилась реконструкция крупных и средних цементных заводов. Так, на Пекинском цементном заводе «Шоуду» была введена в эксплуатацию цементная печь производительностью 300 тыс. т цемента в год, в результате чего производственная мощность этого завода возросла до 1 млн. т в год.

По сообщению китайской печати, объем лесозаготовок вырос в 5,2 раза по сравнению с первыми годами после образования КНР и, по оценке, составил около 50 млн. куб. м древесины.

Легкая промышленность остается важным источником накопления средств для развития китайской экономики и форсирования программы милитаризации страны. За 1953—1973 гг. легкая промышленность, по сообщению китайской печати, дала государству средства, равные $\frac{3}{4}$ всех капиталовложений, которые были выделены государством за тот же период на развитие всей китайской индустрии⁶⁵.

Развитие легкой промышленности лимитировалось недостатком сельскохозяйственного сырья, доля которого составляла 70% общего потребления сырья в этой отрасли промышленности⁶⁶. Для обсуждения вопросов обеспечения легкой

⁶⁴ ИБАС, 10.XI; 14.IX; 18.VIII.1975.

⁶⁵ ИБАС, 22.II.1975.

⁶⁶ «Хунци», 1975, № 7.

промышленности сельскохозяйственным сырьем Госсовет КНР в январе созвал общекитайское совещание, на котором были намечены меры по увеличению производства хлопка, льна, конопли, масличных и других технических культур. На этом совещании отмечалось, что в ряде районов страны урожайность технических культур оставалась очень низкой⁶⁷.

Как сообщалось в китайской печати, за период с 1949 по 1974 г. годовая стоимость валовой продукции, производимой текстильной промышленностью КНР, увеличилась в 4,5 раза. С учетом этих данных стоимость валовой продукции текстильной промышленности в 1975 г. может быть оценена в 17—18 млрд. юаней.

Основными направлениями развития текстильной промышленности оставались: рациональное территориальное размещение предприятий отрасли (на хлопкопрядильных фабриках, расположенных во внутренних районах страны, сосредоточено более половины всех веретен текстильной промышленности КНР⁶⁸), реконструкция текстильных фабрик, главным образом на средства самих предприятий, расширение сырьевой базы за счет более широкого использования химических волокон, особенно синтетических. Хотя в 1964—1974 гг. выпуск тканей из синтетических волокон увеличился в 4,3 раза⁶⁹, однако их удельный вес в общем объеме продукции китайской текстильной промышленности сохранялся на очень низком уровне, что объяснялось недостаточным производством синтетических смол в стране. По этой причине китайское руководство всемерно форсировало строительство крупных нефтехимических комбинатов вблизи Шанхая и Шэньяна, ввод которых в строй позволит увеличить производство синтетических смол в стране и улучшить снабжение текстильной промышленности синтетическими волокнами.

Благоприятные погодные условия 1975 г. способствовали росту производства поваренной соли, добыча которой достигла максимального уровня со времени образования КНР (производство соли особенно выросло в пров. Хэбэй и Сычуань, являющихся крупными соледобывающими районами КНР).

В сахарной промышленности наблюдалось расширение производственных мощностей. В Гуанси-Чжуанском автономном районе было построено несколько сахарных заводов, работающих на сахарном тростнике. Вместе с тем сообщалось о внимании к увеличению производства сахара из сахарной свеклы в северо-восточных провинциях КНР.

⁶⁷ «Жэньминь жибао», 29.I.1975.

⁶⁸ ИБАС, 4.XII.1975.

⁶⁹ Там же.

Итоги развития китайской промышленности в 1975 г. свидетельствовали о том, что, хотя проведение пекинским руководством в этом году ряда политических кампаний вносило серьезную дезорганизацию в работу промышленных предприятий, промышленность КНР в целом все же развивалась в более стабильных условиях, чем в 1974 г. Это обусловило некоторое увеличение темпов роста производства важнейших видов промышленной продукции по сравнению с предшествующим годом.

Как уже отмечалось, наибольшее внимание китайское руководство уделяло производству тех отраслей промышленности, которые непосредственно влияли на рост военно-промышленного потенциала страны, особенно нефтяной и нефтехимической промышленности, электроэнергетике, машиностроению и химии. Значительно меньшими темпами увеличивалось производство отраслей промышленности, производящих предметы погребения и связанных с повышением жизненного уровня трудящихся. Развитие этих отраслей происходило главным образом на местные средства при очень незначительной финансовой и материально-технической помощи со стороны центральных государственных органов.

Несмотря на некоторое оживление капитального строительства, прирост выпуска промышленной продукции был достигнут в основном в результате реконструкции и лучшего использования производственных мощностей действующих предприятий, особенно в машиностроительной и легкой промышленности. В электроэнергетике, нефтехимической и химической промышленности увеличение промышленного производства в значительной степени было обеспечено за счет введения в эксплуатацию импортного оборудования.

Напряженный топливно-энергетический баланс, в котором доля каменного угля достигала 80%, продолжал быть одним из главных факторов, сдерживавших развитие китайской промышленности. Рост промышленного производства тормозился также большим дефицитом сырья и материалов, особенно черных и цветных металлов. Выпуск чугуна и стали сохранялся на уровне предшествующих двух лет. Машиностроение продолжало в значительной степени базироваться на импортном металле.

В 1975 г. на развитие промышленности КНР сдерживающее влияние оказывал ряд других негативных факторов, в том числе сохраняющиеся существенные межотраслевые и внутриотраслевые диспропорции, сокращение фонда накопления ввиду отвлечения крупных финансовых и материально-

технических средств на милитаризацию страны и форсированные ракетно-ядерной программы, большой недостаток квалифицированных кадров в промышленности, широкое использование внеэкономических методов форсирования роста производства.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Для сельского хозяйства КНР по-прежнему были характерны низкие темпы его развития, что резко ограничивало и потребление населения, и рост соответствующих отраслей промышленности. На Всекитайском совещании по распространению опыта Дачжая, состоявшемся в сентябре — октябре 1975 г.⁷⁰, в докладе заместителя премьера Государственного совета КНР Чэнь Юн-гуя было акцентировано внимание на необходимости ускорения развития сельского хозяйства для дальнейшего выполнения стратегического курса «готовиться к войне и стихийным бедствиям»⁷¹.

Это совещание наметило, по существу, пути развития сельского хозяйства до 1980 г.⁷²

Движение «за учебу у Дачжая и повсеместное создание уездов дачжайского типа» было приравнено китайским руководством по своему значению к аграрной реформе, кооперированию сельского хозяйства и созданию народных коммун. Движение рассматривалось в качестве главного средства решения сложных проблем сельского хозяйства, препятствующих общему росту экономики. В политическом и экономическом плане оно означало усиление административного и идеологического давления на массы через партийные органы. «Чтобы повсеместно создать уезды дачжайского типа,— говорилось в докладе зам. премьера Государственного совета КНР, члена Политбюро КПК Хуа Го-фэна,— необходимо провести повсеместную чистку, полностью разрешить вопросы в идеологическом, политическом и организационном планах,

⁷⁰ «Жэньминь жибао», 21.X.1975.

⁷¹ «Жэньминь жибао», 28.IX.1975.

⁷² Этому совещанию руководство КНР придавало первостепенное значение в развитии сельского хозяйства. В его заседаниях приняло участие 3700 ответственных работников Государственного совета, министерств и ведомств КНР, руководителей парткомов и «ревкомов» провинций, автономных районов, городов центрального подчинения, работников научных организаций по сельскохозяйственной технике, представителей передовых сельскохозяйственных коллективов страны. Присутствовали руководители КПК и правительства КНР. С докладами выступили Дэн Сяопин, Цзян Цин, Чэнь Юн-гуй, Хуа Го-фэн и др. Совещание такого масштаба за последние годы проводилось впервые.

существующие среди большинства групп парткомов уездов»⁷³.

По отношению к крестьянству предпочтение отдавалось методам внеэкономического принуждения, «опоре на собственные силы».

Развитие сельского хозяйства происходило неравномерно. Маоистское руководство, не отказываясь от своих установок по отношению к крестьянству, пыталось преодолеть тяжелые последствия, сложившиеся после «культурной революции» во всей экономике и в сельском хозяйстве в частности. Однако, несмотря на повышение в целом внимания к экономическому строительству, эти попытки были обречены на неудачу, так как не наблюдалось сколько-нибудь значительного роста государственных ассигнований на развитие сельскохозяйственного производства.

В сельском хозяйстве сохранялся курс «опоры на собственные силы», согласно которому коммуны ориентировались на осуществление производственных капиталовложений в основном за счет собственных скудных средств, насаждался «дух Дачжая», означавший создание милитаризованных, «самообеспечивающихся» ячеек общества. В этих условиях основное противоречие в развитии сельского хозяйства заключалось в том, что, с одной стороны, необходимо было расширять фонды накопления и потребления для ускорения роста производства, с другой — этому препятствовала слишком низкая производительность труда.

Отрицательное влияние на сельскохозяйственное производство в этот период оказали политические кампании, в том числе «критики Линь Бяо и Конфуция», «изучения теории диктатуры пролетариата», отвлекавшие крестьян от полевых работ, а руководящие кадры от управления производством. Вследствие нарушения ритма деятельности промышленных предприятий в ходе этих кампаний китайская деревня недополучила значительное количество техники, удобрений и ядохимикатов, что явилось серьезной помехой в преодолении стихийных бедствий.

В ходе развернувшейся в 1975 г. кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» вновь подверглись критике материальное стимулирование, домашнее подсобное хозяйство крестьян и приусадебные участки, закон распределения по труду, которые (кроме принципа материального стимулирования) были зафиксированы в новой конституции КНР, принятой в январе 1975 г. Они стали трактоваться в китайской

⁷³ См. «Жэньминь жибао», 21.X.1975.

печати как элементы «буржуазного права», представлявшие почву для возникновения капитализма в деревне⁷⁴, которые необходимо подвергать ограничению.

Колебания в установках вносили путаницу в еще не устоявшуюся систему распределения в бригадах и коммунах; с середины года под влиянием критики «буржуазного права» в ряде районов были усилены элементы уравнительности в распределении. Ставился вопрос о необходимости возратить в коллективное хозяйство излишки площади приусадебных участков, превышавшие их официально установленные размеры, а также находившиеся в личном пользовании пустующие земли.

В 1971—1975 гг. в китайской деревне коммуны по-прежнему соединяли в себе функции низового органа государственной власти и коллективной организации крестьянства. Продолжала сохраняться так называемая «трехступенчатая» система собственности, при которой собственность производственной бригады являлась основной (кроме нее существовала собственность большой производственной бригады и собственность коммуны). Производственная бригада выступала в качестве основной хозяйственной единицы в этот период, хотя в годы «культурной революции» и частично в 1970—1971 гг. предпринимались попытки основные хозяйственные функции передать более крупным единицам: большим производственным бригадам или коммунам.

Однако эти попытки, не получившие повсеместного распространения, были фактически осуждены в конце 1971 г. Статус производственной бригады как основной хозрасчетной единицы и существование «трехступенчатой» системы собственности получили законодательное оформление в новой конституции КНР. Но вместе с тем хозяйственная самостоятельность производственных бригад оставалась значительно ограниченной; по целому ряду вопросов они находились в зависимости от «коммуны». «Коммуна» в силу своего административного и экономического положения имела возможность контролировать и направлять хозяйственную деятельность бригад.

В течение года поступали сообщения о росте удельного веса коммун и больших производственных бригад в неделимых фондах и валовой продукции в передовых хозяйствах. Так, доля «коммун» и больших производственных бригад в неделимых фондах и валовой продукции составляла в 1974—1975 гг., по сообщению китайской печати, в «коммунах» пригорода Шанхая, отдельных коммунах провинций Шаньдун,

⁷⁴ «Хунци», 1975, № 5, с. 18.

Цзянсу, Шаньси от 30 до 50% ⁷⁵, что явилось в основном результатом развития так называемой промышленности «коммун» и больших производственных бригад. Вместе с тем постоянное упоминание об этом в печати свидетельствовало не только о естественном развитии этого процесса, но и о том, что руководство направляло его, принимало меры к повышению уровня обобществления собственности и укрупнению хозяйственных единиц в деревне.

Движение за создание уездов дачжайского типа по всей стране, развернутое после всекитайского совещания по распространению опыта Дачжая, преследовало цель утвердить собственность большой производственной бригады, а затем и коммуны в качестве преобладающей формы собственности в китайской деревне. Это предполагалось сочетать с ограничением так называемых «пережитков единоличного хозяйства», «остатков буржуазного права», повышением уровня накоплений в коммунах, т. е. с дальнейшим ущемлением интересов крестьян.

В китайской деревне, судя по материалам печати и выступлениям ряда руководителей, сохранялось напряженное положение. По-прежнему оставалась невысокой активность крестьян в коллективных хозяйствах, крестьянство и кадровые работники низшего звена в ряде районов оказывали сопротивление выполнению планов закупок зерна и другой продукции, повышению отчислений в фонд накопления.

О том, что коллективные хозяйства не всегда следовали установкам сверху, свидетельствовало следующее признание журнала «Хунци»: «Внутри коллективного хозяйства в области распределения рабочей силы, планирования производства тех или иных культур, путей сбыта продукции подсобных промыслов, развития предприятий коммун и бригад, распределения коллективных доходов все еще не решены вопросы, какую линию осуществлять, какого пути придерживаться» ⁷⁶.

В течение года в печати и в материалах совещания по распространению опыта Дачжая подчеркивалось наличие в деревне острой классовой борьбы, а в ряде мест «серьезной капиталистической деятельности». К последней относили не только сохранение частнособственнической психологии среди части крестьянства, но и поощрение производственной активности членов коммун с помощью материальных стимулов и вообще любое противодействие маоистской политике в деревне.

⁷⁵ «Хунци», 1975, № 4, с. 6, 7, 8; № 10, с. 27; № 11, с. 35; «Жэньминь жибао», 28.IX.1975.

⁷⁶ «Хунци», 1975, № 10, с. 7.

Китайское руководство, пытаясь решить экономические проблемы, существовавшие в деревне, главным образом методами внеэкономическими, большое внимание уделяло социально-политическому и организационному аспектам работы в деревне, и именно они выдвигались на первый план в трактовке опыта Дачжая. Основной опыт Дачжая, как было подчеркнуто на совещании 1975 г., заключался в том, чтобы выдвигать на первое место «пролетарскую политику», опираться на собственные силы, ставить превыше всего интересы государства и коллектива⁷⁷.

В социально-экономическом аспекте дачжайский путь развития характеризовался прежде всего тяжелым, упорным трудом членов бригады, опиравшихся в основном на собственные силы. В большой производственной бригаде Дачжая фактически было ликвидировано домашнее подсобное хозяйство членов «коммун», лишенных приусадебных участков.

Критериями уездов дачжайского типа являлись следующие положения: 1) наличие сплоченного и боевого руководящего ядра уездного комитета партии; 2) установление классового перевеса крестьян бедняков и низших середняков; 3) участие в производственном труде руководящих кадров; 4) развитие полеводческого капитального строительства, механизации сельского хозяйства и научной агротехники; 5) непрерывный рост экономики «коммун» и производственных бригад; 6) всестороннее развитие земледелия, лесоводства, животноводства, подсобных промыслов и рыбоводства.

Акцент на социально-политических вопросах при определении дачжайских уездов свидетельствовал о продолжавшемся сопротивлении крестьянства маоистским установкам. Движение за учебу у Дачжая, несмотря на то что оно навязывалось деревне почти 13 лет, развивалось, как указывалось в печати, крайне неравномерно, в ряде уездов сделано очень мало, а некоторые вообще еще не стали на этот путь⁷⁸.

В последние месяцы 1975 г. особенно активизировалась деятельность по распространению дачжайского опыта. В провинциях и уездах были проведены соответствующие совещания, организованы «рабочие группы» кадровых работников для послышки в деревни. Всего в течение года в сельские районы было направлено свыше 1 млн. человек «для укрепления» низовых партийных организаций.

Среднегодовые темпы прироста производства зерна в 70-е годы (1971—1975), по официальным, явно завышенным данным, составили немногим более 2,6%. Поэтому продовольственное положение в стране оставалось напряженным.

⁷⁷ «Жэньминь жибао», 21.X.1975.

⁷⁸ Там же.

В стране широко пропагандировалась необходимость экономного расходования зерна, населению рекомендовалось больше использовать дикорастущие растения для пополнения продовольственного рациона. Агентство Синьхуа в ноябре 1975 г. вновь распространило сообщение о курсе «на всестороннее развитие с упором на зерновые», в котором подчеркивалось, что плановые органы от центрального до уездного уровня прежде всего должны планировать площадь под зерновые и отдавать приоритет зерновому производству при распределении химических удобрений, сельскохозяйственных машин и других средств.

Анализ материалов, публикуемых китайской печатью, показал, что даже районы, находившиеся в сравнительно благоприятных условиях, не поставляли достаточного количества товарного зерна: слабость материально-технической базы не позволяла противостоять стихийным бедствиям, имели низкий уровень сельскохозяйственного производства. Число уездов, сдающих «достаточное количество товарного зерна» (от 50 тыс. до 350 тыс. т) составляло около 200, т. е. 8% общего их количества.

По данным 1975 г., из 29 административных единиц лишь 9 (провинции Гуандун, Чжэцзян, Хунань, Цзянсу, Шаньдун, Ляонин и 3 пригородных района Шанхая, Пекина, Тяньцзиня) достигли показателей урожайности, предусмотренных «Основными положениями развития сельского хозяйства Китая на 1956—1967 гг.».

Китайское руководство было вынуждено принять меры по укреплению материально-технической базы сельского хозяйства. Они касались прежде всего ирригационного строительства, увеличения поставок минеральных удобрений, внедрения улучшенных сортов семян, а также снабжения некоторыми видами сельскохозяйственной техники (главным образом насосное оборудование, малогабаритные тракторы, сельскохозяйственный инвентарь). Все это позволило в определенной мере поднять урожайность и добиться некоторого увеличения валовых сборов продовольственных культур.

В 1971—1975 гг. объем ежегодных работ в области ирригационно-дренажного строительства, по данным печати КНР, составил около 5 млрд. куб. м; в осенне-зимний период в них участвовало до 100 млн. крестьян. Благодаря этому несколько расширились орошаемые площади, а также площади так называемых гарантированных урожаев (т. е. земли, не подверженные наводнениям и снабженные надежными ирригационными устройствами на время засух), которые в 1974—1975 гг., по китайским данным, достигли 33 млн. га.

За прошедшее пятилетие поставки минеральных удобрений сельскому хозяйству только за счет внутреннего произ-

водства возросли примерно вдвое (в 1975 г. около 15 млн. т в условном исчислении)⁷⁹. Нормы внесения химических удобрений (принимая во внимание их импорт) на 1 га посевной площади в пересчете на 100-процентное питательное вещество составляли, по оценке Института Дальнего Востока АН СССР, около 25 кг.

Улучшенными сортами семян, по сведениям китайской печати, было обеспечено до 80% рисовых, пшеничных и хлопковых полей⁸⁰. Несмотря на то что эти данные приводились неоднократно в последние годы, выяснение конкретного положения в этой области чрезвычайно сложно. Очевидно селекционная работа в центральных научно-исследовательских учреждениях проводилась на основе местных сортов и импортных сортовых и элитных семян. Применение последних ограничивалось опытными участками, а цифры о распространении улучшенных семян относились скорее всего к местным улучшенным сортам.

В сельском хозяйстве страны насчитывалось около 300 тыс. тракторов, которыми обрабатывалось примерно 15—20% пашни. По китайским данным, в стране имелось также ирригационное оборудование мощностью 30 млн. л. с. и около 300 тыс. рисопосадочных устройств. Однако темпы механизации по-прежнему не соответствовали потребностям сельскохозяйственного производства, что нередко отмечала китайская печать. «На современном этапе уровень механизации сельского хозяйства в Китае еще невысок,— указывалось в статье „Китай своими силами развивает сельскохозяйственное машиностроение“.— Одновременно с развитием сельскохозяйственной техники различные районы уделяют огромное внимание производству полумеханизированных и улучшенных сельскохозяйственных орудий»⁸¹. Главным достижением механизации считалось то, что «в деревенский быт вошли орудия из железа». По всей видимости, в понятие механизации в Китае включали применение любых несложных приспособлений — будь то распылитель ядохимикатов, повозка или ручная тележка. Так, в разъяснении на совещании по сельскому хозяйству в сентябре — октябре 1975 г. опыт Дачжяя непосредственно связывался с задачей такого рода механизации и расширением мелноративных работ. Решение проблем механизации и мелноративного строительства китайское руководство возлагало в основном на «собственные силы» коллективных хозяйств и мелкую промышленность местного подчинения.

⁷⁹ Производство химических удобрений, по китайским данным, не учитывая их качества, составляло около 30 млн. т.

⁸⁰ ИБАС, 12.XI.1975.

⁸¹ ИБАС, 13.XI.1975.

Превращение к 1980 г. свыше $\frac{1}{3}$ уездов в уезды дачжайского типа кигайское руководство рассматривало как главную гарантию подъема сельского хозяйства в предстоящее пятилетие. На примере Дачжая по-прежнему пропагандировалась такая организация хозяйства, при которой за счет предельного напряжения физических сил крестьян, при минимальных затратах государственных средств обеспечивалось бы увеличение производства и максимальное поступление продукции государству.

Никаких конкретных данных о материальных и финансовых средствах, которые будут затрачены государством на механизацию и мелиоративные работы в деревне до 1980 г., а также об осуществляемом или планируемом строительстве новых современных предприятий по производству сельскохозяйственной техники в КНР не публиковалось.

Несмотря на расширение мелиоративного строительства в сельском хозяйстве в последние годы, уровень его механизации и качество вновь сооруженных ирригационных объектов оставались низкими. Оросительные и дорожные сооружения в Китае не составляют единого целого. Перед меллиоративным строительством поставлена задача создания «маленьких равнин» (до 100 га), расположенных на более или менее одинаковом уровне, их упорядочения и подведения к ним дорог, которые в будущем позволят применять сельскохозяйственную технику.

Потери, связанные с засухой в ряде зернопроизводящих провинций на севере страны и наводнениями на юге в 1975 г., показали, что результаты труда сотен миллионов китайских крестьян в мелиоративном строительстве в 1971—1975 гг. могли бы быть более эффективными, если бы государство ассигновало необходимые финансовые и материальные средства на ирригационно-дренажные работы.

Руководство КНР пыталось активнее использовать армию для решения политических и экономических проблем деревни с целью ускорить темпы сельскохозяйственного производства. В циркулярном письме Главного политического управления НОАК содержался призыв ко всем военнослужащим принимать участие в движении учебы у Дачжая, проникнуться духом совещания по сельскому хозяйству, призвать крестьян «содействовать ежегодному росту сельскохозяйственного производства и совершенствованию агротехнических методов».

В 1975 г. четко прослеживалось ужесточение маонистских методов аграрной политики в целях изъятия все больших материальных средств из сельского хозяйства.

В соответствии с указанием Мао Цзэ-дуна о том, что «грамотной молодежи» следует ехать в деревню «поучить-

ся у бедняков и низших слоев середняков» в сельские районы было отправлено более 2 млн. человек. Общее число молодых людей, высланных маонистами из городов после 1968 г., достигло 12 млн.⁸²

Отправка молодежи в деревню преследовала цель освободить город от лишнего ртов и вместе с тем была попыткой по-маонистски решить проблему повышения культурно-технического уровня деревни.

Земледелие

В 1975 г. погодные условия в стране сложились неблагоприятно. Как сообщала китайская печать, северные провинции подверглись продолжительной засухе: во многих районах провинций Шаньси, Хэбэй, Ляонин и автономного района Внутренняя Монголия в течение первых четырех-пяти месяцев выпало вдвое меньше осадков, чем обычно⁸³. Южные провинции, особенно Гуандун, серьезно пострадали от наводнений.

По сведениям некоторых зарубежных ученых, в 1975 г. от довольно серьезных стихийных бедствий пострадали 14 провинций и районов страны — Хэбэй, Шаньдун, Хэнань, Шаньси, Аньхой, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун, Цзянси, Хубэй, Хунань, Сычуань, Гуанси-Чжуанский автономный район, на которые приходится свыше 60% пашни, более 70% производства зерна, свыше 80% сбора хлопка в стране.

Отрицательные последствия стихийных бедствий были в определенной степени сглажены осуществлением значительного водохозяйственного строительства в осенне-зимний сезон 1974/75 г. По данным печати КНР, это позволило расширить и улучшить орошение на площади 3,3 млн. га, выровнять 5,3 млн. га пашни. Тем не менее озимая пшеница в ряде мест, например в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, все же пострадала от засухи⁸⁴.

Пшенице принадлежит значительный удельный вес в государственных заготовках КНР. Китай располагает существенными резервами для увеличения производства пшеницы путем расширения площадей под этой культурой за счет использования пашни, оставляемой под пар. Так, только на юге страны для этой цели на несколько зимних месяцев ежегодно отводилось до 16 млн. га⁸⁵. Возможности роста производства пшеницы заложены и в повышении ее урожайно-

⁸² «Жэньминь жибао», 23.XII.1975.

⁸³ «Жэньминь жибао», 24.IV и 10.V.1975.

⁸⁴ «Жэньминь жибао», 10.VIII.1975.

⁸⁵ «Жэньминь жибао», 12.VIII.1975.

сти, находившейся всего на уровне 12 ц с 1 га. В 1975 г. посевы озимой и яровой пшеницы расширились примерно на 300 тыс. га⁸⁶, площадь под культурой составляла 25 млн. га⁸⁷. Рост посевных площадей, применение сортовых семян, увеличение нормы внесения удобрений⁸⁸ и уход за посевами, несмотря на засуху, дали возможность довести сбор пшеницы в 1975 г., по оценке, до 28—29 млн. т (против 27 млн. т в предыдущем году).

Ведущее место в балансе продовольственных культур страны занимал рис. Согласно сообщению китайской печати, площадь его посевов в 1975 г. более чем на $\frac{1}{3}$ превысила уровень 1949 г.⁸⁹ (25,7 млн. га), т. е. достигла 34—35 млн. га. Увеличение производства риса в последние годы происходило главным образом за счет повышения урожайности, составившей примерно 30 ц/га. В 1975 г. его сбор можно оценить в 102—105 млн. т. Как полагают зарубежные специалисты, при существующем уровне земледелия Китай практически достиг предела в урожайности данной культуры.

По заявлению заместителя министра сельского хозяйства Китая Ян Ли-гуна на сессии конференции ФАО в ноябре 1975 г., сбор зерновых в стране в 1974 г. якобы составил 275 млн. т. Однако в китайской печати эта цифра не появлялась. Если исходить из сообщения Чжоу Энь-лая на 1-й сессии ВСНП четвертого созыва о том, что урожай зерна в 1974 г. в 2,4 раза превысил уровень 1949 г. (108 млн. т), то урожай 1974 г. будет равняться 260 млн. т. Однако ни та, ни другая цифра не подтверждалась фактическим состоянием сельского хозяйства и продовольственным положением в стране, о чем свидетельствовали постоянные призывы к экономии зерна⁹⁰. Из вышесказанного следует, что оценка ФАО на 1974 г. в 230 млн. т⁹¹ является наиболее реальной.

Очевидно, в 1975 г. производство зерна было примерно на 2% больше предыдущего года за счет летнего урожая, почти на 5 млн. т превысившего уровень 1974 г. Осенний урожай, составивший $\frac{2}{3}$ валового сбора зерна, из-за стихийных бедствий остался примерно на уровне предыдущего года. Сокращение импорта Китаем зерна в 1975 г. до 5,5 млн. т вместо 7,5 млн. т в 1974 г.⁹² объяснялось валютными трудностями, а не улучшением положения с продовольствием.

⁸⁶ «Жэньминь жибао», 24.IV и 10.V.1975.

⁸⁷ «Чжунгун яньцзю», 1975, № 4, с. 33.

⁸⁸ Так, в пров. Хэнань на площади 4 млн. га осенью 1974 г. норма внесения органических удобрений под пшеницу составила 45—52 т на 1 га посева («Жэньминь жибао», 18.XI.1974).

⁸⁹ ИБАС, 12.V.1975, с. 2.

⁹⁰ «Хунци», № 12, 1975, с. 62.

⁹¹ «Production Yearbook», 1974, с. 42.

⁹² «U.S. China Business Review», 1975, № 3—4, с. 17.

По нашей оценке, производство зерна, включая картофель и батат, в последние годы характеризовалось следующими данными:

	1974 г.	1975 г.
Посевная площадь, млн. га . . .	130,0	130,5
Средняя урожайность, ц/га . . .	17,7	18,0
Валовой сбор, млн. т	230	235
в том числе:		
риса	102	102—105
пшеницы	27	28—29

Производство зерна на душу населения в 1975 г. составило 278 кг против 276 кг в 1974 г.

Можно предположить, что структура зернового баланса в последующие годы будет меняться в сторону увеличения в ней доли низкоурожайной пшеницы и малоценных зерновых культур — кукурузы, гаоляна и т. д.

Некоторая стабилизация производства зерна способствовала тому, что в стране в 70-х годах стали уделять больше внимания выращиванию технических культур. Острый дефицит сырья заставил расширить посевные площади под техническими культурами в 1970—1975 гг. примерно на 1,5 млн. га. Однако ввиду того, что под них отводятся малопродуктивные земли, развитие этой отрасли идет замедленными темпами.

Ввиду неблагоприятных погодных условий в Северном Китае сбор хлопка здесь, видимо, остался на уровне предыдущего года. Вместе с тем отмечался неплохой урожай хлопка в таких провинциях, как Хубэй, Цзянси. Производство хлопка-волокна в 1975 г. можно оценить в 2 млн. т (в 1974 г. — 1,9 млн. т, по данным ФАО — составил 2,1 млн. т)⁹³. Чжоу Энь-лай в докладе на 1-й сессии ВСНП четвертого созыва назвал цифру 2,5 млн. т, которая при внимательном рассмотрении оказывается нереальной. Согласно данным печати КНР, посевы хлопчатника были сокращены по сравнению с 1957 г. и составили по отдельным провинциям приблизительно 5 млн. га⁹⁴.

Что касается урожайности хлопка-волокна, то хотя она и повысилась по сравнению с первой пятилеткой, однако осталась низкой и оценивалась в пределах 4 ц/га. Такие сорта, как «чанчжун-605» (урожайность 4,5—5,2 ц/га), относящиеся к высокопродуктивным видам, получили крайне ограниченное распространение в районах бассейна Янцзы⁹⁵. Продолжал оставаться высоким импорт хлопка, измерявшийся в 1973 г. 561 тыс. т, в 1974 г. — 610 тыс. т⁹⁶.

⁹³ «Production Yearbook», 1974, с. 189.

⁹⁴ «Жэньминь жибао», 22. V. 1973, 21. I. и 2. VIII. 1975.

⁹⁵ «Ичуаньсюэ тунсюнь», 1974, № 3, с. 43.

⁹⁶ Там же.

Как известно, в последние годы придавалось большое значение выращиванию рапса. В 1975 г. его посевы возросли на 60%, а сбор на 50% по сравнению с 1970 г.⁹⁷ Это составило, по оценке, 3,25 млн. га посевных площадей и обеспечило валовой сбор 1,2 млн. т этой культуры. Рапс занимал 40% посевных площадей под масличными культурами (кроме сои) и давал 1/3 масличного сырья в стране⁹⁸. В главной сое-производящей провинции Хэйлуцзян был собран хороший урожай сои⁹⁹, валовой сбор которой составил в стране 8,5 млн. т.

В рассматриваемом году сохранялась тенденция развития производства сахароносных культур, наблюдавшаяся в последние годы. По сообщениям печати КНР, посевы сахарного тростника увеличились в пров. Гуандун на 33 тыс. га и в Гуанси-Чжуанском автономном районе — на 20 тыс. га¹⁰⁰. Площадь под сахарной свеклой в пров. Хэйлуцзян возросла на 10,7 тыс. га¹⁰¹, в пров. Цзилинь — на 5,3 тыс. га¹⁰². Расширение посевных площадей позволило увеличить сбор сахарного тростника до 22,1 млн. т и сахарной свеклы до 3,9 млн. т (табл. 2).

Наблюдался рост посевных площадей и производства табака, а также джута и кенафа.

Таблица 2

Производство основных видов сельскохозяйственных культур в КНР*
(млн. т)

Сельскохозяйственная культура	1957 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г. (оценка)
Зерно	185	215	210	220	230	235
Хлопок-волокно	1,64	1,80	1,65	1,95	1,90	2,0
Соя	10,1	8,0	7,7	8,3	8,0	8,5
Рапс	0,89	0,90	1,08	1,14	1,16	1,20
Сахарный тростник	10,4	14,2	16,9	18,5	19,6	22,1

* Данные за 1957—1973 гг. см. предыдущие выпуски ежегодника.

Животноводство

Как и в предыдущие годы, усилия животноводов были направлены на развитие свиноводства — основного поставщика мяса (90%) и органических удобрений для сельско-

⁹⁷ «Жэньминь жибао», 12.VIII.1975.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же, 10.XII.1975.

¹⁰⁰ Там же, 10.V.1975.

¹⁰¹ Там же, 14.V.1975.

¹⁰² Там же, 4.IV.1975.

хозяйственного производства. Большая часть поголовья свиной (80%) продолжала оставаться в личном пользовании крестьян. Опыт с разведением свиной в коллективном хозяйстве, осуществляемый согласно указаниям вышестоящих органов, проходил не совсем удачно и в большинстве районов страны встречал упорное сопротивление крестьян. Выращивание свиной в подсобном хозяйстве всегда являлось для крестьян выгодным с материальной точки зрения. «Коллективное свиноводство приводит к денежным потерям», — писала в одном из номеров «Жэньминь жибао»¹⁰³.

Медленный рост поголовья вынуждал китайское руководство по-прежнему прибегать к широкой пропаганде индивидуального откорма свиной и использовать различные материальные стимулы¹⁰⁴. Разведение свиной в подсобных хозяйствах разрешено не только в «коммунах» и бригадах, но и в госхозах.

Неспособность государства обеспечить отрасль необходимыми материальными средствами, и прежде всего кормами, замедляет темпы прироста поголовья и в некоторых случаях приводит к преждевременной гибели скота¹⁰⁵.

Проблема обеспечения кормами животноводства оставалась нерешенной. Согласно данным Организации Объединенных Наций по вопросам продовольствия и сельского хозяйства (ФАО), производство жмыхов в КНР в 1975 г., как и в 1974 г., оценивалось примерно в 7,2 млн. т, в том числе соевого — 4,6 млн. т, хлопкового — 1,1, арахисового — 0,6, рапсового — 0,7 и других — 0,2 млн. т¹⁰⁶. Эти данные свидетельствовали о недостатке ценных концентрированных кормов для скота в КНР.

По сообщению агентства Синьхуа, поголовье свиной в 1975 г. увеличилось в 4,5 раза по сравнению с 1949 г. (58 млн. голов), т. е. в целом соответственно должно насчитывать 261 млн. голов¹⁰⁷. Такой же рост поголовья (в 4,5 раза) китайская пресса отмечала и в период 1949—1972 гг.¹⁰⁸. Однако отсутствие устойчивой и достаточной кормовой базы ставит под сомнение данные, приводимые китайской печатью.

Анализ китайских материалов, а также возможностей развития отрасли показывает чрезвычайно медленные, а в некоторые годы застойные темпы прироста поголовья скота.

¹⁰³ «Жэньминь жибао», 20.II.1975.

¹⁰⁴ «Жэньминь жибао», 8.IX.1975.

¹⁰⁵ «Жэньминь жибао», 20.II.1975.

¹⁰⁶ «Oil World», 1976, vol. 19, № 8, с. 184.

¹⁰⁷ По 12-летнему плану такое поголовье должно было быть еще в 1967 г.

¹⁰⁸ ИБАС, 19.IX.1973.

Подтверждением этому служит тот факт, что в стране только $\frac{1}{3}$ уездов (примерно 50 млн. дворов) выполнили задание 12-летнего плана развития сельскохозяйственного производства (1956—1967) иметь 2,5—3 головы на один крестьянский двор¹⁰⁹. По нашей оценке, поголовье свиней в течение последних лет характеризовалось следующими показателями (млн. голов):

1957 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г.
146	180	190	195	205	215

Таким образом, среднегодовые темпы прироста поголовья свиней составили в 1971—1975 гг. немногим более 4%.

Данные о развитии других отраслей животноводства агентство Синьхуа не публиковало, оно ограничилось лишь краткой характеристикой: «Был достигнут сравнительно большой прирост поголовья лошадей, мелкого и крупного рогатого скота». По-видимому эти отрасли также продолжали испытывать серьезную нехватку кормов и помещений.

В ряде скотоводческих районов на решении кормовой проблемы сказалось нерациональное распределение земельных ресурсов. Так, в 70-е годы часть пастбищ была отдана под пашню. В результате, как отмечал один из делегатов на совещании по Дачжаю, «было выращено немного зерна, а скотоводство пришло в упадок»¹¹⁰.

На совещании по распространению опыта Дачжая перед скотоводами были поставлены прежде всего задачи по созданию хранилищ кормов и постепенному переходу к стойловому содержанию скота. До сих пор скотоводство носит главным образом отгонно-пастбищный характер.

По предварительным оценкам, прирост поголовья крупного и мелкого рогатого скота в 1975 г. по сравнению с 1974 г. составил всего около 1%.

Несмотря на официальное провозглашение политики «всеобщего развития сельского хозяйства с упором на производство зерна», продолжают сохраняться нерациональные соотношения как между земледелием и животноводством, так и между суботраслями земледелия. Низкий уровень развития производительных сил страны обуславливает замедленные темпы развития производства зерна, которые не успевают за темпами роста населения. Дефицит зерна сдерживает развитие других суботраслей — мешает установлению оптимальных соотношений между зерновыми и техническими культурами и обеспечению животноводства прочной кормовой базой.

¹⁰⁹ «Жэньминь жибао», 20.11.1975.

¹¹⁰ «Жэньминь жибао», 14.X.1975.

* * *

В сельском хозяйстве страны продолжали сохраняться сложные социально-политические и экономические проблемы.

Сельскохозяйственное производство по-прежнему не в состоянии удовлетворить требования, предъявленные ему в области обеспечения сырьем, продовольствием, средствами для развития народного хозяйства в соответствии с планами маоистского руководства. Направление основных материальных средств для наращивания военного потенциала тормозило решение задач технического перевооружения сельского хозяйства, уровень его механизации остается низким.

Основным методом, к которому прибегало маоистское руководство в целях поднятия производственной активности крестьянства, по-прежнему было использование рычагов внеэкономического воздействия — административных, политических и идеологических.

Продолжающаяся внутривластная борьба в стране, курс на милитаризацию экономики не позволили выработать последовательную программу укрепления сельского хозяйства, отвечающую интересам китайского народа.

ТРАНСПОРТ

В 1975 г., как и в предыдущие годы, основным направлением транспортной политики китайского руководства было стремление различными методами ликвидировать перебои в работе транспорта, расширить сеть путей сообщения с целью обеспечения насущных нужд народного хозяйства КНР, а также усиления подготовки к войне.

Железнодорожный транспорт продолжал пополняться новыми линиями, связавшими различные области страны. Наиболее значительным транспортным объектом, которому придавалось стратегическое значение, была введенная в строй в декабре 1975 г. железная дорога протяженностью 753,3 км между Цзяоцзо, угольным центром пров. Хэнань, и г. Чжичэном в пров. Хубэй, расположенным на правом берегу р. Янцзы¹¹¹. Эта линия проходит параллельно центральному участку железнодорожной магистрали Пекин — Гуанчжоу и соединяется с ней несколькими ветками. В Лояне новая магистраль пересекает Лунхайскую железную дорогу, протянувшуюся с востока на запад страны. На вновь проложенной трассе построено 2389 мостов и водопропускных труб, несколько туннелей. Наиболее крупные мосты: Хуанхэский

¹¹¹ «Жэньминь жибао», 25.XII.1975.

(длиной 941,8 м), Шахэский (1024,9 м) и Ханьшуйский железнодорожно-автомобильный мост в Сяньфане; самый большой туннель имеет длину 2130 м¹¹². Как отмечала китайская пресса, «дорога имеет большое значение для содействия развитию производства и строительства, для усиления подготовки на случай войны»¹¹³.

В Северном Китае в ноябре было завершено строительство 160-километровой железной дороги от Тунсяня в районе Пекина до Гуге, расположенного к северу от Тяньцзиня на магистрали Пекин — Шанхайгуань¹¹⁴. Строительство этой спрямляющей линии планировалось осуществить еще в 50-е годы. В уезде Цзиньшань, под Шанхасем, где сооружается Шанхайский нефтехимический комбинат, построены железнодорожная ветка длиной более 40 км и двухъярусный железнодорожно-автомобильный мост через р. Хуанпу длиной 3 км, которые вместе с морским причалом предназначены для обслуживания комбината¹¹⁵.

Одновременно велись работы по модернизации отдельных направлений и усилению некоторых старых линий. Например, в июле была завершена электрификация железной дороги Баоцзи — Чэнду протяженностью 676 км, построенной в годы первой пятилетки¹¹⁶. Участок этой дороги от Баоцзи до Фэнсяня (96 км) был переведен на электрическую тягу в 1958—1960 гг., и на нем использовались электровозы, закупленные во Франции. Перевод всей дороги на электрическую тягу позволит увеличить ее провозную способность более чем в 2 раза и повысить технический уровень эксплуатации¹¹⁷. Среди объектов, связанных с реконструкцией железных дорог, следует отметить сооружение на магистрали Тяньцзинь — Пукоу нового двухколейного моста через р. Хуайхэ длиной 1169,6 м¹¹⁸.

По сообщению китайской печати, принимались некоторые меры по модернизации тяги. На локомотиво-вагоностроительном заводе в Даляне был построен новый тепловоз серии «Дунфэн-4» мощностью 4000 л. с. и проектной скоростью 120 км/ч; тепловоз этой серии является модернизированной моделью одного из иностранных тепловозов, купленных Китаем в начале 70-х годов за рубежом¹¹⁹. Предполагалось Пекинский локомотиво-вагоностроительный завод имени «7 февраля» со второй половины 1975 г. полностью пере-

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ «Жэньминь жибао», 13.XI.1975.

¹¹⁵ «Сюэси юй пинпань», 1975, № 7.

¹¹⁶ ИБАС, 6.VII.1975.

¹¹⁷ ИБАС, 6.VII.1975.

¹¹⁸ «Жэньминь жибао», 27.X.1975.

¹¹⁹ «Жэньминь жибао», 7.XII.1975.

вести на производство тепловозов¹²⁰. Вместе с тем Китай продолжал импортировать подвижной состав для железных дорог. Проводилась реконструкция грузовых станций в отдельных железнодорожных узлах; была построена грузовая станция Банбу Восточная на магистрали Тяньцзинь — Пукоу, пропускная способность которой возрастет более чем в 2 раза¹²¹.

По оценочным данным, в 1975 г. по железным дорогам было перевезено около 800 млн. т грузов, а грузооборот составил примерно 400 млрд. ткм, или соответственно на 7 и 8% больше, чем в 1974 г. Однако железнодорожный транспорт сталкивался с рядом трудностей. Из-за слабого технического состояния он не мог без крайней напряженности справиться с возросшим объемом перевозок грузов. К этим чисто техническим проблемам добавились и другие, связанные с волнениями среди рабочих на ряде железных дорог. Так, в пров. Аньхой рабочие нарушали правила эксплуатации железных дорог, график движения поездов, подвижной состав задерживался в депо. На железных дорогах в других районах (пров. Хубэй, Чжэцзян, Цзянсу, Ганьсу, Юньнань и др.) также возникали подобные явления.

В китайской печати отмечалось, что к концу июня железные дороги перевыполнили задания по перевозкам за первую половину года. Однако фактически только 10 железнодорожных управлений из 20 выполнили более половины годового задания¹²². Сообщалось также о сокращении времени оборота локомотива и вагона, лучшем выполнении технических показателей, повышении процента работы поездов по графику.

Систематических данных о работе железных дорог за год печать КНР не публиковала. Имелись лишь отдельные сообщения о том, что некоторые железнодорожные управления перевыполнили годовые государственные задания по перевозкам грузов. При этом даже не были названы проценты прироста перевозок по сравнению с предыдущим годом (за исключением трех управлений: чэндуского, харбинского и шанхайского, о которых говорилось, что они выполнили годовые планы грузовых перевозок). Следует отметить, что те железнодорожные управления, которые перевыполнили планы перевозок, не сумели выполнить государственные задания по улучшению показателей технико-экономической деятельности железных дорог. Так, были установлены 16 технико-экономических показателей, а железнодорожные управления выполнили планы только по 12—13 показателям.

¹²⁰ ИБАС, 13.III.1975.

¹²¹ «Жэньминь жибао», 27.X.1975

¹²² ИБАС, 9.VII.1975.

Анализируя сообщения китайской печати, можно констатировать, что 1975 год для железнодорожного транспорта был одним из нелегких годов, а имеющиеся результаты были достигнуты за счет принятия различного рода чрезвычайных мер.

Водный транспорт. С начала 70-х годов в Китае все большее значение придавалось развитию морского транспорта. В 1975 г. были проведены мероприятия по увеличению тоннажа флота, повышению пропускной способности важнейших портов.

По данным «Регистра Ллойда», Китай увеличил свой морской торговый флот на 51% по сравнению с 1974 г. Грузоподъемность флота достигла в общей сложности 2828 тыс. т. Нарастивание тоннажа происходило за счет строительства судов на собственных верфях, но главным образом за счет импорта. При этом большую часть закупок составляли суда, бывшие в эксплуатации. По данным зарубежной печати, только с июня по октябрь Китай купил по низким ценам бывшие в эксплуатации танкеры, суммарный тоннаж которых достигал 510 тыс. т дедвейта.

За год со стапелей шанхайских заводов сошло 11 судов класса 10 тыс. т; кроме того, были построены суда меньшего тоннажа, земснаряды, суда для морских исследований и геологоразведки¹²³. По сообщениям печати КНР, на судостроительном заводе «Хунци» в Даляне спущено на воду 5 танкеров, из которых 3 — водоизмещением 24 тыс. т каждый, и 2 — по 15 тыс. т¹²⁴. Было отмечено значительное сокращение сроков строительства судов. Если в 1974 г. для постройки судна класса 10 тыс. т требовался год, то в 1975 г. — семь-восемь месяцев¹²⁵. От постройки традиционных универсальных судов Китай постепенно переходит к созданию специализированных судов (рудовозов, углевозов и др.). КНР впервые намерена строить грузовые суда, предназначенные на экспорт¹²⁶, преимущественно в страны «третьего мира». Среди этих судов имеются танкеры водоизмещением 3000 т и обычные транспортные суда тоннажем до 5 тыс. т.

Прирост грузоподъемности морского флота и увеличение в размерах судов потребовали соответствующего увеличения пропускной способности портов. За последние три года (1973—1975) в морских портах было построено 40 новых глубоководных причалов для судов грузоподъемностью 10 тыс. т и более; они с комплектующими сооружениями позволяют повысить пропускную способность главных морских

¹²³ ИБАС, 23.XII.1975.

¹²⁴ «Жэньминь жибао», 8.XI.1975.

¹²⁵ ИБАС, 28.VIII.1975.

¹²⁶ ИБАС, 23.XII.1975.

портов на 50% по сравнению с 1972 г. и в 2 раза по сравнению с 1965 г.¹²⁷.

Среди новых объектов, расположенных главным образом в девяти важнейших портах — Шанхае, Тяньцзинь, Даляне, Циньхуандао, Яньтае, Циндао, Ляньюньгане, Хуанпу и Чжаньцзяне, имелись пирсы для судов класса 10 тыс. т — танкеров, углевозов, рудовозов и других грузовых судов, места стоянок для танкеров грузоподъемностью 25—50 тыс. т, а также причалы для судов водоизмещением менее 10 тыс. т и комплексы сооружений, включающие железнодорожные и автодорожные пути, устройства для снабжения судов топливом и водой, средства связи, силовые установки, складские помещения, судоремонтные доки, объекты бытового обслуживания и т. д.¹²⁸.

По данным китайской печати, наиболее крупномасштабные работы были выполнены в портах Шанхай и Синьган (Тяньцзинь). С 1973 г. в Шанхае по берегам р. Хуанпу построено и реконструировано 16 глубоководных причалов для судов водоизмещением 10 тыс. т и более, тем самым число таких причалов доведено до 52¹²⁹. В порту смонтированы две системы механизированной погрузки и разгрузки угля и зерна; углублены фарватеры в устье р. Янцзы. Теперь в порт могут заходить во время прилива суда грузоподъемностью 20 тыс. т¹³⁰. В уезде Цзиньшань (под Шанхаем) на северном берегу Ханчжоуского залива сооружены морские причалы для 25 000-тонных танкеров, предназначенные для обслуживания Шанхайского нефтехимического комбината¹³¹. Завершение строительства вышеуказанных объектов позволит увеличить пропускную способность шанхайского порта более чем на 40% и довести степень механизации погрузочно-разгрузочных работ до 80%¹³².

В Синьгане на отмелях, расположенных к востоку от старого портового района, построены десять глубоководных причалов, в том числе два — для судов грузоподъемностью 30 тыс. т, и специализированные причалы для контейнерных перевозок и перегрузки черных металлов, на р. Хайхэ сооружены два пирса для судов водоизмещением 5 тыс. т¹³³. Нынешняя третья очередь работ по реконструкции порта, которая началась в апреле 1973 г., позволит более чем вдвое увеличить пропускную способность тяньцзиньского порта

¹²⁷ «Жэньминь жибао», 21.XII.1975.

¹²⁸ «Жэньминь жибао», 21.XII.1975.

¹²⁹ «Жэньминь жибао», 24.XII.1975.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ ИБАС, 30.VIII.1975.

¹³² «Жэньминь жибао», 24.XII.1975.

¹³³ «Жэньминь жибао», 3.XI.1975.

Синьган¹³⁴. В Чжаньцзяне были построены два специализированных причала для перевалки руды, годом ранее здесь был сооружен нефтяной причал для танкеров водоизмещением 50 тыс. т¹³⁵.

Как и в предыдущем году, Китай не сообщал никаких итоговых данных о работе водного транспорта. В печати публиковались лишь отдельные сведения за первую половину года, из которых следовало, что водный транспорт выполнил план перевозок грузов за первое полугодие. При этом перевозки грузов возросли на 22%, а грузооборот главных портов — на 10% по сравнению с соответствующим периодом 1974 г.¹³⁶

Анализ сообщений китайской печати о работе водного транспорта и портов позволяет предположить, что в 1975 г. в целом темпы роста водных перевозок (каботажных и речных) были несколько выше, чем в 1974 г., хотя и не такие высокие, как в первом полугодии 1975 г. По оценочным данным, каботажным и речным флотом было перевезено около 113 млн. т грузов и выполнен грузооборот в размере примерно 94 млрд. ткм, или приблизительно на 8 и 9% соответственно больше, чем в 1974 г.

В 1975 г. были сделаны шаги по расширению международных морских связей. С рядом стран были установлены договорные отношения в области судоходства: Швецией, Бельгией, Францией и ФРГ. Соглашения, подписанные Китаем с указанными странами, аналогичны тем, которые были ранее заключены с другими европейскими странами. По условиям этих соглашений стороны, подписавшие договоры, освобождались от налогообложения в области морских перевозок. Были парафированы соглашения о судоходстве с Румынией, Алжиром и Финляндией.

Китай, не удовлетворяя потребности в перевозках собственной внешней торговли (к 1975 г. только 1/3 тоннажа грузов в сфере внешней торговли перевозилась на своих судах)¹³⁷, все же часть судов сдавал под фрахт другим странам. Так, он предложил свои суда для транспортировки экспортных товаров Малайзии в европейские и китайские порты. Тем самым Китай не только стремился увеличить инвалютные поступления, но и усилить свое влияние в этой стране. Китай также пытается расширить зону действия судодолжной службы совместной китайско-ланкийской судодолжной компании, ныне функционирующей лишь в пределах Азиатского континента.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ «Жэньминь жибао», 6.XII.1975.

¹³⁶ ИБАС, 9.VII.1975.

¹³⁷ «Far Eastern Economic Review», 3.X.1975.

Автомобильный транспорт. Как и прежде, строительство магистральных дорог осуществлялось за счет государства, а шоссейные дороги, соединяющие «народные коммуны» и производственные бригады в сельской местности, строились за счет местных сил и средств. До сих пор по меньшей мере 1/5 часть сельских «народных коммун» не связана шоссейными дорогами с местными центрами.

По оценочным данным, общая протяженность дорог всех типов в КНР составляет всего около 750 тыс. км. В том числе, по данным, опубликованным в китайской печати в 1975 г., в Гуанси-Чжуанском автономном районе — более 32 тыс. км¹³⁸, в пров. Ганьсу — свыше 32 тыс. км¹³⁹, в пров. Гуйчжоу — примерно 30 тыс. км¹⁴⁰, в пров. Юньнань — более 40 тыс. км¹⁴¹. Автомобильный парк пополнялся как за счет собственного производства, так и импорта из других стран. Наряду с обычными грузовыми автомобилями, ввозились специализированные машины, автокраны и другая техника.

В китайской печати регулярно не публиковалось данных о работе автомобильного транспорта за истекший год. Однако на основании отдельных сообщений китайской прессы, а также некоторых косвенных данных можно предположить, что в 1975 г. автомобильным транспортом было перевезено около 337 млн. т грузов, а грузооборот составил примерно 26 млрд. ткм, или соответственно на 4 и 8% больше, чем в 1974 г.

Воздушный транспорт. После открытия в 1974 г. воздушного сообщения Китая с Японией, Францией и Албанией, куда начали полеты самолеты Главного управления Гражданской авиации Китая (ГУГАК), были заключены соответствующие соглашения с Финляндией, Бельгией и ФРГ, что свидетельствовало о дальнейшем расширении воздушного сообщения КНР со странами Европы. В 1975 г. ряд иностранных авиатранспортных компаний начали эксплуатацию регулярных линий в Китай. Так, с апреля месяца швейцарская компания «Сюисс эр» установила регулярное сообщение по маршруту Цюрих — Женева — Пекин — Шанхай на основании соглашения о воздушном сообщении между КНР и Швейцарией, подписанного в феврале 1975 г.

По соглашению между КНР и Лаосом, заключенному в августе 1974 г., в феврале 1975 г. была открыта авиалиния Вьентьян — Гуанчжоу. Между ГУГАК и Управлением гражданской авиации Лаоса были подписаны соглашения о взаимном предоставлении технического обслуживания самолетов

¹³⁸ ИБАС, 9.IV.1975.

¹³⁹ ИБАС, 16.IX.1975.

¹⁴⁰ ИБАС, 17.VIII.1975.

¹⁴¹ «Жэньминь жибао», 15.XI.1975.

и операционные соглашения. Годом ранее (в ноябре 1974 г.) самолеты румынского аэрофлота начали полеты в Китай по маршруту Бухарест — Афины — Карачи — Пекин. С апреля эфиопская авиакомпания «Эфиопиэн эйрлайнс» увеличила число своих рейсов в Пекин до двух в неделю. Согласно расписанию полетов самолетов, введенному в действие с 1 ноября 1975 г., семь международных маршрутов обслуживают самолеты ГУГАК и десять иностранных авиатранспортных компаний посылают свои самолеты в КНР.

Параллельно с ростом объема зарубежных воздушных перевозок ГУГАК значительно увеличило перевозки на внутренних линиях. С 1 ноября число маршрутов достигло 115 (в 1974 г. функционировал 91 маршрут, а в середине 1975 г. — 107). Количество рейсов в неделю возросло до 344, т. е. на 70 рейсов в неделю больше, чем было в середине 1975 г. Предполагалось открыть три новых маршрута и удлинить пять трасс. В числе новых названы линии Пекин — Наньчан — Фучжоу, Пекин — Дачжай (нерегулярная линия), Чифэн — Линьси. Ранее (в сентябре) была открыта вторая воздушная линия в Тибет: Ланьчжоу — Лхаса. Первая — Чэнду — Лхаса функционирует с 1965 г.

Увеличение объема воздушных перевозок поставило вопрос о модернизации аэродромов и их оборудования, особенно в аэропортах для иностранных самолетов. В 1975 г. проводились работы по удлинению взлетно-посадочной полосы на аэродроме в Пекине, по строительству нового здания аэровокзала и установке нового оборудования для управления полетами. В 1975 г. Китай подписал с английской компанией «Роллс-Ройс» контракт о закупке реактивных авиационных двигателей «Спей», предназначенных для самолетов «Трайидент», которые в разное время были закуплены у английской фирмы «Хаукер-Сиддли». Контракт предусматривал также строительство в КНР завода для производства этих двигателей по лицензии и оказание помощи в создании производственных объектов¹⁴². Этот комплексный двигатель может быть использован как на гражданских, так и на военных самолетах. Первая партия их поступит в Китай примерно через два года. Как отмечала английская пресса, сделка на 100 млн. ф. ст., которую Китай заключил с компанией «Роллс-Ройс», имела чисто военный характер. Она позволит Китаю построить собственные истребители-бомбардировщики, способные развивать скорость, вдвое превышающую скорость звука¹⁴³.

Трубопроводный транспорт. Увеличение добычи нефти потребовало новых капитальных вложений в строительство

¹⁴² «Financial Times», 15.XII.1975.

¹⁴³ «Times», 17.XII.1975.

трубопроводов в дополнение к действующему нефтепроводу между Дацинскими нефтепромыслами (Северо-Восточный Китай) и портом Циньхуандао (Северный Китай), строительство которого было завершено в 1973 г. В продолжение первого был введен в строй нефтепровод Циньхуандао — Пекин длиной 355 км¹⁴⁴. В июне по этому нефтепроводу дацинская нефть поступила на Дунфанхунский нефтеперерабатывающий завод при Пекинском нефтехимическом комбинате. Трасса нефтепровода пересекает более десяти рек, железных и шоссейных дорог. На трассе созданы подогревающие или насосоподогревающие станции¹⁴⁵. Был проложен также нефтепровод, соединивший КНР и КНДР.

ВОДОХОЗЯЙСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

В 1975 г. в Китае продолжалось строительство небольшого числа крупных и значительного количества мелких гидротехнических сооружений, строительство которых, как и в предшествующие годы, осуществлялось силами «народных коммун». Однако капитальные вложения в крупные комплексные и одноцелевые объекты также не были полностью государственными, поскольку к трудоемким земляным работам привлекалось крестьянское население.

Темпы водохозяйственного строительства снизились по сравнению с предыдущим годом, сократилось число введенных в 1975 г. крупных объектов. Среди гидротехнических сооружений, сданных в эксплуатацию в 1975 г., преобладали объекты одноцелевого назначения, тогда как ранее преимущество принадлежало комплексным.

Наибольшего размаха достигло строительство водохозяйственных сооружений в бассейне р. Хуанхэ. Продолжалось строительство гидроузлов в верхнем течении реки, где сосредоточены крупные предприятия энергоемких производств, включая военные предприятия.

В ноябре 1975 г. введена в эксплуатацию гидроэлектростанция Бабанься, расположенная в каскаде с самой крупной в КНР ГЭС Люцзяся. ГЭС Бабанься построена в пров. Ганьсу на 48 км ниже Люцзяся. В течение года начали функционировать три агрегата станции суммарной мощностью 108 тыс. кВт (по 36 тыс. кВт каждый). Всего на станции предполагалось установить пять агрегатов, которые составят мощность в 180 тыс. кВт, что ниже величины, предусмотренной схемой комплексного использования водных ресурсов Хуанхэ.

¹⁴⁴ ИБАС. 9.VII.1975.

¹⁴⁵ Там же.

Работа станции определена в 4500 часов, что позволит вырабатывать около 5,7 млрд. кВт·ч электроэнергии. Станция включена в энергосистему провинций Ганьсу, Шэньси и Цинхай. Гидроузел Люцзяся работал с постоянным расходом воды в 700 куб. м в секунду, хотя суммарная пропускная способность водосливов плотины превышает его более чем в 10 раз. В мировой практике гидротехнического строительства такие завышенные запасы аварийных водосливов не получили применения. По-видимому, в Люцзяся это осуществлено для того, чтобы не повторить печальный опыт Саньмынься, где из-за заплыва водохранилища пришлось провести переоборудование водоподводящих устройств гидроэлектростанции на водопропускные для ускорения промыва наносов.

Площадь водохранилища Люцзяся — 130 кв. км, емкость — 5,7 млрд. куб. м. Водоохранилище позволяет оросить массивы пахотных земель в пров. Ганьсу, Нинся-Хуэйском автономном районе, автономном районе Внутренняя Монголия. Гидроузел Люцзяся имеет также большое значение для водоснабжения г. Ланьчжоу, население которого достигло почти 1 млн. человек.

В верховьях Хуанхэ продолжалось строительство ирригационных сооружений. В засушливой зоне пров. Ганьсу завершено строительство крупного Цзинтайского электрифицированного водозабодно-оросительного комплекса, который уже вступил в эксплуатацию и имеет 12 насосных установок с водозабором из р. Хуанхэ 10 куб. м/сек для орошения 16 тыс. га. В перспективе предполагается орошение еще 4 тыс. га земель¹⁴⁶. Кроме того, в декабре введен в строй Восточный магистральный канал с водозабором из водохранилища Цинтунся 54 куб. м/сек. Этим обеспечивается орошение около 36,7 тыс. га полей в трех уездах Нинся-Хуэйского автономного района¹⁴⁷.

В июле 1975 г. в низовьях Хуанхэ (пров. Шаньдун) вступил в строй еще один объект — гидроузел Тяньшань, состоящий из двух электрифицированных насосных станций. Вода подается в 15-километровый магистральный канал, откуда поступает на орошение 23 тыс. га полей¹⁴⁸.

Среди незавершенных в 1974 г. крупных объектов строительства в бассейне Хуанхэ китайская печать указывала на гидроэлектростанцию «реконструированного гидроузла Саньмынься»¹⁴⁹ и комплексный гидроузел Лунмэнь, строительство плотины которого может продолжаться пять-шесть лет. Отсутствие сообщений о завершении или продолжении монтажа

¹⁴⁶ ИБАС, 20.IX.1975.

¹⁴⁷ ИБАС, 9.XII.1975.

¹⁴⁸ ИБАС, 12.VII.1975.

¹⁴⁹ «Жэньминь жибао», 20.XII.1974.

гидроагрегатов по 50 тыс. кВт на Саньмынься, вероятнее всего, связано с тем, что в «реконструированном водохранилище» воды едва хватало для нормальной работы одной турбины, и, следовательно, в результате «реконструкции» первоначальная проектная мощность этой гидроэлектростанции снизилась не в 5, как об этом сообщила «Жэньминь жибао»¹⁵⁰, а в 20 раз.

Несмотря на то что в китайской печати ранее говорилось о завершении работ по освоению водных ресурсов р. Хуайхэ, фактически они еще продолжаются, в частности в пров. Цзянсу (уезд Суцян) в низовьях рек Ихэ и Шухэ весной 1975 г. введена в строй электрифицированная оросительная станция, которая подает воду из оз. Ломаху для орошения 33 тыс. га полей.

1 июня на р. Циньцзян в пров. Аньхой было закончено строительство ГЭС Чэньцунь. Мощность трех ее генераторов составила 150 тыс. кВт; емкость водохранилища — более 2400 тыс. куб. м. Работы по сооружению станции начались еще в 1958 г., затем были приостановлены в 1962 г. и возобновились только в 1968 г. ГЭС будет подключена к Восточно-Китайской энергосистеме¹⁵¹.

Кроме того, получило развитие сооружение Цзяндуского гидроузла (пров. Цзянсу), связавшего в единую водную систему бассейны рек Хуайхэ и Янцзы¹⁵².

В 1975 г. продолжалось водохозяйственное строительство в бассейне р. Янцзы. 2 ноября было сообщено о завершении строительства Шиньюаньской гидроэлектростанции, имеющей три агрегата суммарной мощностью 135 тыс. кВт. Отмечалось, что сооружение всего гидроузла началось в 1970 г. в пров. Шэньси, в верховьях р. Ханьшуй, одного из главных притоков Янцзы, на котором ранее были созданы два гидроузла¹⁵³.

В этом же году были введены в строй четыре ГЭС крупного каскада электростанций на р. Гутяньси (приток р. Миньцзян) в пров. Фуцзянь¹⁵⁴. Там же велось строительство малых ГЭС, которых насчитывается 5300¹⁵⁵.

Для увеличения площади орошаемых земель сооружалось много мелких и средних водохозяйственных объектов. Наряду с объектами, имеющими значение исключительно для «народных коммун», в зимний период строились некоторые объекты уездного и межурездного значения. Так, в

¹⁵⁰ ИБАС, 29.X.1975.

¹⁵¹ «Жэньминь жибао», 23.VIII.1975.

¹⁵² ИБАС, 24.VII.1975.

¹⁵³ ИБАС, 2.XI.1975.

¹⁵⁴ ИБАС, 14.V.1975.

¹⁵⁵ ИБАС, 21.X.1975.

пров. Хэбэй в уездах Хуайлу, Цинсянь и Юаньши сооружается 100-километровый магистральный канал. Наибольший из акведуков имеет длину 1170 м при ширине 6 м и высоте 26,5 м. Расход воды по нему 9 куб. м/сек. Законченные гидротехнические сооружения обеспечивают поливом 13 тыс. га. Завершение всех работ по каналу в 1975 году позволит орошать 29 тыс. га. Построенные же 500 новых мелких объектов увеличивают поливные площади в провинции всего лишь на 2000 га.

На два года строительства рассчитан магистральный канал с 615 ответвлениями и 5 водораспределительными станциями в пров. Шэньси для орошения 100 тыс. га. Водозабор осуществляется из реки Вэйхэ с расходом 60 куб. м/сек. На три года рассчитано строительство комплекса сооружений в районе г. Чжэньчжоу с водозабором из реки Хуанхэ для орошения 6650 га пашни. В засушливом районе западной части пров. Хэнань строят специальные водосборники дождевой воды, используемой для водоснабжения населения и для водопоя скота. С этой же целью бурят артезианские скважины на глубину 100—200 м.

В Тибете, районе с суровыми климатическими условиями, зимой и весной было вырыто 2600 небольших каналов, построено 800 мелких водохранилищ и водоемов. Это позволило оросить и улучшить орошение на площади 16 тыс. га¹⁵⁶. Среднее водохранилище на р. Садан создано для орошения 66 тыс. га¹⁵⁷.

В 1975 г. в Китае велось специфическое водохозяйственное строительство на морском побережье. В пров. Гуандун строили защитные сооружения от морских приливов и тайфунов. В 23 уездах пров. Чжэцзян велись работы по осушению морских мелководий. Всего запланировано осушить 33 тыс. га¹⁵⁸.

ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ

В ходе кампаний «изучения теории диктатуры пролетариата», борьбы с «буржуазным поветрием» власти и партийные органы усиленно призывали искоренять такие явления, как спекуляция, организация подпольного кустарного производства, перепродажа на свободном рынке продукции, подлежащей государственным закупкам, и т. п.

Согласно данным китайской печати, в 1975 г. внутренний товарооборот возрос как по отдельным городам, так и по

¹⁵⁶ ИБАС, 11.IX.1975.

¹⁵⁷ ИБАС, 14.V.1975.

¹⁵⁸ ИБАС, 13.IV.1975.

стране в целом. В первом полугодии объем розничного товарооборота в стране увеличился на 8,4% по сравнению с соответствующим периодом 1974 г. И хотя пропаганда настойчиво призывала к экономии и осуждала «буржуазизм», в 1975 г. было продано велосипедов, швейных машин, радиоприемников, считающихся в Китае предметами роскоши, больше, чем в предыдущем году¹⁵⁹. Увеличение объема товарооборота в Китае происходило в основном за счет расширения продажи товаров в крупных городах, таких, как Пекин, где наблюдался рост розничного товарооборота примерно на 10% по сравнению с тем же периодом 1974 г.¹⁶⁰

Однако в целом снабжение населения продовольствием и промышленными товарами оставалось неудовлетворительным, как и раньше. Основные продукты питания (хлеб, растительное масло, рис и т. п.) распределялись по карточкам, а второстепенные продукты и промышленные товары первой необходимости — по специальным талонам. Вопреки радужным сообщениям о «процветании рынков» и «изобилии товаров» в стране, печать все же вынуждена была признать, что «фактически сейчас товаров в нашей стране не слишком много, их еще недостаточно, еще далеко до удовлетворения производственных и жизненных потребностей»¹⁶¹.

Продовольствия и необходимых товаров массового потребления не хватало не только из-за недостаточного их производства, но и потому, что в первую очередь обеспечивались потребности экспорта, а затем уже населения по самым минимальным нормам.

В ходе идеологической кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» отчетливо проявилось двойственное отношение пекинского руководства к торговле. С одной стороны, признавалось, что «можно использовать товарное производство коллективного хозяйства для закрепления союза между рабочими и крестьянами и развития социалистической экономики»¹⁶², а с другой — торговля считалась скорее вынужденным злом, «буржуазным правом товарной экономики», которое в будущем подлежало ликвидации. Поэтому торговлю следовало не расширять, а ограничивать, сделав основной упор на централизованное снабжение населения необходимыми продуктами и товарами.

По сообщениям зарубежных агентств из Китая, в провинциях данзыбао часто рассказывали о раскрытии таких преступлений, как спекуляция дефицитными товарами.

¹⁵⁹ ИБАС, 29.IX.1975.

¹⁶⁰ ИБАС, 22.IX.1975.

¹⁶¹ «Хунци», 1975, № 7.

¹⁶² Там же.

Власти пытались переложить на торговые организации ответственность за наличие в стране спекуляции и черного рынка, поскольку в спекулятивные махинации, вызванные дефицитом товаров массового потребления, втягивались работники торговых учреждений¹⁶³. Местные власти были не в состоянии контролировать положение во внутренней торговле: в универмагах висели постановления местных властей, призывавшие к немедленной ликвидации спекуляции и «подпольных лавок», которые, однако, никто не принимал во внимание.

Задача «реорганизации сельской торговли», несмотря на широкую агитацию, развернутую китайской печатью, не была решена. Вплоть до последнего времени опыт уезда Ваньцюань, где впервые началась реорганизация торговли, т. е. снятие сельской торговли с государственного финансирования и передача ее «народным коммунам», так и не получил повсеместного распространения.

Китайская печать продолжала акцентировать внимание на необходимости придерживаться принципа самообеспечения городов продовольствием. В качестве примеров приводились города Шэньян, Пекин и другие, якобы добившиеся полного или частичного самообеспечения овощами и хлебом собственного производства. Однако китайская печать еще в январе вынуждена была признать, что «многие крупные и средние города в основном слабо обеспечиваются овощами», поэтому в городах и деревнях Китая развертывается движение «за научное выращивание овощей». Как известно, цель пропаганды принципа самообеспечения городов заключалась в том, чтобы максимально освободить государство от заботы о пропитании городского и сельского населения.

В китайской печати изредка проскальзывали сообщения о том, что в отдаленных районах Китая зачастую отсутствовали товары первой необходимости — факты, свидетельствовавшие о недостаточной организации снабжения национальных окраин. В связи с этим рекомендовались новые формы торгового обслуживания в национальных районах страны: в частности, во Внутренней Монголии — кочующие продавцы, в Северо-Западном Китае — торговая группа передвижного обслуживания.

В 1975 г. в КНР были опубликованы данные о структуре внутренней торговли страны. Государственная торговля составляла 92,5% общего объема розничной торговли; кооперативная торговля — 7,3; мелкая частная торговля — 0,2%¹⁶⁴.

¹⁶³ «Хунци», 1975, № 3, с. 61.

¹⁶⁴ «Хунци», 1975, № 4.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Экономические отношения Китайской Народной Республики с зарубежными странами в течение 70-х годов получили известное развитие. Так, в 1975 г. внешнеторговый оборот КНР в стоимостном выражении увеличился почти в 3 раза по сравнению с 1969 г. Однако такой рост, особенно в 1973—1974 гг., в значительной мере объяснялся как повышением товарных цен на мировом рынке, так и девальвацией валют во многих странах. В 1970—1972 гг. среднегодовой темп роста стоимостного объема внешней торговли Китая равнялся примерно 10%, в 1973—1974 гг. — примерно 40%. В 1975 г. внешнеторговый оборот сократился против 1974 г. на 0,5%.

Таблица 3

Внешняя торговля КНР в 1970—1975 гг. *,
млн. руб.

Показатель	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г.*
Оборот	4010	4340	4980	6845	9925	9875
Экспорт	1985	2335	2715	3635	4820	4900
Импорт	2025	2005	2265	3210	5105	4975
Сальдо	-40	+330	+450	+425	-285	-75

* Здесь и далее приведены показатели, рассчитанные на основе данных статистик стран — торговых партнеров КНР или оценок автора.

Согласно данным (табл. 3), КНР в 1974—1975 гг. имела отрицательное суммарное сальдо внешнеторгового баланса, около 0,4 млрд. руб. Основные причины образования в эти годы дефицита во внешней торговле Китая следующие:

— резкое увеличение импорта из развитых в промышленном отношении капиталистических стран машин и оборудования, а также сельскохозяйственной продукции в условиях недостаточности экспортных ресурсов товаров, которые находили бы удовлетворительный спрос на рынках упомянутых стран;

— рост цен на импортируемые из развитых капиталистических стран товары, вызванный энергетическим кризисом, охватившим мировое капиталистическое хозяйство;

— падение спроса на мировом капиталистическом рынке на основные китайские экспортные товары и как результат этого сокращение контрагентами закупок и даже отказ от ввоза из КНР законтрактованных товаров.

В связи с этим Китай предпринял ряд мер, направленных если не на ликвидацию дефицита, то по крайней мере на его сокращение. В 1974—1975 гг. была аннулирована часть контрактов на поставки зерновых и других сельскохозяйственных продуктов (особенно из США). Поставки ряда товаров были перенесены на более поздние сроки, изыскивались дополнительные экспортные ресурсы, в том числе новых, более конкурентоспособных товаров.

В течение последних лет в товарной структуре китайской внешней торговли произошли заметные изменения. В частности, в импорте возросла доля машин и оборудования, в первую очередь для комплектных промышленных предприятий, в экспорте появилась и постоянно увеличивается новая статья — нефть и нефтепродукты.

Торговля Китая с *социалистическими странами* в 70-х годах расширялась более низкими темпами, чем внешняя торговля КНР в целом (в млн. руб.):

	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г.
Оборот	785	970	1095	1240	1555	1470
Экспорт	420	520	605	680	835	755
Импорт	365	450	490	560	720	715
Сальдо	+55	+70	+115	+120	+115	+40

Как видно из приведенных данных, торговля Китая с социалистическими странами в 1975 г. сократилась против 1974 г. на 85 млн. руб. Удельный вес этой группы государств во внешнеторговом обороте КНР снизился приблизительно до 15% по сравнению с 16% в 1974 г. и 18% в 1973 г. (1969 г.—19%).

Основными торговыми партнерами в 1975 г. являлись Румыния, СССР, Куба, КНДР, Албания, Югославия, ГДР. На них приходилось около 80% торговли Китая с социалистическими странами.

Товарная структура торговли КНР с социалистическими странами не претерпела существенных изменений: как и в предыдущие годы в экспорте основное место занимали сельскохозяйственное сырье, продовольственные и горнорудные товары, а также промышленные товары народного потребления, в импорте — машины и оборудование.

Преобладающее положение во внешнеэкономических связях Китая в 1975 г. продолжали занимать *развитые в промышленности отношении капиталистические страны*. Товарооборот с указанной группой стран, хотя и сократился по сравнению с 1974 г. примерно на 0,5%, но против 1969 г. возрос более чем в 3 раза. Удельный вес развитых капиталистических стран во внешнеторговом обороте КНР в 1975 г. достиг 57%.

Торговля КНР с развитыми капиталистическими странами в 1970—1975 гг. характеризовалась следующими данными (в млн. руб.):

	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г.
Оборот	2005	1950	2285	3630	5650	5620
Экспорт	605	700	930	1420	1955	2035
Импорт	1400	1250	1355	2210	3695	3585
Сальдо	-795	-550	-425	-790	-1740	-1550

Китайское руководство проявляло большую активность в налаживании экономических отношений с развитыми капиталистическими странами. Той же цели служил широкий обмен делегациями, возглавлявшимися высокопоставленными государственными деятелями и представителями деловых кругов. Основные усилия направлялись на закупку товаров, прямо или косвенно связанных с укреплением военно-промышленного потенциала Китая. Наряду с металлургическим, металлообрабатывающим и нефтехимическим оборудованием, закупавшимся в странах Западной Европы, в Японии и США, КНР проявляла острый интерес к приобретению на капиталистическом рынке электронно-вычислительного оборудования, самолетов, лицензий на производство авиамоторов, вертолетов и другой военной техники. Кроме того, из этих стран импортировались в значительных количествах сырье и полуфабрикаты, имеющие стратегическое значение.

Переориентация внешней торговли Китая с мирового социалистического рынка на капиталистический вызвала возрастание зависимости народного хозяйства страны от состояния мировой капиталистической экономики с присущими ей конъюнктурными колебаниями и кризисами.

Китайское руководство уделяло большое внимание также развитию экономических связей с *развивающимися странами*, которые оно рассматривало как рынок сбыта промышленных (в основном потребительских) товаров и источник поступления сырья и финансовых средств.

В 1975 г. торговля с развивающимися странами увеличилась по сравнению с 1974 г. примерно на 3%, против 1969 г.— более чем в 2 раза.

	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г.
Оборот	775	900	995	1130	1750	1800
Экспорт	525	605	590	730	1100	1150
Импорт	250	295	405	400	650	650
Сальдо	+275	+310	+185	+330	+450	+500

Удельный вес этой группы государств во внешнеторговом обороте КНР в 1975 г., как и в 1974 г., равнялся примерно 18% (1969 г.— 22%).

Товарная структура торговли Китая с развивающимися странами существенно не изменилась. Как и в предыдущие годы, КНР импортировала в основном сырье, в том числе медь, каучук, хлопок, фосфаты и т. п., а экспортировала потребительские товары (до 80% общего вывоза в эту группу стран), включавшие текстиль, швейные машины, велосипеды и некоторые виды продовольствия.

Китай продолжал оказывать экономическую помощь развивающимся странам. Общая сумма обязательств КНР по предоставлению такого рода помощи, несколько превышавшая в начале 1970 г. 1,2 млрд. долл., возросла к концу 1975 г. примерно до 3,7 млрд. долл., в том числе были приняты новые обязательства в размере около 150 млн. долл. (не включая кредит Камбодже, так как о нем нет точных сведений).

В соответствии с условиями подписанных соглашений Китай должен оказать экономическое, финансовое и техническое содействие развивающимся странам в строительстве свыше 400 различных народнохозяйственных объектов. К началу 1976 г. была реализована приблизительно $\frac{1}{3}$ часть (в стоимостном выражении) обещанной помощи. Построено и сдано в эксплуатацию более 100 промышленных, сельскохозяйственных, транспортных и других предприятий.

Экономические связи с Гонконгом (Сянган) и Макао (Аомэнь) по-прежнему являлись важным каналом получения Китаем валютных средств, используемых им для погашения отрицательного сальдо, которое постоянно образуется в торговле Китайской Народной Республики с развитыми капиталистическими странами.

Торговля Китая с упомянутыми колониальными территориями в 1975 г. увеличилась по сравнению с 1969 г. в 2,3 раза, по сравнению с 1974 г.— примерно на 1,5% (табл. 4).

Таблица 4

Торговля КНР с Гонконгом и Макао в 1970—1975 гг., млн. руб.

Показатель	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г.
Оборот	445	520	605	845	970	985
Экспорт	435	510	590	805	930	960
Импорт	10	10	15	40	40	25
Сальдо	+425	+500	+575	+765	+890	+935

На Гонконг и Макао во второй половине 60-х и за истекший период 70-х годов приходилось свыше 20% общего экспорта КНР. Основными статьями китайского вывоза в эти колонии оставались продовольствие, текстильное сырье, одежда. Однако постепенно расширялся экспорт таких товаров, как простейшие виды электрического оборудования и бытовые электроприборы. В последние годы КНР начала поставлять нефть и нефтепродукты.

Реэкспорт китайских товаров через Гонконг и Макао осуществлялся прежде всего в такие страны, как Индонезия, Япония, Сингапур, а также в США, ФРГ и Бангладеш.

Объем импорта из упомянутых колоний сравнительно незначителен. Китай ввозил в основном продовольственные товары, хлопок и другое сельскохозяйственное сырье, а также красители и текстильное оборудование. В 1975 г. КНР впервые закупила в Гонконге суда и автобусы.

* * *

Основным элементом комплекса внешнеэкономических связей КНР является внешняя торговля. Однако, если абсолютные стоимостные показатели внешнеторгового оборота соотнести с показателями валового национального продукта, то формальное значение внешней торговли в народном хозяйстве страны представляется небольшим.

На рубеже 60—70-х годов объем внешнеторгового оборота Китая, выраженный в текущих ценах, равнялся около 3% валового национального продукта, в 1972 г. этот показатель увеличился примерно до 4%, а в 1973—1974 гг. — до 7—9%. Такой рост, особенно в 1973—1974 гг., произошел в большей своей части за счет фиктивного расширения объема внешней торговли, в основе которого лежали инфляционные явления, происходящие в мировой капиталистической экономике. Если же принять в расчет внешнеторговый оборот, исчисленный в постоянных ценах 1963 г., то его стоимостной объем в конце первой половины 70-х годов составил бы приблизительно 4% валового национального продукта.

Тем не менее внешняя торговля КНР играла существенную роль как источник получения важнейших видов машин, оборудования, материалов и других товаров, необходимых, но не производимых в стране или производимых в недостаточном количестве и не на должном техническом уровне. Она оказывала также определенное влияние на развитие сельскохозяйственного производства, а также на возможности удовлетворения потребностей населения в определенных видах продуктов питания.

ПРОБЛЕМА ЭКСПОРТА НЕФТИ

В начале 70-х годов КНР стала одним из мировых поставщиков нефти. Стремление китайского руководства укрепить позиции КНР как мирового экспортера поставило перед экономикой страны ряд крупных проблем, от решения которых зависела эффективность китайского продвижения на рынки стран-потребителей. Решение всего комплекса этих проблем призвано обеспечить конкурентоспособность Китая на нефтяном рынке и расширить круг потребителей китайской нефти.

Известно, что в 50-е годы КНР удовлетворяла примерно 30% своего спроса на нефть за счет внутреннего производства. Остальная часть потреблявшейся нефти импортировалась главным образом из СССР. К 1963 г. внутреннее производство нефти значительно расширилось за счет открытия месторождения Дацин, что дало возможность прекратить ввоз нефти для покрытия внутреннего спроса. Тем не менее в целях урегулирования торговых расчетов с рядом стран — производителей нефти КНР продолжала нефтяной импорт, который снизился примерно с 10% общего импорта в 50-е годы до 0,1% в 1967 г.¹⁶⁵

В 70-е годы КНР осуществляла импорт нефти из Ирана, Ирака и Алжира¹⁶⁶. По оценке гонконгских наблюдателей, Китай импортировал 500 тыс. т — 1 млн. т нефти в год. По всей видимости, импорт, наряду с указанной выше причиной, осуществлялся и с целью уменьшить перегруженность внутреннего транспорта. Иностранная нефть отправлялась морем в южные порты страны.

Открытие вслед за Дацином крупных нефтезапасов в Шэнли и Дагане создало для КНР большие потенциальные возможности экспорта нефти. Примерно с середины 60-х годов Китай начал вывозить в незначительных количествах нефтепродукты. Уже в 1967 г. английская пресса отмечала, что Китай «не только сокращает импорт, но и увеличивает экспорт продуктов нефтепереработки в Гонконг»¹⁶⁷. Традиционными импортерами китайской нефти на протяжении всего периода существования КНР были такие страны, как КНДР, ДРВ, Камбоджа и Албания¹⁶⁸.

Последовавшее в 70-е годы значительное расширение нефтедобычи в КНР позволило резко увеличить объем экс-

¹⁶⁵ «China: A Reassessment of the Economy». U.S. Government Printing Office, Washington, 1975, с. 622.

¹⁶⁶ «Business Standard», 26.VIII.1975.

¹⁶⁷ «Times Review of Industry and Technology». August, 1967.

¹⁶⁸ В 1973 г., по оценочным данным, КНДР ввезла 300 тыс. т нефти из КНР, в 1974 г. — 420 тыс. т, ДРВ — соответственно 450 и 500 тыс. т.

порта. О росте добычи нефти в КНР можно судить по расчетным данным: 1950 г. — 0,2 млн. т, 1965 г. — 11 млн. т, 1970 г. — 20 млн. т, 1971 г. — 25 млн. т, 1972 г. — 29 млн. т, 1973 г. — 38 млн. т, 1974 г. — 45 млн. т, 1975 г. — 56 млн. т.

Китайский нефтэксспорт составил в 1973 г. 2 млн. т, в 1974 г. — 5 млн. т¹⁶⁹ и в 1975 г. — 12 млн. т (см. «New York Times», 30.I.1977). Согласно этим данным, китайский экспорт нефти и нефтепродуктов в 1974 г. увеличился в 2,5 раза против предыдущего года, а в 1975 г. — соответственно в 2,4 раза.

Одним из условий, позволяющих КНР вывозить нефть, являлся низкий уровень ее потребления внутри страны, 85% энергетических потребностей которой в основном удовлетворялись за счет угля, ГЭС и электростанций, работающих на угле¹⁷⁰. По заявлению министра нефтяной и химической промышленности КНР Кан Ши-эня, нефть покрывала примерно 20% потребления энергии Китаем.

В эти годы принимались меры по расширению нефтяного экспорта. Так, в Северо-Восточном Китае введены в строй нефтепроводы Дацин — Циньхуандао — Пекин, Дацин — Дальянь, Шэнли — Циндао. В районе Шанхая форсировались работы по созданию нефтехимического комплекса с нефтеперерабатывающим заводом и емкостями для хранения¹⁷¹. Завершено строительство нефтехимического комплекса на юго-западе от Пекина, начатое в конце 60-х годов. Здесь к 1969 г. построено три крупных нефтеочистительных установки, а также установки для производства бутилового каучука и ацетонфенола. Всего действовало 15 нефтеочистительных и химических установок. Основной завод имел более 8 филиалов, которые производили примерно 50 видов нефтехимической продукции.

Наращивание нефтеперерабатывающих мощностей оказывало определенное влияние и на экспортную номенклатуру нефтепродуктов китайского производства. Так, на весенней (1975) ярмарке экспортных товаров КНР в Гуанчжоу было впервые представлено более 80 видов нефтепродуктов, в том числе авиатопливо и гидравлическое масло для прецизионных инструментов¹⁷².

Решению проблемы расширения экспорта нефти призваны содействовать и значительные реконструкционные работы в основных китайских портах. В морских портах введен в строй или в основном закончен ряд глубоководных причалов. Среди вновь построенных есть нефтепричалы для стоянки танкеров грузоподъемностью в 25, 50, 100 тыс. т. Однако и эти ново-

¹⁶⁹ «Daily Telegraph», 23.VI.1975.

¹⁷⁰ «New York Times», 28.XI.1975.

¹⁷¹ «Newsweek», 27.X.1975.

¹⁷² «U.S.-China Business Review», № 7, 8, 1975, с. 50.

введения не соответствовали современным требованиям нефтенезависимости, применяемым странами — экспортерами нефти. Представители деловых кругов стран, импортирующих китайскую нефть, заявляли, что не могут переправлять нефть на танкерах водоизмещением в 50 и даже 100 тыс. т, называя такой способ примитивным. По их словам, экономически эффективна транспортировка только на судах в 250 и более тыс. т¹⁷³.

КНР принимала некоторые меры для увеличения грузоподъемности танкеров своего флота. К июлю 1975 г. грузоподъемность выросла до 621,6 тыс. т против 116,5 тыс. т в 1970 г.

На обеспечение расширения экспорта нефти направлена и зарубежная деятельность китайского руководства. Так, государственная компания КНР «Чайна рисорсиз», ведущая операции в Гонконге, приобрела у местных властей земельные участки для строительства нефтехранилищ. Компания также уплатила правительству 500 тыс. гонк. долл. за строительство железнодорожного пути в Фэтани (район на севере Коулуна), где намечено сооружение нефтехранилищ. Кроме того, компания «Эссо стандарт» согласилась продать «Чайна рисорсиз» несколько своих нефтехранилищ. По всей видимости, КНР стремилась создать в Гонконге плацдарм для своего нефтяного наступления, превратить эту колонию в крупнейший центр по реэкспорту нефти. Показательно, что за девять месяцев 1975 г. экспорт китайской нефти в Гонконг по железнодорожным и морским путям превысил вдвое уровень того же периода 1974 г., составив 192,6 млн. гонк. долл.

Достигнутый уровень экспорта нефти обеспечивал Китаю значительные валютные поступления. По некоторым предварительным оценкам, вывоз нефти в 1975 г. дал Китаю примерно 800 млн. долл., что составило 10% его валютных поступлений¹⁷⁴.

Китайское руководство рассматривало экспорт нефти не только как рычаг расширения своей внешней торговли, но и как эффективное политическое оружие, в частности как средство воздействия на некоторые страны, до сих пор не установившие дипломатических отношений с КНР.

В число главных импортеров китайской нефти вошли Япония, Гонконг, Филиппины, Таиланд, Малайзия. Весной 1975 г. Австралия выясняла возможности закупки нефти в КНР, но отказалась от этого вследствие несоответствия качества китайской нефти перерабатывающим мощностям страны.

¹⁷³ «Newsweek», 27.X.1975.

¹⁷⁴ «Newsweek», 27.X.1975.

Крупнейшим импортером китайской нефти являлась Япония. Закупки, осуществленные японскими фирмами, составляли (по оценкам ИДВ АН СССР): в 1973 г.— 1 млн. т, в 1974 г.— 4 млн. т, в 1975 г.— 8 млн. т. Китайская нефть ввозилась в Японию по двум частным каналам — через Организацию импортеров китайской нефти и Интернэшнл ойл компани. Заинтересованность японских предпринимателей в расширении закупок нефти в КНР определялась как географической близостью китайских ресурсов, так и нежеланием находиться в исключительной зависимости от поставщиков с Ближнего Востока, где наблюдалась весьма нестабильная политическая и экономическая конъюнктура. Со своей стороны, КНР в огромной степени заинтересована в срыве сотрудничества Японии с СССР в области торговли нефтью.

Несмотря на то что основная масса китайского экспорта нефти приходилась на Японию, существовал ряд проблем, мешающих дальнейшему значительному расширению японских закупок. Существенным препятствием в этой области было отсутствие долгосрочного соглашения по нефтеторговле, от заключения которого постоянно уклонялась китайская сторона. По всей видимости, КНР не шла на подписание такого соглашения из-за неуверенности в своих возможностях выполнять его постоянно и неукоснительно. С другой стороны, соглашение, вероятно, зафиксировало бы и цены на китайскую нефть или хотя бы пределы их колебаний, что также в какой-то мере связало бы руки китайской стороне. Известно, что КНР не распространяла политику «дружественных цен» на продажу нефти Японии, утверждая, что японцы должны платить Китаю больше, чем арабам, поскольку они экономят на транспортных расходах¹⁷⁵.

В свою очередь, японцы возражали, доказывая, что транспортировка китайской нефти на малотоннажных судах обходится Японии по 70—80 центов за баррель, т. е. примерно столько же, сколько доставка нефти с Ближнего Востока, страны которого удовлетворяют на 90% импортные потребности японцев в нефти. Тем не менее Япония согласилась на закупки китайской нефти по повышенной цене в IV квартале 1975 г., которая составила 12,3 долл. за баррель против 12,1 долл. в I—III кварталах¹⁷⁶.

В ходе переговоров (1975) о возможности заключения долгосрочного соглашения о поставках китайской нефти в

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ По сообщению агентства Киодо Цусин от 31.X.1975 г., 12,1 долл. за баррель составляет на 70 центов ниже обычной мировой цены и на 50 центов ниже цены на индонезийскую нефть. В 1973 г. КНР продавала Японии нефть по 3,7 долл. за баррель, в 1974 г.— по 14,8 долл.

Японию выяснилось, что японская сторона намерена импортировать в рамках предполагаемого соглашения по 15 млн. т китайской нефти в год. Как отмечали иностранные наблюдатели, это намерение Японии вызвало неудовлетворение со стороны КНР.

К числу значительных проблем, связанных с закупкой китайской нефти, японцы относили также и ее химический состав. Положительным качеством китайской нефти является низкое содержание в ней серы, отрицательным — большая вязкость, высокий процент парафина и восковых частиц, которые затвердевают при низких температурах, засоряют нефтепроводы и оборудование. В сочетании с низким техническим уровнем китайских портовых сооружений все это фактически удорожает стоимость китайской нефти¹⁷⁷. Кроме того, японские нефтеперерабатывающие компании уже построили дорогостоящие установки для извлечения серы при переработке ближневосточной нефти, поэтому низкое содержание серы в китайской нефти дает им минимальные выгоды. По свидетельству некоторых зарубежных наблюдателей, китайская нефть (дацинская) в Японии использовалась главным образом в качестве топлива для тепловых электростанций. При переработке же она смешивалась с большим количеством ближневосточной нефти. В этой связи, по мнению западных специалистов, для эффективного выступления на мировом рынке нефти КНР должна подвергать свою нефть предварительной очистке¹⁷⁸.

Несмотря на отмеченные проблемы и трудности, Китай и Япония расширяют торговлю нефтью. Стоимость импорта китайской нефти Японией за I—III кварталы 1975 г. составила 498 млн. долл., что на 105,2% превышает соответствующий уровень 1974 г. За указанный период, по сообщению агентства Киодо Цусин (20. X. 1975 г.), доля нефти в японском импорте из КНР составила 46,7%, т. е. стала по стоимости преобладающим товаром японских закупок в КНР.

По всей видимости, торговля нефтью будет в перспективе содействовать решению проблемы сбалансирования китайско-японской торговли, в которой до сих пор КНР имела пассивный баланс. Поставки нефти также могут стать и вероятным средством выравнивания торговых балансов с другими развитыми капиталистическими странами. Наряду с этим значительное увеличение экспорта нефти сможет содействовать поступлению в КНР соответствующего оборудования для дальнейшего расширения нефтедобычи и переработки нефти.

¹⁷⁷ «Newsweek», 27.X.1975.

¹⁷⁸ Там же.

Китайское руководство принимало меры для оснащения нефтяной промышленности новым оборудованием. По контрактным сделкам, заключенным с различными странами с января 1972 г. по март 1975 г., КНР обязалась закупить 4 платформы для морского бурения, 2 нефтебуровые вышки, 33 научных и транспортных судна и другое оборудование — всего на сумму 127 млн. долл., что составляет 5% от общей суммы заключенных в этот период сделок на комплексное оборудование¹⁷⁹.

Значительно более активной была деятельность по заключению сделок на приобретение нефтехимического оборудования, а также оборудования для производства химических волокон, количество которого составило соответственно 33 и 11 комплектов на общую сумму 900 млн. долл., или 34% всех заключенных в этот период сделок¹⁸⁰. Китайские внешнеторговые организации заключили сделки с фирмами США на сумму примерно 20 млн. долл. для приобретения буров, противовыбросного и сейсмического оборудования. Аналогичные закупки были произведены в Японии и ФРГ. Италия и Франция вели в 1975 г. в Китае строительство нефтехимических предприятий. Специалисты Запада считают, однако, что указанные меры китайского руководства крайне незначительны по сравнению с реальными потребностями для перспективного роста нефтедобычи и экспорта нефти. «КНР ведет переговоры, получает необходимую техническую информацию, — отмечают они, — но на крупные сделки не идет. Китайцы хотят использовать закупленные образцы для налаживания внутреннего производства этого оборудования»¹⁸¹.

В своем продвижении на мировой нефтяной рынок КНР применяет в отношении отдельных стран политику «дружественных цен», т. е. цен, стоящих значительно ниже уровня мировых. На таких условиях (по цене 10,2 долл. за баррель) китайская нефть поставлялась Филиппинам и Таиланду. По мнению западных специалистов, это явилось существенным фактором в установлении этими странами дипломатических отношений с КНР¹⁸².

Поставки нефти на Филиппины ведутся в соответствии с межправительственным соглашением, заключенным сторонами в сентябре 1974 г. По соглашению, КНР обязалась поставлять ежегодно не менее 750 тыс. т нефти, т. е. примерно 7% импортных потребностей Филиппин. Однако в 1975 г.

¹⁷⁹ «China: A Reassessment of the Economy», с. 701.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ «Newsweek», 25.X.1975.

¹⁸² «Oil and Gas Journal», 11.VIII.1975; «Newsweek», 27.X.1975.

КНР смогла поставить только 600 тыс. т нефти. В 1974 г. поставки нефти КНР на Филиппины составили 250 тыс. т. В ноябре 1975 г. стороны заключили новое соглашение о продлении на год поставок китайской нефти, причем Филиппины настаивали на увеличении поставок хотя бы на 100 тыс. т против фактического уровня 1975 г.¹⁸³

Таиланд импортировал в 1975 г. 125 тыс. т китайского дизельного топлива (против 50 тыс. т в 1974 г.) и 200 тыс. т нефти¹⁸⁴. В ноябре правительство Таиланда одобрило бартерную сделку по обмену 200 тыс. т таиландского риса на 312,1 тыс. т нефти и 251,2 тыс. т дизельного топлива¹⁸⁵.

Среди потенциальных потребителей китайской нефти можно назвать США, которые лишь на 25% удовлетворяют свой импортный спрос за счет Ближнего Востока. Постоянная политическая нестабильность на латиноамериканском континенте — основном источнике нефтяного импорта США, вероятно, может усилить заинтересованность американских деловых кругов в обеспечении альтернативных поставщиков.

* * *

Таким образом, несмотря на то что расширение китайского экспорта нефти сталкивается в настоящее время с рядом проблем, можно полагать, что в перспективе его объем увеличится. Однако трудно согласиться с крайне оптимистическими оценками ряда западных обозревателей, предсказывающих рост экспорта китайской нефти до 70 и даже 100 млн. т к 1980 г. Тем более сами эти специалисты признавали, что Япония, например, сознательно преувеличивала оценку нефтяных ресурсов КНР с целью улучшить свои позиции в торге со странами — членами ОПЕК. Китай подогревал оптимизм японцев в интересах своей антисоветской стратегии. Западные же нефтяные компании, исходя из своих собственных интересов, стремились преуменьшить перспективы и технические возможности КНР¹⁸⁶.

В действительности же участие КНР в мировой торговле нефтью крайне незначительно. Так, по китайским данным, в 1973 г. доля сырой нефти, экспортированной Китаем на мировой рынок, составляла 0,067% в общем объеме мирового экспорта нефти, в 1974 г. — 0,28, в 1975 г. — 0,65% («Сообщение агентства Синьхуа», 14. I. 1977).

¹⁸³ «Newsweek», 27.X.1975.

¹⁸⁴ «Oil and Gas Journal», 11.VIII.1975.

¹⁸⁵ «Bangkok Post», 12.XI.1975.

¹⁸⁶ «Foreign Policy», October, 1975.

Обоснованной, с нашей точки зрения, оценкой перспективы вывоза китайской нефти в ближайшие 5—10 лет можно считать 25—30 млн. т в год при условии, что в стране не повторятся эксцессы, подобные «большому скачку» или «культурной революции», и при сохранении устойчивого спроса на нефть и нефтепродукты на мировом рынке.

ИМПОРТ МАШИН И ОБОРУДОВАНИЯ

В 70-х годах импорт КНР из зарубежных стран приобрел ряд принципиально новых черт, к наиболее существенным из которых следует отнести, прежде всего, расширение по сравнению с 60-ми годами ввоза машин, оборудования и транспортных средств, возобновление импорта комплектного оборудования и связанное с этим получение кредитов от фирм развитых капиталистических стран.

Известно, что наиболее активно КНР выступала на мировом рынке машин, оборудования и транспортных средств в период 50-х годов. В то время ввоз указанных товаров осуществлялся почти исключительно из стран социалистического содружества и имел устойчивый, равномерно повышающийся характер, возрастая с 20% от совокупного импорта в 1952 г. до более 40% в 1957 г. и почти до 48% в 1959 г., когда он достиг максимального уровня¹⁸⁷. В 60-е годы ввоз Китая машин, оборудования и транспортных средств носил неустойчивый характер и колебался примерно от 10% в 1962 г. до 22% в 1966 г. и 13% в 1969 г.¹⁸⁸ Комплектное же оборудование, ранее широко вывозившееся из СССР¹⁸⁹, в те годы приобреталось Китаем в менее значительных размерах. Так, в развитых капиталистических странах было закуплено 45 предприятий, поставленных в страну в 1964—1968 гг.¹⁹⁰, и в социалистических странах — комплектное оборудование на сумму 712 млн. руб. (791 млн. долл.).

В 70-е годы импорт Китая машин, оборудования и транспортных средств вновь приобретает устойчиво возрастающий характер, что выражалось прежде всего в стабильном росте его стоимости (в млн. руб.)¹⁹¹:

¹⁸⁷ «China: A Reassessment of the Economy», 1975, с. 621.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Закупки КНР комплектного оборудования в 50-е годы в СССР и других социалистических странах составили более 1,6 млрд. руб. (около 1,8 млрд. долл.).

¹⁹⁰ В том числе комплектное оборудование для 18 заводов химической и нефтяной промышленности, 5 металлургических заводов, 10 машиностроительных предприятий, 7 заводов по производству бумаги и целлюлозы, 2 стекольных завода.

¹⁹¹ По материалам статистик стран — торговых партнеров КНР (данные округлены до 5 млн. руб.).

1965 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г.
295	395	485	465	635	1265	1535

Из приведенных цифр видно, что в 1973 г. ввоз Китаем машин, оборудования и транспортных средств более чем в 2 раза превышал уровень 1965 г., а в 1974 г.— более чем в 5 раз.

Стоимостный рост ввоза данной группы товаров сказался и на повышении удельного веса ее в совокупном импорте КНР. Рост доли машин, оборудования и транспортных средств в мировых закупках Китая, несмотря на колебания в отдельные годы, отражал общую тенденцию его увеличения (расчетные данные, %):

1965 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г.
17	19	24	21	20	25	31

Эта повышательная тенденция становится еще более очевидной, если учесть значительные темпы роста внешнеторгового оборота КНР в период 70-х годов, в том числе и его импортной части.

Существенным структурным сдвигом в импорте машин и оборудования в 70-е годы явился высокий удельный вес в нем транспортных средств. Так, в 1970—1972 гг. доля транспортных средств составляла до 45% от общего импорта машин и оборудования, в 1973 г.— более 50%. Для сравнения следует указать, что в 50-е годы транспортные средства составляли 20—30% в совокупном ввозе машин и оборудования¹⁹².

Ввоз в КНР машин, оборудования и транспортных средств продолжал осуществляться по двум каналам: из социалистических и развитых капиталистических стран. Следующие данные статистик стран—партнеров КНР дают представление о соотношении использования китайским руководством обоих источников удовлетворения внешнего спроса Китая на машины, оборудование и транспортные средства (в млн. руб.):

	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г.
Социалистические страны	175	250	275	285	385	375
Развитые капиталистические страны	220	235	190	350	880	1160

Данные показывают, что в течение четырех лет (1970—1973) участие социалистических и развитых капиталистических стран в обеспечении КНР машинами, оборудованием и транспортными средствами было примерно одинаковым по

¹⁹² «China: A Reassessment of the Economy», с. 622.

стоимости. Так, из ввезенных в страну в эти годы данной группы товаров на общую сумму 1980 млн. руб. на социалистические страны приходилось 985 млн. руб., на развитые капиталистические страны — 995 млн. руб. (разница в пользу последних составляла 10 млн. руб.).

1974 и 1975 годы обнаружили значительный перевес развитых стран капитализма в поставках в Китай машины, оборудования и транспортных средств, составивший в сумме 1280 млн. руб. В целом за рассматриваемый период из суммарных поставок указанных товаров (4780 млн. руб.) на социалистические страны приходилось 1745 млн. руб., или 37% итогового импорта данных товаров за шесть лет. Следует также отметить, что в структуре поставок из социалистических стран машины, оборудование и транспортные средства имели значительно более высокий удельный вес, чем в поставках из развитых капиталистических стран. Причиной этого являлся значительно больший уровень товарооборота КНР с развитыми капиталистическими странами, чем с социалистическими странами.

Из развитых капиталистических стран основная доля поставок приходилась на Японию, страны «Общего рынка», США и Швецию. Более подробно о распределении поставок рассматриваемой группы товаров среди стран развитого капитализма свидетельствовали нижеследующие данные табл. 5.

Таблица 5

Поставки капиталистическими странами машин и оборудования в КНР*, млн. руб.

Страна	1965 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г.
Всего	155	220	295	150	350	880	1100
Япония	60	108	83	63	134	426	503
США	—	—	—	1	51	31	48
Франция	16	41	78	23	34	77	151
ФРГ	20	19	27	37	35	76	120
Англия	29	10	16	23	51	63	87
Италия	8	12	13	17	21	36	35
Швеция	3	4	3	4	2	17	17
Другие страны	19	26	15	22	19	104	159

* По данным статистик стран — торговых партнеров КНР.

В 1975 г. (неполные данные) примерно половину поставок машин и оборудования из стран развитого капитализма выполнила Япония, около $\frac{1}{3}$ — страны «Общего рынка», менее $\frac{1}{10}$ поставок приходилось на США.

Отмеченная тенденция существенного роста китайского импорта машин, оборудования и транспортных средств, а также повышение удельного веса этой группы товаров в совокупном ввозе в страну отражали тем не менее лишь стоимостную сторону процесса. Рассмотрение вопроса с точки зрения роста физического объема импорта указанных товаров показало, что в ценах 1957 г. объем ввоза машин, оборудования и транспортных средств составил в 1973 г. лишь 62% от уровня 1959 г., а в 1974 г. очень незначительно превысил его¹⁹³.

В 70-х годах КНР возобновила практику закупок комплектного оборудования. Ввоз этой продукции вызвал к жизни и другой аспект внешнеэкономической деятельности китайского руководства — получение кредитов от фирм развитых капиталистических стран, гарантом которых выступали правительства соответствующих государств. Китайские власти всячески избегали употребления слова «кредит» в связи с осуществляемыми сделками по приобретению комплектного оборудования в странах развитого капитализма, постоянно заменяя его термином «рассроченные платежи». Однако это не меняло экономической сущности вопроса, которая состояла в том, что Китай не мог осуществлять в широких масштабах импорт современных средств производства, не прибегая к кредитованию его поставщиками. Подтверждением этому служил тот факт, что в период 1972—1975 гг. более половины закупок комплектного оборудования в развитых капиталистических странах КНР осуществляла в рамках предоставленных ей кредитов. Условия кредитования обычно предусматривали оплату 20% его стоимости наличными при заключении сделки, остальная сумма покрывалась регулярными полугодовыми взносами в течение пяти лет после ввода в действие оборудования. Шесть процентов годовых, взимаемых за пользование кредитом, входят в объявленную стоимость сделки¹⁹⁴.

Наряду с прямым кредитованием поставок оборудования в КНР китайская сторона и ее коммерческие партнеры из развитых капиталистических стран прибегали и к использованию таких финансовых операций, которые на деле были замаскированными кредитами. Так, например, Япония предоставила КНР фактический торговый кредит в крупных размерах, открыв в Банке Японии счет в юанях на сумму 100 млн. долл., в то время как японский счет в ценах в Банке Китая был значительно ниже и составлял 50 млн. долл.¹⁹⁵ Многие другие финансовые операции также преследовали це-

¹⁹³ Там же, с. 621—622.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же.

ли скрытого кредитования поставок промышленного оборудования в КНР.

По контрактам, заключенным КНР с различными развитыми в промышленном отношении странами с января 1972 г. по март 1975 г., китайская сторона обязалась закупить значительное количество промышленного оборудования, как собственно комплектное, так и приравняемые к нему отдельные агрегаты и блоки, стоимость которых в ряде случаев превосходит стоимость того или иного комплектного предприятия. К ним относятся крупные энергоблоки, турбины, генераторы, различное оборудование для геологоразведки, исследовательские морские суда, нефтебуровые установки и т. д.

По неполным сведениям, КНР законтрактовала в 1972—1975 гг. разного вида оборудование (см. табл. 6).

Таблица 6

Закупки комплектного оборудования Китаем *

Оборудование	Количество, шт.	Сумма, млн. долл.	Удельный вес, %
Металлургическое	635	24
Прокатное	5	...	
Чугунолитейное	1	...	
Энергетическое	303	11
Комплектные станции	3	...	
Турбины и генераторы	46	...	
Для разведки и добычи нефти	127	5
Морские буровые платформы	4	...	
Нефтяные вышки	2	...	
Суда для исследования и поставки	33	...	
Для нефтехимии и производства синтетических волокон	900	34
Производство промежуточных продуктов	33	...	
Производство синтетических волокон	11	...	
Производство химических удобрений	534 **	20
Производство аммония	17	...	
Производство мочевины	17	...	
Прочее оборудование	133	6
. Всего		2632	100

* «China: A Reassessment of the Economy», с. 701.

** Не включает стоимость четырех заводов по производству удобрений, закупленных в Японии, стоимость которых неизвестна, поэтому действительная сумма может быть выше на 50—60 млн. долл.

Осуществляя закупки комплектного оборудования на мировом рынке, КНР совершенно очевидно делала упор на приобретение прежде всего оборудования для нефтехимической

промышленности и промышленности по производству синтетических волокон. Это вполне согласовалось со стремлением Китая в перспективе широко экспортировать не сырую нефть, как это делалось в данное время, а более дорогостоящие продукты ее переработки. Расширение же производства синтетических волокон находилось в непосредственной связи с намерением сократить внутреннее потребление хлопчатобумажного текстиля с целью расширения его экспорта.

Таблица 7

Распределение по странам заказов на комплектное оборудование (январь 1972 г.— март 1975 г.) *

Страна	Стоимость заказов, млн. долл.	Удельный вес, %
Япония	1190	45
Франция	557	21
ФРГ	405	15
США	208	8
Италия	103	4
Голландия	90	4
СССР	25	1
Англия	25	1
Дания	20	1
Бельгия	5	0
Швеция	4	0
Всего	2632	100

* «China: A Reassessment of the Economy», с. 701.

Вторым по значению среди законтрактованного комплектного оборудования было оборудование для сталеплавильной промышленности. Форсирование производства стальной продукции настоятельно диктовалось как постоянно увеличивающимся внутренним потреблением, так и стремлением уменьшить зависимость от внешних поставок, которая в настоящее время особенно велика (главным образом от Японии).

Третьим по значению в структуре закупок комплектного оборудования являлось оборудование для производства химических удобрений, что призвано стимулировать расширение сельскохозяйственного производства, особенно зерновых.

Более $\frac{1}{10}$ всех закупок по стоимости приходится на энергосиловое оборудование, включая комплектные станции, турбины и генераторы.

Активность КНР по заключению контрактов на приобретение комплектного оборудования продолжалась (табл. 7). Так, с фирмами ФРГ был заключен контракт на поставку в Китай оборудования для завода по производству бензола производительностью 100 тыс. т в год; контракт о передаче Китаю объединением «Мессершмитт — Бёльков — Блом» технологической документации на производство пассажирских вертолетов «Б-105». В июле 1975 г. КНР разместила свой первый заказ на английское военное оборудование — электронные компоненты к морским радарам английского образца. В декабре было заключено соглашение с английской фирмой «Роллс-Ройс» о строительстве завода авиационных двигателей стоимостью 100 млн. ф. ст. Действие контракта рассчитано на десять лет, из которых один год отводится на подготовку документации, четыре-пять лет — на строительство завода, четыре-пять лет — на расчеты по контракту.

ГУАНЧЖОУСКАЯ ЯРМАРКА

Гуанчжоуская ярмарка китайских экспортных товаров явилась важным звеном в системе внешнеэкономических связей КНР с несоциалистическими странами. На ярмарке в отдельные годы формировалось около половины внешне-торгового оборота Китая¹⁹⁶.

Сразу после образования Китайской Народной Республики ее торговля с капиталистическими странами велась в условиях политики запретов и ограничений. Инициаторы такой политики — США добились принятия Организацией Объединенных Наций 18 мая 1951 г. (в связи с войной в Корее) резолюции, «рекомендовавшей» государствам — членам ООН наложить эмбарго на отправку в КНР вооружения, материалов и предметов, которые могут быть использованы для производства вооружения. Страны НАТО создали в Париже специальный Координационный комитет, ведающий контролем над торговлей этих стран с государствами социалистического лагеря (КОКОМ), причем контроль над торговлей с КНР был поручен в 1952 г. особому Подкомитету (ЧАЙНАКОМ). Этим Подкомитетом были составлены обширные запретительные списки, которые не были опубликованы, однако, по сообщениям иностранной печати, содержали товаров

¹⁹⁶ «China Aktuell», Hamburg, 1974, November, с. 682.

примерно на 200 позиций больше, чем списки товаров для торговли с Советским Союзом и другими европейскими государствами социалистического содружества¹⁹⁷.

В начале 1955 г. стали контролироваться сделки на продажу Китаю товаров, принадлежащих странам, не входящим в ЧАЙНАКОМ. В то же время были введены новые правила, по которым требовались специальные разрешения на транзит товаров, внесенных в списки, через территорию страны — участницы КОКОМ, если эти товары направлялись в страны социалистического содружества, в том числе и в КНР.

Однако такая политика запретов и ограничений в торговле с Китаем все же была не в состоянии достигнуть конечной цели вследствие широкого развития в те годы экономических связей Китая со странами социалистического лагеря, и в первую очередь с Советским Союзом. Тем не менее контроль оказывал сдерживающее влияние на объем товарооборота КНР с капиталистическими странами.

В создавшейся обстановке Китай возлагал большие надежды на Гуанчжоускую ярмарку китайских экспортных товаров, призванную сыграть важную роль в борьбе за отмену ограничений в торговле капиталистических стран с КНР.

Впервые ярмарка была организована в Гуанчжоу осенью 1952 г., повторно — весной 1957 г. Однако регулярно (два раза в год — весной и осенью) она стала проводиться начиная с весны 1958 г. Объемы сделок, заключенных на Гуанчжоуской ярмарке в 1957—1964 гг., характеризовались следующими данными (в млн. долл.): 1957 г. — 63,3; 1958 г. — 360,0; 1959 г. — 284,7; 1960 г. — 287,3; 1961 г. — 267,0; 1962 г. — 263,5; 1963 г. — 358,4; 1964 г. — 445,0¹⁹⁸.

В дальнейшем, в связи с переориентацией КНР на капиталистический рынок, объемы торговых сделок на ярмарке резко возросли и составили, например, в 1973 г. по оценочным данным, 2,6—2,7 млрд. долл., в 1974 г. — 2 млрд. долл.

В 1974 г. Китай впервые остро ощутил отрицательные последствия втягивания в орбиту мировой капиталистической системы хозяйства, переживающей экономический кризис.

Тем не менее Гуанчжоуская ярмарка превратилась в средство расширения экспорта китайских товаров в капиталистические страны и стала играть значительную роль во внешнеэкономических связях КНР с несоциалистическими странами.

37-я (весенняя) ярмарка китайских экспортных товаров проходила в Гуанчжоу с 15 апреля по 15 мая 1975 г. Как сообщалось в китайских газетах, на церемонии открытия ярмарки присутствовало около 6 тыс. гостей. В числе пригла-

¹⁹⁷ «China Trade and Economic Newsletter», 1956, № 8.

¹⁹⁸ «Far Eastern Economic Review», 1957—1964.

шенных были представители Бельгии, Бирмы, Гвинеи, Пакистана, Малайзии и др.¹⁹⁹.

Самыми многочисленными, как обычно, были группы бизнесменов, приехавших на Гуанчжоускую ярмарку из Японии, США и других промышленно развитых капиталистических стран, а также из Сингапура. К ним нужно также отнести и китайцев, проживающих в странах Юго-Восточной Азии. Однако, в отличие от предыдущих лет, в китайской прессе на этот раз не указывалось количество посетителей, которых было заметно меньше, чем на весенней и осенней ярмарках 1974 г.²⁰⁰ Вместе с тем иностранные наблюдатели отмечали некоторое увеличение числа бизнесменов из США и развивающихся стран.

Хотя в КНР не публикуются статистические данные о Гуанчжоуской ярмарке, в центральной китайской печати сообщалось, что внешнеторговые организации Китая «заключили множество экспортных и импортных контрактов с представителями деловых кругов пяти континентов»²⁰¹.

По оценке иностранных наблюдателей, сумма сделок, заключенных на этой ярмарке, не превысила уровня, достигнутого на осенней ярмарке 1974 г. (примерно 600 млн. долл.), а, возможно, была значительно меньше²⁰².

По сообщению японской газеты «Нихон кэйдзай», общая сумма заключенных на ярмарке контрактов между представителями КНР и Японии достигла 120—130 млн. долл. Газета высказывала предположение, что тенденция к сокращению подписания контрактов между ними будет продолжаться и в будущем. Одна из основных причин — отсрочки китайской стороной и даже отказ выполнять ранее подписанные контракты. С большими трудностями на ярмарке велись переговоры о заключении контрактов на поставку в Японию соевых бобов и текстильных изделий.

Несмотря на снижение общего числа посетителей ярмарки, количество американцев увеличилось до 440, представлявших интересы 275 фирм (против 340 коммерсантов от 220 фирм на предыдущей ярмарке)²⁰³. Объем сделок, заключенных ими, составил примерно 65 млн. долл., в том числе на сумму около 40 млн. долл. США закупили товаров у КНР²⁰⁴ и примерно на 25 млн. долл. продали Китаю (вклю-

¹⁹⁹ «Жэньминь жибао», 16.IV.1975.

²⁰⁰ По оценке газеты «Таймс» (19.V.1975), на ярмарке присутствовало на 30% меньше бизнесменов, чем на предыдущей ярмарке.

²⁰¹ «Жэньминь жибао», 16.IV.1975.

²⁰² «South China Morning Post», 27.V.1975.

²⁰³ «Far Eastern Economic Review», 6 VI.1975.

²⁰⁴ «South China Morning Post», 27.V.1975.

чая 50 тыс. т трифосфатанатрия на общую сумму 10,8 млн. долл. плюс металлы и другие химические продукты²⁰⁵.

Весной 1975 г. хозяева ярмарки впервые согласились с практикой установления цен в американских долларах и отказались от прежней в «жэньминьби». Такой шаг был принят КНР для активизации сделок. Эта же цель преследовалась снижением первоначальных цен на продаваемые товары, во многих случаях — на 20—25%, а на некоторые шелковые изделия — на 60%²⁰⁶.

38-я (осенняя) Гуанчжоуская ярмарка китайских экспортных товаров проходила с 15 октября по 15 ноября 1975 г. За месяц работы ее посетили, по сообщениям китайской печати, свыше 25 тыс. представителей деловых кругов из 100 с лишним стран и районов мира, в том числе и китайцы, проживающие за границей²⁰⁷. Сообщалось также, что для ведения переговоров на ярмарке побывали торговые делегации и представители торговых организаций или государственных компаний таких стран, как Гайана, Алжир, Ирак, Непал, Бирма, Малайзия, Сингапур, Папуа Новая Гвинея и др.²⁰⁸

Увеличилось число бизнесменов, прибывших на ярмарку из развитых капиталистических стран, в частности из США. Японских коммерсантов было примерно столько же, сколько и на предыдущей ярмарке, — 2300 представителей 340 компаний²⁰⁹.

По утверждению китайской печати, объем торговых сделок, заключенных на осенней ярмарке, превысил уровень, достигнутый на весенней ярмарке 1975 г. и на осенней — 1974 г.²¹⁰ Учитывая, однако, что деловая активность на этих ярмарках была на крайне низком уровне за последние годы, следует признать, что в результате переориентации на капиталистический рынок КНР продолжает остро ощущать на себе серьезные последствия кризисных явлений в капиталистической экономике.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ

В отчетном докладе правительства КНР, сделанном на 1-й сессии ВСНП четвертого созыва (январь 1975 г.) Чжоу Энь-лаем, и в одобренной «новой» конституции тщательно

²⁰⁵ «Far Eastern Economic Review», 6.VI.1975.

²⁰⁶ «South China Morning Post», 27.V.1975.

²⁰⁷ «Жэньминь жибао», 16.XI.1975.

²⁰⁸ «Жэньминь жибао», 16.XI.1975.

²⁰⁹ «Far Eastern Economic Review», 14.XI.1975.

²¹⁰ «Жэньминь жибао», 16.XI.1975.

обходились наиболее острые проблемы социально-экономического развития КНР, в частности вопросы народного благосостояния и улучшения условий жизни трудящихся.

Более того, в многочисленных выступлениях, докладах и статьях ответственных государственных и партийных деятелей, на страницах официальной печати без конца повторялись милитаристские лозунги: «Копать глубоко траншеи, запасать повсюду зерно», «быть готовым к войне, быть готовым к стихийным бедствиям», т. е. призывы быть готовым к новым лишениям.

С начала прошлого года в КНР стала разворачиваться кампания по «изучению теории диктатуры пролетариата» и ограничению «буржуазного права».

Известно, что положение о «буржуазном праве» было выдвинуто К. Марксом в связи с критикой лассальянских тезисов о «полном продукте — рабочему», «равном праве каждого на равный продукт труда» и «справедливом распределении». К. Маркс не только раскрыл ложную, вульгарно-социалистическую сущность этих представлений, но и обосновал главный принцип распределения жизненных средств на первой фазе коммунизма — при социализме — «принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой»²¹¹. —

В. И. Ленин, высоко ценивший глубокое обоснование К. Марксом принципа распределения по труду, непосредственно в преддверии Октябрьской революции и в период начавшегося после нее создания новой социалистической экономики развил дальше теорию распределения жизненных средств при социализме.

Выдвигая в качестве основополагающего принципа распределения — распределение по труду, К. Маркс и В. И. Ленин видели в нем осуществление векового стремления трудящихся освободиться от эксплуатации и работать на себя, огромный прогресс на пути к коммунистическому способу распределения. Действие этого принципа в распределении они ни в коей мере не связывали с капиталистическими отношениями. Напротив, ими подчеркивалось, что осуществление принципа «от каждого по способностям, каждому по труду» означает уничтожение эксплуатации человека человеком. Выражение «буржуазное право» Марксом и Лениным употреблялось лишь в том смысле, что при распределении жизненных средств к неравным людям (один квалифицированный работник — другой нет, один семейный — другой нет и

²¹¹ К. Маркс. Критика Готской программы. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, с. 18—19.

т. п.) применяется равная («буржуазная») мера — труд, что на практике ведет к неравенству в потреблении.

«Левые» ревизионисты в КНР истолковывали слово «буржуазный» буквально и переносили это толкование на закон распределения по труду. В одном из своих высказываний Мао Цзэ-дун говорил: «Китай принадлежит к числу социалистических стран. До освобождения он мало чем отличался от капитализма. В настоящее время все еще осуществляется восьмиразрядная система заработной платы, распределение по труду и обмен через посредство денег. Все это мало чем отличается от того, что было в старом обществе. Разница лишь в том, что изменилась форма собственности²¹². В выступлениях его приверженцев дифференцированная заработная плата рассматривается как «почва и условие, порождающее капитализм и новые капиталистические элементы»²¹³.

В многочисленных политических кампаниях лозунг «ограничения буржуазного права» ими широко использовался и для дискредитации своих политических противников и против трудящихся, требовавших улучшения материальных условий жизни. Стремление «левых» ревизионистов отстоять волюнтаристские методы в сфере распределения жизненных средств, их борьба против принципов материального стимулирования производства не дала желаемого результата: они не добились главной своей цели — радикального преобразования системы, способов и форм распределения на принципах, выдвинутых Мао Цзэ-дуном. В конечном счете наиболее трезвые из них вынуждены признавать, что распределение по труду — объективная необходимость, и при социализме избежать ее невозможно. Вместе с тем новая идеологическая кампания продолжала препятствовать эффективному следованию этой необходимости в развитии производства.

Заработная плата рабочих и служащих

В редких сообщениях о заработной плате пекинская печать лишь повторяла скудные данные со ссылками на предыдущие годы. Отмечалось, например, что в 1975 г. заработная плата рабочих и служащих (без рабочих и служащих мелкой и кустарной промышленности) была якобы на 50% выше, чем в 1952 г., и равнялась 50—60 юаням в месяц. По-прежнему все рабочие находились на повременной форме заработной платы; премирование за лучшие результаты труда отсутствовало.

²¹² Цит. по: «Хунци», 1975, № 3, с. 23.

²¹³ «Жэньминь жибао», 2.II.1976.

В последние два года в зарубежной печати появились некоторые материалы о системе оплаты труда и величине заработной платы различных категорий рабочих и служащих в Китае.

Среди трудящихся слоев населения наиболее высокая заработная плата — у рабочих современной крупной промышленности, которые оплачивались в соответствии с восьмизначной тарифной сеткой. В зависимости от отрасли, к которой принадлежит предприятие, размер тарифных ставок был следующий (в юанях): 1-й тарифный разряд — 31—39; 2-й — 36—46; 3-й — 43—53; 4-й — 50—62; 5-й — 58—73; 6-й — 68—85; 7-й — 79—100; 8-й — 93—117.

По более высоким тарифным ставкам оплачивался труд рабочих, занятых в угольной, металлургической, военной и некоторых других важных отраслях промышленности. Заработную плату по высшим разрядам — 7-му и 8-му, как правило, получало незначительное количество производственного персонала: 1—1,5% рабочих по 8-му разряду и около 25% — по 5—8-му разрядам²¹⁴. Основная масса кадровых рабочих в современной промышленности получала заработную плату 50—70 юаней в месяц. Значительно ниже были ставки заработной платы в легкой промышленности, в сфере обслуживания, госхоза (табл. 8).

Обширный слой рабочих и служащих в КНР составляют шоферы, ремонтники, работники бытовых заведений, подсобные рабочие, обслуживающий персонал учреждений, которые по уровню оплаты стоят ниже работников промышленности. Еще более низкую заработную плату получало огромное число рабочих и служащих мелкой кустарной промышленности. Эта категория рабочих, как правило, не пользовалась благами общественных фондов потребления, месячный их заработок равнялся 30—40 юаням.

И наконец, еще одну специфическую категорию работников составляли контрактные рабочие, трудившиеся временно по договорам предприятий с «народными коммунарами». Этим рабочим выплачивались лишь средства (40—70 фэней в день) на их содержание. Остальная заработная плата переводилась в народные коммуны и бригады, где им начислялись трудовые единицы.

Существенны и территориальные различия в уровнях заработной платы, вызванные неодинаковым развитием производства и производительности труда. Наиболее высокая средняя заработная плата — у рабочих в крупных промышленных, административных и политических центрах — в Шанхае, Пекине, Гуаньчжоу, в городах Северо-Восточного Ки-

²¹⁴ «Чжунгун япыцзю», 1973, № 3 (75), с. 33—44.

Таблица 8

Месячная заработная плата некоторых категорий рабочих и служащих

Категория	Заработная плата, юани										
	Шоферы	Помощники шоферов	Типографские рабочие	Рабочие — ремонтники электротрассоборов	Плотники, каменщики	Садовники, лифтеры	Истопники, котельщики	Повара	Обслуживающий персонал столовых	Работники телефонной станции	Обслуживающий персонал административных учреждений, прокуратуры, судов
1	70	39	70	62	55	49	34	55	39	49	24
2	62	34	62	55	49	44	29	49	34	44	22
3	55	29	55	49	44	39	25	44	29	39	20
4	49		49	44	39	34	22	39	25	34	18
5	44		44	39	34	29			22	29	
6	39		39	43						25	
7			34								
8			29								

тая. Так, если в 1958 г. средняя заработная плата по стране была 48,5 юаня в месяц, то в Шанхае она составила 71,7, в Пекине — 59,7, в городах Северо-Восточного и Северо-Западного Китая — 57—58 юаней, а в городах Юго-Западного Китая — всего 34,8 юаня в месяц.

Территориальные различия в уровнях заработной платы сохранились до последнего времени. В 1975 г. в среднем по стране месячная заработная плата рабочих и служащих централизованной промышленности равнялась 54—55 юаням, в Шанхае она превышала 70 юаней²¹⁵.

Обеспечение населения жизненными средствами

Несмотря на то что урожай основных сельскохозяйственных культур в 1974 г. был несколько выше урожая неблагоприятного в погодном отношении 1973 г., он не мог ликвидировать несоответствия между потребностями населения в продовольствии и уровнем его производства. При минимальной потребности в зерне 480 кг на одного человека в год (включая непосредственное потребление, семена, фураж, промышленные нужды, естественные потери и т. п.) в 1974—1975 гг. его производство равнялось 270—290 кг в среднем

²¹⁵ «China Reconstructs», 1975, № 4, с. 14.

на душу населения и составило всего 60—65% от минимальных потребностей. Поэтому некоторое смягчение продовольственных трудностей не могло привести к исчезновению большого дефицита зерна, картофеля, мяса, растительного масла, хлопка и т. п.

Государственные и хозяйственные органы, как и прежде, сталкивались с серьезными трудностями при заготовке сельскохозяйственных продуктов. Дефицит продовольствия и создание резервов на случай войны обуславливает длительное сохранение режима рационирования. В 1975 г. продолжалось нормированное распределение и потребление жизненных средств. Так, по данным официальной китайской печати, в 1975 г. в Шанхае на семью в пять человек выдавалось не более 60 кг риса в месяц (12 кг на одного человека)²¹⁶. В г. Ланьчжоу учителя школ и работники учреждений получали по 14—16 кг зерновых, в том числе 70% кукурузной и пшеничной муки²¹⁷.

Обеспечение крестьян происходило из ресурсов производства в малых производственных бригадах, поэтому в нормах их потребления имелись большие различия. Например, в одних уездах пров. Юньнань на полного работника выдавалось 0,5 кг, на неполного (1/2) работника — 260 г зерна в день. В других уездах на полного работника приходилось 12,5 кг, на 13—14-летних подростков — 12 кг, на детей от 3-х до 12 лет — 7,5 кг необрушенного риса в месяц. В «народных коммунах» некоторых уездов на полного работника отпускали 15 кг, на неполного (1/2 рабочей силы) — 12 кг, на иждивенца — 9 кг зерна²¹⁸.

Большие трудности испытывались в снабжении населения КНР растительным маслом, мясом, рыбой, сахаром. Потребление всех этих продуктов строго регламентировалось и ограничивалось. В г. Ланьчжоу на одного человека выдавалось 0,5 кг мяса или 1 кг яиц, 250 г пищевого растительного масла и 74 г (2 лян) сахара в месяц²¹⁹. В Шанхае, Пекине, Гуанчжоу на работающего отпускали в среднем 185 г, на неработающего — 110 г растительного масла. В некоторых сельских районах пров. Гуандун крестьянам выдавали по 74 г (2 лян) растительного масла, крестьяне многих районов не получали растительного масла совсем²²⁰. Молоко и молочные продукты вследствие очень незначительного их производства в питании подавляющей массы китайского населения отсутствовали полностью.

²¹⁶ «China Reconstructs», Peking, 1975, № 4, с. 14.

²¹⁷ «Чжунгун далу», 1975, № 92, с. 40.

²¹⁸ «Чжунгун няньбао», 1975, с. 5—8.

²¹⁹ «Чжунгун далу», 1975, № 92, с. 40.

²²⁰ «Чжунгун няньбао», 1975, с. 5—58.

На очень низком уровне продолжало оставаться обеспечение населения тканями. В Шанхае в 1974—1975 гг. семья в 5 человек (двое взрослых и трое детей) получала 31,7 м (6,3 м на одного человека) хлопчатобумажной ткани в год²²¹. В Ланьчжоу и Сиани учителям и работникам учреждений выдавалось по 5 м тканей в год²²². По сообщениям зарубежных наблюдателей, в 1974 г. к югу от р. Янцзы население обеспечивалось хлопчатобумажными тканями из расчета 4,2 м на одного человека в год, а к северу — из расчета 4,53 м²²³.

Распределение предметов широкого потребления осуществлялось путем выдачи промышленных талонов. В г. Сиане на каждого рабочего и служащего полагалось 30 промышленных талонов в месяц, на иждивенца 10. При покупке одного куска мыла необходимо было отдать 1 талон; 250 г лучшего чая — 10, 500 г шерстяных ниток — 13 талонов²²⁴. В г. Цзинань (пров. Шаньдун) на одного человека отпускали 1 кусок мыла, в уезде Кайпин (пров. Гуандун) — 1/4 куска в месяц²²⁵.

Обеспечение населения топливом, электроэнергией, керосином и другими осветительными средствами было связано с большими трудностями. В Гуанчжоу 1/4 населения проживала в кварталах, которые не имели электричества.

Острая нехватка жизненных средств служит благодатной почвой для широкого развития спекуляции. Цены на «черном рынке», существующем в КНР повсеместно, в три-пять раз выше государственных на одинаковые товары. В 1975 г. уровень государственных цен и цен на «черном рынке» на основные продукты в некоторых районах КНР характеризовался данными, представленными в табл. 9.

Удовлетворение части потребностей в предметах первой необходимости через «черный рынок» ведет к снижению реальных доходов трудящихся.

Несмотря на острый продовольственный дефицит, недовольство и сопротивление крестьян, китайское руководство прилагало большие усилия, для образования государственных, коллективных и индивидуальных запасов зерна, которые оно рассматривало как важнейшую «меру, имеющую стратегическое значение»²²⁶. Для создания резервов зерна китайские власти прибегали к разнообразным мерам, включая жесткий контроль за его расходованием и потреблением. От руководящих работников народных коммун и бригад тре-

²²¹ «China Reconstructs», Peking, 1975, № 4, с. 14.

²²² «Чжунгун далу», 1975, № 92, с. 40.

²²³ «Чжунгун няньбао», 175, с. 5—58.

²²⁴ «Чжунгун далу», 1975, № 92, с. 40.

²²⁵ «Чжунгун няньбао», 1975, с. 5—58.

²²⁶ «Хушци», 1974, № 5, с. 53.

Таблица 9

Государственные цены и цены «черного рынка» *

Район	Вид товара	Государственная розничная цена, юанн	Цена на «черном рынке», юанн
г. Пекин	Рис очищенный	0,30	1,4
	Масло растительное	2,12	5,6
	Свинина	2,20	6,0
	Мука	0,32	1,1
г. Шанхай	Рис очищенный	0,30	0,60
	Масло растительное	2,30	7,0
	Свинина	2,16	6,0
Десять уездов и районов пров. Гуандун	Рис	0,284	0,6—1,2
	Масло растительное	1,72—2,6	4,4—10,0
	Свинина	1,6—2,2	3,6—6,0
Пров. Чжэцзян, район Ханчжоу	Рис	0,298	1,04
	Масло растительное	2,3	4,8
	Свинина высшего сорта	2,04	6,1
Пров. Цзянсу	Рис	0,3	1,2
	Свинина	2,2	5,6
	Мука	—	2,0
	Масло растительное	1,96	3,3
Пров. Фуцзянь	Рис	0,29	1,12
	Свинина	1,54	2,7
	Масло растительное	1,6	4,0

* «Чжунгун няньбао», 1975, с. 5—65.

бовали сдерживать личное потребление зерна с ростом его производства. Центральная печать призывала решительно бороться против тех, кто считает, что с ростом производства должно увеличиваться личное потребление продовольствия. Как писал «Хунци», некоторые работники беспоконились, что призыв к экономии зерна, запрещение увеличения расходов на питание может подорвать активность масс. «Эти опасения не имеют под собой почвы,— утверждал журнал.— Экономия запасов продовольствия, подготовка к войне и стихийным бедствиям, помощь социалистической революции и строительству социализма являются желанием и требованием широких народных масс, полностью отвечает долговременным ин-

тересам трудящихся. Мы должны верить в высокое социалистическое сознание масс»²²⁷.

Экономия продовольствия рассматривалась пекинским руководством в качестве долгосрочной политики, которая должна проводиться повсеместно и при любых обстоятельствах — в городе и в деревне, при хорошем урожае и при плохом. «Осуществление экономии, увеличение запасов зерна, — писал „Хунци“, — является работой, требующей длительного времени. Плохой урожай — надо экономить, хороший урожай — тоже надо экономить. В прошлом проводили экономию, сейчас проводим экономию, в будущем, когда еще больше вырастет производство зерна, также необходимо обратить внимание на экономию»²²⁸.

При всеобщей нехватке продовольствия экономное его использование приобретало исключительно важное значение. 800-миллионный народ не может избежать голода, не имея надежных резервов зерна. Однако пекинское руководство требовало от населения новых жертв ради подготовки к войне, на которую само оно расстрачивало огромные материальные ресурсы. Подобного рода «экономия» противоречила кровным интересам народа.

Привлечение денежных доходов населения в сберегательные кассы

Одним из проявлений острого противоречия между потребностями в основных жизненных средствах и низким уровнем их производства в КНР является превышение платежеспособного спроса населения над наличием товарных масс. Несмотря на политику замораживания заработной платы, ограничения численности городского населения, задержку присвоения очередных квалификационных разрядов рабочим и ученикам, фонд заработной платы продолжал возрастать.

Это вызвано, во-первых, ростом рядов рабочего класса вследствие строительства и ввода в строй крупных промышленных предприятий, во-вторых, повышением квалификации рабочих, в-третьих, массовым развитием мелкой промышленности и вовлечением в производство женщин и молодежи.

Ввиду повышения закупочных цен на сельскохозяйственные продукты и снижения цен на сельскохозяйственную технику в деревне также несколько возросли денежные доходы. В то же время в результате медленных темпов роста сельско-

²²⁷ «Хунци», 1975, № 12, с. 64.

²²⁸ Там же, с. 63.

го хозяйства и низкой его товарности, слабого развития легкой промышленности производство насущных жизненных средств хронически отставало от роста денежных доходов населения, что обусловило появление инфляционных тенденций в китайской экономике и как следствие этого повышение цен на продукты первой необходимости. Особенно эти тенденции усилились после «культурной революции». Чтобы затормозить их действие, стабилизировать денежное обращение, китайские власти систематически прибегали к изъятию части денег у населения посредством привлечения их в сберегательные кассы. По своей экономической сущности народные сбережения в Китае, вследствие острой нехватки жизненных средств, представляют собой вынужденно отложенный потребительский спрос.

Большое внимание сберегательному делу в КНР привело к существенному увеличению вкладов в сберегательные кассы. По сообщениям «Жэньминь жибао»²²⁹, на конец 1975 г. вклады в сберегательные кассы городского и сельского населения по сравнению с 1965 г. возросли в 2,3 раза. Число городских семей, получивших сберегательные книжки, увеличилось за один прошлый год на $\frac{1}{3}$. В Пекине, Шанхае и Тяньцзинь количество вкладчиков увеличилось на 650 тыс. семей. Прошедший год был также рекордным по числу привлечения крестьян к сберегательному делу. Так, в деревнях пров. Гуандун в 1975 г. число вкладчиков по сравнению с 1965 г. возросло более чем в 4 раза, в деревнях пров. Цинлинь, Хэйлуницзян, Хэнань — более чем в 5 раз²³⁰.

Государственные власти, общественные организации применяли разнообразный арсенал средств, начиная от пропаганды до административного давления, чтобы заставить трудящихся откладывать часть своих семейных доходов на сберкнижки. В последние годы для этого широко использовались политические кампании: «критики Линь Бяо и Конфуция», «изучения теории диктатуры пролетариата», «ограничения буржуазного права» и т. п. На собраниях трудящиеся призывались к строгой экономии, борьбе с раскопительством, ограничению потребления. Отклонение от этих требований расценивалось как «буржуазное разложение». По утверждению китайской пропаганды, сбережения делаются трудящимися благодаря жесткой экономии и подавлению «буржуазного идейного гниения». Большую активность проявляли финансовые работники, которые посещали заводы, цехи, общественные организации с целью привлечения вкладов в сберкассы. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где на

²²⁹ «Жэньминь жибао», 27.I.1976.

²³⁰ Там же.

обширном пространстве мало сберкасс, они объезжали поля, скотоводческие хозяйства, общежития, привлекая к сберегательному делу новых вкладчиков²³¹.

* * *

Слабая обеспеченность трудового народа насущными жизненными средствами, отсутствие видимой перспективы улучшения своего материального положения в будущем явились главными причинами распространения недовольства во всех слоях китайского общества, которое нередко выливалось в открытые выступления и забастовки.

Крестьянство также оказывало сопротивление властям, отказывалось сдавать хлеб, не выполняло планов производства сельскохозяйственных культур. Во всех случаях трудящиеся массы КНР требовали улучшения материальных условий своей жизни.

²³¹ Там же.

ВВЕДЕНИЕ

В 1975 г. руководство КНР по-прежнему прилагало свои усилия, чтобы затормозить процесс разрядки, не допустить проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Оно настойчиво продолжало выступать против идеи коллективной безопасности в Азии.

Дэн Сяо-пин на банкете в честь президента США Дж. Форда 1 декабря 1975 г. заявил, что мир идет к войне, «это не зависит от воли людей»¹.

На протяжении всего 1975 года руководители КНР призывали страны Запада крепить свое военное могущество и военно-политическое сплочение, мотивируя свою позицию мнимой «советской угрозой». В интервью французской газете «Экспресс» заместитель министра иностранных дел КНР Хэ Ин на этом основании рекомендовал европейским странам объединить свои силы и не вступать в разногласия с Соединенными Штатами².

Рекомендации теснее спланироваться с Вашингтоном, устанавливать более «дружественные» отношения с США Пекин неоднократно адресовал и правящим кругам Токио. При этом подобные советы обосновывались тезисом стратегов НАТО, будто безопасность этих стран без военного союза с Соединенными Штатами не может быть надежно обеспечена. По сообщению агентства Рейтер от 14 января 1975 г., заместитель начальника генерального штаба НОАК Ли Да в беседе с западногерманским реваншистом Штраусом сказал, что безопасность Западной Европы, в конечном счете, может гарантировать только американская военная поддержка. 31 октября 1975 г. на пресс-конференции в Пекине канцлер ФРГ Г. Шмидт отметил, что «китайские руководители весьма довольны оборонительным союзом между США и Западной Европой».

Выступая 5 ноября на заседании фракции бундестага от СДПГ по поводу итогов своего визита в Китай и Иран, Г. Шмидт заявил: «Конечно, в ее (китайской.— *Прим. ред.*)

¹ «Жэньминь жибао», 2.XII.1975.

² Цит. по: «Berliner Zeitung», 27.XI.1975.

внешнеполитической концепции самую важную роль на Западе играют Соединенные Штаты Америки, однако также несомненно, что ее особым вниманием пользуется Федеративная Республика Германии».

Китайская печать подчеркивала, что «США должны пересмотреть и урегулировать свою внешнюю политику и стратегические планы, сосредоточить основное внимание и силы главным образом в районах, тесно связанных с интересами США и усилить соперничество с Советским Союзом в этих районах»³. Во время визитов государственного секретаря и затем президента Форда в Пекин в конце 1975 г. китайские лидеры резко критиковали принятую Вашингтоном политику разрядки в отношениях с СССР.

В Пекине, как сообщала шведская газета, даже заговорили о том, что «стоит пойти на риск большой войны, которая стала бы мировым пожаром, с Соединенными Штатами и Китаем на одной стороне и Советским Союзом — на другой»⁴.

7 декабря 1975 г. президент США Дж. Форд в своей речи в Гонолулу заявил: «Руководители всех азиатских стран, которые я посетил (включая КНР.— *Прим. ред.*), говорили со мной на одну тему. Все они выступают за дальнейшее твердое и ответственное американское руководство».

Появление «тихоокеанской доктрины» США в том виде, как она была изложена президентом Дж. Фордом, в значительной мере было связано с открывшимися в 1975 г. перспективами китайско-американского сближения. На пресс-конференции в Пекине 4 декабря Г. Киссинджер сказал: «Мы полагаем, что между Соединенными Штатами и КНР хорошие отношения, и мы уверены в том, что они будут неуклонно улучшаться в ближайшие месяцы и годы».

Прекращение войны в Индокитае устранило одно из крупных препятствий на пути китайско-американского сближения. С весны и до конца 1975 г., т. е. после поражения США в Индокитае, произошло новое резкое ужесточение позиции китайского руководства в отношении социалистических стран. Одновременно столь же резко возрос проамериканизм во внешней политике Пекина. Несомненно, именно вследствие этого сближение между КНР и США стало одним из красугольных камней новой «тихоокеанской доктрины», позволило Вашингтону по-новому оценить так называемый баланс сил в тихоокеанском регионе.

Ни один из шести пунктов этой доктрины, за исключением третьего, касающегося укрепления «новых связей» с КНР,

³ ИБАС, 26.V.1975.

⁴ «Норшенсфламман», 6.XII.1975.

не отражал каких-либо существенных изменений обстановки в районе Тихого океана. Судя по всему, 1975 год дал администрации Форда достаточно веские основания рассматривать позицию КНР в качестве нового важного фактора, формирующего ситуацию в этом районе в направлении, благоприятном для США. Впервые Китай стал фигурировать в официальной внешнеполитической доктрине США в качестве составной части сил, противостоящих Советскому Союзу, социалистическому содружеству в региональном, а по существу и в глобальном масштабе, ибо «тихоокеанская доктрина Форда» исходила из того, что интересы всех великих держав скрещиваются в Азии.

В 1975 г. КНР установила официальные отношения с ЕЭС. В кругах, близких к НАТО, этот шаг был воспринят как попытка использовать «Общий рынок» и через него Североатлантический блок для противодействия разрядке на Европейском континенте.

Китайская сторона упорно требовала включить в текст договора между КНР и Японией пункт о «борьбе против гегемонии», трактуя его в откровенно антисоветском духе. Японская печать прямо указывала, что китайский проект придает договору «военный характер»⁵.

Определенные круги правящей Либерально-демократической партии Японии выступили с критикой позиции руководителей КНР. Им был составлен специальный документ в связи с вопросом о подготовке договора о мире и дружбе между КНР и Японией. В документе говорилось: «Китай с самого начала не пошел ни на какие уступки, настаивая на включении в текст договора статьи о гегемонии... Подобная позиция Китая, которую нельзя не расценивать как великодержавие, гегемонизм, навязывание другим своих позиций, вызывает крайне серьезную озабоченность с точки зрения дружественных отношений между Японией и Китаем»⁶.

1975 год был отмечен также новыми усилиями руководителей КНР, направленными на то, чтобы использовать правые элементы в развивающихся странах для нагнетания антисоветизма. Однако эти устремления не дали результатов в условиях нового подъема борьбы миролюбивых сил земного шара, высоко оценивавших акции Советского Союза, ставящего своей целью укрепление мира между народами.

⁵ «Токио Симбун», 22.IV.1975.

⁶ «Иомнури», 5.XI.1975.

КНР И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ

Как и в предшествующие годы, китайское руководство продолжало активную враждебную деятельность против мирового социалистического содружества, стремилось создать под своей эгидой «единый фронт» для борьбы против сил мира, демократии и социализма.

Антисоциалистическая направленность политики Пекина наиболее концентрированно проявлялась в антисоветизме, в нападках на внутреннюю и внешнюю политику Советского Союза.

Антисоветизм — главное направление внешней политики

Антисоветизм как главное направление внешней политики китайского руководства был закреплён в материалах 1-й сессии ВСНП четвертого созыва, принявшей новую конституцию. Из ее текста исключены принципиальные положения о дружбе и сотрудничестве Китая с СССР и другими социалистическими странами, о борьбе КНР за мир во всем мире и безопасность народов, содержавшиеся в конституции 1954 г. Они подменены установками «готовиться на случай войны», «бороться против гегемонизма сверхдержав» и пр.

Доклад Чжоу Энь-лая на сессии ВСНП изобилует грубыми антисоветскими нападками на миролюбивую внешнюю политику Советского Союза. В нем был вновь подтвержден курс на создание своего рода единого фронта борьбы против «сверхдержав», прежде всего против СССР. «Мы должны объединяться на международной арене со всеми силами, с которыми можно объединиться,— заявил Чжоу Энь-лай,— для борьбы против колониализма, империализма и особенно сверхдержавного гегемонизма»⁷.

В докладе был выдвинут тезис, свидетельствовавший о нежелании китайских лидеров урегулировать отношения с СССР, хотя в докладе содержалась оговорка о том, что «такие споры не должны мешать поддержанию нормальных государственных отношений между двумя странами»⁸. В то же время на сессии было выражено стремление и дальше развивать отношения КНР с США. Как заявил Чжоу Энь-лай, несмотря на существование коренных разногласий, отношения между КНР и Соединенными Штатами за послед-

⁷ «Жэньминь жибао», 21.I.1975.

⁸ Там же.

ние годы значительно улучшились и будут улучшаться дальше.

Документы сессии ВСНП и материалы опубликованные в центральной китайской печати, свидетельствовали об эскалации антисоветизма во внутренней и внешней политике КНР. После сессии в китайской прессе заметно участились клеветнические нападки на КПСС и Советское государство.

Антисоветизм по-прежнему широко использовался в борьбе с внутренними противниками. Им неизменно приклеивали ярлык «национальных предателей», «капитулировавших перед империализмом и советским ревизионистским социал-империализмом»⁹.

Одновременно антисоветские измышления широко использовались для идеологического оправдания антисоциалистического курса внутри страны, социально-экономической политики. Развернутые в 1975 г. кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» и «критики романа „Речные заводи“» непосредственно связывались с пропагандой относительно так называемой «реставрации капитализма» в Советском Союзе¹⁰.

Новый поток антисоветских выпадов в Китае последовал за опубликованием в советской печати решений декабрьского (1975) Пленума ЦК КПСС об успешном выполнении в СССР задач девятой пятилетки и нового программного документа ЦК КПСС к XXV съезду КПСС «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг.» Спекулируя на некоторых трудностях в сельском хозяйстве СССР, вызванных сложными условиями крайне засушливого лета 1975 г., печать КНР, сообщая о трудовых достижениях советского народа, безуспешно пыталась противопоставить им злобные измышления о «серьезных экономических затруднениях», «экономическом кризисе», с которыми якобы столкнулся Советский Союз¹¹.

Пекинская пропаганда усилила нападки на внешнюю политику Советского Союза; особенно много говорилось об «угрозе экспансии» СССР в различных районах мира и о «настоятельной необходимости» усиления борьбы против СССР¹². В связи с 30-й годовщиной Победы над гитлеровским фашизмом печать КНР попыталась принизить и извратить роль советского народа и его Вооруженных Сил в разгроме гитлеровской Германии. Очевидно, рассчитывая посеять в различных, прежде всего социалистических, странах недоверие к Советскому Союзу, пекинская пропаганда выдвину-

⁹ «Жэньминь жибао», 4, 5.IX.1975.

¹⁰ «Жэньминь жибао», 14.IV.1975; 5, 6, 8.V.1975.

¹¹ «Жэньминь жибао», 2, 4.XI.1975.

¹² «Жэньминь жибао», 29.VII, 13.VIII.1975; «Хунци», 1975, № 8.

нула провокационное утверждение о том, что СССР якобы преуменьшает вклад антифашистского сопротивления других народов¹³ для того, чтобы оправдать проведение своей политики¹⁴.

В статье, опубликованной в китайской печати в связи с 30-летием победы над милитаристской Японией, отрицалась решающая роль Советских Вооруженных Сил в разгроме японского милитаризма, утверждалось, что этот разгром был осуществлен народами Китая, Кореи, Индокитая и других стран Азии в ходе их вооруженной борьбы в соответствии с политикой «опоры на собственные силы»¹⁵.

Пекинские лидеры выступили с призывом поставить в центр празднования годовщины победы над гитлеровской Германией и милитаристской Японией так называемую «революционную» борьбу народов мира против «сверхдержав». При этом подчеркивалось, что якобы именно Советский Союз представляет наибольшую опасность для дела мира¹⁶.

Китайская печать продолжала повторять надуманный тезис о существовании так называемой «угрозы агрессии с Севера» и призывала китайский народ к постоянной готовности к войне с СССР. Эта мифическая угроза прямо связывалась с «планами социал-империализма», якобы направленными «на свержение диктатуры пролетариата в КНР»¹⁷, на «подрыв национального сплочения и единства Китая»¹⁸. В связи с этим неизменно пропагандировался тезис о том, что «внешней функцией диктатуры пролетариата является защита от агрессии и подрывной деятельности империализма и социал-империализма»¹⁹.

Пропаганда лозунга подготовки к войне с Советским Союзом приняла особенно широкие масштабы осенью 1975 г. во время празднования 26-й годовщины КНР и 20-й годовщины образования Синьцзян-Уйгурского автономного района. Отчеты о праздновании этих годовщин, о пребывании в Урумчи делегации ЦК КПК, а также выступления китайских лидеров на приемах и массовых митингах в связи с этими датами неизменно содержали призывы «хорошо готовиться к войне против ревизионизма, повышать бдительность, внести еще больший вклад в дело охраны границ родины»²⁰.

¹³ «Жэньминь жибао», 5, 12, 27, 30.IV; 9, 10, 18.V.1975.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 9, 10.V.1975.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 3.IX.1975.

¹⁶ «Жэньминь жибао», 9.V.1975.

¹⁷ «Жэньминь жибао», 2.IV.1975; «Гуанмин жибао», 11.IV.1975; «Хунци», 1975, № 4.

¹⁸ «Гуанмин жибао», 10.V.1975.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 14.IV.1975; «Гуанмин жибао», 31.VII, 1.X.1975.

²⁰ «Жэньминь жибао», 11.X.1975, «Хунци», 1975, № 10.

Для разжигания антисоветизма в китайском народе пекинская пропаганда, как и в прошлые годы, использовала события на о-ве Даманский²¹, а также инцидент с вертолетом, совершившим вынужденную посадку на территории КНР вблизи советско-китайской границы весной 1974 г.²², экипаж которого незаконно задерживался китайскими властями. Лишь 27 декабря 1975 г. в Пекине было объявлено о решении китайских властей освободить экипаж и вернуть вертолет советской стороне. В заявлении, сделанном заместителем министра иностранных дел КНР советскому послу в Пекине, китайские власти вынуждены были признать, что «расследованьем установлена достоверность утверждения советского экипажа о непреднамеренном залете на территорию Китая»²³.

С начала года заметно участились клеветнические нападки на позицию советской стороны в области межгосударственных отношений с Китаем. Печать и радио широко распространяли вымыслы о «подрывных действиях СССР в области советско-китайских экономических отношений», будто бы явившихся причиной «серьезных экономических затруднений», имевших место в Китае в 1960—1961 гг., о так называемом «вмешательстве» Советского Союза во внутренние дела Китая²⁴.

Существенным моментом этой пропагандистской кампании явилась очередная попытка очернить деятельность советских специалистов в Китае. Стремясь умалить огромную помощь Советского Союза, и в частности деятельность советских специалистов в восстановлении и развитии народного хозяйства КНР, и оправдать собственные провалы в решении социально-экономических проблем Китая, китайская печать стала изображать работу советских специалистов как скрытую «злонамеренную деятельность», направленную якобы на «подрыв» народного хозяйства и обороны КНР²⁵. В распространении таких небылиц приняли участие кино и театр. В пьесе «Большой мост над великой рекой», которая повествует о строительстве большого уханьского моста через Янцзы, советская помощь изображалась как сознательная попытка сорвать строительство. Целям извращения роли Советского Союза в создании основ социализма в КНР служили также широко распространявшиеся утверждения, будто со-

²¹ «Жэньминь жибао», 29.I; 5.II; 2.III.1975.

²² «Жэньминь жибао», 3.X.1975.

²³ «Правда», 28.XII.1975.

²⁴ «Жэньминь жибао», 5, 13, I; 8—30.IX.1975; «Гуанмин жибао», 16.II.1975.

²⁵ «Жэньминь жибао», 25, 31.I.1975.

ветская сторона хотела использовать экономическую помощь как «метод контроля и подрыва» в отношении Китая²⁶.

В марте 1975 г. китайские власти впервые после 1960 г. организовали посещение иностранными корреспондентами плотины в ущелье Саньмынься, построенной с помощью СССР. Сопровождавшие корреспондентов китайские представители утверждали, что проект плотины, созданный советскими специалистами, якобы страдал серьезными недостатками. Между тем известно, что единственной причиной преждевременного выхода гидроузла из строя явилось несоблюдение китайской стороной требований этого проекта.

Китайская сторона в течение всего года продолжала проводить линию на преднамеренное ухудшение советско-китайских отношений. Она искусственно поддерживала состояние тупика на переговорах в Пекине по урегулированию пограничных вопросов, отказываясь от принятия конструктивных советских предложений (см. раздел «Пограничная политика руководства КНР»).

Как и в прошлые годы, министерство иностранных дел КНР не разрешило представителям посольства СССР в Китае совершить поездки в связи с 57-й годовщиной Советской Армии и Военно-Морского Флота в города Шэньян, Харбин, Чанчунь, Порт-Артур и Дальний для возложения венков на могилы советских воинов, погибших в боях за освобождение Китая. Позднее, накануне 30-летия Победы над фашизмом такое же запрещение было повторено.

Более того, в пограничном городе Маньчжурия хулиганствующие элементы подвергли осквернению памятник советским воинам, погибшим при выполнении своего интернационального долга в деле освобождения Китая. Эти акты совершались при явном попустительстве местных китайских властей на глазах у жителей города и советских представителей, которые по случаю годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота возлагали венок к памятнику.

В связи с надругательством над памятью погибших воинов Министерство иностранных дел СССР заявило протест посольству КНР в Москве. В заявлении МИД СССР осуждалось кощунственное отношение отдельных китайских граждан к тому, что дорого для народов Советского Союза и Китая и что является символом их совместной борьбы против империалистических агрессоров²⁷.

Китайские власти ответили грубым отказом на просьбу Советского комитета ветеранов войны принять в КНР делегацию участников освобождения Северо-Восточного Китая

²⁶ «Жэньминь жибао», 8.III.1975.

²⁷ «Правда», 4.IV.1975.

для возложения венков на могилы советских граждан, погибших на китайской земле²⁸. Свой отказ китайское руководство использовало как новый повод для организации анти-советской шумихи.

Китайская сторона по-прежнему препятствовала реализации целого ряда соглашений, предусматривающих сотрудничество Советского Союза и Китая по межгосударственной линии. Как и в предыдущие годы, в результате негативной позиции китайских властей не были подписаны протоколы о развитии культурного и научно-технического сотрудничества между СССР и КНР. Китайская сторона сорвала созыв очередного совещания Смешанной комиссии по судоходству на пограничных участках рек Амурского бассейна.

По вине Пекина без каких-либо причин были затянuty переговоры о подписании межправительственного торгового соглашения на 1975 г., вследствие чего соглашение было подписано только 24 июля, даже на два месяца позже, чем в 1974 г.²⁹, а объем советско-китайской торговли сократился по сравнению с уровнем предыдущих лет.

КНР и страны социализма

В 1975 г. проводилась враждебная политика не только в отношении СССР, но и других социалистических государств, мирового социалистического содружества в целом. Усилия Пекина направлялись на то, чтобы подорвать идеологические основы единства мировой социалистической системы, политические и экономические связи социалистических стран, отколоть отдельные государства от социалистического содружества.

Этим целям Пекина служила выдвнутая им еще в 1974 г. версия, будто «социалистический лагерь перестал существовать из-за появления социал-империализма». В соответствии с этой версией в Пекине отказывались применять к большинству социалистических стран название «социалистическая». Хотя в новой конституции КНР заявлено о необходимости «укреплять сплоченность с социалистическими странами», однако умышленно не сказано, о каких конкретно странах идет речь. Печать КНР относила к социалистическим странам лишь НРА, ДРВ, КНДР и СРР. С этими странами руководство КНР поддерживало отношения по государственной и партийной линиям, развивало торгово-экономические, на-

²⁸ «Красная Звезда», 5.IX.1975.

²⁹ «Правда», 25.VII.1975.

учно-технические и культурные связи, вело оживленный обмен различными делегациями. Печать КНР постоянно давала понять, что отношения с вышеназванными странами строятся на некоей общности интересов «развивающихся социалистических государств», якобы стоящих вне мировой социалистической системы.

Китайская пропаганда продолжала замалчивать братские связи названных стран с Советским Союзом, а информацию о политических и экономических отношениях других социалистических государств с СССР сопровождала выпадами против Советского Союза, социалистического содружества.

КНР поддерживала более или менее активные связи по государственной линии с СФРЮ как с неприсоединившейся страной, которую, судя по материалам китайской печати, в Пекине также не считают социалистическим государством.

Стремление выделить некоторые социалистические страны особенно четко проявлялось в «дифференцированном подходе» к торговле КНР с социалистическими государствами, объем которой, по данным советской и зарубежной печати, в 1975 г. по сравнению с 1960 г. характеризовался следующими цифрами (в млн. руб.):

	1960 г.	1975 г.		1960 г.	1975 г.
НРА	8	186	МНР	23	4
НРБ	16	21	ПНР	87	76
ВНР	65	62	СРР	51	324
ГДР	177	137	СССР	1498	200
ДРВ	36	20	ЧССР	182	89
КНДР	109	176	СФРЮ	1	22
Куба	200 (1965 г.)	152			

«Дифференцированный подход» к отдельным социалистическим странам в области торгово-экономических отношений направлен на противопоставление одних стран другим, и в первую очередь Советскому Союзу, национальным, специфическим целям — общим, интернациональным целям мирового социализма.

Враждебность интересам социалистического содружества проявилась в грубых нападках китайской печати на коллективные организации социалистических государств — Совет Экономической Взаимопомощи и Организацию Варшавского Договора. За первые 11 месяцев 1975 г. только «Жэньминь жибао» опубликовала свыше 20 статей, в которых извращала сущность экономических отношений между странами — членами СЭВ, т. е. принципы равноправия, взаимной заинтересованности, взаимной выгоды, товарищеской взаимопомощи, являющиеся основами сотрудничества в СЭВ.

В упомянутых статьях с помощью спекуляций понятия «национальный суверенитет», «социалистический интернационализм» подменялись махровым национализмом. Особенно настойчиво нападкам подвергалась Комплексная программа социалистической экономической интеграции в рамках СЭВ, являющаяся генеральным планом развития экономического сотрудничества братских стран. Извращался сам процесс экономической интеграции, который в решающей мере определяет дальнейшее формирование межгосударственных отношений нового типа и представляет собой, как указывал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в речи на VIII съезде СЕПГ в июне 1971 г., «одно из центральных звеньев в развитии мирового социализма»³⁰.

В борьбе против экономической интеграции социалистических стран китайская печать выдвинула ложный тезис о том, что отношения в рамках СЭВ якобы сдерживают развитие экономических (прежде всего торговых) связей стран СЭВ с Китаем и капиталистическими государствами Запада. Этот тезис имел целью вызвать сомнения в объективной необходимости преимущественного развития взаимных экономических связей для стран социалистической системы, подорвать взаимовыгодное сотрудничество в социалистическом содружестве и тем самым ослабить экономическую основу единства членов СЭВ.

Развернутая в Китае кампания, направленная на дискредитацию целей и принципов Совета Экономической Взаимопомощи, велась в одном русле с западной империалистической пропагандой и, по существу, смыкалась с ней. Тезисы и аргументация китайских руководителей постоянно использовались Западом для подрывной пропаганды, обращенной на социалистические страны.

В китайской печати продолжалась кампания нападков на Варшавский Договор, являющийся сугубо оборонительным союзом социалистических стран. Тон этой кампании был задан опубликованной в конце 1974 г. газетой «Жэньминь жибао» статьей под заголовком, явно заимствованным из арсенала буржуазной антикоммунистической пропаганды, что определяло и ее целевую установку: попытаться опорочить миролюбивую политику стран социалистического содружества, входящих в Организацию Варшавского Договора, запугать западные страны «советской угрозой»³¹. В статье утверждалось, будто Варшавский Договор является «инструментом для создания угрозы Западной Европе, осуществления экс-

³⁰ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. — Речи и статьи, М., 1973, с. 388.

³¹ «Жэньминь жибао», 24.XII.1974.

пансии», содержались призывы к «совместной борьбе стран Западной Европы» против государств — участников Варшавского Договора.

Нападки Пекина на Варшавский Договор дополнились новыми несобоснованными утверждениями об «угрозе» со стороны последнего Южной Европе, странам Средиземного моря, о «вмешательстве» во внутренние дела Португалии и Испании. Одновременно руководители КНР высказывали взгляды, которые даже западными политическими обозревателями были расценены как призыв к усилению империалистической военно-политической группировки НАТО³².

Усплилось сближение пекинских лидеров с представителями реваншистских кругов Западной Германии типа Штрауса для враждебных акций против ГДР. В Пекине поддерживали неофашистские, реакционные лозунги о «единой германской нации», которые направлены на осуществление захватнических притязаний империализма в отношении ГДР. Лидеры КНР, по существу, оказались в одном лагере с теми, кто стремился помешать международно-правовой нормализации отношений между ГДР и ФРГ. Свидетельством враждебности Пекина к ГДР явилась публикация в «Жэньминь жибао» комментария, в котором была предпринята попытка всячески оклеветать и фальсифицировать существо и целенаправленность Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между ГДР и СССР, подписанного в Москве 7 октября 1975 г.³³ Министр иностранных дел ГДР О. Фишер заявил послу КНР в Берлине, что эта и другие публикации подобного рода должны расцениваться как противоречащее международному праву вмешательство во внутренние дела суверенной социалистической ГДР³⁴.

В связи с визитом в КНР федерального канцлера ФРГ Г. Шмидта «Жэньминь жибао» выступила со статьей, в которой вновь игнорировался факт существования Германской Демократической Республики как суверенного социалистического немецкого государства; в статье содержались призывы к усилению борьбы против ГДР и других стран социалистического содружества³⁵.

Маоистское руководство КНР неоднократно делало лицемерные заявления о стремлении развивать межгосударственные отношения с Болгарией. Однако подобные заявления представляли собой лишь попытки ослабить связи НРБ с Советским Союзом и другими братскими странами. Эти цели

³² См. «Правда», 4.XI.1975.

³³ «Жэньминь жибао», 27.X.1975.

³⁴ «News Deutschland», 29.X.1975.

³⁵ «Жэньминь жибао», 29.X.1975.

Пекина в отношении НРБ четко прослеживались, когда китайская печать искаженно изображала положение Болгарии в социалистическом содружестве, дискредитировала ее внутреннюю и внешнюю политику, в частности ее миролюбивую позицию на Балканах и в Европе³⁶. Подобный курс китайского руководства был расценен в совместном болгаро-чехословацком коммюнике о встрече глав правительств НРБ и ЧССР как наносящий «огромный вред интересам мирового социализма, международного коммунистического и рабочего движения»³⁷.

Общественность Польской Народной Республики неоднократно отмечала, что политика Пекина в Европе, враждебная всему социалистическому содружеству, направлена и против Польши, что она коренным образом противоречит жизненным национальным интересам польского народа. Линия Пекина своим острием нацелена на подрыв фундаментальных принципов существования польского государства: союза и дружбы с СССР, единства всего социалистического содружества³⁸. Китайское руководство ставило под сомнение послевоенные границы польского государства, поддерживало западногерманских реваншистов, которые считали эти границы временными и выступали за их пересмотр. В Пекине поддерживали подрывную деятельность польского эмигранта Казимира Мияло, объявившего себя лидером некой подпольной «компартии» Польши. Он более двух месяцев находился в Китае, разъезжал по стране, встречался с Ван Хунвэнем, Яо Вэнь-юанем и другими лицами из руководства КНР³⁹.

Польская печать отмечала, что клеветнические измышления китайской прессы относительно социалистического содружества активно использовались западными подрывными антикоммунистическими центрами для радиопередач на Польшу и другие европейские социалистические страны.

В связи с 30-летием освобождения Венгрии китайская печать в материалах, посвященных этой дате, отрицала роль Советской Армии в освобождении Венгрии от фашизма и даже представляла дело таким образом, будто вообще никакого освобождения не было⁴⁰. Венгерская общественность, давая отповедь этим измышлениям, обратила внимание на искажение китайской печатью исторической правды, на ее недостойные приемы, попытки использовать ложные исторические параллели и антисоветские националистические вы-

³⁶ См. «Ново время», 1975, № 11, с. 87—88.

³⁷ «Руде право», 18.IX.1975.

³⁸ «Нове дроги», 1975, № 7, с. 155.

³⁹ «Жэньминь жибао», 3, 6.III.1975.

⁴⁰ См. «Жэньминь жибао», 4.IV.1975.

пады с целью внести разлад в советско-венгерские отношения, ослабить единство социалистического содружества⁴¹.

Антисоциалистическая политика Пекина тормозила развитие венгеро-китайских отношений. «Не наша вина,— заявил Я. Кадар в Отчетном докладе ЦК ВСРП XI съезду партии,— что наши стремления к развитию связей не нашли благоприятного отклика со стороны руководителей Китайской Народной Республики»⁴². Венгерская печать подчеркивала, что Пекин проводит политику, которая играет на руку врагам прогрессивных и революционных сил⁴³.

Венгерская социалистическая рабочая партия и правительство ВНР искренне стремились к развитию отношений с КНР на взаимовыгодных условиях. В телеграмме председателя Совета Министров ВНР Д. Лазара премьеру Госсвета КНР Чжоу Энь-лаю по поводу 26-й годовщины образования КНР говорилось: «Я желаю, чтобы отношения между нашими странами развивались в соответствии с интересами наших народов, на благо дела социализма и мира»⁴⁴. В ВНР решительно осуждалась антисоциалистическая политика Пекина. В принятой на XI съезде ВСРП резолюции порицалась система взглядов и политическая практика китайских руководителей, которые искажают истинное содержание и цели международной классовой борьбы, направлены на подрыв единства социалистического содружества, международного коммунистического и рабочего движения, антиимпериалистических сил»⁴⁵.

Печать Чехословацкой Социалистической Республики также неоднократно констатировала, что политика Пекина враждебна национальным интересам чехословацкого народа⁴⁶. В связи с этим чехословацкая печать указывала на настоятельную необходимость решительного разоблачения антисоветизма, служащего прикрытием всех антисоциалистических акций Пекина. Враждебная социализму политика Пекина была осуждена на встрече представителей КПЧ с делегацией Компартии Индии в октябре 1975 г.⁴⁷

Негативный характер носила политика китайского руководства в отношении Монгольской Народной Республики. Пекин продолжал посягать на территориальную целостность МНР, грубо клеветал на дружбу и сотрудничество монгольского народа с народами Советского Союза и других социа-

⁴¹ «Неспабашаг», 13.IV.1975.

⁴² «Правда», 17.III.1975.

⁴³ «Неспабашаг», 30.X.1975.

⁴⁴ «Жэньминь жибао», 6.X.1975.

⁴⁵ «Неспабашаг», 26.III.1975.

⁴⁶ «Руде право», 1.X.1975.

⁴⁷ «Руде право», 20.X.1975.

листических стран, не оставляя попыток дискредитировать социально-экономическое и политическое развитие МНР. Эта политика китайских лидеров являлась причиной невыполнения монголо-китайского договора 1960 г., наносила ущерб государственным отношениям двух стран, вела к тому, что отношения между ними продолжали ухудшаться⁴⁸.

В совместном монголо-польском коммюнике об итогах визита в МНР члена Политбюро ЦК ПОРП, председателя Государственного совета ПНР Г. Яблонского (июль 1975 г.) политика Пекина была осуждена как противоречащая принципам марксизма-ленинизма и интересам всех стран социализма⁴⁹. Ю. Цеденбал в докладе на торжественном собрании в Улан-Баторе, посвященном 30-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне, подчеркнул, что борьба против этой политики представляет собой составную часть борьбы против империализма, за укрепление единства социалистических стран, за торжество дела мира и безопасности народов⁵⁰.

Внешнеполитический курс Пекина вступает в глубокое противоречие и с интересами тех социалистических стран, к которым лидеры КНР внешне демонстрируют подчеркнуто «дружественное» отношение, в частности ДРВ.

Деятельность китайского руководства характеризовалась попытками помешать дальнейшему укреплению политических и экономических связей Вьетнама с Советским Союзом и другими социалистическими странами, имеющих исключительно важное значение для укрепления международного положения ДРВ и РЮВ, восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства страны.

Первый секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан в речи на приеме в Москве 28 октября 1975 г. подчеркивал: «Как в войнах сопротивления против иноземных захватчиков, так и в ходе строительства социализма в ДРВ советский народ неизменно стоял бок о бок с народом Вьетнама, являясь его бесконечно близким другом, который переносил с ним все трудности, делил все горести и радости... Вьетнамский народ убежден, что и на нынешнем этапе он по-прежнему встретит симпатию, поддержку и братское сотрудничество со стороны Советского Союза, что неоднократно подчеркивали товарищи Л. И. Брежнев и другие руководители Коммунистической партии и Советского государства»⁵¹.

В момент, когда вьетнамский народ решал сложную проблему воссоединения страны, создания единого, независи-

⁴⁸ «Унэн», 31.V.1975.

⁴⁹ «Трибуна люду», 7.VII.1975.

⁵⁰ «Правда», 7.V.1975.

⁵¹ «Правда», 29.X.1975.

мого, самостоятельного, процветающего Вьетнама, стабилизации и укрепления народной власти на всей территории, руководство КНР выступило с территориальными претензиями к Вьетнаму. Так, в статье, опубликованной в «Гуанмин жибао» 24 ноября и перепечатанной в «Жэньминь жибао» 25 ноября, 200 с лишним островов, рифов и отмелей, входящих в основные островные группы Южно-Китайского моря, были объявлены «территорией Китая». В число этих островов включены и о-ва Спратли (по-вьетнамски Чыонгша), которые в апреле 1975 г. были освобождены частями Народных вооруженных сил Республики Южный Вьетнам.

* * *

Факты свидетельствуют о том, что в 1975 г. руководство КНР направляло главный удар против социалистического содружества. Оно пыталось прежде всего подорвать отношения социалистических стран с Советским Союзом, разобщить их, отколоть отдельные страны от мировой социалистической системы, побудить некоторые из них, по меньшей мере, занять «нейтральную» позицию по отношению к своей враждебной деятельности против мирового социализма.

Как справедливо подчеркивалось в печати социалистических стран, эскалация китайского антисоветизма, попытки представить общественный строй в Советском Союзе и других социалистических странах деформированным, а также враждебная кампания в отношении коллективных организаций социалистического содружества, в первую очередь против СЭВ и Варшавского Договора,— все это представляло собой реакцию на успешное развитие мирового социализма, на процесс дальнейшего укрепления единства революционных сил в мире⁵².

Однако все усилия китайской пропаганды в этом направлении терпели крах. Прошедший год характеризовался дальнейшим укреплением и ростом социализма в братских странах, усилением единства социалистического содружества, которое «представляет собой братскую семью народов, руководимых марксистско-ленинскими партиями, спаянных общим мировоззрением, общими высокими целями, отношениями товарищеской солидарности и взаимной поддержки»⁵³.

Крепнущее единство содружества социалистических стран было подтверждено на встрече руководителей коммунистических партий социалистических стран в Варшаве. В сооб-

⁵² См. «Правда», 13.XII.1975.

⁵³ Из речи тов. Л. И. Брежнев на VII съезде Польской объединенной рабочей партии («Правда», 10.XII.1975).

щении об этой встрече указывалось: «В ходе встречи единодушно подчеркивалась важность неуклонного расширения взаимодействия братских партий, укрепления связей между социалистическими странами во всех областях их созидательной деятельности»⁵⁴.

КНР И РАЗВИТЫЕ СТРАНЫ КАПИТАЛИЗМА

Став на путь оголтелого антисоветизма и антисоциализма, Пекин взял курс на преимущественное развитие связей со странами капиталистического мира, на сближение с империалистическим лагерем. Посредством этих связей пекинское руководство рассчитывало преодолеть изоляцию, в которой оказался Китай после «культурной революции», повысить международный статус КНР, подтолкнуть капиталистические державы к усилению давления на СССР и одновременно получить от них промышленное оборудование и научно-техническое содействие для усиления индустриальной базы и военного потенциала КНР. Главное в политике маоистов — противодействовать росту международного влияния СССР и его союзников, сорвать реализацию Программы Мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС. Пекинское руководство восприняло Программу Мира как серьезнейшую угрозу своим великодержавно-гегемонистским планам разжигания международных конфликтов во имя возвышения Китая.

Переориентация внешнеполитического курса Пекина привела к заметным сдвигам в отношениях капиталистических стран с КНР. Рассматривая политику китайского руководства как фактор подрыва мировой социалистической системы и предотвращения восстановления союза между СССР и Китаем, капиталистические державы пересмотрели свое отношение к КНР, согласились на допуск ее в ООН, пошли на установление с ней широких политических контактов и торгово-экономических связей. В свою очередь, КНР переключила около 80% своей внешней торговли на капиталистические страны за счет свертывания торговли со странами социалистического содружества. Ради сближения с капиталистическими державами Пекин приглушил противоречия и спорные вопросы между КНР и рядом стран империалистического лагеря, начал открыто выступать в поддержку капиталистической интеграции, НАТО и других военно-политических группировок, поощрять гонку вооружений в западных странах, натравливать их на Советский Союз.

⁵⁴ «Правда», 10.XII.1975.

Характер налаживаемых в последние годы связей между КНР и капиталистическими странами подтверждает, что усилия Пекина предпринимались не в целях обычной нормализации межгосударственных отношений, отвечающей интересам мирного сосуществования, а для разжигания напряженности в мире, подталкивания империализма к конфронтации с мировым социализмом.

На практике пекинская дипломатия в поисках надежной опоры в капиталистическом мире вынуждена балансировать между тремя центрами сил этого мира — США, Японией и странами Европейского экономического сообщества (ЕЭС), которые, при всей общности их империалистических интересов, разнятся между собой в подходе к отношениям с Китаем. Пекин стремится использовать противоречия между различными капиталистическими странами, возбудить у них соперничество в вопросах развития связей с КНР. Так, налаживание контактов с США помогло Пекину достигнуть соглашения об установлении дипломатических отношений с Японией, а это, в свою очередь, использовалось для давления на США с целью склонить их к «нормализации» отношений на условиях китайской стороны; для нажима как на Японию, так и США, особенно в области торгово-экономических связей, использовалось сотрудничество со странами ЕЭС.

Отношения КНР с США

Китайское руководство приложило особые усилия для улучшения отношений с Соединенными Штатами как крупнейшей и наиболее влиятельной державой империалистического лагеря. Правящие круги США пошли навстречу Пекину, преследуя цель стимулировать его антисоциалистический курс, использовать его для укрепления собственных позиций в Восточной Азии.

Кульминационным моментом взаимного сближения, подготовленного в результате продолжительных конфиденциальных контактов, был визит президента США в КНР в феврале 1972 г. Он завершился подписанием так называемого Шанхайского коммюнике, которое является пока единственным формальным актом, определяющим китайско-американские отношения на данном этапе. В коммюнике была зафиксирована договоренность об установлении и развитии торгово-экономических, научных, технических, культурных и других связей между Китаем и США, а также о поддержании постоянных дипломатических контактов.

В последние годы, однако, в связи с улучшением советско-американских отношений и поворотом политики США в сто-

рону разрядки международной напряженности пекинское руководство стало сдерживать процесс урегулирования китайско-американских отношений. Охлаждение в отношениях отмечалось, в частности, и в 1975 г. Тем не менее правительство КНР проявило инициативу в проведении новой встречи на высоком уровне, направив президенту США Дж. Форду приглашение посетить Китай.

В правительственных кругах США вплоть до самого визита, состоявшегося с 1 по 4 декабря, имели место разногласия по вопросу о своевременности поездки президента в Пекин. Судя по сообщениям американской прессы, Дж. Форд не без колебаний принял решение о поездке, поскольку в условиях обострения внутривнутриполитической борьбы в КНР и разногласий в китайском правительстве трудно было рассчитывать на успех переговоров и дальнейшее сближение КНР с США. Все же, как отмечала газета «Нью-Йорк таймс», Форд решил, что он должен постараться сохранить то, что осталось от отношений между Пекином и Вашингтоном и вытекающих отсюда средств воздействия на Советский Союз. Иными словами, президент США, предпринимая этот визит, имел в виду предотвратить дальнейший спад активности в китайско-американских отношениях, оживить их и оказать тем самым влияние на будущую политику Пекина. Обращало на себя внимание, что накануне визита Форд и Киссинджер, стремясь создать соответствующую атмосферу для переговоров с китайским руководством, выступили с рядом заявлений, в которых обвиняли Советский Союз в якобы допущенных им нарушениях соглашений о разрядке напряженности и даже во вмешательстве в дела различных стран.

Китайская сторона также придавала большое значение визиту, рассчитывая использовать его для противодействия разрядке напряженности и усилению внешнеполитических позиций Пекина. Она, видимо, опасалась срыва визита. Как утверждали американские обозреватели, Дэн Сяопин, выражая желание встретиться с Дж. Фордом, заявил даже о готовности отложить рассмотрение тайваньского вопроса. Правительство КНР приняло в сентябре решение освободить из заключения всех задержанных с 1962 по 1965 г. американских и чанкайшистских агентов и членов экипажей судов, на которых они были брошены в Китай (144 человека). Пекин приложил усилия и к некоторой активизации китайско-американских обменов в области общественных, культурных и научно-технических связей накануне визита президента США. Чтобы добиться благоприятных для себя результатов этого визита, китайское руководство предприняло попытку оказать давление на США во время предварительных переговоров с государственным секретарем Г. Киссинджером,

посетившим Пекин в октябре 1975 г. Оно выступило фактически с осуждением политики улучшения советско-американских отношений, предупреждая о ее отрицательном влиянии на развитие сотрудничества между КНР и США. Киссинджер, указывавший на отсутствие альтернативы в такой политике, во время этого визита даже не был принят Мао Цзэ-дуном.

Во время переговоров с Фордом китайское руководство отчетливо обнажило свое стремление толкнуть США к обострению отношений с СССР, торпедировать разрядку напряженности. Дэн Сяо-пин при первой же встрече с президентом призвал его «покончить с иллюзиями о мире» и готовиться к войне. Такая позиция преподносилась китайским руководством как надежная основа китайско-американского сотрудничества на международной арене.

В результате переговоров Форд констатировал: «Мы нашли общую почву. У нас имеются очень важные области общего беспокойства и общего согласия». В тихоокеанской доктрине, провозглашенной Фордом по пути из КНР и как бы подводящей итоги переговоров, по существу впервые официально подчеркивалась роль Китая в качестве одного из факторов империалистической стратегии «равновесия сил» на Тихом океане.

Президент вновь подтвердил намерение администрации США «довести до конца нормализацию отношений с Китайской Народной Республикой на основе Шанхайского коммюнике». Позже помощник государственного секретаря пояснил, что после событий во Вьетнаме, вызвавших тревогу как в Вашингтоне, так и Пекине, США пришли к выводу, что им следует попытаться вовлечь КНР в «новую структуру мира в Азии». Как следовало из декларированной Фордом тихоокеанской доктрины, эта «структура мира» по-прежнему основывалась на «гибкой и сбалансированной позиции силы», присутствии «американской мощи» и вмешательстве США в дела азиатских стран, т. е. на той самой гегемонии, которая демагогически «осуждалась» совместно Пекином и Вашингтоном. Политика Китая ставилась на службу указанной гегемонистской доктрины, вызывавшей осуждение у всех миролюбивых стран района, которые не желают дальнейшего присутствия здесь вооруженных сил США.

В интересах сближения КНР с США Пекин в корне изменил свою позицию по большинству важных международных проблем, причем в сторону фактической поддержки именно тех моментов политики США и их союзников, которые имеют откровенно империалистический характер и как таковые подвергались в недавнем прошлом справедливому осуждению в Китае. Так, пекинское руководство открыто выска-

зывалось за сохранение военного присутствия США и в Европе, и в Азии. Оно обеспокоено уходом США из Южного Вьетнама, ослаблением американских позиций в Юго-Восточной Азии и стремлением Таиланда, Филиппин и других стран этого района избавиться от американских военных баз. Как отмечала американская печать, у членов различных делегаций, побывавших в Китае, сложилось впечатление, что Пекин не только оправдывает военное присутствие США в районе Тихого океана, но и приветствует его в качестве противовеса Советскому Союзу⁵⁵. Аналогичное заключение высказал и министр обороны США⁵⁶. «США должны опасаться советского экспансионизма», — поучал Дэн Сяо-пин, беседуя с делегацией американских редакторов летом 1975 г.⁵⁷.

В том же плане подверглась пересмотру позиция Пекина в отношении американо-японского военного договора, против которого многие годы выступала КНР наряду с другими социалистическими странами, а также японская демократическая общественность. Министр иностранных дел КНР заявил японским представителям, что их страна находится «под защитой американского ядерного зонтика» и поэтому, дескать, нереально, чтобы сейчас американо-японский договор был аннулирован.

С еще большей готовностью Пекин поддерживал линию США на активное вмешательство в дела Европы, где китайские и американские интересы непосредственно не сталкивались. Он рассчитывал, что смещение центра тяжести американской политики из Азии в Европу откроет Китаю более широкие возможности для установления своей гегемонии в азиатском регионе.

Подхватывая провокационные измышления натовских кругов насчет угрозы Западной Европе со стороны государств Варшавского Договора, пекинские лидеры в беседах с иностранными представителями высказывались в том смысле, что «для Европы было бы благоразумным держаться за американский ядерный щит». В беседах с американским сенатором Г. Джексонем китайские лидеры заявили, что «обеспокоены слабостью Европы и считают необходимым большее единство между западными союзниками». Как сообщил Джексон, они «стоят за сильную Организацию Североатлантического договора и не одобряют какой-либо немедленный вывод американских войск из Европы»⁵⁸.

По заключению американских наблюдателей, «китайские руководители являются более восторженными сторонниками

⁵⁵ «Congressional Record», 27.IX.1975.

⁵⁶ «U.S. News and World Report», May, 1975.

⁵⁷ «Christian Science Monitor», 9.VII.1975.

⁵⁸ «Congressional Record», 13.VIII.1974.

укрепления НАТО, чем многие руководящие деятели Североатлантического блока»⁵⁹.

На поводу у империалистических кругов Пекин оказался и в таких вопросах, как пресечение гонки вооружений, предотвращение ядерной войны, завершение ликвидации колониальной системы. Так, КНР вместе с США блокировала подготовку Всемирной конференции по разоружению, за созов которой вновь высказалась XXX сессия Генеральной Ассамблеи ООН осенью 1975 г. КНР проголосовала в ООН против прекращения ядерных и термоядерных испытаний, а также против советского предложения о сокращении на 10% военных бюджетов государств — постоянных членов Совета Безопасности.

По сути дела, интересам США отвечает позиция Пекина по вопросам, связанным с кризисом на Ближнем Востоке, а также с положением в Португалии. Пекин фактически сотрудничал с Вашингтоном в организации вооруженного вмешательства в дела Анголы, оказывая военную поддержку противникам ее законного правительства.

Пекин свернул идеологическую борьбу против американского империализма. Если в программных документах IX съезда КПК (апрель 1969 г.) американский империализм характеризовался как «злейший враг народов всего мира», которого в первую очередь предстояло «разгромить» и «похоронить», то в документах X съезда (август 1973 г.) и последней сессии Всекитайского собрания народных представителей (январь 1975 г.) подобные тезисы были полностью опущены и США рассматривались, по существу, уже в качестве второстепенного противника, с которым не только возможны, но и необходимы «компромиссы», облегчающие борьбу с «главным противником» (таковым маоисты называли Советский Союз).

Все это создавало определенные предпосылки для сближения между Китаем и США. Тем не менее показательно, что переговоры по вопросам двусторонних отношений во время визита Дж. Форда не дали существенных результатов, и стороны были вынуждены отказаться от подписания какого-либо коммюнике. «Мы даже не пытались выработать текст коммюнике, — отметил позже Г. Киссинджер. — Этого просто не позволила сама ситуация».

Как можно заключить, полной нормализации отношений мешали существующие между сторонами противоречия и спорные вопросы. Руководство КНР никогда не скрывало, что видело главную задачу сближения с Вашингтоном в том,

⁵⁹ «Международная жизнь», 1975, № 12, с. 61.

чтобы не допустить улучшения советско-американских отношений, ведущего к разрядке международной напряженности. Оно не без оснований рассматривало разрядку как провал собственной политики нагнетания трений между другими государствами и провоцирования большой войны. Правящие круги США, однако, вынуждены были учитывать реальное соотношение сил в мире. Завязывая отношения с Китаем, они в то же время не могли не придавать значения развитию нормальных отношений и взаимовыгодного сотрудничества с Советским Союзом.

Сохранялись и китайско-американские противоречия по вопросу о Тайване. Нынешние руководители КНР были готовы не добиваться его решения, если бы преуспели в главном — срыве разрядки. Но коль скоро этого не получилось, они продолжают оказывать нажим на США, используя тайваньский вопрос. В прессе появились сведения, что во время переговоров с Дж. Фордом китайская сторона старалась склонить его к решению этого вопроса по формуле, заложенной в соглашении между КНР и Японией о нормализации отношений, т. е. на условиях разрыва дипломатических отношений с Тайванем и расторжения официальных соглашений с ним. Соединенные Штаты Америки, однако, не пошли на такое решение. Они считали, что лишить себя контроля над Тайванем, играющим столь важную роль в военно-стратегическом плане, — это слишком дорогая цена за формальную нормализацию отношений с КНР. К тому же непрекращающаяся в Китае внутривнутриполитическая борьба лишала американцев уверенности в стабильности режима и, следовательно, в ценности долговременных соглашений с ним.

В результате китайские лидеры, согласившиеся на установление дипломатических отношений с Соединенными Штатами путем обмена межправительственными «группами связи», вынуждены, по существу, сползть на позиции признания концепции «двух Китаев», поскольку они мирятся с пребыванием в Вашингтоне одновременно и посольства Тайваня, и представительства КНР. А Соединенные Штаты не только по-прежнему сохраняют в силе свои обязательства оборонять Тайвань, но и развивают с ним широкие торгово-экономические связи, далеко превосходящие по своему объему такие связи между КНР и США.

За последние годы заметно увеличились размеры инвестиций американского капитала в тайваньскую экономику. Обещанный в Шанхайском коммюнике 1972 г. вывод американских войск с Тайваня задерживается. Вице-президент Н. Рокфеллер, возглавлявший американскую делегацию на похоронах Чан Кай-ши в апреле 1975 г., заверил тайбэйские

власти, что «отношения между США и Тайванем будут по-прежнему дружественными».

Имелись реальные признаки того, что в 1975 г. США усилились настроя в пользу сохранения тесных связей с Тайванем. Об этом свидетельствовала, в частности, резолюция, которая была внесена в конгресс большим числом членов палаты представителей накануне визита президента Дж. Форда в Пекин. Как указывалось в резолюции, «настроение конгресса сводится к тому, что правительство Соединенных Штатов в процессе ослабления напряженности с Китайской Народной Республикой не должно делать ничего такого, что могло бы поставить под угрозу свободу нашего друга и союзника — Китайской Республики» (т. е. тайваньского режима). Это, несомненно, сужало возможности маневрирования администрации Форда в отношениях с Пекином, особенно если учесть то влияние, которое оказывали на правительственную политику предстоящие президентские выборы.

Развитие двусторонних отношений затруднялось и тем, что как в КНР, так и в США курс на сближение встречал противодействие оппозиционных сил, которые активизируются по мере того, как выявляются слабые стороны и просчеты этого курса.

Все это отразилось на общей картине связей между КНР и США. Объем двусторонней торговли, выросший с 5 млн. долл. в 1971 г. до 935 млн. долл. в 1974 г., за последний год снова значительно уменьшился в связи с сокращением закупок Китаем американской пшеницы. Сократился и обмен всякого рода делегациями, хотя с американской стороны наблюдалось стремление расширить его.

В 1975 г. Китай посетили четыре делегации американских конгрессменов, они были приняты высокопоставленными пекинскими деятелями, которые, учитывая возросшую роль американского конгресса в принятии решений по вопросам внешней политики, стремились использовать встречи с конгрессменами для оказания воздействия на политику администрации США в отношении КНР. В августе в КНР побывала группа экономистов, социологов и инженеров Американской Академии наук. Это были первые специалисты из США, которым было разрешено ознакомиться с китайской промышленностью. Представители различных американских фирм приняли участие в весенней и осенней ярмарках в Гуанчжоу.

Со своей стороны, КНР направила в США осенью делегацию Комитета содействия развитию международной торговли. В ее задачу входило изучение различных аспектов торговли и промышленности США, а также зондирование возможностей предоставления КНР Соединенными Штатами ре-

жима наибольшего благоприятствования. С декабря 1974 г. по сентябрь 1975 г. в США экспонировалась китайская выставка архитектурных памятников.

В целом китайско-американские связи с 1975 г. не получили значительного развития, поскольку стороны не смогли добиться полной нормализации взаимных отношений. Как показала практика, сближение между Пекином и Вашингтоном оказалось сложным процессом, подверженным неустойчивости и кризисным спадам.

КНР и Япония

Чрезвычайной активностью характеризовалась политика китайского руководства в отношении Японии, которая оставалась ведущим торговым партнером Китая (четверть всего внешнеторгового оборота КНР). Развивались научно-технические связи, возросло число китайских студентов, обучающихся в Японии. Расширился туризм: в 1975 г. число японцев, побывавших в Китае, приблизилось к 30 тыс. против 15 тыс. в 1974 г.

В августе 1975 г. после длительных и трудных переговоров между КНР и Японией было подписано давно планировавшееся межправительственное соглашение по вопросам рыболовства. Одновременно между министром иностранных дел Китая Цяо Гуань-хуа и послом Японии в Китае Х. Огава состоялся обмен нотами по поводу учреждения генеральных консульств Японии в Шанхае, Китая в Осаке⁶⁰ (японское генконсульство в Шанхае открылось 2 сентября).

По приглашению китайского руководства с визитами в Пекине побывали ряд влиятельных деятелей правящей Либерально-демократической партии Японии (С. Хори, А. Фудзияма, Х. Кавасаки, Т. Уцуномия, Д. Косака и др.), Социалистической партии Японии (председатель ЦИК СПЯ Т. Нарита во главе официальной делегации партии, бывший председатель ЦИК СПЯ К. Сасаки и др.), президент религиозно-политической организации «Сока гаккай» Д. Икэда, делегации работников культуры, науки, искусства, писателей, журналистов, ветеранов бывшей императорской армии Японии, делегации городов, профсоюзов.

Особое внимание пекинское руководство уделяло приглашению японских молодежных делегаций. По линии Общества японо-китайской дружбы («ортодоксального») были организованы поездки в Китай делегации рабочей молодежи (120 человек) и молодежной делегации о-ва Кюсю (115 че-

⁶⁰ «Жэньминь жибао», 16.VIII.1975.

ловек). Визиты в Китай многочисленных японских делегаций использовались в целях обработки общественного мнения Японии.

В центре внимания китайского руководства стоял вопрос о подписании с Японией так называемого договора о мире и дружбе, который был предусмотрен в Совместном китайско-японском заявлении (29 сентября 1972 г.). Переговоры о заключении договора начались в Токио в январе 1975 г. между заместителем министра иностранных дел Японии Ф. Того и послом КНР Чэнь Чу.

Несмотря на то что договор предназначен для решения проблем двусторонних отношений, усилиями Пекина переговоры о нем были фактически сведены к обсуждению вопроса о включении в договор параграфа о выступлении сторон против попыток третьей страны или группы стран установить гегемонию в районе Азии и Тихого океана. При этом китайские лидеры стали откровенно интерпретировать параграф о «гегемонии» как направленный явно против Советского Союза. Опираясь на пропекинские и реваншистские силы в Японии, они начали нагнетать вокруг открывшихся в Токио переговоров атмосферу антисоветизма.

По сообщениям японской печати, позиция Пекина по вопросу об антисоветской направленности параграфа о «гегемонии» стала особенно непреклонной с марта 1975 г., после победы патриотов Индокитая над силами империализма и реакции, когда маоистские лидеры, опасаясь упрочения влияния в Азии мирового социализма, сосредоточили все внимание на борьбе против Советского Союза. В Пекине стали прибегать к откровенному нажиму на Японию. После того как министр иностранных дел Японии К. Миядзава заявил в парламенте, что подписание договора с Китаем, вызывающего опасения у третьих стран, не в национальных интересах Японии, заместитель премьера Госсовета КНР Цзи Дэн-куй недвусмысленно дал понять, что визит К. Миядзавы в Пекин для переговоров по вопросу о договоре нежелателен⁶¹. В мае переговоры зашли в тупик из-за различия в позиции сторон в отношении параграфа о «гегемонии», который в Пекине трактовали в антисоветском духе⁶².

Китайское руководство усилило обработку общественного мнения Японии, стремясь навязать ему свои оценки международной обстановки и мобилизовать на поддержку своих требований о включении параграфа о «гегемонии» в текст договора о мире и дружбе. По приглашению из Пекина в Китай зачастили видные деятели правящей партии Японии,

⁶¹ «Asahi Shimbun», 5.V.1975.

⁶² «Yomiuri Shimbun», 7.VI.1975.

известные доверительными отношениями с китайским руководством, а также представители откровенно пропекинских организаций в Японии.

Повышенное внимание было уделено отношениям с Социалистической партией Японии, которая со времени нормализации китайско-японских отношений не вызывала особого интереса у маоистских лидеров. В Пекин после почти пятилетнего перерыва была приглашена шестая официальная делегация СПЯ во главе с ее председателем Т. Нарита. Под давлением китайского руководства делегация подписала с китайской стороной совместное заявление антисоветского характера.

В целях обработки японского общественного мнения Пекин активизировал не только пропекинские элементы в демократическом лагере Японии, но и откровенно националистические, реваншистские силы в правящей Либерально-демократической партии. Вслед за СПЯ в Китай потянулись так называемые прокитайские деятели ЛДП. В июне в Пекин прибыл А. Фудзияма, который был принят Чжоу Энь-лаем. Как и в беседе с С. Хори (январь), Чжоу Энь-лай заявил А. Фудзияма о непреклонности позиции Китая в вопросе о «гегемонии» и призвал премьера Т. Мики проявить «решимость» в этом вопросе, без чего переговоры не могли, по его словам, завершиться успешно.

В беседе с А. Фудзияма Чжоу Энь-лай, а также Ли Сяньинянь привели дополнительный «аргумент» в пользу включения пункта о «гегемонии» в текст договора между КНР и Японией, подчеркнув, что инициатором включения этого пункта в Шанхайское коммюнике Чжоу — Никсона были Соединенные Штаты⁶³. Затем в Пекин выехал бывший депутат парламента от ЛДП Х. Кавасаки, передавший личное послание Чжоу Энь-лаю от премьера Т. Мики. По сообщениям японской печати, послание Т. Мики содержало, в частности, трактовку пункта о «гегемонии» в проекте договора, как универсального принципа мира, не направленного против третьих стран⁶⁴. Однако китайские руководители отвергли попытку японской стороны найти «гибкое» оформление этого пункта в договоре.

Проблема «гегемонии» и необходимость включения этого положения в текст договора с Японией поднималась пекинскими лидерами в ходе бесед буквально со всеми японскими делегациями, приезжавшими в Китай. «Доводы» Пекина неизменно носили при этом антисоветский характер. Японию настойчиво убеждали в том, что включение параграфа о «ге-

⁶³ «Asahi Evening News», 19.VI.1975.

⁶⁴ «Yomiuri Shimbun», 28.VI.1975.

гемонии» в японо-китайский договор «заставит» Советский Союз «вернуть» японцам так называемые северные территории. Такого рода аргументация содержалась в беседах Чжоу Энь-лая с С. Хори и А. Фудзияма⁶⁵, в многочисленных заявлениях Дэн Сяо-пина, Ли Сянь-няня, Цзи Дэн-куя и других китайских лидеров в ходе бесед с различными японскими делегациями. В японской печати неоднократно отмечалось, что «забота» о Японии, которую навязчиво демонстрировал Пекин, продиктована в действительности соображениями антисоветской стратегии китайских руководителей⁶⁶.

25 сентября 1975 г. (в ходе сессии Генеральной Ассамблеи ООН) состоялась встреча министров иностранных дел Японии и КНР, К. Миядзава и Цяо Гуань-хуа, на которой японская сторона предложила возобновить переговоры о подписании договора о мире и дружбе между двумя странами. Цяо Гуань-хуа подтвердил неизменность позиции Китая в вопросе о «гегемонии» и включении соответствующего параграфа в текст договора. японская печать отмечала, что для Пекина пункт о «гегемонии» не имеет смысла, если он не направлен против Советского Союза. В октябре японский посол отбыл в Токио. Официальные переговоры прервались. Стороны продолжали активный зондаж друг друга по неофициальным каналам. В Японии высказывались мнения, что «выжидательная» позиция Пекина объяснялась предстоящими парламентскими выборами и стремлением дождаться нового или реорганизованного кабинета⁶⁷.

Проблема Тайваня поднималась в ходе японо-китайских переговоров о «Договоре о мире и дружбе» лишь в начале 1975 г. Сведения о готовности Пекина обойти в договоре вопрос о Тайване и характере отношений Японии с Тайбэем противоречивы и, видимо, отражали отсутствие единства взглядов по этому поводу в китайском руководстве. Однако официальные правительственные лица Японии, видные политические деятели, ссылаясь на Чжоу Энь-лая, Дэн Сяо-пина и других ответственных лидеров Китая, неоднократно заявляли о согласии Китая не касаться в предстоящем договоре проблем Тайваня. Намерение Пекина не касаться в договоре Тайваня и вопроса о принадлежности о-вов Сэнкаку было, в частности, подтверждено Чжоу Энь-лаем и Дэн Сяо-пином в беседе с С. Хори. Китайские лидеры предельно сдержанно реагировали на соглашение о возобновлении воздушного сообщения между Японией и Тайванем (июль 1975 г.). Молчаливое согласие Пекина на этот счет было получено еще в

⁶⁵ «Sankei Shimbun», 8.IX.1975.

⁶⁶ «Sankei Shimbun», 22.I.1975; «Tokyo Shimbun», 22.I.1975.

⁶⁷ «Yomiuri Shimbun», 27.X.1975.

январе в ходе беседы С. Хори с Чжоу Энь-лаем⁶⁸. В июне 1975 г. Ли Сянь-нянь в беседе с А. Фудзияма подчеркнул, что, кроме пункта о «гегемонии», никаких проблем в связи с договором между КНР и Японией не существует.

Отношения КНР со странами Западной Европы

Политика китайского руководства в Западной Европе в 1975 г., как и ранее, имела своей целью затормозить процесс разрядки напряженности на Европейском континенте, ослабить позиции Советского Союза и всего социалистического содружества на международной арене, спровоцировать обострение отношений между государствами с различным социальным строем.

Исходя из того, что именно в Европе, в отдалении от Китая, две противостоящие мировые системы непосредственно соприкасаются друг с другом, пекинские руководители неоднократно заявляли, что Европейский континент «был и остается центром тяжести схватки двух сверхдержав», которая, дескать, неизбежно должна привести к новой мировой войне, повторяя свои клеветнические измышления, будто бы СССР «создает видимость на Востоке, а наносит удар на Западе».

Все эти положения, относящиеся к так называемой «теории сверхдержав», в почти неизменных формулировках содержались в частности, в таком документе, как доклад Чжоу Энь-лая на сессии ВСНП, принявшей новую конституцию КНР, в выступлениях китайских делегатов на VII специальной сессии и на очередной XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в многочисленных заявлениях пекинского руководства во время встреч с западноевропейскими политическими деятелями.

Для подкрепления «теории сверхдержав» китайская пропаганда широко публиковала фальсифицированные материалы, доказывающие, что СССР, дескать, «под вывеской разрядки необузданно расширяет свои вооруженные силы» в европейском регионе.

Курс маоистов на подрыв европейской безопасности наглядно проявился в их отношении к центральному событию политической жизни континента — Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе, завершившемуся исторической встречей в Хельсинки руководящих деятелей 35 государств. Руководство КНР развернуло интенсивную пропагандистскую кампанию, стремясь поставить под сомнение

⁶⁸ «Yomiuri Shimbun», 21.1.1975.

результаты Совещания, приглушить резонанс, вызванный им во всем мире. Эта кампания явилась логическим продолжением той борьбы, которую маоисты вели против Совещания со времени выдвижения идеи его созыва. Развивая измышления о Европе как об объекте неизбежной якобы «агрессии» со стороны Советского Союза, китайская пресса пыталась сравнивать форум в Хельсинки с Мюнхенским соглашением 1937 г.

Вся оценка Пекином работы Совещания была выдержана в сугубо негативных тонах. Пытаясь перечеркнуть огромное значение Заключительного акта, китайская пропаганда характеризовала его как «пустую бумажку», как «макулатуру» на том основании, что он, дескать, не обладает юридической силой, умалчивая, однако, о том, что Заключительный акт базировался на известных договорах и соглашениях между государствами с различными государственными системами («Жэньминь жибао», 31.VII.1975).

Принципы межгосударственных взаимоотношений, зафиксированные в Заключительном акте, Пекин объявил излишними, ссылаясь на то, что они, мол, представляют собой повторение обязательств, возлагаемых на всех членов ООН Уставом этой организации. Но при этом китайское руководство игнорировало тот факт, что эти принципы были сформулированы применительно к реальностям послевоенной Европы, чем и обуславливалась их важная конструктивная роль в деле укрепления европейской безопасности.

Особенно ожесточенным нападкам Пекина подвергся принцип нерушимости границ — ключевой принцип в проблеме обеспечения мира в Европе на базе итогов второй мировой войны. Пекин возражал против того, что Заключительный акт предусматривает возможность тех или иных изменений границ мирными средствами, путем переговоров.

Решения Совещания о сотрудничестве в области экономики, науки и техники также были восприняты в Пекине с явным раздражением. Стремясь помешать развитию экономических связей Советского Союза с капиталистическими странами, китайские лидеры охотно подхватили утверждения западных противников разрядки о том, что такое сотрудничество якобы дает СССР односторонние выгоды и что этим путем Советский Союз, дескать, рассчитывает «преодолеть свои экономические трудности», а заодно добиться «раскола Запада».

Наряду с пропагандой недоверия и враждебности к СССР китайское руководство проводило линию на укрепление агрессивного блока НАТО. «Китайцы рекомендуют европейцам политическое и военное единение с США», — писали буржуаз-

ные газеты, комментируя встречи пекинских руководителей с лидером западногерманских реваншистов Штраусом.

Через дипломатические и пропагандистские каналы Пекин оказывал откровенную поддержку наращиванию военных сил НАТО.

На руку натовским кругам оказалась позиция КНР в кипрском вопросе. Пекинская пропаганда обошла полным молчанием роль НАТО в развязывании и затягивании кипрского кризиса и одновременно попыталась возложить основную ответственность за него на Советский Союз, обвиняя СССР во вмешательстве в дела киприотов, вызванном якобы стремлением «пробить брешь в обороне НАТО». Препятствуя урегулированию кризиса, китайский делегат в Совете Безопасности выступил против советского предложения о созыве международной конференции по Кипру в рамках ООН; позднее китайская делегация отказалась участвовать в голосовании по резолюции о продлении полномочий международных сил ООН по поддержанию мира на Кипре.

Положительнее относятся к попыткам вернуть Средиземному морю статус «внутреннего озера НАТО», Пекин одновременно стремился приобрести в этом районе собственные «точки опоры» в тех местах, где позиции НАТО ослабевают. В этом отношении китайское руководство делало ставку прежде всего на Мальту, чье выгодное географическое положение превращало ее в своеобразный «наблюдательный пункт» в самом центре Средиземного моря.

Параллельно с поддержкой Североатлантического пакта китайское руководство выступило активным поборником экономической, политической и военной интеграции европейских капиталистических стран на антисоветской основе. Представители Пекина систематически выступали с заявлениями о настоятельной необходимости такой интеграции в предвидении новой, якобы неотвратимой войны.

Дэн Сяо-пин во время поездки во Францию (в мае) призвал народы Европы к безотлагательному «укреплению своего единства» и обещал им в этом отношении поддержку со стороны Китая («Жэньминь жибао», 15.V.1975).

С далеко идущими расчетами было связано принятое китайским руководством в мае 1975 г. решение официально признать Европейское экономическое сообщество и аккредитовать при нем своего представителя.

В целях усиления своего влияния в делах Сообщества китайское руководство, помимо официальных акций, уделяло внимание и расширению прямых контактов с представителями европейского монополистического капитала. В частности, вскоре после установления Китаем официальных связей

с «Общим рынком» в Пекин совершил поездку крупнейший итальянский промышленник Дж. Анвелли, являющийся одним из руководящих деятелей ЕЭС.

Резкие выпады против разрядки в Европе, против миролюбивой политики Советского Союза стали лейтмотивом высказываний китайских лидеров во время их встреч с западноевропейскими государственными деятелями.

К приезду главы правительства ФРГ в китайской прессе были организованы выступления против заключенного незадолго до того Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ГДР.

Антисоветский, антисоциалистический курс КНР неизменно расценивался реакционными политическими деятелями европейских стран как благоприятный для них фактор, который должен быть использован для ослабления позиций социалистического содружества на мировой арене. С удовлетворением восприняли на Западе активную поддержку Китаем Североатлантического пакта. Политические деятели ФРГ в связи с участвовавшими в 1975 г. встречами с китайским руководством одобрительно отзывались о «сочувственном» отношении Китая к «преодолению раскола немецкой нации». В высказываниях некоторых боннских лидеров прослеживалось желание воспользоваться «китайской картой» для оказания давления на «восточных соседей» ФРГ.

Тем не менее, как показали события года, попытки руководства КНР побудить руководителей европейских капиталистических стран отказаться от курса на разрядку оказались безуспешными. Реалистически оценивая соотношения сил на континенте, здравомыслящие западноевропейские государственные деятели считали необходимым при этом подтвердить неизменность курса своих стран на оздоровление международного климата на континенте. Так, президент Франции Жискар д'Эстен по окончании встреч с Дэн Сяопином в мае 1975 г. счел необходимым прямо отметить, что он не разделяет мнения Пекина насчет пресловутой «советской военной угрозы» и что Советский Союз не имеет агрессивных намерений в отношении Европы.

Канцлер ФРГ Г. Шмидт во время своего пребывания в Пекине также был вынужден отмежеваться от позиции маоистов и отстаивать проводимую Бонном «восточную политику», подчеркивая, что у ФРГ нет альтернативы улучшению отношений с социалистическими странами.

Не находя желаемого отклика у реалистически мыслящих политиков, стоящих во главе западноевропейских стран, китайские руководители в своих попытках воспрепятствовать укреплению мира в Европе все теснее сближались с наиболее агрессивными кругами империализма.

Особо важная роль в планах Пекина отводилась западногерманским реакционным партиям с их реваншистскими притязаниями на пересмотр границ в Европе и ликвидацию суверенного государства — ГДР. Полное совпадение взглядов китайских политиков и реваншистов из ФРГ отчетливо выявилось во время встреч высших руководителей КНР с председателем партии ХСС Штраусом, дважды посетившим Пекин в течение года. Стержнем их переговоров было взаимное стремление затормозить процессы разрядки в Европе, вести диалог с СССР «языком силы».

В полном соответствии с внешнеполитической платформой Штрауса китайская сторона высказалась в пользу восстановления «единства» Германии, т. е. за ликвидацию ГДР, и создания «сильной Европы».

Полностью солидаризуясь с западногерманскими реваншистами в негативном отношении ко всем шагам по упрочению европейской безопасности, китайские руководители дали понять, что они, со своей стороны, намерены по-прежнему придерживаться жесткого антисоветского курса.

Обращал на себя внимание военно-политический аспект поездок Штрауса в Пекин. Штраус оказался единственным из западных деятелей, с кем китайские военачальники обсуждали «концепции в области обороны», касающиеся, в частности, и ядерного оружия. Китайская сторона при этом, видимо, учитывала, что в прошлом Штраус занимал пост министра обороны ФРГ и был причастен к разработке военно-стратегических доктрин НАТО.

Тезисы о мнимой «советской угрозе» Западу, рассчитанные на то, чтобы возродить в Европе атмосферу «холодной войны», были еще раз выдвинуты китайскими руководителями в ходе их встреч с крупным английским консервативным деятелем Э. Хитом. По окончании поездки в Китай Хит призвал английскую общественность «прислушаться к предупреждениям Пекина» («Дейли экспресс», 4.X.1975). Тем самым было вновь продемонстрировано тождество позиций лидеров КНР и европейской реакции в их неприятной разрядки.

Если правым кругам Пекин оказывал самую широкую поддержку, то успехи прогрессивных сил в западноевропейских странах, подрывающие позиции империализма, он, напротив, воспринимал с крайней враждебностью. Так, свержение фашистского салазаровского режима в Португалии китайская пропаганда изображала как проявление «пронсков Москвы», а выступления португальской реакции — как «ответ населения на советскую экспансию». Подобным же образом после побед коммунистов на местных выборах в Италии в Пекине выражали «озабоченность» превращением ее в «уязви-

мое звено» капиталистической Европы. Успех итальянских коммунистов стал предметом бесед китайских лидеров с посетившим КНР политическим деятелем правой ориентации А. Фанфани. Внимание китайских лидеров к Фанфани было вызвано наличием у обеих сторон стремления не допустить, чтобы итальянская компартия получила возможность войти в состав правительства. Позиция Пекина получила резкую отповедь со стороны Итальянской коммунистической партии.

Одной из важных задач политики руководителей КНР в Западной Европе явилось создание благоприятных условий для налаживания и расширения экономических связей, которые китайское руководство стремилось использовать для наращивания военно-промышленного потенциала КНР. В 1974 г. объем торговли КНР с «Общим рынком» составил свыше 1,7 млрд. долл. («Мондо экономика», 1975, № 20—21, с. 24). Однако, как отмечали представители ЕЭС, «сенсационного увеличения торговли» в результате установления официальных отношений между Китаем и Сообществом не ожидается.

На развитии торгово-экономических связей Китая с Западной Европой все более отчетливо сказывалась зюсть китайского рынка, неподготовленность хозяйства страны к широкому освоению импортной техники, слабость экспортной базы, следствием чего явилось возрастающее нарушение торгового баланса. В 1974 г. дефицит в торговле КНР со странами «Общего рынка» составил более 200 млн. долл. (против 150 млн. в 1973 г.) («Америкэн бэнкэ», I.VI.1975).

Особенно явственно эти факторы проявились в торговле с ФРГ, которая по-прежнему оставалась ведущим торговым партнером Китая в Западной Европе. Объем торговли с КНР в 1975 г., по данным Мюнхенского института экономических исследований, превышал 2 млрд. марок (в 1974 г. — 1,6 млрд. марок). При этом платежный баланс складывался крайне неблагоприятно для Китая: китайский импорт в 1974 г. превысил экспорт в 2 с лишним раза («Чайна экшэл», 1975, № 4, с. 344).

Стремясь укрепить свои позиции на китайском рынке, представители ряда западногерманских банков вступили в переговоры с соответствующими китайскими органами с целью побудить руководство КНР пересмотреть свое отрицательное отношение к иностранным кредитам.

Судя по некоторым сообщениям, в позиции Пекина по этому вопросу наместились сдвиги. Как заявил министр хозяйства ФРГ Г. Фридерикс, изменение взглядов китайской стороны на получение кредитов — это «вопрос времени».

Франция по объему торговли с Китаем к 1975 г. догнала Англию (оборот китайско-французской торговли в 1974 г. со-

ставил 344 млн. долл., китайско-английской — 324 млн. долл.) («Чайна трэйд рипортс». 1975, т. XIII, с. 13). Тем не менее, французская сторона была явно не удовлетворена состоянием двусторонней торговли. Министр иностранных дел Ж. Со-ваньярж, находясь в Пекине, согласно сообщениям прессы, выразил недовольство тем, что КНР не принимала мер к более значительному увеличению импорта из Франции.

Интерес Китая к научно-техническому потенциалу европейских капиталистических стран далеко не в последнюю очередь был обусловлен его настойчивым стремлением получить доступ к современному вооружению и к технике военного назначения. В этой связи наблюдатели отмечали, в частности, что Штраус и некоторые другие деятели ФРГ во время своего пребывания в Пекине выступали эмиссарами военно-промышленных концернов ФРГ. Обращали на себя внимание и такие факты, как посещение китайскими представителями предприятий западноевропейских фирм, выпускающих авиационное и ракетное оборудование, а также приглашение в КНР европейских специалистов по ядерной физике. В конце года китайские внешнеторговые органы заключили сделку на приобретение в Англии реактивных авиадвигателей и лицензии на их производство в Китае. Как подчеркивала лондонская пресса, эти двигатели могли быть использованы в военной авиации.

Европейские монополии шли на продажу военной техники КНР прежде всего с целью укрепления его вооруженных сил, с тем чтобы Китай мог, в соответствии с их расчетами, играть роль «сильного противовеса» Советскому Союзу. Однако расширение поставок оружия в КНР было связано со значительными трудностями, углублением процессов разрядки на Европейском континенте.

Итоги 1975 г. свидетельствовали о том, что, несмотря на активные усилия маоистского руководства, его попытки дискредитировать миролюбивую политику СССР и социалистического содружества в целом, воспрепятствовать упрочению мира в Европе оказались несостоятельными.

Отношения КНР с Канадой, Австралией и Новой Зеландией

Пекинское руководство пыталось подтолкнуть реакционные силы Канады к политическим шагам с целью срыва процесса разрядки международной напряженности и ухудшения советско-канадских отношений. Однако возможности Пекина в деле политических спекуляций на антисоветизме в отношениях с Канадой оказались весьма ограниченными: канадское правительство в основном придерживалось курса на претво-

рение в жизнь решений Общеввропейского совещания по сотрудничеству и безопасности. Премьер-министр П. Трюдо во время визита в страны Европы указал, что правительство Канады разделяют позицию Советского Союза, стремящегося к стабилизации международной обстановки. Это шло вразрез с антисоветским внешнеполитическим курсом Китая.

В области двусторонних отношений между КНР и Канадой продолжался застой. Весьма ограниченным оставался обмен визитами делегаций. Канада в течение года направила в Китай делегации кинематографистов, преподавателей, ученых по международному праву, специалистов по изучению процессов землетрясения. С китайской стороны Канаду посетили только делегации работников просвещения и специалистов по рыболовству. В первом полугодии заметно сократились торговые связи. Канадские фирмы продолжали выполнять посредническую роль в торговле КНР с Соединенными Штатами. Часть американского экспорта в Китай реализовывалась через Канаду.

В рамках программы культурного обмена в апреле — мае в Пекине и Шанхае проходила выставка канадского искусства, на которой демонстрировались редкие картины XVIII—XX вв., принадлежащие Национальной галерее Канады⁶⁹. В мае китайские бадминтонисты выезжали на соревнования в Канаду, а команда баскетболисток Канады в декабре посетила Китай⁷⁰. В этом же году из Канады был выслан один китайский дипломат по обвинению в шпионаже. По свидетельству канадской прессы, этот инцидент вызвал существенный «регресс в отношениях двух стран».

В отношениях Китая с Австралией и Новой Зеландией, с одной стороны, выявилось дальнейшее углубление расхождений по ряду существенных международных вопросов и, с другой — проявилось взаимное стремление к поиску сфер сотрудничества с целью создания более прочной основы для политических и экономических контактов. Разногласия обнаружались прежде всего по вопросам, связанным с обеспечением мира и безопасности в Европе и Азии, с проведением политики разрядки международной напряженности. Вопреки поднятой пекинским руководством кампании против процесса разрядки, правительства Австралии и Новой Зеландии оказали широкую поддержку Общеввропейскому совещанию и подчеркнули его особую значимость в деле становления мира и безопасности как в Европе, так и в Азии⁷¹.

⁶⁹ «The Globe and Mail», 11.IV.1975.

⁷⁰ «Жэньминь жибао», 18.XII.1975.

⁷¹ См. «Правда», 8.X.1975.

Линия Пекина на сохранение военных блоков не нашла желаемой поддержки у лейбористских правительств Австралии и Новой Зеландии. Летом эти страны одобрили предложение Таиланда и Филиппин о свертывании одного из агрессивных блоков — СЕАТО.

После окончания войны во Вьетнаме Австралия и Новая Зеландия выступили за оздоровление отношений между странами Юго-Восточной Азии на основе укрепления их независимости, одновременно осудили попытки китайского руководства усилить свое проникновение в эти страны и активизировать там пропекинские движения. Тем не менее продолжались взаимные поиски путей к сближению и сотрудничеству. Весной премьер-министр Австралии Уитлем вновь затронул вопрос о создании так называемого азиатского форума с обязательным участием Китая. (Впервые Уитлем выступил со своим предложением в феврале 1974 г.) Некоторое оживление наблюдалось в сфере культурного обмена. Летом в Австралии по инициативе Китайско-австралийского общества проходила выставка «Китай сегодня», а осенью в Пекине состоялась выставка картин австралийской живописи.

Китайско-новозеландские отношения развивались главным образом в сфере торговли. Во время визита в Китай министра торговли и промышленности Новой Зеландии У. Фриера летом 1975 г. был заключен ряд торговых сделок, а также достигнута договоренность об активизации двусторонних связей в области просвещения, культуры, науки, техники, медицины и спорта.

В феврале в Китай выезжал новозеландский министр сельского хозяйства и рыболовства Колин Мойл, в апреле — генеральный управляющий новозеландскими корпорациями по импорту и экспорту Стэнфорд.

В результате очередных парламентских выборов, состоявшихся в конце 1975 г., в Австралии пришла к власти коалиция либералов и аграриев во главе с премьер-министром Фрейзером, а в Новой Зеландии — национальная партия под руководством премьер-министра Малдуна.

В выдвинутых новыми руководителями этих стран программах особое внимание уделялось дальнейшему развитию отношений с Китаем. Некоторые положения программы, относящиеся к области внешней политики, резко противоречили курсу, который проводился прежними лейбористскими правительствами. В частности, новое правительство Австралии выступило за военное присутствие Соединенных Штатов в Индийском океане, поддержало создание американской базы на острове Диего-Гарсиа, не признало концепцию создания нейтральной зоны в Юго-Восточной Азии и Индийском океа-

не. Правительство Новой Зеландии прекратило действовать в пользу объявления части Тихого океана безъядерной зоной.

Китайское руководство связывало с этими переменами надежды на установление сотрудничества с Австралией и Новой Зеландией в проведении политики, направленной против разрядки напряженности.

КНР И РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ

Политика Китая в отношении развивающихся государств в 1975 г. отличалась большой активностью. В течение года Пекин установил официальные дипломатические отношения с семью государствами Азии и Африки: Филиппинами (июнь), Таиландом (июль), Бангладеш (октябрь), Ботсваной (январь), Мозамбиком (июнь), Сан-Томе и Принсипи (июль), Коморскими о-вами (ноябрь). Таким образом, к началу 1976 г. Китай поддерживал дипломатические отношения с 71 страной «третьего мира» (38 — в Африке, 24 — в Азии, 9 — в Латинской Америке)⁷².

По приглашению китайского руководства с визитами в Пекине в течение года побывали руководящие деятели многих развивающихся государств, среди них президент Филиппин Ф. Маркос, премьер-министр Таиланда К. Прамот, президент и председатель Государственного совета Бирмы Не Вин, правительственная делегация Камбоджи во главе с заместителем премьер-министра Кхнеу Самфаном, правительственная делегация Ирака во главе с вице-президентом Мааруфом, президенты Габона И. Б. Бонго и Гамбии Д. К. Ажавара, а также премьер-министры других стран: Народной Республики Конго — А. Лопез, Мозамбика — С. Машел, Туниса — Х. Нуира, Тринидада и Тобаго — Э. Уильямс, Гайаны — Ф. Бернхэм.

Визиты в Пекин совершили министры иностранных дел Таиланда, Сингапура, Малайзии, Бирмы, Марокко, Гамбии, Лесото, Замбии, Руанды, Гвинеи (Бисау), правительственные торгово-экономические делегации ряда азиатских, африканских и латиноамериканских стран. С визитами в Пекин побывало также большое количество других государственных, партийных и общественных деятелей развивающихся стран, члены королевских семей (Таиланд, Непал и др.) и семей глав правительств стран «третьего мира».

⁷² 24 страны Азии, Африки и Латинской Америки поддерживали дипломатические отношения с тайваньским режимом. Даты установления дипломатических отношений КНР со странами «третьего мира» см. в справке, приложенной к данной статье.

С китайской стороны с визитами в развивающиеся страны выезжали заместители премьера Государственного совета КНР Ли Сянь-нянь (Пакистан, Иран), Чэнь Си-лянь (Непал), Чэнь Юн-гуй (Мексика); китайские делегации на уровне министров и заместителей министров побывали в ряде развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Наряду со всемерной активизацией двусторонних связей с развивающимися странами китайское руководство уделяло самое пристальное внимание региональным и международным совещаниям и конференциям, на которых затрагивались проблемы «третьего мира».

Курс на раскол

Политика Пекина в отношении развивающихся стран осталась прежней. С еще большим упорством он вел линию на раскол и дезорганизацию антиимпериалистических сил, на отрыв развивающихся стран от Советского Союза и социалистического содружества.

По-прежнему Пекин изображал «третий мир» в качестве «главной революционной силы», движущей вперед колесо мировой истории, основного борца против империализма, колониализма и гегемонизма⁷³. Одновременно назойливо подчеркивалась принадлежность Китая к числу развивающихся стран, рекламировались «единство» и «общность» их интересов, роль Китая в качестве «бескомпромиссного» борца за интересы развивающихся стран.

В качестве основной задачи, якобы стоящей перед развивающимися странами, пекинские лидеры продолжали выдвигать борьбу против «гегемонии двух сверхдержав». Однако на деле этот лозунг превратился в ширму, призванную прикрыть отказ Пекина от борьбы с империализмом и переход к открытому блокированию с ним. Общее усиление антисоциалистического и проимпериалистического курса Пекина на мировой арене сопровождалось ростом китайской активности в «третьем мире».

Опасаясь растущего влияния мирового социализма, активно воздействовавшего на внутренние процессы развивающихся стран, китайские руководители фактически стали навязывать антисоветизм в качестве главного направления «антиимпериалистической» борьбы. Об этом красноречиво свидетельствовали как «теоретические» изыскания Пекина, так и его практическая политика. Тезисы о «слабеющей», «угасающей», занимающей «стратегически пассивное положение» одной «сверхдержаве» — США и об «агрессивной»,

⁷³ «Жэньминь жибао», 9.V; 25.XII.1975.

«маскирующейся» и самой «опасной» для «третьего мира» другой «сверхдержаве» — Советском Союзе, о необходимости остерегаться входа «тигра с заднего хода», когда «изгнан волк через парадный вход», были лейтмотивом устной и печатной пропаганды Китая⁷⁴.

Пекин всячески запугивал страны Юго-Восточной Азии призраком советского «гегемонизма»⁷⁵, страны Африки⁷⁶ «советским жезлом». Пекинская пропаганда договаривалась до «намерений» Советского Союза «расколоть ОАЕ» и пр. Аналогичная клеветническая пропаганда велась и в латиноамериканских странах.

Повышенное внимание уделялось искажению и очернению характера экономических отношений Советского Союза с развивающимися странами. Преимущественно антисоветское содержание вкладывалось в борьбу с «экономическим гегемонизмом сверхдержав». Именно в таком духе китайские руководители пытались повлиять на работу самых различных конференций и совещаний, фальсифицировать их направленность (Дакарской, Алжирской и др.), представляя их решения и итоги, как созвучные установкам Пекина⁷⁷.

Одновременно «развивался» тезис о «совпадении интересов» «третьего» и «второго» миров, т. е. стран зоны национально-освободительных движений и бывших колониальных метрополий. Не надеясь только на свои силы в борьбе с влиянием мирового социализма на развивающиеся страны, Пекин, прикрываясь лозунгом борьбы против «гегемонизма», усиленно подталкивал их к расширению как политических, так и экономических связей с капиталистическим миром⁷⁸.

Законченную антисоциалистическую интерпретацию получил в связи с этим пресловутый лозунг «опоры на собственные силы». Китайские лидеры, убеждая развивающиеся страны в необходимости уделить первоочередное внимание развитию сельского хозяйства, вводили их в сторону от создания собственной промышленной базы, несколько не смущаясь при этом, что своими действиями они помогали империалистическим монополиям продолжать наживаться за счет развивающихся стран, способствовали удержанию этих стран

⁷⁴ «Жэньминь жибао», 23.III; 25.XII.1975. См. также выступление главы китайской делегации в ООН министра внешней торговли КНР Ли Цяна на пленарном заседании VII Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

⁷⁵ См. заявление Дэн Сяо-пина (ИБАС, 11.XI.1975, с. 17).

⁷⁶ «Жэньминь жибао», 28.VII.1975.

⁷⁷ См., например, комментарий по поводу Совещания министров иностранных дел неприсоединившихся государств в Лиме (ИБАС, 2.IX.1975, с. 6).

⁷⁸ «Жэньминь жибао», 4.III.1975.

в орбите капитализма, сбивали их с некапиталистического пути развития, отдаляли от них социалистическую перспективу.

Антисоветизм Пекина стал носить еще более злобный характер после успешного завершения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Акцент в китайской пропаганде заметно сместился в сторону политических проблем. Не прекращая усилий, имеющих целью дискредитировать экономическую политику Советского Союза в отношении развивающихся стран, китайские лидеры повели ожесточенную борьбу против разрядки международной напряженности, против разоружения и обеспечения коллективной безопасности. Более того, в Пекине не только предсказывали неизбежность новой мировой войны, но и обосновывали ее «пользу» для «подавляемых наций и человечества»⁷⁹.

Борьба против процесса разрядки, разоружения составляла одну из самых характерных черт политики Китая в 1975 г. Хотя лозунги борьбы против империализма, колониализма, расизма, сионизма продолжали фигурировать в китайской пропаганде, этот период дал еще более убедительные свидетельства тому, что в Пекине выступали с позиций, находившихся в глубоком противоречии с коренными интересами борьбы народов развивающихся стран за мир, свободу и национальную независимость. Пекин продолжал оказывать поддержку военному присутствию США в водах Тихого и Индийского океанов, в Средиземном море; вместе с расистами он выступал против народа Анголы в Африке; осуществлял дальнейшее сближение с фашистской кликой Пиночета в Чили.

Прикрывая свои истинные намерения, китайские лидеры усиленно прибегали к лицемерию, обману, нажиму. Выступая под лозунгом борьбы с «гегемонизмом», Пекин был вынужден проявлять внешнюю «сдержанность» в навязывании своего «опыта» развивающимся странам. Пропагандируя «опору на собственные силы», пример Китая в развитии «независимой экономики», китайские лидеры старались убедить, что они не столько учат развивающиеся страны, сколько «учатся у них».

Тактика в Юго-Восточной и Южной Азии

Если в 1974 г. Пекин уделял подчеркнутое внимание развитию отношений с Африкой, которая была объявлена «образцом боевой сплоченности третьего мира», то с 1975 г., на-

⁷⁹ См. заявление Дэн Сяо-пина на встрече с японскими журналистами 21 июля 1975 г.

ряду с этой страной, объектом повышенной дипломатической активности китайского руководства стала Азия, в первую очередь Юго-Восточная. Причиной этого явилась новая обстановка, обусловленная победой патриотов Индокитая, изменением соотношения сил в Азии в пользу мира, национального освобождения, социализма. В новых перспективах, которые открыла перед Азией победа народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, Пекин повел ожесточенную кампанию против распространения на Азию процесса разрядки международной напряженности, против укрепления сотрудничества стран региона с мировым социализмом.

Объектом самых ожесточенных нападок стала, прежде всего, идея коллективной безопасности в Азии. Дискредитации процесса разрядки, идеи коллективного обеспечения безопасности в Азии была посвящена подавляющая часть официальных и пропагандистских материалов, адресованных Пекином правительствам и народам стран Юго-Восточной Азии. В «разоблачительных» статьях по поводу идеи коллективной безопасности, обращенных к странам региона, подчеркнута звучали угрожающие нотки. Выступать против советской идеи «в настоящее время уже стало общей задачей,— это принципиальный вопрос, связанный с коренными интересами... народов Азии и бассейна Тихого океана, и тут не должно быть никакой двусмысленности»⁸⁰.

С середины апреля, когда судьба марионеточного режима на юге Вьетнама была фактически предрешена, китайская печать, наряду со статьями в поддержку действий освободительных сил, стала помещать выдержки из тех материалов американской печати, где высказывалась «надежда», что уход из Южного Вьетнама позволит Соединенным Штатам сосредоточить больше внимания на европейской и ближневосточной политике⁸¹. Западные корреспонденты в Пекине сообщали, что китайские лидеры рассматривали уход США из Индокитая в свете возможности для Вашингтона «играть в будущем более конструктивную роль в Азии». В Пекине также надеялись, что, выбравшись из индокитайской «трясины», Соединенные Штаты получат больше возможностей для противодействия политике СССР и в других районах мира.

После победы патриотических сил Индокитая китайское руководство значительно активизировало антисоветскую пропаганду, стремясь помешать народам Вьетнама, Лаоса и Камбоджи развивать сотрудничество со странами социали-

⁸⁰ ИБАС, 30.IX.1975, с. 6.

⁸¹ ИБАС, 15.IV.1975, с. 8—9.

стического содружества. Лидеры КНР в провокационных целях пытались приписать Советскому Союзу намерение создать военные базы в этом районе. Такое утверждение, в частности, прозвучало в выступлениях Дэн Сяопина, когда он встречался с премьер-министром Таиланда⁸².

Помимо стремления активизировать империалистические силы и местную реакцию в Азии, подобные выступления были призваны отвлечь внимание азиатских народов от экспансионистских действий самого Китая: в феврале власти КНР создали административный комитет на захваченных в 1974 г. китайской армией Парасельских о-вах. Задачей комитета было провозглашено осуществление юрисдикции КНР и над о-вами Спратли. Как известно, шесть островов были освобождены вьетнамскими патриотами на завершающем этапе победоносного наступления весной 1975 г.⁸³ В конце ноября китайская печать опубликовала пространную статью с обоснованием притязаний Пекина на эти острова. В статье утверждалось, что острова Спратли и Парасельские «являются священной территорией Китая» и что КНР «обязуется защищать их»⁸⁴. Этот шаг был расценен мировой прессой как попытка оказать давление на Вьетнам.

Победу патриотических сил Лаоса в КНР встретили также весьма сдержанно, хотя официально приветствовалось провозглашение в декабре Лаосской Народно-Демократической Республики (ЛНДР). В приветственных телеграммах китайских руководителей в адрес ЛНДР и в китайской печати подчеркивалось, что «Китай и Лаос — близкие дружественные соседние страны», однако ничего не говорилось о какой-либо поддержке и помощи ЛНДР со стороны КНР. Пекин был явно неудовлетворен тем, что руководители молодой республики высказались за развитие сотрудничества со всеми социалистическими странами и заявили о намерении укреплять братские связи с Вьетнамом и Советским Союзом. Характерно, что китайская печать не выступила с осуждением действий таиландских властей, блокировавших границу с Лаосом и прервавших тем самым доставку туда товаров первой необходимости.

Активную политику руководство КНР вело в отношении Камбоджи (ныне — Кампучия), стремясь использовать значительную помощь, оказанную Национальному единому фронту Камбоджи (НЕФК).

В период пребывания в Китае камбоджийской делегации во главе с заместителем премьер-министра Кхнеу Самфаном

⁸² ИБАС, I.VII.1975, с. 16.

⁸³ «Нян зан», 6.V.1975.

⁸⁴ «Жэньминь жибао», 27.XI.1975.

китайские лидеры заверяли его, что и после завершения освободительной борьбы в Камбодже КНР будет продолжать «выполнять свой интернациональный долг» по отношению к народу этой страны⁸⁵. Было подписано соглашение о предоставлении Китаем послевоенной помощи Камбодже, размер и характер помощи объявлены не были. Западные источники в Пекине сообщали, что были достигнуты соглашения о предоставлении безвозмездной помощи в размере 20 млн. долл., а также о долгосрочном беспроцентном займе в размере 1 млрд. долл.

В совместное коммюнике о визите камбоджийской делегации в КНР было включено положение о выступлении сторон против «гегемонии третьих стран», которому в Пекине, как известно, придавали откровенно антисоветскую трактовку. Антисоветскими выпадами изобиловали и выступления китайских представителей на приемах и митингах в честь камбоджийских гостей.

В сентябре после пятилетнего пребывания в эмиграции на китайской земле глава государства Камбоджи Нородом Сианук и премьер-министр Пенн Нут возвратились на родину. 52 человека из окружения Н. Сианука отказались возвратиться в Камбоджу и были осуждены камбоджийским правительством как предатели.

Китайская печать приветствовала шаги, предпринятые правительством Камбоджи с целью нормализации отношений с Таиландом. Однако, в отличие от КНР, выступавшей за сохранение американского военного присутствия в Таиланде, камбоджийские руководители вместе с народами Вьетнама и Лаоса выражали озабоченность по поводу американских военных баз на таиландской территории⁸⁶.

Одновременно форсировалось развитие отношений со странами блока АСЕАН⁸⁷, Пекин усиленно втягивал их в руло своей антисоветской стратегии.

9 июня 1975 г. были установлены дипломатические отношения КНР с Филиппинами. В совместном коммюнике стороны заявили о намерении противостоять «гегемонии третьих стран» в районе Азии и Тихого океана. В отличии от совместного коммюнике с Малайзией сугубо лаконично формулировался пункт, касающийся положения китайцев, проживающих на Филиппинах: правительства КНР и Филиппин не считают гражданами своей страны лиц, принявших гражданство другой страны. В декабре в Манилу прибыл первый посол

⁸⁵ «Жэньминь жибао», 15.VIII.1975.

⁸⁶ См. «Правда», 21.XII.1975.

⁸⁷ В блок АСЕАН входят Индонезия, Таиланд, Филиппины, Малайзия и Сингапур.

КНР на Филиппинах Кэ Хуа. Пекинское руководство недвусмысленно зангрывало с Филиппинами: товары этой страны закупались по ценам несколько выше мировых, китайская нефть продавалась по ценам на 30% ниже установленных ОПЕК. Достигнуто соглашение о продолжении поставок китайской нефти на следующий год в обмен на медь и кокосовое масло.

1 июля в Пекине было подписано совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений с Таиландом. В отдельный пункт было вынесено положение о выступлении «против всяких попыток любой страны или группы стран устанавливать гегемонию или создавать сферы влияния в любой части мира»⁸⁸. Китай заявил о непризнании статуса двойного гражданства. Согласно коммюнике, все лица китайского происхождения, имевшие таиландское гражданство, автоматически теряли гражданство КНР, а граждане Китайской Народной Республики обязаны были соблюдать законы королевства Таиланд. Вместе с тем законные права и интересы китайцев в Таиланде будут защищаться КНР и уважаться местными властями. В совместном коммюнике было отмечено стремление сторон к развитию торговых, экономических и культурных отношений. До сих пор торговля велась со значительным дефицитом для Таиланда, что вызвало недовольство со стороны последнего.

Комментируя включение в совместные коммюнике КНР с Филиппинами и Таиландом положений о выступлении сторон против «гегемонии», иностранная печать отмечала это как своеобразную дань стран ЮВА Китаю за обещание невмешательства в их внутренние дела⁸⁹. Выступления китайской прессы в связи с нормализацией отношений с Филиппинами и Таиландом изобиловали антисоветскими выпадами. Одновременно китайские лидеры в условиях, когда движение за ликвидацию военных баз США в Азии охватило даже страны, причастные к империалистической агрессии США в Индокитае, уговаривали руководителей этих стран не торопиться с ликвидацией американских военных баз на их территориях. Такова, например, была беседа премьера Госсовета КНР с заместителем МИД Таиланда незадолго до освобождения патриотами Пномпеня и Сайгона.

Первый шаг сделан на пути к установлению дипломатических отношений с Сингапуром. В ходе переговоров с министром иностранных дел Сингапура в Пекине в марте 1975 г. Китай выразил готовность установить дипломатические от-

⁸⁸ «Жэньминь жибао», 2.VII.1975.

⁸⁹ «China Trade Report», vol. XIII, September 1975, с. 4.

ношения, «когда республика сочтет это подходящим для себя».

Проявляя заинтересованность в урегулировании отношений со странами Юго-Восточной Азии, Пекин в истекшем году показал, насколько двулична, противоречива и конъюнктурна его политика. Особо ощутила двойственность политики Китая Малайзия, с которой КНР установила отношения летом 1974 г. Бурная деятельность, развернутая прибывшим в январе в Куала-Лумпур послом КНР Ван Ю-пином, установление контактов с официальными лицами Малайзии, поощрение их визитов в Пекин сопровождалось появлением первых трещин в китайско-малайзийских отношениях. МИД Малайзии направил Китаю протест в связи с опубликованием центральными газетами КНР поздравления КПК по случаю 45-летия компартии Малайзии и заявления ЦК КПК о намерении «продолжать вооруженную борьбу» против правительства своей страны⁹⁰.

Подобные публикации в центральной прессе Китая были расценены в Малайзии как нарушение обещания не вмешиваться во внутренние дела страны. Радиостанция «Голос Малайской революции» с территории КНР в течение 40 минут излагала программу КПК, направленную на свержение «правительства клики Разака» посредством вооруженной борьбы. К середине года, вопреки заверениям Пекина о «невмешательстве», вновь активизировалась деятельность малайзийских партизан в городах, сопровождавшаяся актами террора и диверсии.

Не оправдались надежды Малайзии на расширение товарооборота с КНР, на увеличение продажи Китаю малайзийского каучука. Вопрос о продаже каучука входил в повестку дня почти всех экономических делегаций, посещавших Пекин. Тем не менее закупки каучука Китаем упали с 56,6 тыс. т в первой половине 1974 г. до 36 тыс. т в первой половине 1975 г.

На словах обвиняя империализм в жестокой эксплуатации стран ЮВА, «бичуя» политику межнациональных компаний, уммышленно сбивающих цены на такое важнейшее сырье, как каучук и олово⁹¹, Пекин на практике на примере Малайзии демонстрировал аналогичный подход. В декабре Малайзия вынуждена была обратиться к Китаю с призывом сократить экспорт олова и присоединиться к международному соглашению в целях стабилизации цен на олово.

По-прежнему неурегулированными оставались отношения Китая с Индонезией, хотя определенные контакты имели ме-

⁹⁰ «Жэньминь жибао», 2, 4.V.1975.

⁹¹ ИБАС, 6.I.1975.

сто по линии ООН. Китай в пропагандистских целях поддерживал позицию Индонезии на различных международных форумах. Остро реагировали в Индонезии на поздравление ЦК КПК по случаю 55-й годовщины образования КПИ (23 мая), в котором содержался призыв продолжать «народную вооруженную борьбу»⁹². Президент Сухарто заявил о том, что вмешательство Пекина во внутренние дела Индонезии является препятствием на пути урегулирования отношений сторон.

Позиция руководства КНР в связи с развитием событий на Восточном Тиморе (представители КНР голосовали в ООН за резолюцию, осуждавшую вооруженное вторжение Индонезии на Восточном Тиморе) в определенной степени вышла за рамки проводимой в последние годы Пекином политики заигрывания со странами АСЕАН.

На срыв нормализации обстановки на Индостанском полуострове была направлена политика КНР в Южной Азии. Стремясь к разобщению стран полуострова, китайское руководство, прежде всего, продолжало создавать внешние и внутренние осложнения для Индии. Рассматривая Индию в качестве основного препятствия на пути осуществления своих гегемонистских планов в Южной Азии, китайские лидеры сосредоточивали усилия с целью всемерного ослабления ее влияния на субконтиненте. Пекин активизировал дискредитацию внешнеполитического курса Индии на международной арене, особенно советско-индийского сотрудничества, всячески добиваясь обострения отношений Индии с соседними странами. Извращая характер советско-индийских связей, руководство КНР пыталось навязывать южноазиатским странам «идею», будто руками Индии Советский Союз добивается осуществления своих целей в Южной Азии⁹³, что является «главной угрозой независимости и суверенитету южноазиатских стран»⁹⁴.

Отношение к Индии характеризовалось непримиримой враждебностью. Пекин оставлял без ответа конкретные предложения и шаги индийского правительства, направленные на создание условий для взаимного диалога и ослабления напряженности в китайско-индийских отношениях. Вместе с тем, пытаясь очернить политику Индии в глазах мирового общественного мнения и поддержать борьбу реакционных сил в стране, китайское руководство прибегало к различного рода демонстративным заявлениям, стремясь переложить ответ-

⁹² «Жэньминь жибао», 23.V.1975.

⁹³ «Жэньминь жибао», 15.X.1975.

⁹⁴ «Жэньминь жибао», 30.IV.1975.

ственность за нынешнее состояние китайско-индийских отношений на индийское правительство.

Китай продолжал оказывать материально-политическую поддержку сепаратистам племен нага и мизо, действующим на северо-востоке Индии. Крайне враждебной была реакция Пекина на политическое урегулирование в Сиккиме. В заявлении правительства КНР подчеркивалось, что Китай «ни в коем случае не пойдет на признание незаконной аннексии Индией Сиккима»⁹⁵. Китайская пропаганда неоднократно выступала с антииндийскими выпадами, пытаясь осложнить положение в Сиккиме, запугать соседние с Индией страны угрозой «индийского экспансионизма». Маоисты подстрекали население Кашмира вести борьбу против «решения индийского правительства лишить Кашмир права на самоопределение»⁹⁶.

Китай пытался представить как борьбу «оппозиционных демократических сил» страны против внутренней и внешней политики правительства выступления крайне правых реакционных сил Индии⁹⁷. Новому обострению в китайско-индийских отношениях послужил пограничный инцидент 20 октября на границе КНР с Индией, в результате которого было убито четыре индийских пограничника. Фальсифицируя факты, китайская сторона попыталась возложить ответственность за этот инцидент на Индию⁹⁸.

Всемерное нагнетание антииндийских и антисоветских настроений преследовало цель представить Китай в качестве единственного «защитника» южноазиатских государств, оправдать в их глазах широкий размах военных приготовлений Китая на границах с Индией⁹⁹, замаскировать экспансионистские цели руководства в отношении этого района.

Большая активность по-прежнему проявлялась в отношении Пакистана. Китай продолжал содействовать росту военного потенциала Пакистана, который занимал одно из первых мест среди стран, получавших от Китая военную помощь¹⁰⁰. По данным индийской печати, Китай согласился помочь Пакистану в разработке и испытании ядерного устройства в качестве возможного шага на пути к созданию ядерного оружия¹⁰¹. Успешно развивались китайско-пакистанские торго-

⁹⁵ «Жэньминь жибао», 30.IV.1975.

⁹⁶ «Жэньминь жибао», 2.III.1975.

⁹⁷ «Жэньминь жибао», 14.VI.1975.

⁹⁸ «Жэньминь жибао», 4.XI.1975.

⁹⁹ В Индии неоднократно выражали серьезную озабоченность усилением военных приготовлений Китая в Тибете, в непосредственной близости от индийских границ («The National Herald», 20.X.1975: «Amrita Bazar Patrika», 10.X.1975).

¹⁰⁰ «The Times of India», 25.III.1975

¹⁰¹ «The Indian Express», 6.I.1975.

экономические отношения. В январе 1975 г. в Пакистане находился министр внешней торговли Ли Цян, обсудивший с пакистанским руководством вопросы расширения торговых связей между двумя странами.

Пекин приветствовал государственный переворот в Бангладеш, связывая с этим событием расчет на изменение внешнеполитической ориентации правительства, на ослабление бангла-индийских и бангла-советских отношений и укрепление связей Бангладеш с Китаем, Пакистаном и США. 4 октября в Нью-Йорке было подписано коммюнике об установлении между КНР и Бангладеш дипломатических отношений на уровне посольств. Приветствуя установление дипломатических отношений между двумя странами, китайская печать писала, что «Китай решительно поддерживает борьбу народа Бангладеш в защиту национальной независимости и государственного суверенитета, борьбу стран Южной Азии против гегемонизма и экспансионизма»¹⁰².

В октябре в Дакке было образовано общество бангла-китайской дружбы, в состав которого вошли политические и общественные деятели страны, известные своими антииндийскими настроениями и прокитайскими симпатиями. В конце мая Бангладеш посетила первая торговая делегация КНР. Начали развиваться торговые отношения между двумя странами. Торговая делегация Бангладеш приняла участие в работе весенней ярмарки в Гуанчжоу, где заключила несколько торговых сделок.

Значительной активностью характеризовалась политика КНР в отношении Шри Ланки, Бирмы, Непала; КНР активно использовала приглашение видных политических и общественных деятелей, экономическое, торговое, научное и культурное сотрудничество для укрепления своего влияния в этих странах.

Что касается отношений КНР с Шри Ланкой, то, несмотря на некоторое их улучшение, сохранялись определенные сложности, связанные с деятельностью в этой стране пропекинских групп.

Наиболее значительным событием в отношениях КНР с Бирмой был официальный визит в Пекин в ноябре 1975 г. президента и председателя Государственного совета Не Вина. Не Вин был принят Мао Цзэ-Дуном, Дэн Сяо-пином и другими китайскими руководителями. В совместном коммюнике стороны заявили, что будут «выступать против попыток любой страны или группы стран установить гегемонию или создавать сферы влияния в любой части мира»¹⁰³.

¹⁰² «Жэньминь жибао», 8.X.1975.

¹⁰³ «Жэньминь жибао», 16.XI.1975.

Пекин продолжал укреплять свое влияние в Непале. Для участия в церемонии коронации короля Бирендры в Непал приезжал заместитель премьера Госсовета КНР Чэнь Силян. В октябре состоялся визит в Китай братьев непальского короля принцев Гьянендры и Дхирендры. Политика в отношении Непала носила откровенно антииндийскую направленность. Отделение агентства Синьхуа и посольство КНР в Катманду активно распространяли в стране антииндийские печатные материалы. Правительство Непала было вынуждено заявить о недопустимости подобного рода действий¹⁰⁴.

Заявляя на словах о своей поддержке политики неприсоединений и нейтралитета, проводимой южноазиатскими государствами, Пекин на практике стремился втянуть страны региона в русло своей антисоветской и антииндийской политики. Руководители КНР неоднократно выступали в поддержку предложения Шри Ланки о превращении Индийского океана в зону мира, предложения Пакистана о превращении Южной Азии в безъядерную зону, предложения Непала об объявлении своей страны зоной мира. Однако, как показала практика, эти заявления Китая не имели ничего общего с задачей упрочения мира в Южной Азии. Они преследовали цель превратить обсуждение этих вопросов в предмет различного рода интриг и махинаций, осложнить претворение в жизнь идеи создания системы коллективной безопасности в Азии.

Маневры Пекина на Ближнем Востоке

Выступая на словах в поддержку борьбы арабских народов, Китай фактически противодействовал справедливому решению ближневосточной проблемы, играя на руку израильским захватчикам. Усилия китайского руководства были направлены на подрыв советско-арабских отношений, ослабление позиций национально-освободительного движения, на сохранение взрывоопасного положения в этом районе земного шара, использование его в целях обострения отношений между США и СССР, подрыва процесса разрядки напряженности в мире.

Называя СССР «более опасным и коварным» «врагом арабов», чем США¹⁰⁵, Пекин в 1975 г. действовал фактически на руку силам империализма и арабской реакции. Политику США, направленную на так называемое поэтапное урегулирование кризиса, китайская пропаганда пыталась представить «действием наперекор влиянию Советского Союза»¹⁰⁶,

¹⁰⁴ «Indian Express», 11.XI.1975.

¹⁰⁵ ИБАС, 11.IV.1975, с. 13—14.

¹⁰⁶ ИБАС, 19.II.1975, с. 7.

а борьбу СССР, прогрессивных сил арабского мира за созыв Женевской конференции как стремление свести на нет «поэтапное урегулирование» Киссинджера, «усилить позицию СССР в соперничестве с американским империализмом»¹⁰⁷. В своей борьбе против СССР, против созыва Женевской конференции Китай способствовал Израилю, политика которого направлена на продолжение оккупации арабских земель, на срыв решения ближневосточной проблемы.

Китай проводил политику разобщения арабских стран, использования их разногласий. Факты свидетельствовали о двуличии Пекина, о его попытках столкнуть арабов друг с другом, не допустить создания единого арабского фронта в борьбе против израильских агрессоров. Например, китайский посол в Ливане во время встречи с лидером Демократического фронта освобождения Палестины (ДФОП) Н. Хаватмой заявил о поддержке палестинцев в их борьбе против «американских империалистических заговоров» и заверил, что Китай рассматривает «поэтапную дипломатию» Г. Киссинджера на Ближнем Востоке как «империалистический заговор». В то же время другие представители КНР делали диаметрально противоположные заявления. Так, заместитель министра иностранных дел КНР Хэ Ин сказал корреспонденту египетского еженедельника «Аль-Мусаввар», что «идеи Вашингтона получили в арабском районе некоторый прогресс» и что те, кто выступил против египетско-израильского соглашения о втором этапе разъединения войск на Синае, «действуют в целях разобщения рядов арабов, раскола арабского единства»¹⁰⁸.

Интересам Израиля и сил империализма соответствовала и позиция КНР в ООН. Во время обсуждения ближневосточной проблемы китайская делегация занималась распространением клеветы по поводу политики СССР, отказываясь от участия в голосовании. Пекин не реагировал на размещение американских специалистов вдоль линии развода израильских и египетских войск, в то время как раньше Китай категорически выступал против присутствия в этом районе наблюдателей.

Пекин практически прекратил критику агрессивной политики Израиля, замалчивал «освоение» им арабских земель и преследование арабского населения, ни разу не выступил с официальным осуждением агрессивных актов Израиля против Ливана, происков правых сил этой страны. Китай не участвовал ни в одной международной конференции в поддержку арабских народов, не провел ни одного митинга солидарности у себя в стране. Не отмечалась в КНР и Неделя солидарности с борьбой народа Палестины.

¹⁰⁷ ИБАС, 8.VI.1975, с. 11.

¹⁰⁸ «Аль-Мусаввар» (Каир), 11.XII.1975.

Хотя китайский делегат голосовал за резолюцию XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в которой сионизм осуждался как «форма расизма и расовой дискриминации», китайская печать фактически замалчивала эту резолюцию, не выступала с осуждением сионизма. О значительном изменении позиции Пекина в отношении Израиля заговорила даже буржуазная печать, по сообщениям которой министр иностранных дел КНР Цяо Гуань-хуа в выступлении 20 мая в Тяньцзине перед армейскими руководителями и провинциальными партийными работниками заявил, что дальнейшее существование Израиля, в конечном счете, выгодно Китаю. «Само существование Израиля,—сказал он,—достаточно для увековечивания конфронтации между СССР и США». Цяо Гуань-хуа цинично подчеркнул, что для Китая неважно, кто выиграет войну — арабы или израильтяне — и исчезнут ли с лица земли израильтяне или палестинцы¹⁰⁹. Китайская сторона не опровергла эти сообщения западной печати.

В русле антисоветизма китайское руководство пыталось перевести и борьбу арабских стран против иностранных монополий. С этой целью распространялась клевета, пропагандировались измышления буржуазной прессы о создании советских военных баз в арабских странах и пр. Китайская пропаганда призывала Запад бороться против Советского Союза. «энергично добиваться развития отношений с ближневосточными странами, установления контактов с нефтедобывающими государствами этого района с целью обеспечения себя стабильным нефтеснабжением»¹¹⁰.

Пекин уклонялся от какой-либо координации своей «нефтяной» политики с ОПЕК. После визита в КНР в июле 1975 г. бывший министр нефтяной и горнорудной промышленности Венесуэлы Табло Перес Альфонсо заявил, что «Китай не заинтересован в присоединении к ОПЕК... не намерен вступить в ОПЕК ни сейчас, ни в будущем». Прикрываясь разговорами с представителями нефтедобывающих стран о незначительном объеме экспорта китайской нефти, Пекин в то же время усиленно распространял данные о быстром росте добычи нефти в стране и своих возможностях снабжать ею Японию и другие страны, с тем чтобы дополнительно заинтересовать империалистические государства в развитии отношений с Китаем.

Разоблачая закулисную деятельность Пекина в области международной нефтяной политики, кувейтская газета сообщала, что перед совещанием стран — членов ОПЕК Китай

¹⁰⁹ «Нью-Йорк Таймс», 8.X.1975; «Единот ахронот», 13.X.1975; «Франкфуртер альгемайне», 14.X.1975.

¹¹⁰ ИБАС, 13.IV. 1975, с. 7.

предложил одной американской монополии ежегодно поставлять 3 млн. т нефти по цене ниже мировой. «На словах китайские лидеры призывают к борьбе против империализма и оказанию помощи национально-освободительным движениям, — отмечалось в статье, — а на деле проводят политику, противоречащую интересам развивающихся стран и наносящую вред этим движениям. Эта политика китайского руководства дает США новые средства давления на нефтедобывающие страны, которые ведут борьбу против засилья монополий, за справедливое использование своих природных ресурсов»¹¹¹.

В отношениях со странами Персидского залива политика Пекина была направлена на поддержку курса империалистических держав и правых сил, на запугивание стран региона «советской угрозой». Не затрагивая вопроса об американских военных базах, крупных американских поставках оружия, о войне султана Кабуса против народа Дофара, китайская пропаганда распространяла клеветнические измышления по поводу того, что якобы Советский Союз «серьезно угрожает странам района Персидского залива и их нефтетранспортной линии»¹¹².

Китайские руководители использовали в своих интересах правонационалистические силы, разногласия между отдельными государствами, меркантильно-прагматический подход отдельных лидеров арабских стран к отношениям с КНР, обещания предоставить экономическую и военную помощь. В то же время политика Китая в отношении арабских стран носила более гибкий, дифференцированный характер.

Активную политику Китай проводил в отношении АРЕ, Алжира, Марокко, Туниса, Мавритании, Судана, Ирака, развивал торговлю с Саудовской Аравией, Иорданией, Ливией. Пекин открыто контактировал с правыми, антисоветскими силами в АРЕ, широко использовал клеветнические вымыслы местной реакции в адрес СССР с целью осложнения советско-арабских отношений, распространял клевету на политику СССР в АРЕ, старался скомпрометировать советскую помощь, призывая руководителей АРЕ развивать отношения с Западом¹¹³. Активизируя отношения с Египтом, Китай приступил к частичной реализации кредита, обещанного ему еще в середине 60-х годов, пригласил торговую делегацию АРЕ во главе с министром торговли, которая подписала протокол о товарообмене на 1975 г.¹¹⁴. В течение года КНР посетил ряд других делегаций АРЕ.

¹¹¹ «Аль-Ватан», 13.VIII.1975.

¹¹² ИБАС, 14.VII.1975, с. 8—9.

¹¹³ ИБАС, 25.VII.1975, с. 9—10.

¹¹⁴ «Жэньминь жибао», 1.VI.1975.

Широкие контакты поддерживались с Алжиром. Стороны обменялись рядом делегаций. Китай посетили алжирские делегации министерства высшего образования и научных исследований, министерства сельского хозяйства и аграрной реформы. В ходе последнего визита было подписано соглашение, предусматривающее участие китайской стороны в создании четырех сельскохозяйственных объектов в АНДР. Алжир посетили делегация работников морского транспорта КНР во главе с министром Дун Хуа-мином, который подписал соглашение о судоходстве между двумя странами, делегация почтово-телеграфных работников во главе с министром связи Чжун Фу-сянем, делегация медицинских работников во главе с министром здравоохранения Лю Сянпином.

Активизация курса в отношении Алжира (о чем свидетельствовали визиты китайских министров, а также начало реализации ранее взятых на себя экономических обязательств) имела целью приглушить критику со стороны алжирской общественности китайской политики на международной арене. С осуждением этой политики в апреле выступили рабочие национального общества СОНАТРАК, которые потребовали от правительства КНР пересмотреть отношения с чилийской хунтой, подчеркнув в своем заявлении, что любая связь с ней играет на руку реакции и империализму. Политику Пекина в отношении Анголы осудил центральный орган партии Фронт национального освобождения Алжира «Революсьон африкэн», который подчеркнул, что раскольнические, антинародные силы в этой стране опираются на помощь капиталистического Запада и «одной так называемой ядерной державы, считающей себя антигегемонистской силой». В статье говорилось, что эта держава изображает себя горячим сторонником «мировой революции», но на деле тайно и явно выступает заодно с южноафриканским режимом и другими реакционными силами против Народной Республики Ангола.

Получили развитие отношения КНР с Суданом. Между странами было подписано торговое соглашение на 1975 г., состоялся обмен военными делегациями: в Судан ездила делегация НОАК во главе с командующим Фучжоуским военным округом¹¹⁵, в КНР побывала военная делегация Судана во главе с командующим бронетанковыми силами¹¹⁶. В декабре в Судане было учреждено Общество судано-китайской дружбы.

Расширились торгово-экономические и культурные связи Китая с Тунисом, Марокко и Мавританией.

¹¹⁵ «Жэньминь жибао», 25.V., 9.VI.1975.

¹¹⁶ «Жэньминь жибао», 9.X., 15.X.1975.

Активный обмен визитами отмечен между КНР и Ираком. По приглашению китайской стороны КНР посетил ряд делегаций других стран (НДРГ, Сирии, Бахрейна).

Блокирование с империализмом в Африке

По одну сторону с силами империализма, расизма, реакции китайские лидеры оказались и в африканском регионе. Борьба против сил мира, национального освобождения и социализма закономерно привела Китай в лагерь врагов народа Анголы. Пекин открыто стал на сторону ФНЛА еще в конце 1973 г. В 1974 г. в спешном порядке послал около 120 китайских военных инструкторов для оказания помощи этой организации в создании армии, поставил свыше 450 т вооружений и боеприпасов¹¹⁷. В марте 1975 г. по приглашению китайского руководства Пекин посетили делегации УНИТА, а в июле — делегация ФНЛА, которые встречались с рядом высших китайских руководителей, в том числе с Дэн Сяо-пином¹¹⁸.

Пытаясь замаскировать свои связи с раскольниками и предотвратить критику со стороны прогрессивных сил, маоисты в июне пригласили также делегацию МПЛА во главе с членом Политбюро А. Ларой¹¹⁹. Одновременно Пекин стал распространять версию о том, что якобы он перестал «оказывать новую военную помощь любой из трех организаций»¹²⁰, хотя МПЛА этой помощи не получала.

На практике Пекин не только не прекратил оказание помощи раскольникам, но и усилил свою борьбу против МПЛА. Выступая 9 января 1976 г. в Луанде, А. Лара отметил, что вместе с империалистами против Анголы выступает Пекин, который готовит военные кадры для ФНЛА и УНИТА, снабжает их оружием, боеприпасами и ведет пропаганду, направленную на подрыв национально-освободительного движения. В августе агентство Ангола Пресс заявило, что «Китай не просто поддерживает самые реакционные силы Анголы, ставя себя тем самым на сторону сил империализма, но активно снабжает значительными партиями легкого и тяжелого вооружения так называемый Национальный фронт освобождения Анголы» (ФНЛА).

¹¹⁷ «South China Morning Post», Hongkong, 3.VI.1974; «Правда», 18.XI.1975; «Известия», 17.VII.1975; «Азия и Африка сегодня», 1976, № 2, с. 35.

¹¹⁸ «Жэньминь жибао», 21.III.1975; 1.IV.1975; 12.VII.1975; 15.VII.1975.

¹¹⁹ «Жэньминь жибао», 3.VI.1975.

¹²⁰ «Жэньминь жибао», 9.XI.1975.

В своей пропаганде Пекин ни разу не выступил с осуждением империалистической интервенции в Анголе, но зато усиленно спекулировал на опасной ситуации в Анголе, провоцируя напряженность в отношениях между СССР и США. Понимая, что раскольнические организации в Анголе не смогут противостоять МПЛА, китайские руководители всячески толкали силы империализма на вмешательство в борьбу против ангольского народа. С этой целью они широко пропагандировали версию о «советском вмешательстве»¹²¹.

Своей политикой в Анголе Пекин противопоставил себя антиимпериалистическим силам Африки. К началу 1976 г. Народную Республику Анголы признало свыше 40 государств, в том числе более 20 стран Африки. Китайское руководство не выступило с признанием Народной Республики Ангола. Попытки Пекина навязать Анголе «коалиционное правительство» с участием ФНЛА и УНИТА были отвергнуты народом Анголы.

Такая политика в Анголе заставила Пекин в течение года усиленно маневрировать на Африканском континенте с целью сохранения своего влияния среди антиимпериалистических сил. Пекин несколько активизировал связи с прогрессивными африканскими режимами, расширил круг стран — получателей экономической помощи. Китай подписал соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве с Народной Республикой Конго, Малагасийской Демократической Республикой, Мозамбиком, Гвинеей (Бисау), соглашение о сотрудничестве в сельском хозяйстве и медицинском сотрудничестве с Бенином и ряд соглашений с другими государствами.

Большое внимание китайское руководство уделяло завершению строительства железной дороги в Танзании и Замбии (1860 км). На строительстве этой дороги было занято свыше 15 тыс. китайских рабочих. Дорога открыта 23 октября 1975 г. Начиная с 1983 г. на протяжении 30 лет Китай за участие в строительстве будет получать от Танзании и Замбии конвертируемую валюту, экспортные товары этих стран.

Большое внимание Пекин уделял африканским странам прозападной ориентации. Китай посетил ряд правительственных делегаций из этих государств, в том числе президент Габона А. Б. Бонго¹²². В свою очередь китайское руководство направило в африканские страны ряд делегаций, которые возглавляли министр здравоохранения КНР Лю Сян-пин, министр коммуникаций Е Фэй, заместитель министра внеш-

¹²¹ ИВАС, 28.VII.1975, с. 5—6.

¹²² «Жэньминь жибао», 28.VI.1975.

ней торговли Чэнь Цзе, заместитель министра здравоохранения Цзян Хуа-лянь, директор Народного банка КНР Чэнь Си-юнь и другие официальные лица.

Китайское руководство уделяло особое внимание развитию связей с журналистами стран Африки, сотрудничеству по линии образования, здравоохранения и в области сельского хозяйства. Член Политбюро ЦК КПК Яо Вэнь-юань встречался с делегациями журналистов из Ганы, Гвинеи, Мали, Камеруна и других стран. Продолжалось развитие сотрудничества Китая с рядом африканских стран по линии культурного обмена и спорта.

Особое место в гегемонистских планах Пекина по-прежнему отводилось странам Восточной Африки. В страны этого района направлялась большая часть китайской помощи Африке. Кроме участия в строительстве «Танзам», Китай оказывал содействие в строительстве шоссейной дороги в Сомали протяженностью около 1 тыс. км, в сооружении медицинских объектов, стадиона в предместьях Могадишо, рисоводческой фермы в Джоухаре. В Бурунди китайские специалисты начали строительство текстильной фабрики, вели работы по прокладке шоссе Бужумбура — Матана — Источник Нила (155 км). Китай оказывал помощь в развитии сельского хозяйства Эфиопии, Танзании, Мадагаскара, Замбии.

В странах Западной и Центральной Африки китайское руководство уделяло важное внимание развитию связей с Заиром, НРК, Гвинеей, Ганой, Мали и Сенегалом. Китай поддерживал политику Заира в отношении Анголы; правительство Заира в свою очередь предоставило право китайским военным инструкторам обучать на своей территории отряды ФНЛА. Пекин прилагал усилия, чтобы внедриться в вооруженные силы Гвинеи, НРК, Сенегала. Подчеркнуто теплый прием был оказан в Пекине начальнику генерального штаба вооруженных сил Сенегала И. Фалла¹²³.

Несмотря на всю активность Китая, в 1975 г. ему не удалось добиться заметных успехов в Африке. Подавляющее большинство государств Африканского континента отвергало попытки маоистов навязать им антисоветский курс, не разделяло взглядов Пекина по важнейшим политическим проблемам современности. «Мы считаем, — писала 17 мая 1975 г. кенийская газета „Дейли нейшн“, — что было бы лучше для Китая, если бы он прекратил свои усилия, направленные на разжигание военного психоза во всем мире, и предпринял искренние конструктивные усилия в целях создания прочного мира во всем мире».

¹²³ «Жэньминь жибао», 4.VII.1975.

Вопреки интересам народов Латинской Америки

Значительную активность проявил Пекин в странах Латинской Америки, хотя в 1975 г. китайскому руководству не удалось добиться установления дипломатических отношений ни с одной новой страной континента. И в этом районе мира усилия китайских лидеров и их агентуры в лице раскольнических пропекинских группировок концентрировались на подрыве растущих связей латиноамериканских стран с социалистическим содружеством. Характеризуя политику Пекина как находящуюся в глубоком противоречии с интересами латиноамериканских народов, Совещание коммунистических и рабочих партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна, созванное в июне 1975 г. в Гаване, подчеркнуло, что «самое пагубное выражение этой политики китайского руководства в Латинской Америке состоит в его бесстыдном сговоре с чилийской военной хунтой, которой оно оказывало поддержку, невзирая на кровь тысяч коммунистов, социалистов и других патриотов, зверски замученных фашистской тиранией», что Пекин «поддерживает повсюду группы псевдореволюционеров, которые, действуя с позиций мнимого радикализма, раскалывают левые силы, нападают на компартии, чинят препятствия прогрессивным процессам и зачастую действуют как вражеские агенты в рядах революционного движения»¹²⁴.

Новые факты свидетельствовали о все более тесном сближении Пекина с чилийскими фашистами. Руководство КНР отказалось участвовать в конференции солидарности с народом Чили, состоявшейся в Афинах (ноябрь), неизменно уклонялось от голосования в Генеральной Ассамблее ООН и Комиссии ООН по правам человека по резолюциям, осуждающим террор в Чили. На приеме в честь посла КНР в Чили Сюй Чжун-фу (июнь) глава хунты Пиночет заявил, что стороны договорились расширять «дружественные отношения». В сентябре в Пекин прибыла торговая делегация хунты во главе с экономическим советником МИД Рикардо Клао. Делегация обсуждала с китайским руководством планы расширения закупок КНР чилийской меди, нитратов, химических товаров. По сообщениям западной печати, Пекин согласился предоставить хунте заем в 58 млн. долл.¹²⁵.

Китайская дипломатия проявляла особую активность в отношении стран Центральной Америки и Карибского бассейна, в частности Мексики, Тринидада и Тобаго, Гайаны,

¹²⁴ «Коммунист», 1975, № 10, с. 97.

¹²⁵ «Business Week», 1975, № 14115, с. 66.

Ямайки, Панама и стран Южной Америки — Бразилии и Эквадора.

В марте — апреле в Мексике побывала делегация КНР во главе с заместителем премьера Госсовета Чэнь Юн-гусем, обсуждавшая планы расширения экономических связей между двумя странами. В сентябре в МИД Мексики было подписано соглашение с научно-техническим сотрудничеством на пятилетний период, предусматривавшее обмен научно-техническими специалистами и информацией, расширение культурного обмена, в частности приглашение в КНР мексиканских кинематографистов и подготовку в Мексике китайских специалистов по испанскому языку¹²⁶.

В октябре в г. Тихуана открылась торгово-экономическая выставка КНР. В свою очередь, в Китае побывал ряд делегаций из Мексики, включая делегации работников сельского хозяйства и промышленности, культуры, медицины и пр. Торгово-экономические выставки КНР были проведены также в столице Ямайки Кингстоне (февраль — март) и в Панаме (апрель).

В конце года в КНР с «рабочим визитом» находился глава правительства Тринидада и Тобаго Э. Уильямс, который подписал с китайской стороной соглашение об обмене посольствами. В апреле КНР посетила экономическая делегация страны во главе с министром промышленности и торговли Э. Махабиром.

В марте с визитом в Пекине побывал премьер-министр Гайаны Ф. Бернхэм. В результате переговоров был подписан договор об экономическом и научно-техническом сотрудничестве, в соответствии с которым КНР обещала предоставить Гайане беспроцентный заем в размере 10,33 млн. долл. сроком на 5 лет.

Большое внимание Пекин уделял расширению отношений с Бразилией. Стремясь заинтересовать промышленные круги страны перспективной долгосрочных экономических связей с Китаем, Пекин активно пропагандировал идею заключения долгосрочного соглашения о поставках китайской нефти и угля. В апреле в Бразилии находилась делегация КНР во главе с директором Государственного комитета по импорту и экспорту химических товаров, в июне в КНР побывала делегация бразильских коммерсантов, с которой было заключено соглашение о закупках в Китае сырья для фармацевтической промышленности.

Получили развитие отношения КНР с Эквадором. В июле в КНР находилась правительственная делегация во главе с министром промышленности и торговли Эквадора, которая

¹²⁶ «El Dia» (Mexico), 10.IX.1975.

подписала соглашение об учреждении торговых представительств в обеих странах. В столице Эквадора Кито открылась торгово-экономическая выставка КНР. В страну была направлена большая группа китайских артистов.

Пекин уделял большое внимание международным конференциям, прошедшим в Латинской Америке. Пекинская дипломатия стремилась увести эти форумы от обсуждения реальных политико-экономических проблем и направить их работу в русло осуждения пресловутого «гегемонизма сверхдержав», против идей международной разрядки. Однако представителям КНР не удалось добиться включения своих тезисов в итоговые документы. На конференции ЮНИДО предложение представителей Пекина включить пункт о «гегемонии сверхдержав» в качестве поправки к проекту «Декларации плана действий о промышленном развитии и сотрудничестве», выдвинутому «группой 77», было отвергнуто большинством делегатов. Неодобрительно были встречены делегатами Всемирной конференции ООН в рамках Международного года женщин Мехико обычные выпады китайских представителей против Советского Союза, международной разрядки и разоружения, навязывание тезисов о неизбежности новой мировой войны. Подавляющее большинство делегатов также отвергло предложение Пекина о включении в итоговый документ пункта о «сверхдержавах». Оказавшись в явной изоляции, китайские представители отказались от голосования по итоговому документу конференции.

Даты установления дипломатических отношений КНР со странами Азии, Африки и Латинской Америки

А з и я

1. Афганистан	20.I.1955
2. Бангладеш	4.X.1975
3. Бирма	8.VI.1950
4. Индия	1.IV.1950
5. Индонезия	9.VI.1950
6. Ирак	25.VIII.1958
7. Иран	16.VIII.1971
8. Йеменская Арабская Республика	24.IX.1956
9. Камбоджа	24.VII.1958
10. Кувейт	22.III.1971
11. Лаос	7.IX.1962
12. Ливан	9.XI.1971
13. Малайзия	31.V.1974
14. Мальдивская Республика	14.X.1972
15. Народно-Демократическая Республика Йемен	31.I.1968
16. Непал	1.VIII.1955
17. Пакистан	21.V.1951
18. РЮВ	14.VI.1969

19. Сирия	10.VIII.1956
20. Таиланд	1.VII.1975
21. Турция	4.VIII.1971
22. Филиппины	9.VI.1975
23. Шри Ланка	7.II.1957
24. Фиджи (Океания)	15.XI.1975

А ф р и к а

1. Алжир	20.XII.1958
2. АРЕ	30.V.1956
3. Ботсвана	6.I.1975
4. Бурунди	23.XII.1963
5. Верхняя Вольта	15.IX.1973
6. Габон	20.IV.1974
7. Гамбия	14.XII.1974
8. Гана	5.VII.1960
9. Гвинея	4.X.1959
10. Гвинея (Бисау)	20.III.1974
11. Дагомея (Бенин)	12.XI.1964
12. Заир	24.XI.1972
13. Замбия	29.X.1964
14. Камерун	26.III.1971
15. Кения	14.XII.1963
16. Коморские о-ва	13.XI.1975
17. Маврикий	15.IV.1972
18. Мавритания	19.VII.1965
19. Малагасийская Республика	6.XI.1972
20. Мали	25.X.1960
21. Марокко	1.XI.1958
22. Мозамбик	25.VI.1975
23. Народная Республика Конго	22.II.1964
24. Нигер	20.VII.1974
25. Нигерия	10.II.1971
26. Руанда	12.XI.1971
27. Сан-Томе и Принсипи	12.VII.1975
28. Сенегал	7.XII.1971
29. Сомали	14.XII.1960
30. Судан	4.II.1959
31. Сьерра-Леоне	29.VII.1971
32. Танзания	26.IV.1964
33. Того	19.IX.1972
34. Тунис	10.I.1964
35. Уганда	18.X.1962
36. Чад	28.XI.1972
37. Экваториальная Гвинея	15.X.1970
38. Эфиопия	24.XI.1970

Л а т и н с к а я А м е р и к а

1. Аргентина	19.II.1972
2. Бразилия	15.VIII.1974
3. Венесуэла	28.VI.1974
4. Гайана	27.VI.1972
5. Мексика	14.II.1972
6. Перу	2.XI.1971
7. Тринидад и Тобаго	20.VI.1974
8. Чили	15.XII.1970
9. Ямайка	21.XI.1972

Итоги состоявшихся в 1975 г. VII специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН со всей очевидностью свидетельствовали о том, что большинство государств мира признают разрядку напряженности важнейшим фактором международных отношений, открывающим перед народами благоприятные возможности для разрешения наиболее важных проблем современности. Такими проблемами являются: ограничение гонки вооружений, мирное разрешение международных конфликтов, окончательная ликвидация колониального господства, радикальная перестройка неравноправных экономических отношений развивающихся стран с империалистическими державами, налаживание равноправного, взаимовыгодного международного сотрудничества.

Однако на пути достижения этих целей стоят силы империализма и реакции. Они пытаются снова вернуть народы к временам «холодной войны», подогревают гонку вооружений. Во главе этих сил стоят военно-промышленный комплекс США и агрессивные круги НАТО. Оздоровлению политического климата в мире противостояли и китайские лидеры. Представители КНР использовали трибуну ООН каждый раз для новых антисоветских выступлений, для нападок на процесс налаживания международного сотрудничества, на разрядку международной напряженности; делали попытки подорвать значение ООН.

Выступая 2 сентября на VII специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, глава делегации КНР, министр внешней торговли Ли Цян вновь обрушился на Советский Союз с клеветническими измышлениями, проповедовал тезис о неизбежности новой мировой войны. Он пытался опорочить миролюбивую внешнюю политику Советского Союза, его равноправное, взаимовыгодное сотрудничество со всеми странами, включая развивающиеся государства.

Политика Советского Союза, направленная на разрядку, на разоружение, на оказание помощи развивающимся странам, изображалась в самом извращенном виде. Однако оголтелый антисоветизм клеветников из Пекина не находил поддержки со стороны подавляющего большинства государств — участников VII специальной сессии ООН. Более того, многие из них воочию убедились в том, что политика пекинского руководства лишь затрудняла борьбу развивающихся государств за установление справедливых экономических отношений, разобщала единый антиимпериалистический фронт социалистических и развивающихся стран.

То же повторилось на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН, проходившей в сентябре—декабре. Она стала важным

событием в международной жизни, показавшим, что разрядка международной напряженности, упрочение принципов мирного сосуществования являются ныне главной тенденцией в отношениях между государствами с различным общественным строем. Важнейшим результатом сессии было одобрение советских предложений «О запрещении разработки и производства новых видов оружия массового уничтожения и новых систем такого оружия» и «О заключении Договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия».

За принятие предложения «О запрещении разработки и производства новых видов оружия массового уничтожения» проголосовало 112 делегаций — подавляющее большинство государств — членов ООН. Китайский представитель голосовал против.

Внося проект договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия, т. е. запрещении ядерных испытаний во всех средах — в атмосфере, космическом пространстве, под водой и под землей, — Советский Союз исходил из того, что такое обязательство должны взять на себя все государства, в том числе все ядерные державы. Делегации 94 стран проголосовали за советское предложение. Представители Пекина снова выступили против. Тем самым китайское руководство вновь разоблачило себя как сторонника разжигания военной истерии, нагнетания международной напряженности, наращивания гонки вооружений.

Сессия подтвердила также необходимость осуществления других предложений в области разоружения, выдвинутых Советским Союзом на предыдущих сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Ассамблея поручила Комитету по разоружению продолжить переговоры с целью согласования, по возможности в 1976 г., текста конвенции о запрещении военного и иного враждебного использования средств воздействия на природную среду.

Вновь рассматривался вопрос о созыве Всемирной конференции по разоружению. Как известно, ее подготовка тормозилась КНР и США. Принятая Генеральной Ассамблеей резолюция свидетельствовала о заинтересованности народов мира в созыве этого широкого форума, который мог бы дать новый импульс решению вопросов разоружения. Подавляющим большинством голосов Ассамблея одобрила резолюцию по вопросу осуществления Декларации об укреплении международной безопасности, рекомендованной Первым комитетом (по политическим вопросам и вопросам безопасности). Эта декларация была, как известно, одобрена по инициативе Советского Союза. Ассамблея заявила в резолюции, что она приветствует новые достижения и тенденции в международных отношениях, такие, как прогресс в области де-

колонизации, ликвидация очага войны в Индокитае, успешное проведение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и другие решения, содействующие укреплению международной безопасности. В целях устранения причин международной напряженности и обеспечения мира, безопасности и сотрудничества государств Ассамблея рекомендовала принять срочные меры по прекращению гонки вооружений и содействию разоружению, включая созыв Всемирной конференции по разоружению. За резолюцию было подано 109 голосов, ни одна делегация не голосовала против¹²⁷. Представитель Пекина выразил резко отрицательное отношение китайского руководства к резолюции, заявив о том, что «война неизбежна», и уклонился от голосования.

Продолжая политику саботажа всех усилий по ограничению гонки вооружений, делегация КНР голосовала против резолюции, одобренной Первым комитетом Генеральной Ассамблеи (за резолюцию проголосовали делегации 91 страны), в которой выражалась поддержка советской инициативы о сокращении военных бюджетов государств — постоянных членов Совета Безопасности. В своем выступлении китайский представитель дал понять, что не сокращение, а наращивание вооружений является главной целью Китая. В то же время он повторил избитый тезис китайского руководства, что разоружаться должны только «две сверхдержавы».

Важное место в работе Ассамблеи заняло рассмотрение комплекса вопросов, связанных с обеспечением справедливого мира на Ближнем Востоке. Подавляющим большинством голосов Ассамблея приняла резолюцию, внесенную большой группой неприсоединившихся и социалистических стран, в которой выражалась серьезная озабоченность по поводу продолжения израильской оккупации арабских территорий и упорного отрицания Израилем неотъемлемых прав арабского народа Палестины на независимое государственное существование.

Китайская делегация заняла провокационную позицию и по этому вопросу. Излагая точку зрения китайского руководства, глава делегации КНР Цяо Гуань-хуа заявил, что ответственность за сложившуюся обстановку на Ближнем Востоке лежит «главным образом на двух сверхдержавках». Китайский представитель не осудил израильских экспансионистов, зато всячески пытался опорочить позицию Советского Союза, направленную на конструктивное разрешение ближневосточной проблемы через Женевскую мирную конференцию¹²⁸. Голосование по резолюции показало, что позиция

¹²⁷ См. «Правда», 20.XI.1975.

¹²⁸ «Жэньминь жибао», 27.IX.1975.

Пекина и по этому вопросу расходилась с позицией большинства стран — членов ООН. За резолюцию проголосовали делегации 84 стран, против 17 (страны НАТО, в том числе США, Англия, ФРГ). Китай вновь не принял участия в голосовании.

Под знаком решительных требований положить конец позорной колониальной системе проходила дискуссия по вопросу осуществления декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. У представителей Пекина не нашлось слов для осуждения расистских колониальных режимов на юге Африки. На заседании Генеральной Ассамблеи по инициативе ряда африканских стран была внесена поправка к резолюции о положении на юге Африки, решительно требовавшая призвать к ответу организаторов иностранной интервенции против ангольского народа. В результате интриг пекинских делегатов и покровителей расистских интервентов в лице США эта поправка была снята с голосования.

При голосовании на сессии Генеральной Ассамблеи резолюции, в которой выражалась глубокая озабоченность в связи с постоянными и открытыми нарушениями прав человека в Чили (за резолюцию проголосовали делегации 88 стран, против — 11, воздержались — 20), делегация КНР демонстративно не приняла участия в голосовании. Представители Пекина, как и в прошлые годы, выступили на Генеральной Ассамблее за ревизию Устава ООН. Пересмотр Устава ООН и ликвидация Совета Безопасности как органа, предназначенного для поддержания международного мира и безопасности, необходимы Пекину в целях облегчения реализации его великодержавно-гегемонистских амбиций. Обострение международной обстановки, «гигантские потрясения в мире», разжигание новой мировой войны — путь, который устроил бы пекинское руководство.

Советский Союз дал решительный отпор этим пронкам. «Устав ООН, — заявил на сессии Генеральной Ассамблеи глава советской делегации, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, — фундамент всей структуры ООН. Он выдержал испытание временем и в полной мере сохраняет свое значение на будущее. В неукоснительном выполнении, а не в ревизии Устава следует искать ресурсы повышения эффективности ООН, укрепления ее авторитета»¹²⁹.

На VII специальной сессии Генеральной Ассамблеи и XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН, как и на прошлых форумах ООН, КНР не внесла ни одного практического или конструктивного предложения в целях упрочения мира. В то же время делегация КНР неизменно пыталась блокиро-

¹²⁹ «Правда», 24.IX.1975.

вать все инициативы и предложения, направленные на обуздание сил агрессии и войны, на сокращение гонки вооружений и разоружение, на установление доверия и сотрудничества между народами. Вся деятельность представителей Пекина на этих сессиях Генеральной Ассамблеи вновь подтвердила, что в ООН китайские делегаты нашли общий язык с наиболее оголтелыми представителями международной реакции — с воинствующими кругами империализма, расистами, израильскими агрессорами, чилийскими фашистами, с агентурой империализма и неоколониализма.

ПОГРАНИЧНАЯ ПОЛИТИКА РУКОВОДСТВА КНР

Как и в прошлые годы, пекинские лидеры уделяли в 1975 г. большое внимание погранично-территориальным вопросам. Сущность пограничной политики Китая на нынешнем этапе очень четко охарактеризовал министр иностранных дел КНР Цяо Гуань-хуа, заявивший в одном из своих выступлений: «В настоящее время Китай ведет войну в районе аванпостов. Когда мы наведем порядок в районе сторожевого охранения, мы начнем решающую войну против наших врагов»¹³⁰.

Пекин продолжал демонстрировать свое нежелание искать пути урегулирования китайско-индийского пограничного спора, используя любой повод для усиления напряженности в этом районе. Так, воспользовавшись соглашением, достигнутым по ряду принципиальных вопросов между правительством Индии и кашмирскими лидерами, Пекин развернул широкую кампанию, обвинив Индию в аннексии Кашмира¹³¹.

Пекин столь же болезненно реагировал на результаты референдума в Сиккиме, где большинство населения высказалось за вхождение его в состав Индии в качестве полноправного штата. В специальном заявлении, опубликованном 29 апреля 1975 г.¹³², правительство КНР «отказалось» признать итоги референдума, также квалифицировав их как акт «агрессии». Тем самым китайская пропаганда пыталась найти какие-то доводы в подкрепление своего тезиса об «экспансионистском» характере политики Индии, о «захвате» ею части китайской территории.

Важным элементом пограничной политики руководителей КНР являлась поддержка всякого рода антиправительственных движений в приграничных районах сопредельных стран, создание и поддержание там обстановки напряженности и нестабильности. Большое внимание Пекин уделял сепаратист-

¹³⁰ «Литературная газета», 14.I.1975.

¹³¹ «Жэньминь жибао», 25.II.1975.

¹³² ИБАС, 30.IV.1975.

ским движениям племен нага и мизо в Индии. Стремление гальванизировать это движение привело к возникновению на китайско-индийской границе вооруженного столкновения, осуществленного китайской стороной по уже отработанной схеме нападения из засады. 20 октября около 40 китайских солдат проникли на индийскую территорию в районе перевала Тулун на восточном участке китайско-индийской границы. Китайские солдаты напали на индийский пограничный патруль, состоявший из шести человек. В результате нападения четыре индийских пограничника были убиты, китайская сторона потерь не имела¹³³. В своем протесте Китаю индийское правительство охарактеризовало этот инцидент как неоправданное нападение¹³⁴.

С середины 1975 г. китайское руководство стало проявлять заинтересованность в нормализации отношений с Бирмой. Президент Бирмы Не Вин посетил в ноябре 1975 г. Пекин, в результате чего было подписано совместное коммюнике¹³⁵. Положения этого коммюнике могли бы содействовать ликвидации напряженности на китайско-бирманской границе и развитию добрососедских отношений между обеими странами. В этом документе стороны подтвердили, что отношения между ними будут строиться на основе пяти принципов мирного сосуществования. Тем самым китайская сторона взяла на себя обязательство больше не оказывать поддержки антиправительственным силам в Бирме, уважать ее территориальную целостность и суверенитет, — иными словами, не нарушать неприкосновенность границ страны. В связи с этим особое значение приобретал пункт 8-й совместного коммюнике, гласящий: «Обе стороны взаимно гарантируют ненападение и неучастие в каком-либо военном союзе, направленном против другой стороны. Они согласились также использовать мирные переговоры для решения каких-либо разногласий, могущих возникнуть между ними». Это положение повторяло статью 3-ю Договора о дружбе и нейтралитете между КНР и Бирмой от 28 января 1960 г.¹³⁶, существование которого, однако, не мешало Пекину в прошлом активно вмешиваться во внутренние дела Бирмы. Естественно, положительное развитие китайско-бирманские отношения смогут получить только тогда, когда пекинское руководство будет безусловно соблюдать взятые на себя обязательства, неуклонно следуя духу и букве подписанного документа¹³⁷.

¹³³ «Правда», 2.XI.1975.

¹³⁴ «Daily Telegraph», 3.XI.1975.

¹³⁵ «Жэньминь жибао», 16.XI.1975.

¹³⁶ «Жэньминь жибао», 1.II.1960.

¹³⁷ Информационное агентство Бирмы сообщило, что в ноябре — декабре 1975 г. на юге Шанской национальной области произошли жесто-

Зоной напряженности продолжало оставаться Южно-Китайское море. С момента вооруженного захвата военноморскими силами КНР Парасельских о-вов (Сиша) в январе 1974 г. китайская печать постоянно публиковала материалы, в которых подтверждались претензии Китая на владение всеми островами Южно-Китайского моря и изыскивались соответствующие «аргументы». В 1975 г. эта кампания приобрела тенденцию к усилению. Если в прошлом материалы на эту тему публиковались лишь на страницах «Гуанмин жибао», то в октябре они появились даже в органах внешнеполитической пропаганды Китая. Так, журнал «Китай» опубликовал серию статей, подготовленных Институтом океанографии Южно-Китайского моря Академии наук Китая, и обширные фоторепортажи о работе на Парасельских о-вах комплексной научной экспедиции. В статьях особо подчеркивалось, что Парасельские и другие острова Южно-Китайского моря «испокон веков являются составной частью территории нашей страны»¹³⁸.

24 ноября газета «Гуанмин жибао» выступила с большой статьей, в которой повторяла утверждения об исторической принадлежности Китаю всех островов Южно-Китайского моря¹³⁹. В статье приводились данные из китайских исторических хроник, которые якобы свидетельствовали о том, что острова всегда входили в состав китайского государства на том основании, что «в глубокой древности китайский народ... первым открыл эти острова».

В этой связи следует напомнить, что в ходе победного наступления патриотических сил Южного Вьетнама в апреле 1975 г. подразделения НВСО РЮВ освободили все острова группы Спратли (китайское название Наньша, вьетнамское — Чьюнг Са), находившиеся ранее под контролем войск режима Тхиеу. На некоторых островах восточной части архипелага размещались филиппинские посты¹⁴⁰, о-в Иту-Аба занят гоминьдановцами, а островки и атоллы Сенгму (Цэнмутань) использовались малайзийскими пограничниками и рыбаками как базы отдыха.

Постоянная публикация в китайской печати материалов об «исторической принадлежности» островов Южно-Китайского моря Китаю и демонстративный отказ считаться с ин-

ченные бои армейских частей с мятежниками. Понеся в ходе боев тяжелые потери в людях и вооружении, мятежники бежали в направлении китайской границы («Известия», 12.1.1976).

¹³⁸ «Китай», 1975, № 10, с. 8.

¹³⁹ 25 ноября 1975 г. эта статья была перепечатана в «Жэньминь жибао», а 28 ноября помещена в ИБАС.

¹⁴⁰ Правительство Филиппин претендует на некоторые острова восточной части группы, называемые филиппинцами о-ва Калаяана.

тересами других стран недвусмысленно показывал стремление китайской стороны содействовать дальнейшему обострению обстановки в этом районе.

Пекинские лидеры использовали все возможности, чтобы содействовать ухудшению японо-советских отношений, втянув Японию в фарватер антисоветской политики. Особое место в этой деятельности Пекина в 1975 г. отводилось так называемому «вопросу о северных территориях».

Подыгрывая реакционным силам Японии, пекинское руководство отказалось от своих прежних утверждений об окончательном характере решений по территориальному вопросу на Дальнем Востоке, принятых союзниками накануне окончания второй мировой войны¹⁴¹. Оно выступило в поддержку требований определенных кругов в Японии о «возвращении» ей южных островов Курильской гряды. Более того, на этой основе Пекин пытался разжечь антисоветские настроения в Японии, подтолкнуть ее к созданию напряженности в советско-японских отношениях. Так, 30 января 1975 г. «Жэньминь жибао» поместила карту, на которой, вопреки ранее принятым международным актам, граница между территориальными водами СССР и Японии проведена не южнее о-ва Кунашир, как это имеет место в действительности, а севернее о-ва Итуруп.

Китайские делегации, посещавшие Японию, щедро обещали сторонникам пересмотра границ «сердечную поддержку» Пекина¹⁴². В частности, Чу Ту-нань, глава делегации общества китайско-японской дружбы, находившейся в Японии в сентябре, заявил на одном из приемов: «Мы решительно поддерживаем борьбу Японии за возвращение северных территорий»¹⁴³.

Китай не в первый раз пытался спровоцировать погранично-территориальные конфликты между третьими странами, расположенными по периметру или вблизи границ Китая. Оказывая поддержку одной из конфликтующих сторон, Пекин получал возможность влиять на ее внешнеполитический курс. Вместе с тем, действуя «чужими руками», он оказывал военно-политическое давление и на другую сторону, получая широкое поле деятельности для всякого рода политических манипуляций. Достаточно вспомнить ту роль, которую сыграли призывы Пекина в обострении обстановки на индийско-пакистанской границе в 1964—1971 гг., в возникновении кон-

¹⁴¹ Заявление министра иностранных дел КНР Чжоу Энь-лая о проекте мирного договора с Японией и конференции в Сан-Франциско от 15 августа 1951 г.—Сборник документов внешней политики КНР, Пекин, 1958. вып. II, с. 32.

¹⁴² «Известия», 4.X.1975.

¹⁴³ «Jomijuri Shimbun», 21.IX.1975.

фликта между Индонезией и Малайзией в 1963—1964 гг. и т. д.

В течение года в Пекине продолжались советско-китайские переговоры по пограничным вопросам. Ориентируя свою внешнюю политику на длительную конфронтацию с социалистическим содружеством, пекинское руководство в новой конституции КНР законодательно закрепило антисоветский курс в качестве государственной политики «довольно длительного исторического периода». Этот курс реализовался путем всяческого затягивания хода переговоров. Не случайно в докладе о работе правительства на сессии ВСНП подчеркивалось, что споры с Советским Союзом по «принципиальным вопросам будут продолжаться длительное время»¹⁴⁴.

Какова на деле степень «принципиальности» китайского руководства в подходе к урегулированию пограничных отношений с СССР, видно хотя бы из следующего факта. После многолетних попыток уверить китайский народ и мировую общественность в том, что ведению переговоров мешает мнимая концентрация советских войск близ границы (мифическая «угроза с Севера»), пекинские лидеры начали проповедовать тезис, будто бы Советский Союз только создает «видимость» угрозы на Востоке, а на самом деле наносит «удар на Западе»¹⁴⁵.

Стремясь оправдать свою позицию на пограничных переговорах, Пекин пытался обвинить советскую сторону в том, что она якобы не признает территориальных притязаний Китая (закамуфлированных под теорию «спорных районов») ¹⁴⁶ и не удовлетворяет предварительного требования китайской стороны о выводе советской пограничной охраны из этих «спорных районов». Фактически китайская сторона блокировала переговоры отклонением всех конструктивных советских предложений. Она всячески раздувала идею «спорности» значительных участков советской территории и необходимости «развода войск» на них путем «соглашения о статус-кво». Пекинские лидеры сознательно дезинформировали общественность, утверждая, что якобы из-за позиции советской стороны «китайско-советские переговоры по пограничным вопросам до сих пор не дали результатов»¹⁴⁷.

Требования Пекина, которыми он обусловил переговоры, были неприемлемы ни для одного суверенного государства.

¹⁴⁴ Первая сессия Всекитайского Собрания народных представителей Китайской Народной Республики 4-го созыва. Документы. Пекин, 1975, с. 63.

¹⁴⁵ Там же, с. 60.

¹⁴⁶ Подробнее см.: В. С. Ольгин. Экспансионизм в пограничной политике Пекина. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 1, с. 46.

¹⁴⁷ Первая сессия ВСНП, Пекин, 1975, с. 64.

Они противоречили основным положениям современного международного права, определяющим взаимоотношения государств по погранично-территориальным вопросам. Будучи сформулированными еще в 1969 г., эти требования носили отпечаток «хунвэйбинской дипломатии» периода пресловутой «культурной революции».

В КНР продолжалась шумная пропагандистская кампания, в которой делалась попытка обосновать «исторические права» Китая на земли Советского Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии. Так, китайская пресса писала, что изучение материалов сессии ВСНП повсеместно проводилось в «тесной связи с историей агрессии старых царей в Китае»¹⁴⁸. В журналах «Лиши яньцзю», «Вэньбу» и других изданиях нагло фальсифицировалась история образования русско-китайской границы. В публикуемых этими журналами статьях авторы стремились развить тезисы о том, будто бы Нерчинский договор (1689) был заключен на равноправной основе, «хотя китайская сторона ради установления мира и достижения соглашения пошла на большие уступки», а Русское государство получило по этому договору «земли от Нерчинска к востоку от Байкала, ранее принадлежавшие Китаю, и китайскую территорию бассейна реки Уда»¹⁴⁹. Они доказывали, что «албазинская война» будто бы являлась «справедливой войной Китая против агрессии царской России»¹⁵⁰, а грабительские вылазки китайских войск в древности и средневековье на территории соседних государств имели непосредственное отношение к формированию нынешней территории КНР¹⁵¹. В журнале «Дили чжиши» была опубликована статья, содержащая необоснованные претензии на советские острова Большой Уссурийский и Тарабаров, лежащие при слиянии рек Уссури и Амура¹⁵².

Курс на сохранение напряженности в советско-китайских отношениях и антисоветская кампания пекинской пропаганды периодически камуфлировались заверениями пекинских лидеров о стремлении урегулировать пограничные отношения между двумя странами «путем равноправных переговоров с тем, чтобы отношения наших стран стали отношениями дружбы и добрососедства»¹⁵³.

¹⁴⁸ «Жэньминь жибао», 11.II.1975.

¹⁴⁹ «Лиши яньцзю», 1975, № 2, с. 99.

¹⁵⁰ «Лиши яньцзю», 1975, № 4, с. 105—116.

¹⁵¹ «Вэньбу», 1975, № 8, с. 7—12.

¹⁵² «Дили чжиши», 1975, № 1, с. 5—7.

¹⁵³ Приветствие Постоянного комитета ВСНП и Государственного совета КНР Президиуму Верховного Совета СССР и Совету Министров СССР по случаю 58-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции («Известия», 10.XI.1975).

Во внутренней пропаганде пекинские лидеры продолжали запугивать население Китая угрозой грядущей войны, призывали развивать «самообеспечивающиеся хозяйственные единицы» дачжайского типа, которые «имеют важное значение для претворения в жизнь указания председателя Мао о роли пограничных районов, о хорошей подготовке к войне, об укреплении пограничных районов и их защите». Население пограничных районов постоянно подвергалось особой обработке, его призывали «защищать границу до последней капли крови»¹⁵⁴.

Эта пропаганда выглядела совершенно абсурдной в свете последовательной миролюбивой политики СССР в отношении Китая. Принципиальная позиция СССР еще раз авторитетно была подтверждена в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду: «В отношении Китая, как и других стран, мы твердо придерживаемся принципов равноправия, уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, неприменения силы»¹⁵⁵.

¹⁵⁴ «Жэньминь жибао», 25.IX.1975.

¹⁵⁵ «Правда», 25.II.1976.

ВВЕДЕНИЕ

Новый этап борьбы маоистского руководства КНР за осуществление своих геополитических планов, наступивший после X съезда КПК (1973), нашел прямое отражение и в идеологической ситуации в стране.

Главной чертой этой ситуации явилось усиление идейно-политического давления на китайский народ в духе «идей Мао Цзэ-дуна». Этой цели служили политические кампании, проводившиеся в стране в течение 1975 г., — «критики Линь Бяо и Конфуция» (начатая еще в 1974 г.), «изучения теории диктатуры пролетариата» и «обсуждения романа „Речные заводи“». При всем различии названий и политических акцентов они были подчинены одной задаче — «обоснованию» «маоистской модели» развития китайского общества, закреплению «основной линии» Мао Цзэ-дуна, суть которой состояла в отказе от социалистического развития Китая и подмене его великодержавно-милитаристским курсом уравнилельного «казарменного коммунизма». Внедрению в общественное сознание и практику этой «линии» было отведено главное место во всех проходивших в стране «кампаниях».

Теоретическую основу «основной линии», как известно, составляла ревизионистская «концепция» существования антагонистических классов и классово-борьбы в течение всего исторического периода социализма, именуемая в китайской печати как «теория продолжения революции при диктатуре пролетариата». Обоснованию этой «концепции», закреплению в новой конституции КНР 1975 г., было посвящено большинство материалов официальной китайской печати.

В течение всего года китайская печать не переставала «критиковать» Линь Бяо и Конфуция, призывая «расширять и углублять» эту кампанию, «придерживаясь основной линии» Мао Цзэ-дуна¹. Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», трактуемая официальной пропагандой, как «продолжение социалистической революции в сфере надстройки, включающей все области культуры», как «продолжение и углубление ве-

¹ «Хунци», 1975, № 1, с. 4.

дикой пролетарской культурной революции», охватывала, по существу, все аспекты идеологического курса, проводившегося под лозунгом «борьбы против ревизионизма и за его предотвращение».

Изображая «ревизионизмом» любое отступление от «линии» Мао Цзэ-дуна, пекинские идеологи сосредоточили огонь своей «критики» на всех тех, кто не был убежден «в необходимости продолжения революции в условиях диктатуры пролетариата»². Этот прием использовался пекинской пропагандой не впервые. Кампания ставила цель обосновать его философски, с точки зрения по-маоистски понимаемого «исторического подхода» к явлениям общественной жизни. Исходя из лозунга Мао Цзэ-дуна «использовать древности на службе современности», пекинская печать предприняла попытку вскрыть «исторические и гносеологические корни» «линии Линь Бяо», связав их с «контрреволюционностью» и «идеализмом»... Конфуция. Взгляды последнего были объявлены теоретическим истоком деятельности Линь Бяо, его осуждения «культурной революции», ее «прекрасных результатов» и т. п. В основе этого печать усмотрела отсутствие у Линь Бяо диалектического метода и материалистического мировоззрения³, поскольку он не был согласен с «линией» Мао Цзэ-дуна и его взглядами.

Однако при всем «теоретизировании» пекинских идеологов главные обвинения, выдвигавшиеся ими против Линь Бяо и его «антипартийной группировки», остались, по существу, прежними и носили четкий политический характер: «идеализм и метафизика» Линь Бяо сводились к тому, что он «отрицал борьбу двух классов и двух путей как основного противоречия социализма... выступал против продолжения революции при диктатуре пролетариата»⁴, иными словами, против «основной линии» Мао Цзэ-дуна.

Другим моментом кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» явилось резкое усиление ее антисоветской направленности, особенно со второй половины года. В опубликованных в августе в журнале «Хунци» и газете «Жэньминь жибао» статьях подверглась разносторонней критике приписываемая Линь Бяо «линия национального предательства», истоки которой печать относила к взглядам древних конфуцианцев, главным образом философа Мэн-цзы (IV в. н. э.), якобы проповедовавшего теорию капитуляции малых государств перед большими. В этих публикациях авторы прямо обвиняли Линь Бяо и его сторонников в капитулянтстве перед «врагом № 1 Китая» — Советским Союзом и проповеди теории «нацио-

² Там же, с. 11.

³ Там же, с. 10.

⁴ Там же, с. 9.

нального предательства», под которой подразумевался возврат Китая на путь социалистического строительства и дружбы с народами всех социалистических стран.

Идеологическим стержнем всей внутривнутриполитической жизни Китая в 1975 г. была кампания «изучения теории диктатуры пролетариата», развернутая маоистским руководством КПК сразу же после окончания работы I-й сессии ВСНП четвертого созыва, в январе 1975 г.

9 февраля пекинская печать обнародовала новое «важное указание» Мао Цзэ-дуна — о необходимости «изучения теории диктатуры пролетариата». Это «указание» послужило толчком к разворачиванию по всей стране нового движения, призванного, как утверждала печать, помочь «глубже понять исторические задачи диктатуры пролетариата и методы выполнения этих задач», «способствовать укреплению диктатуры пролетариата», «способствовать стабилизации и сплочению всей страны»⁵. С проведением этой кампании пропаганда связывала успешное «претворение в жизнь основной линии» Мао Цзэ-дуна и «доведение до конца дела продолжения революции при диктатуре пролетариата»⁶.

Политический смысл этой кампании, охватившей, по «указанию Мао Цзэ-дуна», все сферы общественной жизни и все слои китайского общества, довольно ясно обнаружился в опубликованной в газете «Жэньминь жибао» 1 марта обширной статье члена Политбюро ЦК КПК Яо Вэнь-юаня «О социальной основе линьбяоской антипартийной группировки», в которой сделана попытка подвести идеологическую базу под новую политическую кампанию.

В чем состояла суть этой кампании? Какие идеологические и политические цели ставили перед собой ее организаторы?

Прежде всего, необходимо отметить, что каких-либо принципиально новых установок и лозунгов эта кампания не содержала. Судя по опубликованным материалам, в которых приводились те или иные «основополагающие» высказывания Мао Цзэ-дуна, — по существу это его старые постулаты, выдвинутые на различных закрытых совещаниях ЦК КПК еще в 1958 г. Это относилось и к «установкам» Мао Цзэ-дуна о принципах распределения общественного продукта при социализме, которые отрицали социалистический принцип оплаты по труду, и к положению о неизбежном «буржуазном перерождении» китайского общества при социализме и о необходимости в связи с этим проводить непрерывную «классовую борьбу» против постоянно возникающих «классовых врагов» и т. п.

⁵ «Жэньминь жибао», 1.III.1975.

⁶ Там же, 22.II.1975.

Широко пропагандируемый в ходе кампании тезис о том, что армия является главной «опорой» диктатуры пролетариата внутри страны, представлял собой лишь повторение старого положения Мао, согласно которому «армия является не только боевым отрядом, но и главным образом рабочим отрядом», что, по существу, означало отождествление армии и рабочего класса.

Таким образом, в идейно-теоретическом плане новая кампания означала попытку снова навязать Компартии Китая, всему китайскому обществу старые, уже опровергнутые жизнью и заведшие страну в тупик постулаты и установки. В политическом плане эта кампания по-прежнему преследовала цели укрепления военно-бюрократической диктатуры под видом укрепления «диктатуры пролетариата». В этой кампании ее авторы попытались в большей степени, нежели раньше, прикрыть свою «линию» авторитетом марксизма-ленинизма.

В пекинских газетах даже была опубликована (22 февраля) специальная подборка высказываний классиков марксизма-ленинизма о диктатуре пролетариата, которая представляла собой грубейшее извращение подлинного смысла учения о диктатуре пролетариата. Вырвав из контекста, соотвествующим образом препарировав высказывания Маркса, Энгельса, Ленина об одной стороне диктатуры пролетариата, а именно о ее насильственной стороне, пекинские «идеологи» стремились таким путем «изобразить» якобы марксистский характер троцкистской по своей сути концепции Мао Цзэ-дуна. Эта концепция предусматривала неизбежное перерождение социалистического общества и необходимость в этой связи бесконечных, перманентных политических репрессий, образцовым примером которых была объявлена пресловутая «культурная революция».

В упомянутой подборке, например, содержалась цитата из работы В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти», в которой говорится о двух направлениях диктатуры пролетариата — беспощадном подавлении сопротивления эксплуататоров и предотвращении внутреннего хаоса и шатания⁷. И в то же время пекинские авторы обошли молчанием те места из ленинской работы, где говорится о созидательных, организаторских и воспитательных функциях Советской власти как органа диктатуры пролетариата. «Главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции, — писал в той же работе В. И. Ленин, — является положительная или созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих пла-

⁷ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, с. 195.

номерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей»⁸.

Подобным же образом поданы в этой подборке и другие высказывания классиков марксизма о сущности и задачах диктатуры пролетариата.

Исходным «теоретическим» моментом кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» явилось отрицание социализма как качественно новой общественно-экономической формации, как первой фазы коммунизма. «Нужно видеть,— заявляла китайская печать,— что период социализма есть период борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом». Та же мысль — о «переходном характере» социалистического общества, которое при такой постановке вопроса отождествлялось с периодом перехода от капитализма к социализму, прослеживалась и в обнародованном «новейшем указании» Мао Цзэ-дуна о том, что социализм «мало чем отличается от старого общества».

Таким образом, с самого начала новая кампания была поставлена на рельсы маоцзэдуновской концепции «продолжения революции при диктатуре пролетариата», согласно которой «главным противоречием социалистического общества» является «противоречие между пролетариатом и буржуазией, между социализмом и капитализмом»⁹. Образцом осуществления на практике этой «концепции» пекинская печать объявила «культурную революцию», другими словами — политику репрессий в отношении противников антисоциалистического курса Мао Цзэ-дуна, именуемых «классовыми врагами».

Обоснованию существования в Китае и даже постоянного «народнения» таких врагов — так называемых «новых буржуазных элементов» — была посвящена целая серия пропагандистских материалов, печатавшихся в китайской прессе. Главным источником «народнения новой буржуазии» в современном Китае был объявлен социалистический принцип распределения общественного продукта — принцип оплаты по труду, усиленно третирувавшийся печатью как чистое «буржуазное право», «колыбель зарождения ревизионизма, капитализма и новой буржуазии»¹⁰. Из существующей при социализме оплаты по труду авторы выводили неизбежное появление враждебных классов и классовой борьбы, т. е. оправдывали маоцзэдуновскую «основную линию».

Для обоснования этой «линии» в ходе новой кампании была привлечена и «философия». Пытаясь «снять противоре-

⁸ Там же, с. 171.

⁹ «Жэньминь жибао», 9.II.1975.

¹⁰ «Хунци», 1975, № 7, с. 32; № 9, с. 54.

чивость маоцзедуновской оценки современного Китая как общества, которое, с одной стороны, «принадлежит к числу социалистических стран», а с другой — «мало чем отличается от старого общества», пекинские идеологи призвали на помощь философские идеи самого Мао: «В социалистическом обществе коммунистические факторы, пролетариат и буржуазия не только взаимно влияют друг на друга, проникают друг в друга, но и при определенных условиях взаимопревращаются»¹¹.

Из этого «взаимопревращения» пролетариата и буржуазии, коммунизма и капитализма авторы выводили «тезис» о возможности реставрации капитализма в условиях социалистического общества: «В перспективе перед нами по-прежнему две возможности: развитие вперед, к коммунизму, или отступление назад, к капитализму»¹². Основным «условием», якобы обеспечивавшим поступательное развитие Китая, объявлялось проведение «правильной политической линии» — «продолжения революции при диктатуре пролетариата». Таким образом, все «теоретические», «философские» рассуждения понадобились лишь для того, чтобы попытаться «обосновать» необходимость курса Мао Цзэ-дуна.

4 сентября 1975 г. «Жэньминь жибао» опубликовала передовую статью «Развернуть обсуждение романа „Речные заводи“», которую можно расценить как официальное начало новой политической кампании. Цель кампании сформулирована в передовой достаточно четко: ссылаясь на «недавнее» указание Мао Цзэ-дуна о том, что этот средневековый роман «служит негативным пособием, которое позволяет народу распознавать капитулянтов», газета объявила о начале широкого «изучения и усвоения» этого высказывания Мао Цзэ-дуна, как еще одной «исключительно важной битвы на идейно-политическом фронте»; подчеркивалось, что новая «битва» имеет «огромное и глубокое значение не только для исследований в области классической литературы, но и... для того, чтобы наша партия и наш народ могли... бороться против ревизионизма и последовательно проводить революционную линию председателя Мао Цзэ-дуна как сегодня, так и в будущем, как в нынешнем, так и в следующем столетии». Передовая статья призывала «извлечь урок из „Речных заводей“»... обобщить исторический опыт, научиться в сложной борьбе отличать правильную линию от ошибочной и знать, что такое капитулянт.

Следовательно, главный политический смысл новой кампании ее организаторы видели в борьбе с «капитулянтством»

¹¹ «Хунци», 1975, № 9, с. 49.

¹² Там же.

и «капитулянтами», которые, в свою очередь, отождествлялись с «ревизионизмом» и «ревизионистами».

Новая кампания представляла собой очередной этап политического и идейного наступления руководства на оппозиционные силы в стране. Проводимая формально в рамках прежних кампаний «критики Линь Бяо и Конфуция» и «изучения теории диктатуры пролетариата», кампания по «разбору и обсуждению романа „Речные заводы“» имела тем не менее самостоятельную, четко очерченную политическую направленность. Главный акцент в ней был сделан на «критике капитулянтского характера» оппозиции, на попытке изобразить противников «линии Мао Цзэ-дуна» не просто «классовыми врагами», но и «национальными предателями», капитулирующими перед новым «императором». Это не значит, что подобные мотивы отсутствовали в прежних кампаниях, — они звучали и в кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», однако в данной кампании они приобрели главное, исключительное значение, определявшее все ее остальные стороны. В связи с этим пекинская пропаганда снова обратилась к «национальному материалу», избрав мишенью своих нападок один из классических средневековых китайских романов, рассказывающий о крестьянском восстании XII в. — «Речные заводы».

В отличие от кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», когда таким исходным «национальным материалом» были избраны изречения Конфуция и Мэн-цзы — древних мыслителей, произведения которых недоступны для чтения и трудны для понимания широких слоев трудящихся страны, на этот раз пекинские идеологи прибегли к популярному классическому роману, известному и в устной форме широким народным массам. Ставка, таким образом, была сделана на общедоступность критикуемого материала.

Хотя внешним объектом развернувшейся «критики» являлся роман «Речные заводы» и один из его героев — Сун Цзян, кампания имела четкий «выход в современность», чего не скрывала и сама пекинская печать. Критикуя «капитулянтство» и «ревизионизм» Сун Цзяна, якобы «подменившего революционную линию крестьянской армии капитулянтской линией получения милости двора»¹³, авторы подчеркивали, что действительные объекты критики — сторонники «контрреволюционной ревизионистской линии Линь Бяо», которые «пошли на капитуляцию перед Советским Союзом»¹⁴.

¹³ Лю Чжэн-сян, Не Цзин-хуа. Роман «Речные заводы» — отрицательный учебный материал, проповедующий капитулянтство. — «Гуанмин жибао», 23.VIII.75 г.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 4.IX.1975.

«Внимательное чтение „Речных заводов“, — писала китайская печать, — распознавание подлинного облика этого изменника Сун Цзяна имеет огромное практическое значение: оно поможет нам лучше отличать действительную революцию от мнимой, различать истинный марксизм от мнимого, правильную линию от ошибочной, еще лучше распознать людей капитулянтского облика типа Лю Шао-ци и Линь Бяо»¹⁵. И именно в этой борьбе с «новыми капитулянтами», с современными сун цзянами заключался смысл развернувшейся кампании, которая проходила под старым лозунгом «поставить древность на службу современности».

Кампания носила откровенный антисоветский характер. Под термином «капитулянтство» подразумевался возможный возврат к политике дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, что всячески стремилось предотвратить пекинское руководство. Весь политический смысл кампании как раз и состоял в том, чтобы еще при жизни Мао Цзэ-дуна попытаться закрепить на будущее его антисоветский курс в качестве краеугольного камня внутренней и внешней политики Китая.

Именно такой вывод следовал из тезиса уже упоминавшейся передовой статьи газеты «Жэньминь жибао» о том, что нынешняя кампания имеет «огромное значение» для борьбы за «последовательное проведение революционной линии председателя Мао Цзэ-дуна как сегодня, так и в будущем, как в нынешнем, так и в следующем столетии». Та же передовая красноречиво упоминала о «важном периоде исторического развития», который переживает Китай. Все эти заявления маоистской печати позволяли сказать, что новая политическая кампания была прямо связана с борьбой за определение путей дальнейшего развития страны, которая обострилась в 1975 г.

Антисоветскую направленность имели все основные «обвинения», выдвигаемые критиками в адрес автора романа и его героя Сун Цзяна. Главным из них представляется тезис о том, что роман «Речные заводи» «выступал только против чиновников-казнокрадов, но не против императора» и что тем самым он проповедовал тезис: «Умело пользоваться благоприятным случаем и вовремя избежать бедствия, для чего необходимо получить прощение и милость императорского двора»¹⁶. Нетрудно увидеть, что этот мотив — надежда на «милость императора и его прощение» — содержал в данном конкретном случае явный намек на возможность восстанов-

¹⁵ Чжао Ань-тин. Хвалебная ода предателю. — «Хунци», 1975, № 9.

¹⁶ «Гуанмин жибао», 23.VIII.1975.

ления в будущем дружбы с Советским Союзом, который отождествлялся с «императорским двором».

Эту же антисоветскую направленность имела и критика героя романа Сун Цзяна за то, что он, изменив название зала заседаний в Ляншани (вместо «Палаты всеобщей справедливости» повелел называть его «Палатой верности и справедливости»), поставил «верность» над «справедливостью», подчинив «справедливость» «верности»¹⁷. Критики изображали эту меру Сун Цзяна как «проведение ревизионизма», как призыв «осуществлять правление от имени императора», а не «от имени Неба». Здесь проглядывалось явное стремление обвинить сторонников возврата к политике дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, к политике верности идеалам научного коммунизма, пролетарского интернационализма в возрождении «капитулянтской линии» Сун Цзяна, который «выбросил белый флаг отказа от борьбы против императора в ожидании получения милости двора»¹⁸.

Кампания преследовала и другую, в данном случае, побочную цель: критикой «Речных заводов» попытаться еще раз «подтвердить» якобы историческую закономерность и правомерность основных «указаний» Мао Цзэ-дуна. В материалах, посвященных кампании, неоднократно повторялся тезис о «борьбе двух линий» в революционном движении китайского народа, фокусом которой был «серьезный вопрос о том, доводить ли революцию до конца или свернуть в сторону на полпути»¹⁹. Современная терминология лишь подтвердила стремление исторической аналогией «обосновать» правильность маоцзэдуновского толкования «борьбы двух линий» в истории революционного движения Китая и представить Мао «историческим наследником» революционной линии китайского крестьянства.

Таким образом, и эта кампания, развернутая во второй половине 1975 г., преследовала те же цели, что и прежние, — попытку утвердить в общественном сознании страны «идеи Мао Цзэ-дуна» и его линию. Об этом, в частности, свидетельствовал и тот факт, что с ноября все три кампании — «критики Линь Бяо и Конфуция», «изучения теории диктатуры пролетариата» и «критики романа „Речные заводы“» — были сведены пекинской пропагандой в одну, общую кампанию по так называемому «изучению теории» и «борьбе против ревизионизма, за его предотвращение»²⁰.

¹⁷ «Гуанмин жибао», 23.VIII.1975.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Чжун Гу. Критиковать капитулянтскую линию «Речных заводов». — «Хуници», 1975, № 9.

²⁰ «Жэньминь жибао», 4.XI.1975.

ПЕКИНСКАЯ ПРОПАГАНДА И МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Политика китайского руководства на международной арене в 1975 г., как и раньше, была подчинена задаче установления идейного и политического лидерства Пекина. Своей ближайшей целью пекинские руководители считали достижение руководящего положения в «третьем мире», усматривая в этом первый шаг к достижению мирового господства. На пути к осуществлению этих гегемонистских планов китайские руководители встретили непреодолимую преграду в лице мировой социалистической системы, рабочего и коммунистического движения. Как только в Пекине был провозглашен «особый курс» в области внешней политики, абсолютное большинство коммунистических и рабочих партий мира выступили с решительным осуждением действий пекинских лидеров.

Видя в мировой системе социализма и коммунистическом движении препятствие для осуществления своих великодержавных целей, руководство КПК перешло к открытой раскольнической деятельности против этой основной революционной силы современности. Деятельность Пекина развернулась в самых различных областях — идеологической, политической, дипломатической. В зависимости от обстоятельств на каждом из этапов проведения маоистского «особого курса» использовались различные комбинации идеологических и политических форм и методов.

В области идеологической пекинские «теоретики» пытались отрицать интернациональный характер марксистско-ленинского учения, доказать возможность существования «национальных» вариантов социализма. Особое значение придавалось нападкам на ленинский принцип пролетарского интернационализма и идею единства трех революционных потоков современности.

Таким путем в Пекине намеревались ослабить идейную базу единства революционных сил современности, подорвать интернациональную солидарность братских партий, вызвать идейную разобщенность в коммунистическом и национально-освободительном движении. Особые надежды китайское руководство возлагало на осуществление тактических маневров с целью навязать отдельным отрядам мирового революционного движения нейтральное отношение к маоизму, представить дело таким образом, будто разногласия распространились только на их отношения с КПСС и не затрагивали отношений с мировым коммунистическим движением.

Первостепенное место в арсенале средств идеологической и «теоретической борьбы» против мирового революционного

движения пекинскими идеологами отводилось нападкам на учение научного социализма, на большинство стран, строящих социализм. Спешась доказать свой «особый» вклад в дело социалистического строительства в Китае и «песоциалистический характер» этих стран, пекинские «теоретики» тешили себя надеждой на возникновение разногласий внутри социалистического содружества, на размывание единого фронта борьбы сил мирового социализма и ослабление их связей с Советским Союзом. Делу подрыва революционного движения в капиталистических странах служили попытки Пекина извратить оценку сущности современной эпохи, данную ей международным коммунистическим движением, исказить ленинское учение о путях осуществления социалистической революции, о формах и методах революционной борьбы в современных условиях. Установки пекинских «теоретиков» в вопросах войны, мира и революции, форм и методов революционной борьбы были нацелены на обезоруживание международного рабочего класса в идейно-теоретическом отношении. Эти установки вносили в его ряды дезорганизацию и элементы авантюризма, стимулировали деятельность разного рода экстремистов, анархистов, троцкистов и других антикоммунистов, подрывая идею единого фронта антиимпериалистической, антимонополистической борьбы.

В планах Пекина по достижению мирового господства первостепенное место отводилось национально-освободительному движению. Рядясь в тогу защитников интересов народов развивающихся стран, китайские лидеры на деле игнорировали их интересы. Об этом свидетельствовали провозглашенные ими «теоретические установки» и их политическая практика в вопросах национально-освободительного движения.

Вместо ленинского учения о национально-освободительной революции в качестве руководящей теории китайские руководители пытались навязать антинаучные, мелкобуржуазные концепции, пропагандировали собственные установки, якобы обязательные для всех развивающихся стран. Теория «новой демократии», концепция «народной партизанской войны», курс на «окружение города деревней», «теория продолжения революции в условиях диктатуры пролетариата», концепция «волнообразного экономического развития» и другие антиленинские положения, составлявшие теоретическую основу маоизма, по мысли пекинских «теоретиков», должны были заменить подлинно научную теорию революционного процесса в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Пекин стремился изолировать национально-освободительное движение от мирового социализма и рабочего движения, старался стимулировать националистические предубеждения

среди его участников, противопоставить его основным революционным силам современности. Как показали факты, следование маоистской концепции национально-освободительного движения, некритическое принятие рекомендаций Пекина неизбежно вело эти движения к поражению.

В области политической деятельность Пекина на международной арене, как и прежде, характеризовалась попытками создать международное течение маоистского толка и противопоставить его мировому коммунистическому движению, вызвать раскол в рядах национально-освободительных движений. Они проявились в поддержке, которую китайское руководство оказывало пропекинским организациям, созданным за пределами Китая, в попытках преодолеть раздражавшие эти организации разногласия. В 1975 г. такие попытки, например, были предприняты в ряде стран Западной Европы. Большое значение придавалось созданию новых организаций, вербовке новых членов из числа всевозможных отщепенцев, ренегатов коммунистического движения. Следуя указкам из Пекина, эти организации вели подрывную деятельность против рабочего и коммунистического движения. Смыкаясь с троцкистскими и другими левацкими группами, они клеветали на марксистско-ленинские партии, пытались навязать рабочему движению авантюристическую тактику, добиваясь раскола его рядов, дискредитируя саму идею организованной, классово осознанной революционной борьбы под руководством пролетариата.

В качестве одного из средств подрыва ведущей роли в революционной борьбе рабочего класса, руководимого коммунистическими партиями, отдельные пропекинские организации в ФРГ взяли курс на создание антипрофсоюзной коалиции с целью раскола профсоюзов. Нередко эти группировки прибегали к вооруженной борьбе и беспорядкам, надеясь таким образом сорвать организованные выступления рабочих под руководством коммунистов. Прикрываясь демагогическими рассуждениями о необходимости «развязать революционную инициативу масс», «слиться с массами», некоторые пропекинские группы во Франции избрали авантюристическую тактику «показательного захвата» предприятий. Наиболее экстремистские группировки маоистского толка провозгласили лозунг «гражданской войны», взяли курс на развертывание «народной городской партизанской войны».

В 1975 г. одним из объектов усиленной обработки стало японское демократическое движение, в частности Социалистическая партия Японии. Стремясь заручиться поддержкой этой партии на переговорах о заключении договора о мире и дружбе между КНР и Японией, которому пекинские лидеры под предлогом борьбы с «гегемонией» пытались придать

антисоветскую направленность, Пекин активизировал помощь группе «Синро», созданной внутри СПЯ. При поддержке Пекина предпринимались усилия объединить вокруг этой группы всех сторонников китайского руководства и создать внутри партии обособленную организацию, имеющую свой печатный орган и свои опорные пункты на местах. Эта группа во всем следовала политике Пекина и повторяла все, о чем говорила китайская сторона.

Пропекинские группы в капиталистических странах малочисленны, авторитет их невелик. Тем не менее вред, который они наносят рабочему движению, значителен. Об этом можно судить, например, по событиям в Португалии, где экстремистские элементы своими подстрекательными действиями в немалой степени способствовали обострению обстановки, препятствуя достижению прочного единства революционных сил.

Характерной чертой в деятельности пропекинских группировок в 1975 г. стало резкое усиление антисоветизма и антикоммунизма. Промаоистские функционеры, кичившиеся своей «революционностью» и «преданностью» делу трудящихся, направляли основной удар против стран социализма. Этот курс нашел отражение в различных документах и изданиях пропекинских групп, которые они пытались распространять в своих странах. В 1975 г., например, в сторону резкого усиления антисоветизма пересмотрела программу одна из французских раскольнических организаций, именуемая себя «коммунистической марксистско-ленинской партией Франции». Оценка современной эпохи в «программе» этой осколочной организации антисоветчиков и антикоммунистов выдержана в духе маоистской концепции «трех миров». Целиком отказавшись от камуфляжа в виде антиимпериалистической, антиамериканской демагогии, авторы программы главной опасностью «пролетарской революции» объявили «русский социал-империализм».

Разглагольствуя о «неизбежности» войны в Европе из-за «соперничества двух сверхдержав», авторы «программы» призывали «готовиться к войне со стороны агрессора и вооруженному иностранному вторжению». Это заявление делалось в условиях разрядки международной напряженности, поддержки, которую оказывало большинство населения Западной Европы миролюбивой политике СССР. Такие заявления не имеют ничего общего с задачей действительного расширения революционной борьбы трудящихся Франции, они лишь льют воду на мельницу милитаристской пропаганды и противников мира в Европе.

В 1975 г. все прогрессивное человечество отмечало 30-летие победы над германским фашизмом и японским милита-

ризмом. В мероприятиях, проведенных в связи с этой датой представителями общественности в различных уголках мира, подчеркивался решающий вклад советского народа в победу над фашизмом, акцентировалось внимание на необходимости постоянной борьбы с угрозой новой войны. Пропекинские группировки, действуя по указке из Китая, пытались принизить значение этой победы и роли советского народа в ее достижении. Не ограничиваясь клеветой и инсинуациями по поводу действий Советского Союза в годы второй мировой войны, они выступили с антисоветскими измышлениями о целях внешней политики СССР на нынешнем этапе, стараясь сорвать процесс разрядки международной напряженности.

Особенно злобными были действия этих группировок в некоторых странах Западной Европы. Общественность всего мира была возмущена хулиганскими выходками левацких групп Западного Берлина, совершивших ряд антисоветских провокаций в связи с проводившимися мероприятиями по случаю годовщины победы над гитлеризмом. Злейшими врагами Советского Союза и проводимой им политики мира показали себя подобные группы в Финляндии, выступившие против созыва международного совещания по сотрудничеству и безопасности в Хельсинки.

С целью стимулировать антисоветскую деятельность левацких элементов китайское руководство в печати и по радио усиленно пропагандировало «успехи» пропекинских организаций. В 1975 г. увеличилось число представителей левацких организаций, посетивших Пекин и получивших там соответствующие инструкции. Особенно это касалось организаций, созданных пекинской агентурой в странах Латинской Америки, где китайское руководство за последнее время активизировало свою деятельность.

Китайское руководство пыталось использовать расколнические группы в качестве орудия вмешательства во внутренние дела ряда стран. Особенно ярко эта черта политики Пекина проявлялась в Юго-Восточной Азии, где пропекинские группы играли роль своеобразного рычага давления на правительства этого региона. Так, при установлении дипломатических отношений с Малайзией (1974) и Филиппинами (1975) пекинское руководство демонстративно заявило представителям правительств этих стран о прекращении помощи левацким группам. Однако с весны 1975 г. оно усилило свою враждебную деятельность в Малайзии, подталкивая местные экстремистские группировки на антиправительственные выступления.

Активизировалась деятельность пропекинских организаций в Таиланде и других странах Азии. Расчет китайского

руководства таков: в прошлом подрывные действия экстремистских групп вынуждали некоторые слои местной реакционной буржуазии благосклонно относиться к американскому военному присутствию в Азии, ибо в нем они усматривали гарантию сохранения существующего порядка в своих странах. В связи с победой вьетнамского народа над силами агрессии и внутренней реакции курс китайского руководства на сохранение американского военного присутствия проявился с особой силой. Надеюсь, что экстремистские выступления маоистских групп помогут им запугать местную реакцию видимостью «коммунистической угрозы» и заставят ее занять более сговорчивую позицию в отношении военного присутствия США в Азии, они усилили свои подстрекательские действия.

В связи с событиями в Анголе китайское руководство активизировало свою деятельность в Африке, оказывало помощь и поддержку правым ангольским организациям ФНЛА и УНИТА, которые были агентурой США и ЮАР. В течение года делегации ФНЛА и УНИТА неоднократно посещали Китай, где вели переговоры о помощи. В сентябре Китай посетила правонационалистическая организация ЮАР Панафриканский конгресс Азании, которая ведет борьбу против Коммунистической партии Южной Африки и Африканского национального конгресса, идущего в авангарде борьбы с расистским режимом Претории.

Пекин всячески эксплуатировал племенные противоречия и сепаратистские движения. Так, например, использовался ряд племен, проживавших вблизи индо-китайской границы. Одним из них является племя нага, вожди которого, подталкиваемые Пекином, развернули вооруженное сепаратистское движение против центрального правительства Индии. Летом один из участников этого движения — Яггер Ао, руководивший батальоном «армии нага», добровольно сложив оружие, прекратил сопротивление законным властям. Обращаясь к участникам антиправительственных выступлений, он в своем письме писал: «Я полностью осознал всю бесплодность и бесперспективность дела, за которое выступает ныне подпольное сепаратистское движение. Я обращаюсь к моим друзьям с призывом понять, что их борьба не является „правой и справедливой“, прекратить сопротивление, отдать силы достижению экономико-социального прогресса Нагаленда»²¹.

Усиливался кризис пропекинской группировки на Цейлоне, отколовшейся от Компартии Шри Ланки в 1963 г. В середине 1975 г. из нее вышли 75 членов. «Мы не можем согласиться с политикой маоистов, служащей интересам импе-

²¹ «Красная звезда», 13.VI.1975.

риализма».— говорилось в заявлении, с которым выступила эта группа.

Но ни идеологические, ни политические акции Пекина против мирового социализма и коммунистического движения не дали желаемых результатов. Это побудило пекинское руководство перейти к фронтальным атакам. Не отказываясь полностью от идеологических и политических средств раскола революционных сил, китайское руководство усилило свою активность в дипломатической сфере, используя для этого существующую систему межгосударственных отношений, международные организации и т. д. Усилия Пекина в этой области направлены на блокирование всех тех инициатив и мероприятий внешнеполитического характера, которые осуществлялись по предложению Советского Союза и других социалистических стран.

В условиях идеологического и политического наступления Пекина на международное коммунистическое движение в 1975 г. братские коммунистические и рабочие партии вновь продемонстрировали свою боевую сплоченность на основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Состоявшийся VII съезд Польской объединенной рабочей партии, I съезд Коммунистической партии Кубы, XXXIV съезд Коммунистической партии Великобритании, XII съезд Коммунистической партии Колумбии еще раз подтвердили единую волю коммунистов к сплочению своих рядов. Выдающейся демонстрацией единства международного рабочего и коммунистического движения стал XXV съезд КПСС, на котором присутствовали 103 делегации коммунистических, рабочих, национально-демократических партий из 96 стран.

Замыслам пекинских руководителей культивировать в рядах коммунистического движения антисоветизм и использовать его для противопоставления мирового коммунистического движения Советскому Союзу не суждено было осуществиться. Борьба с антисоветизмом, откуда бы он ни исходил, рассматривается представителями братских партий как интернациональный и одновременно патриотический долг всех коммунистов. Орган ЦК Коммунистической партии Чехословакии газета «Руде право» писала: «Любое примиренчество с антисоветизмом, каждое молчание в ответ на антисоветские выпады и клевету дезориентируют массы и влекут за собой политические и идеологические последствия. Борьба с антисоветизмом — это борьба в защиту социализма. Это — интернациональный долг коммунистов всего мира».

Аналогичные мысли высказал орган Венгерской рабочей партии газета «Непсабадшаг». «И в наши дни, — отмечала

газета, — глубоко актуально предупреждение: не было и не может быть антисоветского коммунизма или коммунизма, направленного против существующего социализма, Варшавского Договора, СЭВ, интересов содружества социалистических стран».

Важнейшим условием укрепления единства революционных сил братские коммунистические и рабочие партии всего мира считают борьбу с теорией и практикой маонизма. В партийной печати разоблачались раскольнические действия Пекина, раскрывалась сущность его политики, враждебной интересам мира.

С разоблачением раскольнической деятельности маонистских группировок выступал на страницах газеты «Уизере Цайт» — органа Германской компартии член Президиума Правления партии Макс Рейман, который подчеркивал, что эти группировки в унисон со Штраусом и Шпрингером отвергают действия, направленные на укрепление мира, ведут подрывную кампанию против Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, против всех мировых акций, которые отвечают интересам трудящихся²².

Бескомпромиссную позицию заняла Коммунистическая партия США. Выступая на состоявшемся в конце года пленуме ЦК партии, Генеральный секретарь партии Г. Холл сказал, что во имя углубления разрядки необходимо разоблачать враждебную деятельность китайских руководителей.

Решительный отпор раскольникам дают коммунистические и рабочие партии стран Латинской Америки и Карибского бассейна. В резолюции состоявшегося в июне в Гаване совещания этих партий подчеркивался беспринципный, раскольнический характер политики китайского руководства, указывалось на колоссальный вред, который наносит оно коммунистическому движению Латиноамериканского континента. В резолюции, в частности, отмечалось, что самое пагубное выражение этой политики китайского руководства в Латинской Америке состояло в его бесстыдномговоре с чилийской хунтой, которой оно оказывало политическую поддержку, невзирая на кровь тысяч коммунистов, социалистов и других патриотов, зверски замученных фашистской тиранией. Китайское руководство поддерживало повсюду группы псевдореволюционеров, которые, действуя с позиций мнимого радикализма, раскалывают левые силы, нападают на компартии, чинят препятствия прогрессивным процессам и зачастую действуют как вражеские агенты в рядах революционного движения. «Бороться с этой политикой предательства дела единства и солидарности, предательства луч-

²² «Правда», 11.1.1976.

ших традиций мирового революционного движения,— подчеркивалось в резолюции,— долг всех коммунистических партий Латинской Америки»²³.

С резким осуждением политики китайского руководства выступали коммунисты стран Юго-Восточной Азии. Говоря о враждебной деятельности Пекина против демократического движения на Филиппинах, член ЦК Компартии Филиппин Франсиско Балагтас писал, что левое движение на Филиппинах продолжает быть объектом раскольнических происков Пекина. В противоположность курсу компартии, направленному на достижение независимого национального развития страны путем поддержки таких прогрессивных мероприятий, как осуществление аграрной реформы, увеличение занятости и т. д., пропекинские элементы «готовы объединиться с самыми реакционными феодальными и проимпериалистическими силами... пытаются вести агитацию в католических, мусульманских и других организациях в пользу своего курса на вооруженное свержение режима» в расчете, что «в новой ситуации возрастут их шансы на вооруженную борьбу»²⁴.

Упорную борьбу против происков Пекина и его последователей в Индонезии ведут индонезийские коммунисты, не прекращают теоретической борьбы против маоистских концепций коммунисты Индии, усматривающие в действиях Пекина и его сторонников наибольшую опасность демократическому движению индийского народа.

Последовательная, принципиальная позиция абсолютного большинства коммунистических и рабочих партий мира является достойным ответом на попытки китайского руководства навязать им «идею Мао Цзэ-дуна» или «нейтралистское отношение» к ним, вывести их из сферы идеологической борьбы с маоизмом.

ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА В ПРОПАГАНДЕ ПЕКИНА

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду подчеркивалось: «Большую опасность для всех миролюбивых народов представляют лихорадочные попытки Пекина сорвать разрядку, не допустить разоружения, сеять недоверие и вражду между государствами, его стремление спровоцировать мировую войну, а самому погреть на этом руки. Такая политика Пекина глубоко противоречит интересам всех народов. Мы будем давать отпор этой поджигательской политике»²⁵.

²³ «Коммунист», 1975, № 10, с. 97.

²⁴ «Проблемы мира и социализма», 1975, № 7, с. 85, 87.

²⁵ «Правда», 25.11.1976.

Милитаризм занял одно из ведущих мест в великодержавной идеологии и политике китайских руководителей, что вытекало из особой концепции Мао Цзэ-дуна о войне как главном средстве ускорения поступательного движения человечества. Война, в том числе атомная, рассматривалась как благо, которое якобы принесет «освобождение» угнетенным и эксплуатируемым. Такая концепция была призвана закамуфлировать антигуманистическую сущность этих призывов.

6 августа 1945 г. США сбросили над японским городом Хиросима атомную бомбу, от которой погибло более 240 тыс. человек. И по сей день люди, пережившие эту трагедию, страдают и умирают от последствий атомной радиации. В Хиросиме впервые было применено оружие массового уничтожения, и это вызвало гнев и возмущение всего миролюбивого человечества. Миллионы людей планеты решительно выступили против поджигателей ракетно-ядерной войны, которая принесла бы неисчислимые бедствия, жертвы, страдания и разрушения всему человечеству.

Совсем иной точки зрения на эту актуальнейшую проблему современности придерживались китайские руководители. Их не беспокоили страдания и гибель народов, уничтожение созданных веками материальных и духовных ценностей. Утверждение Мао Цзэ-дуна о том, что якобы народ создаст «на развалинах погибшего империализма в тысячу раз более высокую цивилизацию, чем при капиталистическом строе»²⁶, вызвало гнев и возмущение прогрессивных сил мира. На деле сторонники этой «теории» пеклись не о гибели капитализма и «освобождении» человечества: им нужна была новая мировая война для того, чтобы обескровить народы и государство. Им хотелось бы прежде всего спровоцировать войну между СССР и США, добиться их ослабления, с тем чтобы «великий Китай» мог диктовать чуть ли не всему миру свои условия.

Во время «культурной революции» миллионы китайцев должны были заучивать наизусть цитатник Мао Цзэ-дуна, в который была включена и такая цитата: «Атомная бомба — это бумажный тигр, которым американские реакционеры запугивают людей. С виду она кажется страшной, а на самом деле вовсе не страшна. Конечно, атомная бомба — оружие массового истребления, однако исход войны решает народ, а не один-два новых вида оружия»²⁷.

Игнорируя жертвы, понесенные японским народом в Хиросиме и Нагасаки, апологеты войны в Пекине пытались вну-

²⁶ «Да здравствует ленинизм!», Пекин, 1960, с. 23.

²⁷ Мао Цзэ-дуи. Выдержки из произведений. Пекин, 1966, с. 147.

шить китайцам, что не надо бояться атомной войны, потому что она будто бы «на самом деле вовсе не страшна». В мае 1958 г. Мао Цзэ-дун на второй сессии VIII съезда КПК заявил: «У нас не было никакого опыта ядерной войны, поэтому мы не знаем, сколько человек погибнет; можно надеяться, что выживет половина или, по крайней мере, треть населения земного шара, т. е. из 2900 миллионов останется 900 миллионов. За несколько пятилеток мы могли бы возобновить развитие, а капитализм был бы уничтожен, нам был бы обеспечен мир, что было бы не так уж плохо»²⁸.

В Китае, вопреки договору о запрещении испытания ядерного оружия, систематически проводились экспериментальные взрывы атомных и ядерных устройств. По сведениям иностранной печати, было произведено 17 таких взрывов (10— атомных и 7 термоядерных). Первое атомное устройство было взорвано 16 октября 1964 г. Эти взрывы использовались пропагандой для подогревания шовинистических и воинственных настроений среди китайского народа.

В период «культурной революции» группе советских людей довелось в одном из крупнейших кинотеатров Шанхая посмотреть фильм, который назывался «Взрыв первой атомной бомбы в Китае». Перед началом киносеанса на сцену вышли два хунвэйбина и зачитали несколько цитат Мао Цзэ-дуна, прославлявших войну. Все зрители, находившиеся в зале, должны были хором громко повторять эти цитаты. Затем на экране было подробно показано, как готовилось атомное устройство и сам атомный взрыв. Фильм заканчивался словами «Взрыв атомной бомбы— это победа идей Мао Цзэ-дуна». Смысл этого спектакля— внедрить в сознание рядового китайца идею, что Китай, несмотря на бедность, имеет собственное мощное атомное оружие. Так происходила массовая обработка китайских зрителей в духе великодержавного шовинизма и милитаризма.

В китайской печати встречались и такие панегирики в честь войны: «Война закаляет народ и двигает историю вперед»²⁹ или: «Пролетариат не боится мировой войны»³⁰. Подобные лозунги были призваны «облагородить» призывы к атомной войне.

Пекинские идеологи, убедившись, что открытая проповедь атомной войны не пользуется популярностью у народов мира, решили прибегнуть к более изощренным приемам: апология мировой войны стала прикрываться словами «колоссальные беспорядки». 3 сентября 1972 г. глава китайской деле-

²⁸ «Times», 4.IX.1973.

²⁹ Линь Бяо. «Да здравствует победа народной войны!». Пекин, 1965, с. 65.

³⁰ «Цзефан жпбао», 14.V.1969.

гации Ли Цян, выступая на пленарном заседании VII специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, утверждал: «Нынешняя международная обстановка характеризуется колоссальными беспорядками в мире; она чрезвычайно благоприятна».

Пытаясь обострить международную обстановку, китайские руководители делали все зависящее от них, чтобы внушить своему народу и народам других стран мысль о неизбежности третьей мировой войны. Они утверждали, что чем скорее это случится, тем лучше. Но на пути их милитаристских устремлений стоит серьезное препятствие — политика разрядки международной напряженности, проводимая Советским Союзом и другими социалистическими странами и поддерживаемая всеми прогрессивными силами мира.

С самого начала пекинская пропаганда встретила в штыки идею Общеввропейского совещания по безопасности и сотрудничеству: она заранее окрестила Совещание «хитрой ловушкой», «ширмой, прикрывающей раздел сфер влияния между двумя сверхдержавами»³¹. Когда же Совещание успешно закончилось подписанием Заключительного акта, Пекин, преследуя цель опорочить итоги Совещания, назвал документ «пустой бумажкой», «макулатурой», «фальшивым, лживым документом»³².

На X съезде КПК утверждалось: «Разрядка — явление временное и поверхностное, а колоссальные беспорядки будут продолжаться и дальше. Такие колоссальные беспорядки являются для народа делом хорошим, а не плохим»³³. В августе заместитель премьер-министра Государственного совета КНР Дэн Сяо-пин в беседе с японскими корреспондентами заявил, что Китай приветствовал бы беспорядки в глобальном масштабе, которые «привели бы к освобождению угнетенных народов». Он также утверждал, что «третья мировая война неизбежна, и если она произойдет, то погибнет больше людей, чем во время последней мировой войны», но «благодаря этой войне легче решать различные проблемы».

Утратив всякую веру в экономическое соревнование с капитализмом и не имея никакой конструктивной программы, Пекин делал ставку только на войну, насилие и разрушение. Ни в документах IX съезда (апрель 1969 г.), ни в документах X съезда КПК (август 1973 г.) невозможно обнаружить конкретных планов развития промышленного и сельскохозяйственного производства и на этой основе повышения жизненного уровня китайского народа.

³¹ «Жэньминь жибао», 5.X.1972.

³² «Жэньминь жибао», 31.VIII.1975.

³³ X Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая. Документы, Пекин, 1973, с. 24.

В отчетном докладе Чжоу Энь-лая на X съезде КПК перед китайским народом были поставлены задачи: «Мы должны строго придерживаться указаний Мао Цзэ-дуна относительно того, что необходимо „готовиться к войне, готовиться к стихийным бедствиям“, „рыть глубокие траншеи, всюду запасать зерно“»³⁴. Эти призывы повторялись из года в год и сопровождались словами «все для народа», «никогда не претендовать на гегемонию», однако они никого и ни к чему конкретно не обязывали, так как отсутствовала конструктивная программа повышения жизненного уровня китайского народа.

Народ постоянно запугивали угрозой предстоящей войны. В докладе Чжоу Энь-лая на сессии Всекитайского собрания народных представителей, проходившей в январе 1975 г., повторялись призывы «рыть глубокие убежища, запасать зерно», «готовиться к стихийным бедствиям». Приводились и такие слова Мао Цзэ-дуна: «Мы должны сохранять бдительность, усиливать оборону и быть готовым воевать»³⁵. Для подогревания военного психоза в стране повсеместно создавались отряды народного ополчения. Эти отряды насчитывали в 1975 г. более 100 млн. человек, вооруженных стрелковым оружием, автоматами и легкой артиллерией³⁶.

Все трудящиеся КНР после трудового дня должны были заниматься военной подготовкой. «Как только начнется война,— поучала маоистская пропаганда,— можно будет, опираясь на такие отряды, привести в движение широкие народные массы для ведения народной войны. Каждый завод превратить в крепость по уничтожению врага, каждую улицу — в поле боя. Все это приведет к тому, что противник с огромными трудностями будет преодолевать каждый дюйм и утонет в море народной войны в городе»³⁷.

Во всех крупных городах КНР строились бомбоубежища, подземные ходы сообщения, различные военные объекты. К этой работе привлекались все слои населения: рабочие, служащие, учителя, школьники. Вот свидетельство одного зарубежного журналиста: «Я посетил в Пекине одно из бомбоубежищ, которые по-прежнему роятся во всех крупных китайских городах. Убежище, которое я осмотрел, находится на восточной стороне города, под машиностроительным заводом». Журналисту объяснили, что цель создания бомбоубежищ, имеющих разнообразное современное оборудование, — «защитить Китай от врагов». В связи с этим он писал: «Это заявление показывает, какой идеологической обработке

³⁴ «Хуцзи», 1973, № 9, с. 15.

³⁵ «Хуцзи», 1975, № 2, с. 26.

³⁶ «Идеология и политика», Варшава, декабрь 1975.

³⁷ «Жэньминь жибао», 13.XII.1973.

подверглись миллионы китайцев, которые с огромным трудом, сталкиваясь с нехваткой материалов, построили тысячи бомбоубежищ»³⁸.

Посетившие Пекин иностранные наблюдатели подтвердили, что столица Китая напоминала прифронтовой город: в нем было много военных; они несли круглосуточно военное патрулирование, строили различные военные объекты. В Пекине давно построено метро, но оно не функционировало, так как использовалось в военных целях. Каждая городская семья была обязана иметь недельный запас продовольствия и пресной воды «на случай войны». Этот запас систематически обновлялся под наблюдением местных органов власти. В различных районах города можно было видеть груды строительного материала и рядом надпись — «на случай войны».

По утверждению официальных деятелей КНР, Советский Союз якобы вынашивал агрессивные намерения против Китая (лаконично это именуется — «угроза с Севера»). И хотя в эту ложь, очевидно, не верили и сами китайские руководители, но она нужна была для оправдания курса на милитаризацию страны, для отвлечения внимания китайских трудящихся от внутренних трудностей, оправдания военных методов руководства.

Китайские руководители, используя обстановку раздуваемого ими военного психоза, пытались лишить китайских трудящихся тех социально-экономических завоеваний, которых они добились после образования КНР в 1949 г. Экономические методы руководства народным хозяйством подменялись военно-административным принуждением. На многих заводах, фабриках и «народных коммунах» вместо цехов, участков и бригад созданы роты, взводы и отделения. Представители армии в «ревкомах» и парткомах добивались укрепления трудовой дисциплины, снижения себестоимости и улучшения качества продукции — и все это во имя подготовки к войне.

Милитаризация экономики вела к военизации форм и методов производственной организации, к забвению социалистических методов руководства народным хозяйством, к насаждению насилия и внеэкономического принуждения. Китайская пропаганда «обосновывала» все это так: «Генеральное положение, выдвинутое Мао Цзэ-дуном, „винтовка рождает власть“ начисто отменяет реакционный лживый моральный принцип человеколюбия Конфуция и Мэн-цзы, объявляет о банкротстве лицемерного заявления конфуцианцев о том, что „процветает тот, кто опирается на добродетель“»³⁹. Апо-

³⁸ «Washington Post», 5.XII.1975.

логетов насилия и войны раздражал конфуцианский принцип человеколюбия и добродетели, потому что, по убеждению Мао Цзэ-дуна, общественный порядок должен опираться только на насилие.

Апология насилия и войны, военизация труда и культуры, раздувание военного психоза — все это занимало важное место в идеологической обработке китайского народа.

В КНР широко распространялись следующие лозунги: «Вопервых, не бояться лишений, во-вторых, не бояться смерти!»; «Если китаец не боится смерти, то какие трудности его испугают?». «Не бояться лишений» — это означало, что китайские трудящиеся не имели права требовать улучшения своей жизни, что они должны были жертвовать результатами своего труда во имя наращивания военного потенциала. «Не бояться смерти» означало, что китайский народ должен стать пушечным мясом, быть готовым выполнять любую авантюристическую установку маоистов и ради этого отдать свою жизнь.

Была поставлена такая цель — превратить всех китайцев в послушных солдатиков — и это нашло отражение в таких лозунгах: «Весь народ — солдаты!»; «Каждый мужчина и каждая женщина — солдат!»; «Учиться у армии!».

Главную роль в милитаристской обработке населения играли военные, о чем свидетельствовал, в частности, тот факт, что армейская газета «Цзефаньцзюнь бао» вошла в число четырех общенациональных органов печати (вместе с газетами «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао», а также журналом «Хунци»). Журнал «Литература и искусство Народно-освободительной армии Китая» — один из немногих литературных журналов, выходящих в Китае.

Военная тематика доминировала также в литературе и искусстве. Театр рассматривался в качестве «школы войны», помогающей каждому «повысить военные знания и получить правильное представление о войне». К постановке допускались только «образцовые революционные оперы», наполненные высказываниями Мао Цзэ-дуна о «народной войне». Таковы, например опера «Взятие горы Вэйхушань», где чуть не в каждой арии повторяются призывы «готовиться к войне», «не бояться жертв». В балете «Песнь об Имэне» воспроизводятся действия Народно-освободительной армии в горном районе Имэн пров. Шаньдун в 1947 г., причем главная цель балета, как писала китайская печать, «показать классовую основу всепобеждающей народной войны»⁴⁰. «Классовый»

³⁹ «Китай», 1974, № 8, с. 35.

⁴⁰ «Хунци», 1975, № 10, с. 10.

критерий здесь был необходим, чтобы закамуфлировать агрессивную сущность подобных постановок.

Та же цель ставилась и перед кинематографом. Его репертуар был чрезвычайно беден и сводился лишь к учебным фильмам о войне, «документальным» лентам на антисоветскую тему, а также нескольким «художественным» кинофильмам, в которых война изображалась как веселая прогулка с приключениями.

Духом подготовки к войне была пронизана и вся система образования в Китае: в школах и вузах уделялось большое внимание военной муштре и воспитанию учащихся в качестве будущих «солдат Мао Цзэ-дуна». По существу, учебные заведения были превращены в полувоенные формирования молодежи. Миллионы детей и подростков принуждали много времени заниматься строевой подготовкой, отработкой приемов штыкового боя, метанием гранат и т. д. Даже в дни летних каникул школьники проходили военную подготовку. По сообщению китайской печати, отряды подростков с вещевыми мешками и деревянными винтовками направлялись в лагерь, где с ними проводились военные занятия. Детей учили, как уничтожать «противника», проводили тренировки по преодолению полосы препятствий, уничтожению дотов и пр.

Вся система «образования» преследовала цель обеспечить выполнение милитаристских установок. Даже изучение русского языка было возобновлено лишь с той целью, чтобы «вести борьбу с классовыми врагами в международном масштабе». Свидетельством этому служил выпущенный отделом просвещения пекинского «ревкома» для учащихся средних школ учебник русского языка, в котором имеются такие фразы: «Ни с места!», «Руки вверх!», «Бросай оружие!».

Китайская молодежь воспитывалась в духе милитаризма и шовинизма, ей прививали такие качества, как агрессивность, воинственность и жестокость. Начиная с детского сада в сознание подрастающего поколения вдалбливалась мысль о том, что оно должно быть готовым с оружием в руках утвердить «идеи Мао Цзэ-дуна» во всем мире.

Молодому поколению прививались аскетизм и жертвенность. Учащихся и студентов призывали брать пример с «образцовых героев» Лэй Фэна и Ван Цзе. Командир отряда Н-ской инженерной части Лэй Фэн погиб в 1962 г. в результате несчастного случая. Ван Цзе, командир саперного взвода бронетанковой части, обучал народных ополченцев «народной коммуны» технике минирования, погиб во время учебных занятий в 1965 г. После их гибели в стране была развернута массовая идеологическая кампания по пропаганде «образцовых героев» Лэй Фэна и Ван Цзе. Их ставили в пример как преданных «солдат председателя Мао».

Одно из характерных качеств таких героев — принижение человеческого достоинства и самоуничижение. Эти «герои» якобы называли себя «пешками», «винтиками», «шурупами». Они будто бы вели аскетический образ жизни, отказывали себе во всем и находили в жизни единственное утешение в заучивании цитат и статей Мао Цзэ-дуна. Их духовный мир по-видимому был крайне беден, схематичен и однообразен. И вот эти люди-манексы навязывались китайскому народу как образцы для подражания.

* * *

Активный процесс милитаризации материальной и духовной жизни китайского народа был обусловлен стремлением пекинских лидеров обострить международную напряженность. Их взгляды на войну как на благо были враждебны не только китайскому народу, но и всему миролюбивому человечеству. Война никогда не рассматривалась марксистами как благо для человечества, хотя некоторые войны (справедливые) ускоряли развитие социального прогресса. Вот почему внешнеполитический курс Советского Союза и других социалистических стран, направленный на разрядку международных напряженности, на мир и мирное сосуществование стран с различным социальным строем, отвечает чаяниям всего миролюбивого человечества, в том числе и китайского народа.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Как известно, «культурная революция» 1966—1969 гг. разрушила не только политическую надстройку, но и идейно-теоретическую систему народного Китая. Удары «культурной революции» были направлены прежде всего против общественных наук. Разгрому и надругательствам со стороны хунвэйбинов подверглись те научные учреждения и организации, научные кадры и преподаватели вузов, которые специализировались в области философии, истории, политэкономии, литературы и искусства.

Общественные науки в КНР представляли собой такую область, где урон, нанесенный «культурной революцией», восполнен менее всего. Не была воссоздана система централизованного руководства и координации научных исследований в области обществоведения. Не было никаких признаков функционирования Отделения общественных наук АН Китая, созданного в первые годы после провозглашения Китайской Народной Республики и существовавшего до 1966 г. Не на-

ложено в должном объеме преподавание общественных дисциплин в вузах. Судя по материалам китайской печати, выполнение поставленной три года назад задачи по созданию «отряда теоретиков», состоящего из специалистов в области общественных наук, не доведено до конца. Эта задача, как и раньше, решалась на уровне учебы в кружках и на курсах сети партийного просвещения⁴¹.

После «культурной революции» в Китае не было издано ни одного фундаментального труда по гуманитарным наукам. В 1975 г. выходили в свет периодические издания — «Лиши яньцзю» («Исторические исследования»), «Каогу» («Археология»), «Вэнью» («Памятники культуры»), некоторые университетские вестники и записки гуманитарных факультетов. Публикуемые в них материалы преимущественно имели пропагандистский характер. Идеино-теоретическая мысль по-прежнему концентрировалась на страницах журнала «Хунци», газет «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао», а также разовых или серийных изданий политико-пропагандистского назначения.

Положение в области общественных наук Китая объяснялось главным образом тем, что сама идея воссоздания их роли в жизни страны была противна духу режима, провозгласившего в качестве идеино-теоретической основы жизни общества «идею Мао Цзэ-дуна». Но несмотря на пренебрежительное отношение к этой сфере научной деятельности, в общественной практике так или иначе обращались к данным общественных наук, используя их для обоснования так называемой «линии председателя Мао». Именно с этим были связаны попытки возродить общественные науки, придав им такое направление, чтобы они обслуживали внутренний и внешнеполитический курс. Особенно примечателен в этом отношении был 1975 г. Следует заметить, что процесс воссоздания общественных наук в Китае проходил весьма трудно и противоречиво. Его динамику можно проследить на основе обзора состояния общественных наук по отдельным главным отраслям⁴².

Философия. Навязывание общественному сознанию КНР идеологии маоизма, предпринятое с новой силой после IX съезда КПК, началось с кампании по изучению «философских идей Мао». В качестве основных материалов, подлежащих изучению в рамках этой кампании, были определены так называемые «три самые популярные статьи» Мао Цзэ-дуна — «Служить народу», «Памяти Бетьюна» и «Юй Гун передвинул горы». Однако нельзя сказать, что это явилось началом

⁴¹ «Хунци», 1975, № 10, с. 31—34.

⁴² Здесь не рассматриваются вопросы состояния литературоведения, как и эстетики в целом (см. раздел «Культура» в настоящем сборнике).

выделения философии в качестве самостоятельной части «идей Мао», поскольку в то время (1969—1970) китайская пропаганда приписывала «глубокое философское» содержание всему сказанному или написанному Мао Цзэ-дуном, и под «философией» понималось все идейное содержание маоизма.

Выделение философии в качестве особого элемента идеологической доктрины маоизма фактически началось с 1971 г., когда «идеи Мао Цзэ-дуна» стали пропагандироваться как «всеохватывающее и полное» учение о законах общественного развития. В этой связи в идеологической практике был сделан упор на пропаганду различных статей Мао Цзэ-дуна, написанных в разное время по вопросам текущей политики. Эти статьи преподносились как вклад в развитие теории об обществе. С этого момента, наряду с пропагандой «нефилософских» произведений Мао Цзэ-дуна, его «философские» идеи стали выделяться как специфическая составная часть маоизма.

Позднее, в 1972 г., в качестве уже отдельного направления идеологического курса велась пропаганда так называемой «материалистической теории познания», под видом которой навязывалась особая, в сущности махистская, гносеологическая концепция. О попытках определить предмет философии свидетельствовали установки китайского руководства изучать историю философии и создавать «новые книги» по данному предмету. В 1973 г. появились первые работы по истории китайской и европейской философии, выполненные с маоистских методологических позиций⁴³. В том же году была предпринята попытка издания журнала «Диалектика природы», который был призван освещать философские вопросы естествознания. В дальнейшем этот процесс застопорился.

В последние два года стало наблюдаться нечто обратное: философия стала растворяться среди аморфных с предметной точки зрения «идей Мао Цзэ-дуна». Поскольку эти идеи оказались несовместимыми с данными естественных наук, а подлинно философская интерпретация последних не отвечает целям пропаганды маоистской философии, издание журнала «Диалектика природы» было приостановлено. Его очередной (второй) номер так и не увидел света. Экскурсы в историю философии делались только на потребу текущего идеологического курса, в частности кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Согласно сообщениям, именно в свете требований борьбы против так называемой идеологии преклонения перед конфуцианством было осуществлено исправление и пе-

⁴³ См. Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие в 1973 г., М., 1975, с. 372.

реиздание «Краткой истории китайской философии» под редакцией Ян Юн-го⁴⁴. Что же касается современной философии, то в КНР она изучалась и пропагандировалась как идейно-теоретическое обоснование «основной линии партии на весь исторический этап социализма». Теоретической базой этого курса являлась «концепция продолжения революции в условиях диктатуры пролетариата», в содержание которой включалась также интерпретация ряда проблем — учения о диктатуре пролетариата, политэкономии и других наук в их нерасчлененном виде.

Исходная теоретическая база «основной линии» Мао Цзэ-дуна — это главным образом его философские произведения — «Относительно противоречия», «Относительно практики» и «О правильном разрешении противоречий внутри народа», на изучении и пропаганде которых зиждился весь идеологический курс⁴⁵. Следовательно, «развитие» философской мысли в Китае за шесть лет после «культурной революции» выразилось, в сущности, в переходе от изучения и пропаганды «трех самых популярных статей» к изучению названных выше произведений Мао Цзэ-дуна.

История. В идейно-теоретической жизни КНР после «культурной революции» первый подход к проблемам истории, а именно истории КПК, наметился в конце 1970 г., когда был отвергнут метод массового изучения «идей Мао Цзэ-дуна» по цитатнику и появились призывы изучать произведения Мао Цзэ-дуна полностью. После устранения с политической арены Линь Бяо (сентябрь 1971 г.) в качестве неотъемлемого направления маоистского идеологического курса стала выступать пропаганда так называемой «революционной пролетарской линии председателя Мао». Центральным тезисом этой пропаганды являлось утверждение о том, что «революционная линия Мао» сложилась в процессе постоянной борьбы против «левого» и правого ревизионизма. В раскрытии этого тезиса собственно и состояло изложение истории КПК.

В соответствии с указанным тезисом история КПК с момента ее образования сводилась к истории внутрипартийной борьбы, а освещение ее проблем являлось фоном деятельности Мао Цзэ-дуна, его «побед» над политическими соперниками. В связи с этим главное внимание в «исторических» исследованиях было сосредоточено на эпизодах внутрипартийной борьбы и этапов становления «революционной линии председателя Мао», которых насчитывалось до десяти: от борьбы против «праворевизионистской линии Чэнь Ду-сю» и

⁴⁴ «Жэньминь жибао», 23.XII.1975.

⁴⁵ «Хунци», 1975, № 1, с. 3—4; передовая «Жэньминь жибао», «Хунци» и «Цзефанцзюнь бао», 1.1.1975.

вплоть до разоблачения «контрреволюционной антипартийной группировки Линь Бяо»⁴⁶.

Сюда же включались и идеологические кампании критики противников маоизма. Наиболее полно содержание маоистской версии истории КПК дано в пропагандистской брошюре «Придерживаться трех основных принципов партии», изданной в Шанхае в 1975 г. Отсутствие к этому времени в КНР цельного изложения истории КПК объяснялось главным образом неустойчивостью политического режима, при котором любой из сподвижников Мао Цзэ-дуна мог оказаться «ревизионистом», а это неизбежно повлекло бы переоценку общественной деятельности субъекта и в той или иной мере пересмотр исторической концепции. Помимо этого, существовали и трудности методологического порядка, например отсутствие устоявшейся точки зрения на проблему периодизации истории КПК, особенно после VII съезда партии (1945). В принципе этот период делится в КНР на так называемый «новодемократический» и социалистический этапы. Однако время начала социалистического этапа не было четко указано, поскольку трудно было связать осуществление генеральной линии партии на построение социализма в Китае в 1949—1956 гг. с дальнейшей деятельностью Мао Цзэ-дуна, упорно боровшегося против этой линии.

Явный интерес к проблемам истории Китая (древней, средневековой и новой) обнаружился после «культурной революции» только в 1973 г. в процессе развертывания кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Тогда же была выдвинута установка «поставить древность на службу современности» и «обобщить весь исторический опыт классовой борьбы в Китае». Однако каких-либо крупных исследований, посвященных данной проблеме, не появлялось. Тем не менее, судя по статейным публикациям, полным ходом шла подготовка к переизданию всей истории Китая на маоистских методологических основах. Суть их заключалась в том, что классовая борьба рассматривалась в отрыве от реального исторического процесса — процесса материального производства, а исторический прогресс связывался только с вооруженной борьбой, т. е. с войной, роль которой абсолютизировалась в историческом процессе как «высшая форма классовой борьбы»⁴⁷.

В целях «теоретического» обоснования раскольнического курса пекинского руководства еще в 1972 г. были выдвинуты установки на изучение всемирной истории. В «Хунци» были

⁴⁶ Оценки маоистской версии истории КПК см. в статье В. И. Глущина «К вопросу о борьбе пролетарской и мелкобуржуазной линии в КПК». — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2.

⁴⁷ «Вэнь», 1975, № 2, с. 12.

опубликованы четыре статьи, в которых проблемы мировой истории освещались в духе геополитической концепции противопоставления «колониальному Востоку» «империалистического» Запада, к которому причислялся и Советский Союз.

В дальнейшем данные о маоистском исследовании проблем всемирной истории не публиковались.

Политэкономия. В 1975 г. в КНР обратились к важнейшим проблемам политэкономии социализма. Эти проблемы рассматривались в качестве составной части теории продолжения так называемой «революции в условиях диктатуры пролетариата» как в области политической надстройки, так и в области экономического базиса. К числу центральных проблем относилось распределение по труду, которое расценивалось исключительно как «буржуазное право», постоянно рождающее капитализм и буржуазию. Это понадобилось для обоснования необходимости осуществления курса на ограничение «буржуазного права», под видом которого проводилось наступление на жизненный уровень трудящихся и продолжалось преследование противников официального курса. В таком разрезе изучались и трактовались произведения: К. Маркса «Критика Готской программы» и В. И. Ленина «Государство и революция», в частности ее пятая глава. В ходе кампании были изданы брошюры — методологические разработки в помощь изучающим названные работы. Этим собственно и ограничивалось изучение проблем политэкономии социализма.

1975 год был отмечен публикацией ряда брошюр политико-пропагандистского характера, в которых попутно затрагивались и социально-экономические проблемы капитализма, сами по себе важные и актуальные⁴⁸. В частности, в этих брошюрах рассматривались природа и механизм капиталистической эксплуатации, экономических кризисов, давалось разъяснение основных политэкономических категорий, подвергались критике буржуазные концепции, в частности английского экономиста Кейнса. С точки зрения теоретического уровня эти брошюры представляли собой в лучшем случае популярное изложение давно известного в марксистской литературе. Обращение к этим проблемам выступало составной частью эскалации антисоветского и раскольнического внешнеполитического курса. Неотъемлемым компонентом рассуждений по политэкономическим проблемам капитализма явились злостные измышления о «капиталистическом перерождении» Советского Союза, и все, что говорилось о капитализме, искусственно переносилось на советское общество.

⁴⁸ Что такое экономический кризис (Цзинцзи вэйцзи ши шэммо). Шанхай, 1975; Экономический кризис капитализма (Цзыбэнь чжунди цзинцзи вэйцзи), Пекин, 1975.

Вопрос об экономическом кризисе современного мира капитализма, гипертрофированное подчеркивание его остроты и масштабов непременно связывалось с тезисом о том, что «бремя экономического кризиса империалистические страны пытаются переложить на плечи третьего мира»⁴⁹. Это делалось для того, чтобы противопоставить «третий мир» капиталистическому Западу, включая Советский Союз, и в конечном счете отколоть развивающиеся страны от социалистического содружества. Китай же изображался, с одной стороны, как социалистическая страна, свободная от кризисов, а с другой — как развивающаяся страна, принадлежащая к «третьему миру»⁵⁰.

Таким образом, говоря в целом о состоянии общественных наук в Китае в 1975 г., можно отметить, что их «воссоздание» прежде всего было связано с нуждами политической практики китайского руководства.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Руководство средствами массовой информации в КНР осуществлялось Центральным Комитетом КПК, отделом печати МИД и тремя органами Государственного совета — Управлением радиовещания (оно ведало также и телевидением), Управлением по делам издательств и агентством Синьхуа⁵¹.

Относительно развитая система средств массовой информации в КНР состояла из трех основных звеньев: печати, радио и телевидения.

Периодическую печать возглавляли официальные органы ЦК КПК газета «Жэньминь жибао» («Народная газета») и журнал «Хунци» («Красное знамя»). «Жэньминь жибао» издавалась только на китайском языке, «Хунци» — на китайском, а также на монгольском, уйгурском, казахском, корейском и тибетском языках. Очень часто статьи из «Хунци» пе-

⁴⁹ Что такое экономический кризис, с. 26.

⁵⁰ Два общества и два характера внешней торговли (Лян чжун шэхуй хэ лян чжун дуйвай маон), Шанхай, 1975, с. 53.

⁵¹ Ответственным лицом по линии ЦК КПК являлся член Политбюро Яо Вэнь-юань; по линии МИД — заведующий отделом печати Цинь Цзя-линь; Управление радиовещания возглавлял Дэн Гаи; Генеральным директором Синьхуа был Чжу Му-чжи; Управление по делам издательств возглавляли Ван Цзи-шэн и Сюй Гуан-сяо.

В 1977 г. в связи с отстранением от власти «четверки» (Ван Хун-вэнь, Чжаи Чунь-цяо, Цзян Цин, Яо Вэнь-юань) произошли перестановки в руководстве средствами массовой информации. Главным редактором «Жэньминь жибао» был назначен Ху Цзы-вэй, главным редактором журнала «Хунци» — Ван Шу, директором Центрального радио и телевидения — Чжаи Тянь-шэн.

репечатывались центральными газетами, в том числе и «Жэньминь жибао». К центральной прессе относились также военная газета «Цзефанцзюнь бао» и рассчитанная на интеллигенцию газета «Гуанмин жибао» («Свет»). «Жэньминь жибао», «Хунци» и «Цзефанцзюнь бао» нередко публиковали совместные передовые, обычно по важным вопросам внутренней или внешней политики или в связи с юбилейными датами.

Во всех провинциях и городах КНР до «культурной революции» выходили свои газеты; не считая уездных и фабрично-заводских многотиражек, издавалось 265 газет, в том числе 17 газет всекитайского значения. Свои газеты имели комсомол, Всекитайская федерация профсоюзов, некоторые отраслевые профсоюзы. После 1969 г. всего в стране осталось примерно 20 провинциальных и городских газет⁵². Ежедневный тираж центральных и провинциальных газет равен 30 млн. экземпляров, из них 3,4 млн. приходилось на «Жэньминь жибао».

В стране издавалось до двух десятков специализированных научных журналов и 6 периодических изданий пропагандистского характера на иностранных языках: журналы «Китай», «Народный Китай» и др. С 1975 г. в Шанхае выходит литературный журнал «Хуся», рьяно пропагандирующий маоистские идеи в области социологии и литературы. С декабря 1975 г. в Пекине начал издаваться новый историко-теоретический журнал «Лиши яньцзю», специализировавшийся на фальсификации истории и археологии в духе великоханьского шовинизма⁵³.

Основным источником внутренней и международной информации для китайской периодики, точно так же, как для радио, являлось официальное информационное агентство Синьхуа. Ежедневно агентство передавало информацию для внутренних нужд (объемом до 62 тыс. иероглифов), примерно половина которой посвящена международной тематике. Для иностранных корреспондентов агентство Синьхуа ежедневно готовило бюллетени информации и около 90 радиодетальных снимков, причем все события международной жизни, так же, как и положение в КНР, получают маоистскую интерпретацию.

Отделения агентства Синьхуа, главный аппарат которого находится в Пекине, имеются в Шанхае, Шэньяне, Ханьчжоу, Сиани, Чунцине, Цзинане и других городах. Агентство имеет также свои отделения или корреспондентов в 40 зарубежных странах. Синьхуа подписало соглашения об обмене инфор-

⁵² Перечень газет см. в кн. «Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие в 1973 г.», с. 405.

⁵³ См. там же.

мацией с Ассошиэйтэд Пресс и Юнайтэд Пресс интернэшнл (США), Рейтер (Англия), Киодо Цусин (Япония) и Франс Пресс (Франция).

В центральном аппарате Синьхуа в Пекине занято около 5 тыс. человек. Из них более двух тысяч в мониторинговой службе, перехватывающей и записывающей передачи примерно 50 радиостанций мира. Связь со своими зарубежными представительствами Синьхуа поддерживает с помощью КТТИ — современных радиотелетайпных установок, позволяющих вести высокочастотные кодированные передачи на нестандартных частотах, меняя их несколько раз в день.

По данным 1975 г., в Китае работало более десятка издательств (в 1954 г. насчитывалось 181 издательство). Крупнейшее из них «Жэньминь чубаньшэ» (главный редактор — Ли Го-жэнь) располагало филиалами в 25 провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения.

«Жэньминь чубаньшэ» выпускало также «научную», общественно-политическую и художественную литературу. Однако упор делался все же на политическую литературу, связанную с внутренними кампаниями; только буклетов с материалами кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» в феврале 1974 г. через сеть магазинов «Синьхуа шудянь» было распространено свыше 200 млн. экземпляров, причем на уйгурском, казахском и монгольском языках было издано более 4 млн. брошюр на эту тему.

Специализированное издательство «Миңьцзу чубаньшэ» публиковало маонистскую литературу для национальных меньшинств на тибетском, уйгурском и казахском языках.

Издательства «Жэньминь цзяотун чубаньшэ», «Жэньминь вэйшэн чубаньшэ», «Жэньминь мэйшу чубаньшэ», «Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ» выпускали соответственно литературу по проблемам транспорта, здравоохранения и медицины, театра, изобразительного искусства, литературы. Старейшее китайское издательство «Шан у иньшу гуань», известное еще в 30-е годы, по-прежнему выпускало словари.

Поскольку в Китае значительная часть населения по-прежнему остается вовсе неграмотной или малограмотной, большое значение имел такой массовый источник информации, как радиовещание. По данным авторитетного международного справочника Лунда Иогансона, в Китае зарегистрирована 31 радиостанция, вещающая на частотах 580—1575 килогерц (средневолновые) и 2200—9490 килогерц (коротковолновые). Пекинское радио имеет службы внутреннего и внешнего вещания.

Первостепенное значение придавалось радиотрансляции с использованием проводного вещания. Уже к 1973 г., по официальным данным, в большинстве «коммун» были

радиоузлы, а в 60% всех крестьянских дворов — громкоговорители. В отдельных районах Китая процент радиофикации деревни выше, чем в среднем по стране. В КНР началось производство радиоприемников и телевизоров черно-белого изображения с размером экрана по диагонали от 22 до 48 см. На шанхайском радиозаводе освоено производство малогабаритных переносных телевизоров.

После визита президента США Р. Никсона в Китай со второй половины 1972 г. введено преподавание по радио иностранных языков. Шанхайская радиостанция, например, кроме английского языка, в сотрудничестве с Фуданьским университетом и Институтом иностранных языков передавала в эфир уроки японского и французского языков. Уроки иностранных языков передавали также радиостанции Пекина, Гуанчжоу, Аньхой, Чжэцзяна, Хунани и Хубэя.

Внутреннее вещание, кроме пекинского диалекта, использовало кантонский, фучжоуский и амойский диалекты, а также тайский, тибетский, корейский, монгольский, казахский и уйгурский языки.

Китайское радио в широких масштабах вело маоистскую пропаганду за рубежом на всех основных языках Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, а также на диалектах, распространенных среди китайских эмигрантов. Пекинское радио в 1975 г. вещало только на английском языке 287 час., а всего на 37 иностранных языках⁵⁴ — 1500—1700 час. в неделю.

Начало телевидению в Китае было положено с помощью Советского Союза, когда в Пекине в 1957 г. была построена первая в Китае телебашня. В 1966 г. телевизионная башня была установлена в Гуанчжоу, а в 1969 г. трансляционная станция — в Цзинани (пров. Шаньдун) для приема передач пекинского телевидения. С начала 70-х годов правительство КНР предпринимало энергичные меры по распространению телевидения.

Китайские специалисты по телевидению проходили практику во Франции, Швейцарии, ФРГ, Бельгии, Нидерландах, Люксембурге с целью модернизации черно-белого и перехода на цветное телевидение. Предполагалось вести цветные передачи на стандартах западногерманской системы ПАЛ. С этой целью Пекин заказал японской компании Тосиба, работавшей по западногерманским стандартам, оборудование на 1 млн. долл. Сообщалось также, что Китай приступает к сооружению 13 основных телевизионных станций, 4 трансляционных и 12 экспериментальных. В начале 70-х годов с помощью американской радиостанции «Ар-Си-Эй» начато

⁵⁴ «Peking Review», 3.1; 9.V.1975.

строительство наземной станции для приема телевизионных программ и телефонных сигналов со спутников связи. Одна такая станция работала в Пекине.

Китайское телевидение имеет международные связи. Американская радиотелевизионная компания «Эй-Би-Си» и Управление радиовещания КНР подписали соглашение об обмене теленовостями, документальными фильмами, оперативными передачами и делегациями. С 1974 г. по телевидению ФРГ, а также Западного Берлина передавалась предназначенная для ГДР дневная программа телевидения, велся показ «учебных фильмов», таких, как «Героические сыновья и дочери», «Туннельная война». Одновременно радио и телевидение ФРГ увеличивали количество пропекинских путевых заметок типа «Простое счастье китайских товарищей», «Немецкие делегации путешествуют по империи Мао», «Рыбы Мао в воде — НОАК» (радиопередача), «Место встречи — Пекин. — 800 млн. становятся соседями» (телепередача). Рупором маоистской пропаганды по сути дела являлось радио «Свободный Берлин». Ее директор посетил Пекин в 1973 г. и заключил договор о сотрудничестве с Управлением радиовещания КНР.

ВВЕДЕНИЕ

В 1975 г. было четко выражено стремление пекинского руководства эффективнее использовать литературу, искусство и образование в целях идеологической обработки населения и утверждения своего политического курса. Вместе с тем в различных формах и с разной степенью интенсивности продолжалась борьба определенной части китайской интеллигенции за то, чтобы культура служила интересам народа, за возврат к оправдавшим себя на практике социалистическим методам развития культуры. После разгрома, учиненного «культурной революцией», начался медленный процесс относительной нормализации в сфере культуры.

Началась публикация новых или переделанных произведений литературы и искусства, возобновились занятия в части вузов, стабилизировался учебный процесс в школах. Вскоре, однако, возникли явления, вызывавшие настороженность маоистов. К ним относились появление отдельных произведений, ставивших под сомнение те или иные аспекты «культурной революции», фактическое восстановление системы экзаменов в учебных заведениях и «чрезмерный упор» на стабильность учебных программ, нотки «либерализма» в отношении китайской и мировой классики. Утверждалось также, что в новых произведениях недостаточно проводился тезис об «усилении классовой борьбы в период социализма» (т. е. борьбе с противниками официального курса), наблюдалось влияние «теории бесконфликтности» и установки на развлекательность.

В ходе кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» интеллигенция, работавшая в сфере культуры, стала одной из главных мишеней (поскольку она якобы особенно подвержена «буржуазным и ревизионистским веяниям» и является «питательной средой для появления новой буржуазии»).

Утверждая, что «внешние враги не столь страшны» и что «самыми опасными являются паразиты в нашем собственном лагере», печать призывала действовать в отношении

«паразитов» методами Цинь Ши-хуана — «жечь книги и закапывать живыми конфуцианцев»¹.

Китайская пресса подчеркивала, будто «в настоящее время некоторые области надстройки по-прежнему находятся в руках буржуазии» и призвала «усилить единое руководство в области культуры» и тем самым организационно обеспечить «всестороннюю диктатуру» в отношении этой так называемой «буржуазии», т. е. противников официального курса в области культуры. Однако конкретных имен в ходе кампании не называлось.

К началу 1975 г. было завершено восстановление руководящего аппарата в сфере культуры. На сессии ВСНП в январе объявили о назначении новых министров культуры и образования (эти посты оставались вакантными более восьми лет). Министром культуры стал Юй Хуэй-юн — один из активных деятелей «реформы театра», осуществлявшейся под руководством Цзян Цин. На должность министра образования назначен старый кадровый работник Чжоу Жун-синь, занимавший пост заместителя министра высшего образования в начале 60-х годов и подвергшийся резким нападкам в период «культурной революции» (во время развернувшейся в конце 1975 г. кампании вокруг так называемой революции в области образования он вновь стал мишенью нападков в дацзыбао).

Судя по сообщениям печати, возобновилась работа Института литературы Академии наук Китая, а в системе министерства культуры создан Научно-исследовательский институт литературы и искусства. Продолжались занятия в недавно созданном Центральном университете искусств — комплексном учебном заведении по подготовке актеров, музыкантов, художников, кинорботников.

В течение года впервые в печати появились имена видных деятелей культуры, пострадавших во время «культурной революции». Среди них: один из руководителей бывшего Союза писателей — Лю Бай-юй, директор Института литературы, поэт Хэ Ци-фан, один из руководителей Союза художников — Хуа Цзюнь-у (в свое время выступавший с обличительными карикатурами) и др. Несколько известных в прошлом литераторов получили возможность выступать со стихами или статьями.

Одновременно маоисты приняли более строгие меры против возникновения нежелательных, с их точки зрения, тенденций в области культуры. В течение года в центральной печати не подвергалось серьезной критике по идеологическим мотивам ни одно новое произведение. Следовательно,

¹ «Жэньминь жибао», 26.11.1975.

система контроля, основанная на методе «сочетания трех сторон», работала достаточно надежно («сочетание трех сторон» в официальном истолковании означало, «массы» поставляют материал, художники его обрабатывают, руководство контролирует и утверждает результат работы). От работников литературы и искусства требовали, чтобы главное место в их произведениях занимало воспевание «социалистической нови, рожденной культурной революцией», т. е. отправки городской молодежи в деревню, работы «босоногих врачей», «революции» в области образования и культуры и т. п.

«Образцовые спектакли» со всеми их приемами и штампами оставались художественным эталоном, на который обязаны были равняться авторы новых произведений. Если раньше в печати нередко сетовали на низкий художественный уровень вновь созданных работ и призывали к его повышению, то в 1975 г. идеологическая «непогрешимость» опять стала, по существу, единственным критерием оценки новых публикаций. Еще более ощущался крен к использованию непрофессиональных писателей, художников и исполнителей «грамотной молодежи» — бывшие хунвэйбины, в свое время отправленные в деревню. В области образования отмечалось стремление возобновить деятельность «рабочих отрядов пропаганды» и еще теснее увязывать учебные занятия с текущими политическими кампаниями.

В первых числах сентября 1975 г. в китайской прессе развернулась кампания по «критическому обсуждению» знаменитого средневекового романа «Речные заводы». Написанный Ши Най-анем (возможно, вместе с Ло Гуань-чжуном) в середине XIV в. роман повествует о народном восстании периода Сунской династии (XII в.) под предводительством Сун Цзяна. В XVII в. Цзинь Шэн-тань заново отредактировал роман, сократив его со 120 до 70 глав. Этот вариант и приобрел огромную популярность в широких слоях китайского народа. «Речные заводы» неизменно пользовался хорошей репутацией у китайской демократической и прогрессивной критики, видевшей в нем (не без доли преувеличения) «эпопею крестьянской революции».

Организаторы этой политической кампании, ссылаясь на недавние «указания» Мао Цзэ-дуна, объявили роман «проповедью классового капитулянтства», «клеветой на крестьянские восстания» и заявили, что он годен лишь для «негативного учебного материала». Несомненно, под «капитулянтами» подразумевали своих оппонентов внутри правящего слоя, которые, как они опасались, смогут взять верх после ухода Мао Цзэ-дуна и направить развитие страны по иному

пути. Нельзя не заметить и воздействия этой кампании на культуру, в особенности на отношение к классическому наследию. Вновь, уже в который раз, был показан пример вульгаризаторского, одностороннего подхода к классике, утилитарного использования ее в интересах текущей политической борьбы и воспитания подобного же отношения в народе.

Такую линию в вопросах культуры разделяли далеко не все работники литературы, искусства и образования. Об этом свидетельствуют не только постоянные нападки пекинской прессы на несогласных и угрозы в их адрес, но и события последних месяцев в области образования. Группа видных работников столичного университета Цинхуа, обеспокоенная резким падением уровня подготовки в учебных заведениях Китая в результате нововведений после «культурной революции», обратилась с письмом к Мао Цзэ-дуну, настаивая на необходимости принятия срочных мер. Несомненно, их позицию разделяли многие, иначе китайской прессе пришлось бы раздувать по всей стране шумную кампанию против авторов письма, квалифицируя их обращения как «странные и чудовищные». Таким образом, проблема несоответствия осуществляемого курса в сфере культуры и образования насущным потребностям развития страны в условиях научно-технической революции оставалась еще более жгучей.

ПОЛОЖЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

После «культурной революции», ознаменовавшейся жестокими гонениями на интеллигенцию, пекинское руководство провозгласило осуществление «правильной пролетарской политики председателя Мао по отношению к интеллигенции», заключающейся главным образом в «перевоспитании и использовании» работников умственного труда. Первая половина 70-х годов проходила для интеллигенции под знаком этой политики. «Использование» в значительной степени определялось стремлением официальной пропаганды показать всему миру «великие успехи, достигнутые в литературе и искусстве благодаря пролетарской культурной революции». К 1975 г. профессиональные усилия интеллигентов стали уже довольно заметными, будучи, однако, скованными прежними установками, регламентирующими творчество.

Расширение сети вузов, появление новых периодических изданий способствовали увеличению контингента интеллигентов, занятых в этих сферах деятельности.

Характер многих материалов, публиковавшихся в ходе критики романа «Речные заводы» и трактовавших проблемы

средневековой литературы в вульгаризаторском духе, свидетельствовал, тем не менее, о том, что они были написаны специалистами.

В создании кинофильмов (по рецептам «образцовых революционных спектаклей») участвовали отдельные режиссеры, сценаристы, кинодраматурги, «раскритикованные» хунвэйбинами в период «культурной революции». По всей видимости, в таком же духе занимались профессиональной деятельностью и художники. Меньше всего этот процесс сказался на литературе; однако и здесь было заметно оживление. На страницах прессы появились, например, отдельные стихотворения таких известных поэтов, как Цзан Кэ-цзя, Юань Шуй-по, Тянь Цзянь. Они восхваляли «социалистическую новь, рожденную культурной революцией» и «председателя Мао»; газеты призывали художников слова работать над языком, «ковать поэтическую речь»², что совершенно исключалось еще совсем недавно.

Немалая роль отводилась интеллигенции в рамках мероприятий, направленных на воспитание молодежи, которому уделялось значительное внимание. Воспитание молодежи объявлялось одной из основных обязанностей интеллигенции, равно как и редактирование и подготовка к изданию художественной и научно-популярной литературы для молодого читателя, чтение популярных лекций по литературе и искусству и т. д.

В непрофессиональные бригады пропаганды литературы и искусства включались профессионалы, причем уже не только для «учебы у бедняков и низших середняков» — пресса подчеркивала их роль в таких бригадах именно как специалистов.

Тем не менее все это нельзя рассматривать как свидетельство того, что между руководством и интеллигенцией было достигнуто какое-то взаимопонимание. Прежде всего, отмеченное оживление в сфере профессионального творчества весьма относительно. Оно стало заметным лишь на фоне того вакуума, который был создан в нем «культурной революцией»; если же попытаться сравнить эти «успехи» с тем, чем располагала китайская культура до этих событий, их незначительность будет очевидной. На самом деле, количество литературно-художественных произведений профессионалов, изданных отдельным изданием или появившихся в периодике, относительно невелико. Подавляющее большинство деятелей литературы и искусства к творчеству не приступало. В высшей школе профессорско-преподавательский состав выражал свое несогласие с новой системой подготовки специ-

² «Гуанмин жибао», 15.XI.1975.

алистов, определяемой «революцией в образовании». Нажим на интеллигенцию сохранился.

В конце первого полугодия 1975 г., когда отмечалась 33-я годовщина яньаньских «Выступлений» Мао Цзэ-дуна, китайская печать уделяла особенно много внимания интеллигенции, в первую очередь творческого и гуманитарного профиля. Отмечалась неизбывность «буржуазного» мышления интеллигентов, наличие у них «исключительно сильных буржуазных ревизионистских взглядов» и якобы постоянного стремления «повернуть вспять социалистическую литературу и искусство».

При оценке этих обвинений следует учитывать, что подготовка интеллигенции в течение полутора с лишним десятилетия велась в государстве, начавшем движение по пути строительства социализма, по программам и учебникам, созданным под сильным влиянием стран социалистического лагеря. Подготовленная таким образом интеллигенция теперь, спустя 25 лет после создания КНР, составляла уже значительное большинство работников умственного труда в стране. Тем не менее пропаганда продолжала обвинять интеллигенцию в «буржуазности» мышления, обусловленной не только их буржуазным или мелкобуржуазным происхождением, но и их якобы «буржуазной подготовкой».

«Сейчас у подавляющего большинства интеллигентов... миропонимание по-прежнему остается буржуазным», у них сохраняются «буржуазные представления» о роли деятелей искусств в обществе,— заявляла «Гуанмин жибао»³. «Жэньминь жибао» напоминала, что интеллигенты все еще плохо справляются с изучением яньаньских «Выступлений» Мао Цзэ-дуна, ибо у всех у них «буржуазная подготовка», а «зачалка», которую они прошли в последние годы, все еще недостаточна. За такого рода заявлениями легко просматривалось раздражение в связи с неприятным основной массой творческой интеллигенции «эстетических теорий» Мао Цзэ-дуна, неприятием, которое не смогли преодолеть даже гонения периода «культурной революции».

Тезис о сохранении интеллигенцией «буржуазных» взглядов служил пекинским идеологам оправданием преследования интеллигентов. В ходе кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» маонизм выдавался за «пролетарское мировоззрение», и усилия по «укреплению диктатуры пролетариата» были направлены главным образом на обуздание интеллигенции. При этом «укреплением диктатуры пролетариата» по отношению к интеллигенции занимались в деревне, основным путем «преобразования мировоззрения» признава-

³ «Гуанмин жибао», 10.V.1975.

лось участие работников умственного труда именно в сельскохозяйственном труде под руководством «бедняков и низших середняков»⁴. И «школы 7 мая», как известно, связанные преимущественно с сельскохозяйственным трудом, также, по утверждению китайской печати, «способствовали движению критики Линь Бяо и Конфуция», являлись «могучим средством укрепления диктатуры пролетариата», содействовали «критике идеологии буржуазного правопорядка» и т. д.⁵.

Продолжение «перевоспитания» было тесно связано и с активизацией непрофессионального творчества. Согласно пропагандированному идеалу отряд работников литературы и искусства должен в основном состоять из людей, занимающихся творчеством в нерабочее время, ибо только без отрыва от производственного труда можно якобы по-настоящему изображать героев из народа. Такие люди, мол, живут вместе со своими героями, лучше чувствуют пульс времени, «их произведения могут своевременно и быстро отражать боевую жизнь нашей великой эпохи»⁶. Вульгаризаторское понимание роли искусства при подобной постановке вопроса очевидно.

В течение всего года в печати то и дело появлялись рассуждения о том, что «вопросы преобразования мировоззрения не всегда хорошо решаются», что интеллигенты, попав в деревню, «не отдают работе все свои помыслы и душу». В конце года борьба с непокорными интеллигентами активизировалась. Подчеркивая, что «бешеное наступление классового врага начинается с позиций литературы и искусства», печать призывала к усилению борьбы с творческой интеллигенцией. О том, что эти призывы — не отдельные выступления крайне «левых», а общая линия идеологического руководства, свидетельствовало обилие подобных материалов и постоянство, с которым они появлялись в печати.

Особенно заметным стало наступление на интеллигенцию, занятую в сфере образования. В декабре появились материалы, настойчиво отстаивавшие главные принципы «революции в образовании» и уже откровенно отражавшие наличие противоборства этим принципам со стороны интеллигентов, несогласных с такой «революцией»⁷.

Таким образом, анализ материалов печати за 1975 г., связанных с проблемой интеллигенции, дает основание говорить о двух основных тенденциях в этой области. С одной стороны, наметилась (и явно поощрялась руководством) некоторая активизация интеллигенции в сфере профессиональ-

⁴ «Жэньминь жибао», 13.IX.1975.

⁵ «Жэньминь жибао», 16.III: 15.IV.1975.

⁶ «Гуанмин жибао», 13.IV.1975.

⁷ «Жэньминь жибао», 29.XII.1975; «Гуанмин жибао», 30.XII.1975.

ной деятельности; однако, вопреки воле руководства, эта активность проявлялась не только в творчестве, лежащем в русле официальных установок, но и в постепенно нараставшем противодействии интеллигентов этим установкам. С другой стороны, неизменно проявлялось стремление идеологов разоблачить изначальную «буржуазность» мышления интеллигентов, постепенно вылившееся в начало нового наступления на всех сомневающихся в «культурной революции».

ЛИТЕРАТУРА

В последние годы в Китае возобновилось издание различных литературных произведений — романов, повестей, сборников рассказов, очерков, стихов и др. Объем этой продукции довольно значителен. Однако среди авторов новой современной литературы, выдержанной в духе «идей Мао Цзэ-дуна», почти полностью отсутствовали известные в прошлом имена. Большое число произведений явилось продуктом коллективного творчества — «творческих бригад», которые создавались в вузах, на предприятиях, в воинских частях.

В 1975 г. в Китае была проведена кампания под лозунгом «изучения теории диктатуры пролетариата», подразумевавшая так называемую «борьбу с буржуазным правом». В области литературы эта кампания проявилась в выступлениях против авторского права и «эгонизма» литераторов, стремящихся к улучшению своего материального положения.

Рассмотрим характер издававшихся в КНР некоторых произведений прозы и поэзии. Наибольшей активностью отличался самый известный из печатающихся сейчас в Китае писателей Хао Жань. Он выступал неоднократно с очерками на страницах газет, издал публицистическую книгу. Отрывки из его романа были опубликованы на английском языке в журнале «Китайская литература»⁸. Хао Жаню принадлежит статья «Служить своим пером пролетариату»⁹, в которой он давал советы начинающим литераторам, как писать о действительных событиях, чтобы произведение соответствовало маоистской догме. Рецепт Хао Жаня сводился к неременному показу в любом произведении противоречий, борьбы, в духе постулата маоизма о «классовой борьбе при социализме». Если писатель, например, описал человека, которого можно оценить позитивно с точки зрения «идей Мао Цзэ-дуна», то даже такому положительному образу героя необходимо противопоставить отрицательный персонаж. В своих работах

⁸ «Chinese Literature», 1975, № 9.

⁹ «Жэньминь жибао», 8.VIII.1975.

Хао Жань осудил собственное творчество с 1957 по 1962 г.: «В ста с лишним моих рассказах деревенская действительность изображена как мирное процветание, без противоречий и классовой борьбы, без возвышенных героических типов». Он советовал любой честный поступок, например, даже отказ получить талон без очереди, оценивать как результат воздействия очередной политической кампании, в конкретном случае — кампании «изучения теории диктатуры пролетариата».

Крупнейшим произведением года явился роман «Большие ножи», написанный Го Чэн-цином. Он охватывал период с конца династии Цин до конца антияпонской войны¹⁰. В романе показано, как Лян Юн-шэн, батрацкий сын, во время японской оккупации организовал из крестьян отряд «больших ножей», который вливается в ряды Восьмой армии. В противовес Лян Юн-шэну в романе выведен «большой трус», интеллигент, сельский учитель Фан Чжи-мин.

В Шанхае вышел в свет роман «Дорога в открытое море» («Дахай пулу»), написанный литературно-художественной бригадой шанхайской судостроительной компании. Тема романа — развитие китайского судостроения в 70-е годы на примере строительства судна «Родина» водоизмещением в 10 тыс. т. В рецензии на роман говорилось о том, что в нем раскрывается «ревизионистская линия», проповедовавшая «преклонение перед иностранщиной», которая нанесла судостроению большой ущерб¹¹. В романе выведен некто Фу Дань-линь, снятый за ошибки во время «культурной революции», но затем возвратившийся после перевоспитания трудом на прежнюю работу и повторивший свои ошибки. Главный конфликт в романе — диверсия классового врага на верфи. В рецензии отмечено в качестве недостатка отсутствие убедительности в показе перевоспитания у отдельных персонажей.

Из поэтических произведений весной 1975 г. были опубликованы стихи известного поэта Тянь Цзяня под названием «Песня о Великой стене». В заключительных строках говорилось: «Председатель Мао указывает путь Дачжая. Красные цветы расцвели на пути в десять тысяч ли, — красные цветы расцветают, освещая десять тысяч поколений». Этот автор выступил одновременно и со статьей «Трубить поход» в связи с кампанией подъема сельского хозяйства под лозунгом «учиться у Дачжая», где говорилось: «Наш символ веры — наставления председателя Мао в его „Выступлениях по вопросам литературы и искусства в Яньшань“».

¹⁰ «Гуанмин жибао», 20.IX.1975.

¹¹ «Жэньминь жибао», 1.X.1975.

В эпической поэме Ли Сюй-юя, созданной одним из представителей «грамотной молодежи», высланной в Хэнань, «Перевоз»¹², рассказывалось о городской девушке, отправленной из города в деревню, работавшей на переправе. Она научилась в любую погоду перевозить людей и грузы. Девушка стала помехой «буржуазному элементу», который попытался утопить ее во время переправы, но был схвачен благодаря героизму девушки.

В центральных издательствах Китая, помимо упомянутых, в 1975 г. были изданы следующие книги: Гун Бянь «Новенький Сяо Ши-чжу»; Дань Сюэ-пэн «Рыбачьи песни Бохая»; Ван Ши-мэй «Железный смерч»; Чжан Чан-гун и Чжэн Шилянь «Метель в пограничном городе»; произведение коллективного творчества «Вонзающийся в небо горный пик»; повесть Кэюму Туэрди (транскрипция) «Под киргизскими горами». Издано также 14 «образцовых пьес».

Вышли из печати 6 сборников рассказов, 17 сборников стихов, в том числе две поэмы Ван Шоу-цина и Жэнь Яньфана. Из древней литературы были изданы комментированные сборники Цао Цао, Лю Цзун-юаня и Ли Чжи. Публикация классической китайской литературы ограничивалась кругом авторов, отнесенных к школе легистов, т. е. по-прежнему определялась результатами кампании «критики Линь Бяо и Конфуция».

Иностранная литература была представлена романом албанского автора «Факел», сборником рассказов корейских писателей, повестью лаосского писателя и двумя сборниками стихов поэтов Пакистана и Мозамбика. Вышел в свет памятник древней японской литературы «Бункю хиппурон» Кобо-дайси (IX в.), в котором сохранились фрагменты произведений китайских поэтов, утраченных в самом Китае¹³.

Что касается советской художественной литературы, то в КНР в 1975 г., как и в предыдущие годы, она не издавалась. Более того, советские писатели в печати систематически подвергались злобной клеветнической «критике». Совсем недавно появилась книга «Критика литературы и искусства советского ревизионизма» (Шанхай, 1975), в которой помещено антисоветское заявление Мао Цзэ-дуна. Более двух десятков статей, собранных в этом объемистом томе, имеют целью оклеветать советскую действительность, жизнь народа, политику КПСС.

В отдельных статьях подверглись очернению произведения Н. Асанова, Ч. Айтматова, С. Бабаевского, И. Беляева, С. Герасимова, И. Дворецкого, О. Иоселлани, В. Кожевни-

¹² «Гуанмин жибао», 23.XI.1975.

¹³ «Жэньминь жибао», 13 и 21.X.1975.

кова, Г. Коновалова, В. Липатова, А. Спешнева, Ю. Трифонова, Д. Храбровицкого, В. Черных, М. Шатрова и других писателей, драматургов и сценаристов. В трех обзорных статьях китайские критики пытались с помощью надерганных отовсюду материалов представить в совершенно ложном свете разное стороны жизни советского общества.

Теоретической основой всего курса в литературе и искусстве продолжали оставаться яньаньские выступления Мао Цзэ-дуна (1942). Положение, создавшееся в литературе и искусстве Китая, судя по заявлениям центральной печати, не удовлетворяло пекинское руководство. В рамках всекитайской кампании борьбы с «буржуазным правом», а позднее «критики романа „Речные заводи“», делались попытки вернуться к установкам периода «культурной революции» с ее вульгарной, демагогической критикой. Официальная печать предостерегала: «В области литературы и искусства буржуазия все еще имеет перевес в отдельных сферах, проявляется влияние ревизионистской линии, непрочно результаты преобразований. В наших рядах все еще сеет отраву буржуазная эстетическая мысль, карьеризм и эгоизм, сектантство, групповщина и прочие проявления помещичье-буржуазного общественного сознания. Теперь нам становится все яснее, как буржуазия на ниве литературы и искусства на смену свергнутым выращивает новых врагов. Почему буржуазный дух в литературе и искусстве, если его остановить в одном, немедленно проявляется в другом? Почему после критики старой буржуазии в литературе и искусстве немедленно появляется новая?»¹⁴.

Подобные заявления, повторяя платформу периода «культурной революции», сулили в ходе нынешней кампании по борьбе с «буржуазным правом» новое ухудшение условий творческой деятельности в Китае даже для тех литературных работников, которые следовали указанному пропагандой курсу.

Литература и искусство продолжали оставаться в глазах маоистов подозрительной сферой деятельности: «Здесь опять может народиться новая духовная аристократия, могут вырасти новые перерожденцы буржуазной литературы и искусства»¹⁵. Отсюда многократное повторение настойчивых призывов к постоянному, пожизненному трудовому «перевоспитанию» творческих работников, поскольку «перевоспитание», полученное ими в годы «культурной революции» и кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», не означало, что «вопрос преобразования мировоззрения уже решен».

¹⁴ «Жэньминь жибао», 23.V.1975.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 22.V.1975.

Таким образом, сохранение «линии председателя Мао» по-прежнему лишало китайскую литературу выхода к действительной жизни, к отображению в реалистических произведениях чаяний трудящихся. В произведениях 1975 г., как и прежде, строго выдерживались установленные после «культурной революции» догматические идейно-композиционные схемы, предписанные маоистами. Китайская литература оставалась ходульной, оторванной от реальной жизни.

ТЕАТР

Последнее время театр КНР жил и работал в обстановке непрерывных идейно-политических кампаний. Направлялись они в основном левацкими лидерами и выдвиженцами «культурной революции». Смысл кампаний применительно к театру в основном состоял в том, чтобы сохранить в силе установки, выработанные в ходе «культурной революции» и предшествовавшей ей «революции в области театра», проводившейся под руководством Цзян Цини.

Делать это становилось все труднее. В русле общих для культуры процессов последних лет в 1975 г. продолжалось организационное восстановление деятельности всех основных видов театра в КНР. В театральные коллективы возвращались реабилитированные работники. Они, являясь наиболее грамотными в профессиональном отношении, снова стали оказывать влияние на деятельность театральных коллективов. Хотя эти люди и прошли длительную идеологическую обработку в духе «идей Мао Цзэ-дуна», однако доверия к ним у направляемого Цзян Цини театрального руководства не было. Свидетельство тому — заявления центральной прессы КНР о том, что хотя «большая часть работников искусств закалялась в революционных движениях», нельзя сказать, что она «овладела идеями Мао Цзэ-дуна»¹⁶.

Развивая и конкретизируя подобные общие заявления, центральная пресса КНР с тревогой признавала, что «свергнутые враги... захватили большую власть в политическом и художественном руководстве... и ожидают удобного случая, чтобы осуществить реставрацию»¹⁷.

Эти люди, по сообщениям прессы, «разлагают и отравляют молодежь» с помощью запрещенных в 1963—1966 гг. цензурой произведений, «выискивают» союзников из «революционных рядов» и «ежеминутно рождающихся новых буржуазных элементов» (так именуются, в частности, те из преж-

¹⁶ «Жэньминь жибао», 22.II.1975.

¹⁷ «Жэньминь жибао», 25.II.1975; «Гуанмин жибао», 27.III.1975.

них сторонников «культурной революции», кто изменил отношение к ней).

Опасаясь влияния этих сил на дальнейшую судьбу театра, пекинское руководство в начале года призвало к «выжиганию вшей и устраниению молни... в нашем собственном лагере». Цель рекомендуемых акций формулировалась ясно: «задушить сопротивление» враждебных маоизму сил, «пресечь всякую возможность... появления ревизионизма»¹⁸, т. е. тенденций, идущих вразрез с «линией Мао Цзэ-дуна». Однако, так же как и в 1974 г., во время кампании критики спектаклей «Три посещения Таофэна» и «Песня о садовнике», очень резкие по форме угрозы в адрес оппонентов платформы «культурной революции» были — судя по доступным материалам — безымянными.

В конце года печать КНР фактически санкционировала активное вовлечение в творческую деятельность в театрах старых мастеров, которые в годы «культурной революции» и были основными объектами репрессий: «Мы должны обращать внимание на то, чтобы в полной мере использовать роль старых работников... искусства»¹⁹. Видимо, вынужденное идти на определенные компромиссы, пекинское руководство одновременно предприняло ряд шагов, направленных на нейтрализацию возможного влияния оппозиционных сил. Так, был взят курс на рассредоточение деятелей театра, работавших в городах, путем перенесения основной деятельности на обслуживание сельских мест, окраин и труднодоступных районов, на работу в пропагандистских отрядах, на шефскую работу в самодеятельных коллективах. В двух последних видах деятельности, судя по всему, было занято значительное количество профессиональных работников театра. Сводных данных китайская пресса не давала, но сообщалось, что только в одном уезде Хуанпин пров. Гуйчжоу действовало 340 пропагандистских бригад общей численностью 4600 человек.

Проводилось «идейное перевоспитание» работников театра путем привлечения их к обязательному участию в физическом труде, ориентации их на «преодоление трудностей», «соблюдение в быту и в работе режима строгой экономии». В центральной прессе КНР заявлялось, что «все плохое начинается с того, что человек не участвует в физическом труде», поэтому, дескать, и «революционизация невозможна». На этом основании сформулирована общая установка для работников театра — «приобщаться к физическому труду, революционизироваться и только тогда переходить к творчеству»²⁰, «скромно принимать перевоспитание со стороны крестьян бед-

¹⁸ «Жэньминь жибао», 25.V.1975.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 13.XII.1975.

²⁰ «Гуанмин жибао», 13.IV.1975.

няков и низших середняков», «вместе с ними жить, питаться и трудиться».

В качестве примера для подражания в прессе рекомендовался опыт ряда «передовых коллективов». Один из типичных примеров — работа театрального коллектива, действовавшего в пров. Хубэй. В нем 44 человека, 42 из них во время постоянных пеших переходов проходили в день несколько десятков километров с поклажей на плечах весом 25 кг. Придя в очередной пункт, артисты в тот же день и на следующий день давали представления; на третий день — работали вместе с крестьянами в поле²¹.

В обязанность артистов также входило чтение вместе с крестьянами материалов кампании «изучения теории диктатуры пролетариата», а со второй половины этого года — участие в критике романа «Речные заводы». На четвертый день труппа, погрузив на себя реквизит и разборную сцену, отправлялась в следующий пункт. По существу, это возрождение практики деятельности театральных бригад 30—40-х годов, но в более трудном для работников театра варианте.

Как и в предшествующие годы, в прессе КНР критиковался метод индивидуального творчества, ему противопоставлялся, как самый правильный и «революционный», «метод сочетания усилий трех сторон» (руководства, профессионалов и «масс»). Не питая доверия к профессиональным работникам театра, пекинское руководство и в 1975 г. подтвердило свой тезис, что самым надежным с точки зрения «линии Мао Цзэ-дуна» является самодеятельное творчество.

Наиболее заметными и интересными событиями театрального сезона явились проходившие в Пекине театральные смотры. Всего за год их состоялось пять: четыре смотра различных провинций, автономных районов и городов и всекитайский смотр кукольных и теневых театров. Подводя итоги, пекинская пресса сообщила, что они явились продолжением серии смотров, начатых в 1974 г. показом некоторых спектаклей театральных коллективов Северного и Восточного Китая. В шести смотрах 1974—1975 гг. были представлены коллективы 29 провинций, автономных районов и городов. Общая их оценка в центральной прессе была сдержанно положительной.

В смотрах принимали участие только коллективы, откликнувшиеся на требование о «популяризации» и «трансплантации» «образцовых спектаклей», в репертуарных таблицах им отводилось почетное место. Однако в общей массе представленных на смотрах спектаклей они составляли явное меньшинство; большинство участников смотров ограничилось

²¹ «Жэньминь жибао», 20.V.1975.

показом отрывков из «образцовых спектаклей». Видимо, для того, чтобы замедлить процесс утери «образцовыми спектаклями» доминирующего положения в репертуаре театра КНР, руководство театральным делом Китая искало новых путей для дальнейшей их «популяризации».

В начале года печать рекомендовала усилить работу по «популяризации» этих спектаклей в пропагандистских отрядах (включая школьные и детсадовские). В мае та же газета призвала начать в масштабах страны движение за обязательное разучивание «образцовых спектаклей» в системе культуры и просвещения, в издательствах, медицинских учреждениях, физкультурных организациях, среди людей, занимавшихся наукой и техникой²². В конце года в репертуарной политике наметилась новая тенденция: моральный износ «образцовых» пьес и спектаклей, а также чисто утилитарная заинтересованность руководства в произведениях, «работающих» на пропаганду политических кампаний, вынудили пекинское руководство заговорить об особой актуальности установки 1974 г., предусматривавшей основной акцент в творчестве на создании новых произведений. При этом была приведена ссылка на «указание» Мао Цзэ-дуна, относившееся к 1942 г.: «Читателям в глубоком тылу не нужны старые истории, которые они уже раньше слышали от писателей революционных баз; они надеются, что писатели опорных баз расскажут им о новых людях, новом мире»²³.

При всем этом основополагающие принципы «образцовых спектаклей» оставались в силе: от театра по-прежнему требовали «пропаганды линии Мао Цзэ-дуна», «служения текущим политическим движениям»²⁴, на них призывали ориентироваться в художественном отношении.

Хотя репертуар театра КНР нес на себе печать «образцовых спектаклей», в нем отразились и новые тенденции. Если в большинстве «образцовых спектаклей» лидировала военно-историческая тема, то в 1975 г. она уступала место современной тематике. Знакомство с репертуаром этого года свидетельствует, что в почете оказались темы, связанные с прославлением «юви», якобы рожденной «культурной революцией»: отправка грамотной молодежи в деревню (акцент делался на особой роли молодежи в выискивании там «классовых врагов» и борьбе с ними), «революция в образовании», деятельность «босоногих врачей». Наряду с этим появилось

²² «Гуанмин жибао», 12.VI.1975.

²³ «Гуанмин жибао», 13.XII.1975.

²⁴ В ходе кампании «критики романа „Речные заводы“ был фактически подтвержден запрет на всю старую драматургию, хотя материалов с критикой конкретных пьес на сюжеты из «Речных заводов» пока не было.

значительное количество спектаклей, прославлявших успехи и победы «большого скачка» и пропагандировавших движение «учиться у Дачжая».

Драматические конфликты во всех новых спектаклях строились на столкновении «идеальных» героев, с фанатической решимостью проводивших в жизнь ту или иную политическую установку последних лет, с противниками этих установок; последние классифицировались не иначе, как «классовые враги» или их «пособники». В качестве героев в пьесах обычно выступали молодые выдвиженки «культурной революции», секретари партийных ячеек или члены парткомов. Вооруженные «идеями Мао Цзэ-дуна» они в любом месте находили, выявляли и «разоблачали» классовых врагов, якобы мешавших проведению в жизнь «линии Мао Цзэ-дуна». Их противниками в большинстве случаев изображались административные руководители (руководитель «коммуны», директор электростанции, председатель или член «ревкома» и т. д.). Интересной особенностью спектаклей этого года являлось то, что враг действовал не один, у него оказывалось несколько сторонников из числа административных и хозяйственных руководителей и даже из представителей «грамотной молодежи». Такой расстановкой сил отмечены, например, спектакли «Новые люди в горной деревне», «Пороги девяти драконов», «Новые песни выпускников», «Алые зори» и т. д.

Хотя все эти и им подобные спектакли внешне очень оптимистичны, заканчивались полной победой героя над «врагами» и всеобщим ликованием, однако требовавшееся от театра переведение любого конфликта в плоскость «классовой борьбы», изображение в спектаклях определенного числа кадровых работников, сочувствовавших «врагам», приводило в пьесах к неожиданным результатам. Получалось, что «линия Мао Цзэ-дуна» наталкивалась на значительное сопротивление в разных слоях общества. Если же при этом учитывать многократно повторенное маоистское требование «изображать новые явления еще более прекрасными, еще более идеальными», чем в действительности, «чтобы люди увидели перспективы и прониклись верой в продолжение революции», то приходится признать, что воссоздаваемые в пьесах картины не во всем отвечали пропагандистским установкам.

Смотры 1975 г. говорили о том, что в Китае шел активный процесс восстановления деятельности театра «разговорной» драмы (т. е. европейского типа в отличие от традиционной-китайской, музыкальной) с целью включения его в систему политической пропаганды. Наперекор очевидным фактам (в 1966 г. этот вид театра был фактически запрещен как рассадник «вредной» отечественной и зарубежной драматургии и системы К. Станиславского) в 1975 г. его длительное

молчанье пресса пыталась приписать «пронскам» сторонников «ревизионистской контрреволюционной линии», которые, дескать, мешали развитию театра «разговорной» драмы, отно-ся его к категории «высокого искусства», якобы недоступного пониманию рабочих, крестьян и солдат²⁵.

Усиление внимания к активизации театра разговорной драмы сказалось в появлении значительного количества хвалебных рецензий на спектакли этого театра. Особенно много лестных слов было высказано в адрес спектакля «Великий поход» («Тысячи рек и гор»), который по переработанному самим автором Чэнь Ци-туном новому варианту был поставлен коллективом театра «разговорной» драмы при Главном политическом управлении НОАК. Спектакль приурочен к 40-летию Великого похода. По словам рецензентов, главное достоинство спектакля состояло в том, что в нем «наиболее правильно показана борьба двух линий во время Великого похода» и что он прославлял победу «линии Мао Цзэ-дуна»²⁶.

Продолжалось восстановление театральных учебных заведений. В печати упоминались Театральный институт и Театральное училище (действующие в рамках комплекса художественных учебных заведений «имени 7 мая»), учебная группа при Балетной труппе Китая, Институт театра сичуань «имени 7 мая» в Шанхае, Балетное училище Шанхая.

После многих лет фактического игнорирования профессиональной подготовки работников театра в прессе КНР вновь стали появляться призывы к овладению основами художественного мастерства: «Без серьезного внимания к овладению основами мастерства, без серьезного отношения к повышению художественного мастерства невозможно добиться соответствия предъявляемым требованиям». Одновременно центральная пресса обратилась с призывом «прикреплять к молодым актерам старых мастеров», учиться не только на «образцовых спектаклях», но и «на другой сценической практике»²⁷.

Материалы 1975 г. показали, что театр все активнее стали подключать к пропаганде антисоветизма. В центральной прессе похвалы был удостоен ряд откровенно антисоветских пьес. Это, в частности, «Радуга над Янцзы» (постановка театра «разговорной» драмы пров. Цзянсу) и «После верблюжьих скачек» (постановка труппы пекинской музыкальной драмы пров. Ляонин). В первой из названных пьес предпринята грубая попытка очернить деятельность советских специалистов, принимавших участие в разработке проекта и строительстве моста через р. Янцзы в Ухани, списать

²⁵ «Гуанмин жибао», 23.XI.1975.

²⁶ «Жэньминь жибао», 27.X.1975.

²⁷ «Гуанмин жибао», 13.XII.1975.

все трудности строительства на Советский Союз, внушить зрителю мысль, что бескессонный метод возведения опор разработан не советскими инженерами, а полуграмотным китайским рабочим. В пьесе «После верблюжьих скачек», окрашенной зловещей шпиономанией, проводилась идея об усилении надзора над населением пограничных районов, среди которого, дескать, вербуются шпионы, поставляющие «социал-империалистам» разведывательные данные.

Появилась серия статей, злобно критикующих советскую драматургию. В числе критикуемых произведений — «Стале-вары» (Г. Бокарева), «Человек со стороны» (И. Дворецкого), «Тревога» (А. Петрашкевича). «Лошадь Пржевальского» (М. Шатрова) и другие, как раз имевшие успех у советских зрителей.

Критические статьи далеки от анализа самих пьес; они — повод для извращенного истолкования советской действительности. Особую злобу вызывали у критиков любые изображаемые в пьесах меры, направленные на совершенствование хозяйственной деятельности и стиля руководства.

КИНЕМАТОГРАФИЯ

В 1975 г. в КНР было объявлено о выходе на экран около двух десятков художественных фильмов; большая часть их появилась на экране во втором полугодии. Особое внимание привлекали киноленты, посвященные актуальным современным темам. Если раньше китайская кинематография не решалась касаться событий «культурной революции» (за исключением хроники 1966—1969 гг.), то во второй половине 1975 г. «новь культурной революции» была показана в ряде художественных фильмов — «Чунь-мяо», «Хун-юй»²⁸, «Маленькая раковина-труба», «Новая песня о Великой стене» и др. Герои этих картин — хунсяобины, «босоногие врачи», солдаты, которые «служат народу» (т. е. тогдашнему режиму).

Существенная черта фильмов 1975 г. — усиление их антисоветской направленности. В ряде кинокартин содержались антисоветские намеки, но некоторые из них отличались открытым антисоветизмом — это фильмы о нефтяниках («Начало») и о судостроителях («Вторая весна»), где советская экономическая помощь именовалась «подконом» и противопоставлялась «независимости и самостоятельности пути опоры на собственные силы».

Важное место в фильмах и откликах на них было отведено показу роли детей в общественной жизни страны; резкой

²⁸ Чунь-мяо и Хун-юй — имена главных героев, имеющие одновременно символический смысл: «весенний росток» и «красная капля дождя».

критике подверглась «недооценка детских организаций», что было присуще, в частности, отрицательным персонажам и «Хун-юй» и «Чунь-мяо». Продолжалась кампания вокруг прошлогоднего художественного фильма «Сверкающая красная звезда», образ главного героя которого — десятилетнего участника партизанской борьбы 30-х годов Дун-цзы — давал критикам повод подчеркивать социальную важность «детских организаций» в Китае²⁹.

Хроникально-документальное и научно-популярное кино находилось по-прежнему в центре внимания. О встречах Мао Цзэ-дуна с иностранными визитерами кинофильмы выпускались очень оперативно (на второй-третий день), однако эти съемки были лишены каких-либо элементов кинематографической выразительности. В документальных и научно-популярных кинофильмах тоже не проявлялось стремления выйти за рамки сюжета, и они оставались на уровне поверхностной фиксации событий. В прессе попадались отдельные статьи, в которых рассматривалась художественная форма как средство «правильно объяснить природные и общественные явления» и заинтересовать зрителей. Но в других публикациях тяготение к художественной выразительности относилось к «ревизионистскому черному товару», что, видимо, больше отвечало руководящим установкам.

Как можно заключить из целого ряда газетных и журнальных выступлений, в киноискусстве «художественным» считалось то, что соответствовало политическим критериям театральных «образцовых революционных спектаклей». Подтверждением этому явилась критика художественного фильма «Битва на реке Безымянной»³⁰, в которой он порицался за «грубость» формы. Его главным «художественным» пороком оказалось частичное несоответствие нормативам «образцовых спектаклей», в особенности их ведущему принципу выделения главного героя, полного подчинения ему всех остальных персонажей и их действий. Таким образом, претензии к фильму относились не к художественной, а к политической области.

«Образцовые революционные спектакли» по-прежнему оставались эталоном маоистского искусства, и кино все еще должно было равняться на них. Именно в связи с этим — как очередное (в русле проходившей в тот период политической кампании) наставление порой выбивающимся из обязательного русла кинематографистам — и следует рассматривать прошедший в мае (в связи с годовщиной яньаньских выступлений Мао Цзэ-дуна по проблемам литературы и искусства в 1942 г.) смотр цветных фильмов по «образцо-

²⁹ «Chinese Literature», 1975, № 2.

³⁰ «Жэньминь жибао», 23.VI.1975.

вым революционным спектаклям». На нем было представлено 14 фильмов производства 1970—1974 гг. Смотр был организован очень широко по всей стране с привлечением специально подготовленных кинопрокатных бригад.

Фильмы, поставленные по «образцовым спектаклям», демонстрировались наиболее интенсивно. Официальным направлением развития кинопроката в КНР по-прежнему была «облегченная» кинофикация — не стационарными точками с высококачественной аппаратурой и квалифицированными кадрами, а небольшими полупрофессиональными передвижными бригадами, оснащенными 8-миллиметровой (крайне редко 16-миллиметровой) переносной аппаратурой, не обеспечивавшей высокого качества проекции.

Зарубежные фильмы, за редким исключением, в 1975 г. в Китае не выходили на экран. Если в первые годы существования КНР имели широкое распространение и пользовались популярностью советские фильмы, то позднее был запрещен их показ.

Тенденция антисоветизма очень сильно проявилась в киноcritике. Прежде всего, это особые акценты в разборах фильмов КНР, а также политические рецензии на зарубежные произведения. Так, фильм японского режиссера Акиры Куросавы «Дерсу Узала», снимавшийся по контракту с «Мосфильмом», в китайской печати подвергся критике как «антикитайское произведение». В сборнике «Критика литературы и искусства советских ревизионистов» пять статей были посвящены киносценариям: «У озера», «Визит вежливости», «Укрощение огня», «Хроника ночи», «Это сладкое слово — свобода!» Всем им предъявили обвинения в «буржуазном гуманизме», «отступничестве от марксизма-ленинизма» и т. п.³¹

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

В области изобразительного искусства в 1975 г. проводился курс, осуществлявшийся после X съезда КПК. Главное его содержание — новое ужесточение контроля в сфере художественного творчества, проводимое в русле текущих общеполитических кампаний.

Особенно большое внимание уделялось «новогодней картине» (няньхуа) — китайскому лубку. Этой картиной китайцы обычно украшают стены своего жилища. Общий тираж литографического лубка в стране достигал более 100 млн. экземпляров в год³². Поскольку этот вид искусства в Китае — один из самых массовых, к нему проявлялся особый интерес, он

³¹ «Гуанмин жибао», 12.VIII.1975.

³² «Гуанмин жибао», 26.VI.1975.

рассматривался как важное средство пропаганды идей Мао Цзэ-дуна. Так, в ходе «критики Линь Бяо и Конфуция» началась агитация за «новый лубок», которая затем была широко развернута во время кампании «изучения теории диктатуры пролетариата». Повсеместно были организованы и специальные группы, которые под лозунгом «захвата позиций в культуре на селе» стали проводить критику и уничтожение старых лубков, еще сохранившихся кое-где и, по-видимому, до сих пор пользующихся популярностью у китайских крестьян. Критике подверглись лубки, не только действительно отражавшие влияние реакционной феодальной идеологии (типа иллюстраций к конфуцианским притчам, лубков-икон и т. д.), но и с пожеланием различных благ (здоровья, долголетия, многочисленного потомства, достатка в семье и т. п.), воплотившие вековые мечты китайского народа о счастье, и просто «красивые картинки», изображения красавиц и легендарных персонажей, выполнявших декоративные функции. Все подобные лубки называли «ядовитым снадобьем, отравляющим души людей», «ножом, убивающим без пролития крови»³³.

Подавляя в изобразительном искусстве все, не соответствовавшее так называемой «революционной линии председателя Мао», китайское руководство поддерживало и пропагандировало «новое социалистическое пролетарское искусство», под которым подразумевались произведения, отвечавшие всем требованиям официальной «эстетики». Подобные произведения, в частности, демонстрировались на «Всекитайской выставке нового лубка и детского художественного творчества», проводившейся в Пекине с 1 октября по 30 ноября 1975 г.

Пропаганде «успехов, достигнутых на фронте искусства» после «культурной революции», были посвящены и другие художественные выставки года. С 23 мая по 30 июня в Пекине была открыта большая экспозиция произведений, отображенных со всекитайских выставок 1972—1974 гг., посвященная годовщине яньаньских выступлений Мао Цзэ-дуна по вопросам литературы и искусства. К этой же дате были приурочены две передвижные выставки произведений непрофессиональных живописцев-крестьян уезда Хусянь и графиков-рабочих городов Шанхая, Янцюаня и Люйда. Их работы экспонировались на Дацинских и Даганских нефтепромыслах, на Янцюаньских угольных шахтах, в Дачжайской и Сяоциньчжуанской «коммунах» и ряде других мест.

Как и весенняя экспозиция в Пекине, передвижные выставки знакомили зрителей не с новыми художественными произ-

³³ «Жэньминь жибао», 11.XI.1975.

ведениями, а с уже экспонировавшимися в предыдущие годы и получившими официальное одобрение. Принцип формирования выставок из «апробированных» произведений явился одним из средств, с помощью которых формировался общий характер современного китайского изобразительного искусства. Не менее важным в арсенале средств была издательская политика. В 1975 г. в Китае не было издано ни одной книги, ни одного альбома произведений старого классического искусства Китая или искусства зарубежных стран. Выходили лишь альбомы и репродукции произведений непрофессиональных художников (крестьян уездов Сиян и Хусянь и рабочих трех упомянутых выше городов) и тематические подборки художественных репродукций («Путь Дачжая», «Канал Красного знамени», «Грамотная молодежь на целине», «Дачинские зарисовки» и т. п.).

Специальные издания по искусству, равно как и центральные китайские газеты и журналы, также широко пропагандировали образцы «нового» искусства, свидетельствовали о том, что нужны были лишь те произведения, которые непосредственно служили политическим целям, поскольку «произведение революционного искусства — это не цветок, доставляющий людям эстетическое наслаждение, а винтовка для борьбы с врагом»³⁴.

Такой подход определял характерную черту изобразительного искусства Китая — строгую идейно-сюжетную заданность каждого произведения, которое непременно иллюстрировало тот или иной лозунг, ту или иную политическую идею. В разгар кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» появилось множество зарисовок и картин, отражавших соответствующие темы. Кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» были посвящены лубок «Изучать теорию!» (автор Ма Цюань-и), гравюра «На собраниях по изучению теории» (Чжу Е-цин), картина в китайском национальном стиле гохуа «Новая армия теоретиков» (коллективная работа) и многие другие произведения. После совещания по Дачжайю были созданы коллективная скульптура «Слава духу Дачжайя!», лубок «Изучать хороший опыт, строить новый горный район!» (Шань Си-хэ) и т. д.

Огромное число произведений воспевало «социалистическую новь», т. е. результаты «культурной революции» в различных сферах жизни. Лубок «Начальная школа на озере» (Шань Ин-гуй) и гохуа «Новый класс» (Оу Ян) пропагандировали «революцию в образовании», лубки «Художница-крестьянка» (Чэнь Чжун-инь) и «Играть революционные спектакли, быть революционером!» (Мао И-пин), гравюра «С вы-

³⁴ «Гуанмин жибао», 12.VIII.1975.

ступлениями — из деревни в деревню» (Су Лан) — «победу линии председателя Мао в искусстве» и «образцовые спектакли», гогуа «Бригада красных врачей» (Чжоу Сю-цин и Цзинь Цзе-чжун) — деятельность «босоногих врачей».

Многие работы были призваны отразить «огромные успехи» в промышленности и сельском хозяйстве, якобы достигнутые после «культурной революции». Это лубки «Треск мотора рождает новую мелодию» (Чэн Гу-цин) и «В каждой коммуне, в каждой бригаде полны закрома» (Хуан Эпъ-тао), картины «Плавка стали» (Чэн Шуй-шэн) и «Утро на элеваторе» (Ли Цян-шэн). Новые произведения, такие, как например, лубок «Все живое зависит от солнца» (Се Чжи-гао и Ху Чжэнь-юй) усиленно популяризировались среди широких народных масс.

Определявшаяся нуждами пропаганды сюжетно-тематическая ограниченность новых произведений привела к тому, что значительные стороны жизни вообще не находили отражения в искусстве. Внутренний духовный мир человека, его интеллект, темы любви и ненависти, жизни и смерти, добра и зла, реальные, животрепещущие проблемы, волнующие народы самого Китая и других стран,— все это оставалось за рамками маонистского искусства.

Более того, темы, к которым обращались художники, не получили истинно художественного воплощения. Принцип «сочетания революционного реализма с революционным романтизмом», которому вынуждены следовать все авторы, на практике означал отказ от реалистического, правдивого отражения действительности. В результате жизнь представляла в свете, заданном пропагандой.

Сила художественного воздействия подобных произведений, естественно, была невелика. Вынужденная признавать это, китайская печать иногда призывала художников совершенствовать художественную форму, одновременно подчеркивая, что «очень вредна точка зрения, согласно которой сейчас вопрос преобразования мировоззрения почти решен, а главным является повышение художественного мастерства»³⁵.

В отношении профессиональных художников, чьи взгляды и творческое лицо сложились еще до «культурной революции», проявлялось недоверие. О судьбе многих из них до сих пор вообще ничего не известно. Имена других, в том числе таких ранее видных деятелей изобразительного искусства, как Ли Кэ-жань, Цян Чжао-хэ, Лян Хуан-чжоу, Гуань Шань-юэ, Цянь Сун-янь, У Цзо-жэнь, Ли Хуа, Гу Юань, Хуа Цзюнь-у и Лю Кай-цюй, подвергшихся в период «культурной революции» резкой критике и прошедших затем курс «пере-

³⁵ «Жэньминь жибао», 22.V.1975.

воспитания», изредка упоминались в китайской печати. Однако творчество даже этих «реабилитированных» художников не популяризировалось: репродукции новых произведений некоторых из них иногда помещались в газетах и журналах в 1972—1973 гг., а в 1975 г. перестали публиковаться. В искусстве сохранялась ориентация на непрофессиональное творчество, которое было объявлено образцом воплощения в жизнь «революционной линии председателя Мао в искусстве» и примером для профессиональных художников. Все это привело к тому, что в 1975 г. в китайском изобразительном искусстве не было создано значительных художественных произведений, а его общий идейно-художественный уровень оставался чрезвычайно низким.

ПРОСВЕЩЕНИЕ

Школа

Политические кампании, имевшие целью закрепить явления, порожденные «культурной революцией», разумеется, не могли миновать систему просвещения. Статьи, появлявшиеся в центральной печати («Хунци», № 12, передовые «Жэньминь жибао»), показали, что многие работники просвещения не принимают новой реформы, ясно видят ущерб, причиняемый ею школе. Некоторые из них заявляли, что после «культурной революции» в области образования «многое нехорошо» и «курс в образовании не был правильно решен», что нынешнее состояние образования хуже, чем до «культурной революции». Печать критиковала людей, утверждавших, что метод «обучения при открытых дверях» (имеется в виду активное участие школьников в производственном труде на предприятиях и в «коммунах» с целью идеологической обработки и достижения самоокупаемости) означал «несоблюдение требований учебы, культуры и практики»³⁶.

Одно из центральных мест в китайской пропаганде по-прежнему занимала проблема качества обучения. Доказывая, что в этом смысле обучение в школах не снизилось, печать неизменно использовала аргументы периода «скачка», проповедовала новый подход к этому вопросу. Из трех компонентов обучения (нравственное, умственное и физическое развитие) на первое место пропаганда ставила нравственное развитие, под которым подразумевалась идейно-политическая обработка подрастающего поколения в духе «идей Мао Цзедуна».

³⁶ «Хунци», 1975, № 12.

Последняя кампания характеризовалась двумя новыми моментами: во-первых, официальные идеологи ограничивались навешиванием на недовольных ярлыков «ревизионистов». Их позицию идентифицировали с позицией буржуазных правых в 1957 г. по той причине, что они якобы тоже «хотят лишить рабочий класс его руководящей роли» (речь шла о праве членов пропагандистских отрядов в учебных заведениях решать сугубо профессиональные вопросы). Во-вторых, симптоматичным было признание в печати, что некоторые стороны «новых явлений» нуждаются в усовершенствовании. Пытаясь склонить на свою сторону пассивных, пропагандисты говорили о «временном недопонимании отдельными людьми некоторых явлений»³⁷.

Иностранные наблюдатели не без основания связывали новую волну пропагандистской шумихи вокруг достоинств «революции в образовании» с заявлением руководителей Китая о том, что их цель — вывести экономику страны на одно из первых мест в мире до конца текущего столетия. Обучение молодежи и подготовка кадров в этом плане имели первостепенное значение.

В целом по стране численность учащихся в начальных и средних школах, по подсчетам Института Дальнего Востока АН СССР, составила около 175 млн. Китайская печать сообщала, что обучением охвачено свыше 95% детей школьного возраста, причем особенно резко возросло число учащихся в деревне. В сельских районах практиковалась система всеобщего начального образования, а в отдельных районах — всеобщего 7-летнего (начального и неполного среднего) образования. В городах популяризировалось полное среднее (9-летнее) образование. Объявление о введении всеобщего начального образования основывалось на создании большого количества вечерних школ и нерегулярных учебных заведений разных типов.

Как известно, задачу распространения всеобщего начального образования в Китае предполагалось осуществить к 1962 г., но сделать это не удалось из-за ограниченности ассигнований, выделяемых на образование, и ошибок «скачка». Несмотря на оптимистические отчеты 1975 г., эта проблема не была полностью решена, особенно из-за высокого процента отсева учащихся. В 1974/75 учебном году в официальной прессе звучали упреки в адрес тех, кто считал, что работа по введению всеобщего пятилетнего обучения почти завершена. По сообщению печати, отсев учащихся увеличивался (цифры по некоторым «коммунам» достигали 10%) даже в новых школах, где контингент школьников считался по-

³⁷ «Хунци», 1975, № 12.

стоянным. Печать призывала: «Взявшись за распространение начального образования, довести дело до конца».

Ключевым направлением обучения в сельских школах по-прежнему называли их специализацию и раннюю профессионализацию в соответствии с нуждами производства. Судя по материалам этого года, до сих пор желаемого уровня профессионализации обучения не было достигнуто. Для стимулирования этого процесса с конца прошлого года началось движение «учиться у Чаояна». После публикации в декабре 1974 г. в центральной печати статьи из Сельскохозяйственного института в г. Чаояне (пров. Ляонин) по всему Китаю был подхвачен лозунг «из коммуны в коммуну» (т. е. студенты, пришедшие в вуз после нескольких лет работы в сельском хозяйстве, должны после окончания вернуться на прежние места работы).

Вслед за вузами опыт Чаояна стал пропагандироваться на митингах, организованных парткомами провинций. С новой силой развернулось начавшееся в период «культурной революции» и приостановившееся в начале 70-х годов движение за создание филиалов городских школ на селе, где велось изучение элементов механизации, полеводства, сельской медицины, геодезии и других сельскохозяйственных знаний. Во всех школах программы по общеобразовательным дисциплинам по сравнению с 1966 г. были сокращены. В полном соответствии с лозунгом «у нас в стране в ходе обучения основной дисциплиной должна считаться классовая борьба»³⁸, в программах начальных и средних школ на первом месте стояли уроки политики, включавшие заучивание работ Мао Цзэ-дуна, искаженное толкование подборок из работ классиков марксизма-ленинизма, материалы текущих политических кампаний.

В целом вся работа в области образования связывалась с кампанией за «превращение школ в орудие диктатуры пролетариата». Причины развертывания кампании в школах назывались следующие: «Из-за существования буржуазного права, из-за старых, традиционных понятий результаты реформы образования еще не закреплены»³⁹, «в настоящее время в области образования еще немало проблем, власть пролетариата там не укрепилась»⁴⁰, «работа в области образования повернула вспять». Учителей и учащихся снова, как и в 1966 г., призвали «осуществлять диктатуру пролетариата в отношении буржуазии» — иными словами, бороться с теми, кто не проводит в жизнь маоистскую линию в образовании, с теми, кто полагал, что «школы открытых дверей нарушают

³⁸ «Жэньминь жибао», 16.XII.1975.

³⁹ «Гуаньмин жибао», 29.V.1975.

⁴⁰ «Жэньминь жибао», 12.V.1975.

учебный процесс», «перегрузка трудовой деятельностью влияет на качество обучения».

В ходе кампании среди учащихся школ всех ступеней развернулось изучение «теории диктатуры пролетариата», указаний Мао Цзэ-дуна об обострении классовой борьбы при социализме. В начальных школах, в связи с трудностями детского восприятия, использовались песни, рассказы, кинофильмы.

В борьбе «за превращение школ в орудие диктатуры пролетариата» работников просвещения призывали опираться на активистов — членов пропагандистских отрядов в городе и членов крестьянских комитетов по управлению школами на селе (в последние два года численность их значительно увеличилась: только в Пекине и его пригородах она достигла более 10 тыс. человек⁴¹). Активизировалась роль этих отрядов. Все это было призвано усилить политический контроль над преподавателями и учащимися.

Критика «буржуазного права» в учебных заведениях была направлена против тенденций, которые не раз осуждались ранее («учиться, чтобы стать чиновником», «знания для себя», «презрение к рабочим и крестьянам») и которые использовались как жупел всякий раз, когда начиналась очередная кампания борьбы с «ревизионистами» в сфере просвещения.

С августа 1975 г., возможно в связи с подготовкой к созванному Госсоветом в сентябре совещанию под девизом «в сельском хозяйстве учиться у Дачжая», прокатилась новая волна кампании — «учиться у школ Дачжая и уезда Цзянь». Начало ей было положено редакционной статьей «Жэньминь жибао» от 5 августа 1975 г., призвавшей парткомы всех ступеней подобно Дачжаю осуществлять «диктатуру пролетариата над буржуазией» по таким вопросам, как «школы открытых дверей», «экономное расходование средств на образование», «школа должна служить деревне», усиливать руководство школами со стороны парткомов. «Жэньминь жибао» высказывала упрек в адрес членов парткомов, которые, «не понимая диалектической связи между образованием и экономикой, не руководят как следует образованием».

Вслед за этим в печать хлынули материалы о том, как «прозревшие» парткомы усиливали руководство школами и вузами.

Таким образом, в 1975 г. проблемам образования в КНР уделялось много внимания, вокруг них не утихала острая борьба. Эскалации продолжали лихорадить всю систему просвещения, они резко снижали эффективность подлинно научной подготовки образованной молодежи.

⁴¹ «Жэньминь жибао», 12.V.1975.

Высшие учебные заведения

Восстановление системы вузовской подготовки, разрушенной в ходе «культурной революции», происходило крайне медленно. В 1975 г. общих данных о количестве учащихся в вузах КНР печать не сообщала, указывалось лишь, что количество студентов возросло в 3 раза по сравнению с периодом до 1949 г.⁴² Судя по всему, число студентов немного превысило 500 тыс. До последнего времени подчеркивался экспериментальный характер мероприятий, проводимых в системе вузов: «Перемены в области образования глубоки, но это только начало. Реформы в области образования находятся на экспериментальной стадии»⁴³. Сроки обучения все еще не были окончательно установлены, их резкое сокращение в 1970—1972 гг. не оправдало себя. Существовавший трехлетний срок обучения в некоторых вузах продлен на полгода.

До января 1975 г. общее руководство образованием сосредоточила в своих руках «группа по науке и образованию» при ЦК КПК и Госсовете. В январе того же года было восстановлено министерство образования, министром назначен Чжоу Жун-синь.

В КНР действуют вузы государственного, провинциального и городского подчинения. В подготовке специалистов, как и раньше, преобладали инженерно-технические специальности (31,2%). Возрос удельный вес языковых, юридических и торгово-кооперативных факультетов и институтов с 7 до 17,1% и медицинских с 13,7 до 19,1%⁴⁴. По многим специальностям подготовка студентов еще не возобновилась. Программы вузов до сих пор не стабилизированы, из них исключены теоретические дисциплины, не связанные с производством. Утверждение программ децентрализовано по отдельным институтам, учебные курсы и учебники переделываются и приспособляются к местным условиям. Их познавательная ценность резко снижена узкопрагматическими требованиями.

Сокращение сроков обучения в вузах привело к значительному сокращению числа учебных дисциплин. До «культурной революции» на каждом факультете университета читалось 30 спецкурсов, в 1975 г. на естественнонаучных факультетах — 11, на гуманитарных — 9. В связи с сокращением программ специализация на естественнонаучных факультетах начинается нередко уже с первого года обучения.

Уровень вузовской подготовки снизился по сравнению с первой половиной 60-х годов. Организаторы реформы счита-

⁴² ИБАС, 4.IX.1975.

⁴³ Из выступления Дэн Сяо-пина. Цит. по «Christian Science Monitor», 8.IX.1975.

⁴⁴ «Чжунгун яньцзю», 1974, № 96.

ют излишней высокую квалификацию для большей части работ в исследовательских институтах и на производстве. Фактически выпускников первых вузовских наборов нельзя приравнять даже к специалистам средней квалификации. Уровень обучения в вузах центральных городов несколько выше, чем на периферии.

Гуманитарные вузы в наименьшей степени сохранили преемственность той системы подготовки, которая существовала до «культурной революции». До последнего времени студентов гуманитарных вузов использовали в качестве пропагандистов «индей Мао». До трети учебного времени они проводили на заводах, предприятиях, сельскохозяйственных коммунах, где участвовали в производственной деятельности и политических кампаниях, а также в мероприятиях по ликвидации неграмотности, проводили так называемые «обследования» (сбор статистических материалов, которым придают важное значение).

Лекционный метод обучения в вузах был сведен к минимуму, особенно при изучении точных и естественных наук. Обычно преподаватель составлял задание и раздавал студентам. Студенты изучали заданный вопрос по учебникам, а затем консультировались с преподавателем. Единого мнения в отношении проверки и оценки знаний не существовало. Старая экзаменационная система подвергалась постоянным нападкам. Во многих вузах страны экзамены проводились бригадным методом, когда вопросы закреплялись за группами из двух-трех человек. Во время подготовки разрешалось пользоваться справочными материалами и консультироваться. После ответа на вопрос происходило обсуждение и обмен мнениями. Итоги экзамена подводили преподаватели и студенты совместно: и те, и другие поочередно анализировали положительные и отрицательные стороны ответов.

Несмотря на шумную пропаганду, новые методы не привели к росту знаний. Даже предельно сокращенный по сравнению с началом 60-х годов набор предметов труда для воспитания молодежи, не получившей достаточной подготовки в средней школе. Низкий уровень школьного образования отрицательно сказывался на уровне учебного процесса в вузах. Многие вузы вынуждены были открывать подготовительные курсы для поступивших студентов по физике, математике, языку (продолжительностью от двух до шести месяцев).

С 1974 г. китайское руководство делало упор на обучение в системе краткосрочных курсов, «рабочих университетов 21 июля» при заводах, «университетах 7 мая в сельской местности. «Рабочие университеты 21 июля» и «сельскохозяйственные университеты 7 мая» создавались при заводах и в «коммунах»; первые — для производственного обучения рабо-

чих, вторые — для обучения представителей крестьянства и молодежи, направленной на постоянное жительство в деревни. В подавляющем большинстве эти учебные заведения давали образование в объеме ниже уровня начальной ступени средней школы, а зачастую ограничивались лишь передачей производственных навыков. В 1975 г. наблюдался бурный рост учебных заведений такого рода. Если в 1974 г. по всей стране насчитывалось 300 «рабочих университетов», то в конце 1975 г. только в Шанхае их было, по свидетельству китайской печати, 1200⁴⁵.

В первой половине года в стране было около 2000 «рабочих университетов», в которых обучалось 92 тыс. человек. Большую часть преподавателей «рабочих университетов» составляли технический персонал и опытные рабочие, но во многие «университеты» при современных предприятиях промышленных городов привлекались и преподаватели вузов. Силами вузов создавалась широкая сеть краткосрочных курсов, регулярных и нерегулярных школ заочного и вечернего обучения. Сроки обучения в них — от одного месяца до трех лет. Они призваны готовить техников различной квалификации для промышленности, сельского хозяйства, медицинский персонал среднего и низшего звена, учителей для младшей школы. По-видимому, китайская экономика начала ощущать острую нехватку специалистов, и современное руководство приняло курс на подготовку специалистов среднего и низшего звена на базе существующих вузов.

Низкий уровень подготовки вызывал недовольство преподавателей. В конце года китайская печать выступила с критикой анакомыслящих по вопросам образования: «Сейчас в сфере образования имеются странные рассуждения, будто вопрос о направлении революции в области образования никогда так и не был решен надлежащим образом», будто «разрушили, а не создали», «не учат культуре» и тому подобное... Практически это отрицание победных результатов великой пролетарской революции, отрицание проводившейся на протяжении нескольких лет правильной линии Мао-Цзэ-дуна в области образования»⁴⁶.

Как удалось выяснить представителям печати ряда западных стран, анонимная критика китайской прессы была вызвана двумя письмами, осуждавшими практику обучения в современных вузах. Письма были написаны четырьмя преподавателями университета Цинхуа — Лю Бинном, Лю И-анем, Хуэй Сянь-чжунюм и Лю Фань-чжэном (из них первые трое являлись заместителями председателя «ревкома» университета, а

⁴⁵ «Жэньминь жибао», 18.XII.1975.

⁴⁶ «Жэньминь жибао», 9.XII.1975.

последний — постоянным его членом). Эти письма были направлены Мао Цзэ-дуну и затем переданы в Цинхуа для обсуждения. Во всех вузах страны с 18 ноября началась кампания «критики ревизионизма» и «борьбы за предотвращение ревизионизма», ставившая цель принудить непослушных беспрекословно выполнять директивы руководства в подготовке новых кадров.

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

Пекинское руководство в области культурных связей с внешним миром в 1975 г. придерживалось тенденции, характерной для предыдущих лет.

Продолжались гастроли уханьской, гуанчжоуской и тяньцзиньской цирковых групп за рубежом (Африка, Юго-Восточная Азия, Северная Европа). В прежние годы до пяти цирковых трупп находилось одновременно в крупных странах, теперь же они выезжали главным образом в малые страны. Китайская пресса не скупилась на публикацию восторженных отзывов и комплиментов со стороны «зарубежных друзей»⁴⁷.

В последнее время в культурных связях первое место заняли гастрольные поездки различных художественных ансамблей, созданных во время «культурной революции» и «популяризирующих» современное «революционное» искусство.

В апреле — мае и августе — сентябре 1975 г. художественный ансамбль под руководством Хао Ляна гастролировал в Таиланде, Тобаго, Гайане, Венесуэле, КНДР⁴⁸, Ансамбль песни и пляски пров. Ляонин — в Албании⁴⁹, Пекинский художественный ансамбль во второй половине сентября возвратился из гастрольной поездки по Японии⁵⁰, Китайский художественный ансамбль в октябре гастролировал в Египте и Турции.

Археологические и исторические выставки за рубежом по-прежнему оставались одним из каналов китайской пропаганды. С этой целью использовались несколько экспозиций, экспонаты которых составляли находки, относящиеся к периоду Западная Хань и танскому Китаю, обнаруженные, по утверждению китайской прессы, во время «культурной революции». Такие выставки устраивались в Тунисе, Бельгии, США⁵¹. Де-

⁴⁷ Пространные статьи были посвящены, в частности, гастролям гуанчжоуского цирка в странах Юго-Восточной Азии: в Сингапуре («Глубина дружеских чувств нового человека из Китая»), в Таиланде («Как не остановить течение Меконга, так и не помешать развитию китайско-тайландской дружбы»).

⁴⁸ «Жэньминь жибао», 11.IX.1975.

⁴⁹ «Жэньминь жибао», 21.X.1975.

⁵⁰ «Жэньминь жибао», 22.X.1975.

⁵¹ О выставке в США агентство Синьхуа писало как о «животворном воплощении дружбы китайского и американского народов».

дегация археологов КНР в первой половине года завершила визит в ДРВ.

В «Жэньминь жибао» была помещена статья, в которой автор писал о том, как «предметы материальной культуры пропагандируют чувства дружбы и взаимопонимания» между народами. Он приводил «многочисленные высказывания зарубежных друзей», посетивших музей Гугун, который находится, по их словам, в «хорошем состоянии благодаря заботам китайского правительства».

Можно отметить, что теперь не «игнорировались» международные выставки, кинофестивали. Так, Китай впервые принял участие в 39-й международной выставке художественного ремесла, выставке «Международная книга» в ФРГ, в Венском кинофестивале. На 31-м международном фестивале спортивных фильмов (март, Италия) был представлен китайский фильм «Боксерская группа спортивной школы без отрыва от производства».

Что касается гастрольных поездок китайских ансамблей в США, то они были отложены на неопределенное время; американцы потребовали исключения из программы песни «Соотечественники на Тайване — наши родные братья» и тем самым, по утверждению китайской печати, нарушили Шанхайское коммюнике, в котором Тайвань признавался неотъемлемой частью Китая.

Довольно активными были международные связи КНР в области образования и науки. Так, в марте — апреле в США находилась делегация ученых — специалистов в области физики твердого тела во главе с Ван Шоу-у. В июне — июле ученые КНР во главе с Чжоу Пэй-юанем посетили Францию; делегация представителей вузов КНР во главе с Хуан Синбаем — заместителем председателя «ревкома» Пекинского университета — Канаду⁵². В Мехико подписано китайско-мексиканское соглашение о научно-техническом сотрудничестве, произведен обмен письмами о культурном обмене в 1975 г.

КНР посетили ученые Пакистана, Мексики, США, Дании, Таиланда, делегация Бухарестского университета, а также делегации голландских студентов, работников образования Дагомен и Мексики и т. д.

Из социалистических стран, с которыми КНР поддерживала культурные связи, следует упомянуть КНДР, Румынию, ДРВ и Югославию. Состоялись заседания по научно-техническому сотрудничеству КНР с Венгрией и Болгарией.

В китайских посольствах, обществах дружбы с Китаем устраивались кинопросмотры.

⁵² «Жэньминь жибао», 26.X.1975.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СОСТАВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА КНР (по данным на 1 марта 1976 г.)

И. о. премьера — Хуа Го-фэн

Заместители премьера: Дэн Сяо-пин, Чжан Чунь-цяо, Ли Сянь-пянь, Чэнь Си-лянь, Цзи Дэнь-куй, Хуа Го-фэн, Чэнь Юн-гуй, У Гуй-сянь, Ван Чжэнь, Юй Цю-ли, Гу Му, Сунь Цзянь

Министры и председатели государственных комитетов:

Министр иностранных дел — Цяо Гуань-хуа

Министр обороны — Е Цзянь-ин

Председатель Государственного планового комитета — Юй Цю-ли

Председатель Государственного комитета капитального строительства — Гу Му

Министр общественной безопасности — Хуа Го-фэн

Министр внешней торговли — Ли Цян

Министр внешних экономических связей — Фан И

Министр сельского и лесного хозяйства — Ша Фэн

Министр металлургической промышленности — Чэнь Шао-кунь

Министр 1-го министерства машиностроения — Ли Шуй-цин

Министр 2-го министерства машиностроения — Лю Си-яо

Министр 3-го министерства машиностроения — Ли Цзи-тай

Министр 4-го министерства машиностроения — Ван Чжэнь

Министр 5-го министерства машиностроения — Ли Чэн-фан

Министр 6-го министерства машиностроения — Бянь Цзян

Министр 7-го министерства машиностроения — Ван Ян

Министр угольной промышленности — Сюй Цзинь-цянь

Министр нефтяной и химической промышленности — Кан Ши-эль

Министр водного хозяйства и электроэнергетики — Цянь Чжэн-ин

Министр легкой промышленности — Цянь Чжи-гуан

Министр железных дорог — Вань Ли

Министр коммуникаций — Е Фэй

Министр связи — Чжун Фу-сян

Министр финансов — Чжан Цзинь-фу

Министр торговли — Фань Цзы-юй

Министр культуры — Юй Хуэй-юн

Министр образования — Чжоу Жун-синь

Министр здравоохранения — Лю Сян-пин

Председатель Комитета по делам физкультуры и спорта — Чжуан

Цзэ-дун

ТРАДИЦИОННЫЙ КИТАЙСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Системы летосчисления

В древнем Китае параллельно существовали две системы летосчисления. Во-первых, летосчисление велось в порядке последовательности династий и эр правления китайских императоров. В этом случае указывался год эры правления определенного императора правящей в то время династии. Так, например, 9-й год Чэнхуа династии Мин соответствует 1473 г. солнечного календаря. Этот способ летосчисления применялся до 1911 г.

Во-вторых, одновременно с этой системой использовалась циклическая система с 60-летними циклами, счет которым ведется с 722 г. до н. э., причем до 1911 г. этот календарь также считался официальным. Каждый год этой системы обозначается двумя циклическими знаками. Так, китайская революция 1911 г. называется «Синьхайской», так как 1911 год соответствует (по циклическому обозначению) году «Синьхай». Последний 60-летний цикл начался в 1924 г. и будет продолжаться до 1984 г. Таким образом, 1975 год является годом «Цзяньнь», или 51-м годом этого цикла (подробнее о способах вычисления года в циклической системе см.: И. М. Ошанин, Китайско-русский словарь, М., 1952, с. 884). В настоящее время циклические названия лет указываются наряду с другими сведениями на современных китайских астрономических календарях¹.

К подобного рода системам летосчисления относится китайский традиционный, или сельскохозяйственный, календарь, который часто неправильно называют «лунным». Фактически он является лунно-солнечным. Деление года на месяцы действительно производится по фазам луны. Такой лунный месяц имеет 29 или 30 дней и соответственно именуется «большим» или «малым». Полный оборот Луны вокруг Земли происходит за 29 дней 12 часов 44 мин. 3 сек., поэтому год по сельскохозяйственному календарю имеет 355 дней, причем каждое 15-е или 16-е число приходится на новолуние. Солнечный (тропический) год равен 365 суткам 5 часам 48 мин. и 46 сек. Для того чтобы уравнивать число дней в сельскохозяйственном году с числом дней тропического года в китайском сельскохозяйственном календаре, принят период в 19 лет, который состоит из 12 лет по 12 лунных месяцев и из 7 високосных лет по 13 лунных месяцев. Таким

¹ Кроме того, с 1911 по 1949 г. счет велся по годам «Республики» («миньго»). Для исчисления даты в этом случае следует к году «миньго» прибавить 1911 лет. Так, например, 38-й год «миньго» соответствует 1949 году солнечного календаря (эта система летосчисления до сих пор применяется на Тайване).

образом, среднее число дней каждого 19-летнего периода совпадает с числом дней 19 солнечных лет (около 6939 дней).

Кроме того, сельскохозяйственный календарь соответствует солнечному календарю по дням весеннего и осеннего равноденствия, а также летнего и зимнего солнцестояния. Начало года приходится на середину февраля, а даты начала отдельных сезонов — на определенные дни месяца солнечного календаря.

И наконец, деление месяцев на недели (синци) — дань солнечному календарю, так как в древнем Китае месяцы делились на декады (сюнь) — начальную, среднюю и конечную (шансюнь, чжунсюнь и сясюнь). Такое деление нередко можно встретить и в современной китайской прессе.

Китайский сельскохозяйственный календарь

Согласно китайскому сельскохозяйственному календарю год делится на 24 сезона (см. табл.)

Приведенный в тексте календарь показывает, что в зависимости от их особенностей 24 сезона можно разделить на три группы (в скобках приведен порядковый номер сезона).

1) Восемь периодов смены сезона года: начало весны (3), начало лета (9), начало осени (15) и начало зимы (21), а также весеннее (6) и осеннее (18) равноденствие и летнее (12) и зимнее (24) солнцестояния.

2) Двенадцать сезонов изменения погоды: обозначение степени жары или мороза (13, 14, 1, 2); прекращение жары (16); разница конденсации водяных паров по мере понижения температуры (17, 19, 20); характер осадков и их интенсивность (4, 8, 22, 23)

3) Четыре сезона, характеризующие различные стадии развития растений (5, 7, 10, 11).

Помимо календаря 24 сезонов, в Китае существует две системы обозначения самого холодного и самого теплого времени года.

1) Система «цзюцзю» («девяти девятидневок»). В системе «цзюцзю» наиболее холодное время года разбито на девять периодов по девять дней в каждом, начиная с зимнего солнцестояния (с 22—23 декабря). Отдельные дни в этой системе обозначаются как конкретный (по счету) день конкретной (также по счету) девятидневки, например: «2-й день 3-й девятидневки» и т. д. Вплоть до 3-й девятидневки приток солнечной радиации ниже теплового излучения земной поверхности, поэтому 3-я девятидневка считается самым холодным временем года.

2) Система «сань фу» («три периода жары»). 1-й и 3-й периоды содержат по 10 дней, а 2-й период содержит либо 10 либо 20 дней (в зависимости от момента начала 1-го периода в конкретный год, т. е. если начало периода раньше — он содержит 20 дней, если позже — 10 дней). Начало 1-го периода приурочено к 7-му дню третьей декады (ганьчжи) после летнего солнцестояния. Соответственно 2-й период начинается в 7-й день 4-й декады; 3-й период — в 7-й день 1-й декады после сезона «начало осени» («лицю»). Эта система также отражает

Календарь 24 сезонов

Порядковый номер сезона	Месяц (по солнечному календарю)	Название и характеристика сезона	Дата начала сезона
1 2	январь	сяохань (малые морозы) дахань (большие морозы)	5—6.I 20—21.I
3 4	февраль	личунь (начало весны) юйшуй (начало весенних дождей)	4—5.II 19—20.II
5 6	март	цзинчжэ (оттаивание земли и появле- ние всходов зимовавших растений) чуньфэнь (весеннее равноденствие)	5—6.III 20—21.III
7 8	апрель	цинмин (природа посвежела, буйный рост трав) гуйюй (количество осадков увеличи- лось до степени, позволяющей сеять культуры весенней посадки)	5—6.IV 20—21.IV
9 10	май	лися (начало лета) сяомань (начало наливать зерно пшеницы, ячменя)	5—6.V 21—22.V
11 12	июнь	манчжун (пшеница и ячмень созрели, рассаду позднего риса можно вы- саживать на поля. Лучшее время посадки летних культур—кукуруза, летняя соя и др.) сячжи (летнее солнцестояние)	21—22.VI
13 14	июль	сяошу (малая жара) дашу (большая жара)	7—8.VII 23—24.VII
15 16	август	лицю (начало осени) чүшу (прекращение жары)	7—8.VIII 23—24.VIII
17 18	сентябрь	байлу (белая роса) цюфэнь (осеннее равноденствие)	8—9.IX 23—24.IX

Продолжение

Порядковый номер сезона	Месяц по солнечному календарю	Название и характеристика сезона	Дата начала сезона
19 20	октябрь	ханьлу (холодная роса) шуанцзян (выпадение инея)	8— 9. X 23—24. X
21 22	ноябрь	лидун (начало зимы) сяосюэ (малые снегопады, начало снегопадов)	7— 8. XI 22—23. XI
23 24	декабрь	дасюэ (большие снегопады) дунджи (зимнее солнцестояние)	7— 8. XII 22—23. XII

начало и конец самого жаркого времени года и тесно связана со сроками сельскохозяйственных работ.

Системы «цзюцзю» и «сань фу» наряду с указанием 24 сельскохозяйственных сезонов и дат по сельскохозяйственному (лунному) календарю официально включаются в число показателей, приводимых в современных китайских (астрономических) календарях.

Китайский сельскохозяйственный календарь был разработан применительно для Северного Китая, точнее, к бассейну р. Хуанхэ, поэтому его примененно в других районах страны возможно лишь при учете определенной корректировки. Так, сезон «шуанцзян» приходится на 23 октября. В бассейне р. Хуанхэ этот сезон примерно совпадает с началом периода морозов, однако в Чанчуне он начинается 27 сентября (на месяц раньше), а в Гуанчжоу — 30 декабря (на два месяца позже) или вообще отсутствует. Поскольку на юге обычно не выпадает снега и не бывает морозов, 23-й и 24-й сезоны здесь отсутствуют, а сезоны 1-й и 2-й указывают лишь на наступление самого холодного времени года (январь — наиболее холодный месяц во всем Китае). Крестьяне различных частей страны по-своему интерпретируют каждый сельскохозяйственный сезон, используя его в соответствии с местными агроклиматическими условиями. Так, если в Северном Китае озимую пшеницу сеют в сезон «цюфэнь», то в Центральном Китае — в периоды «ханьлу» и «шуанцзян», на юге Чжэцзяна и южнее — в период «лидун».

Сроки полевых работ, установленные в общих чертах согласно сельскохозяйственному календарю, крестьяне обычно уточняют по метеорологическим прогнозам, а также (что более важно) по характеру фенологических явлений конкретного года, так как в каждом из них отражаются реальные погодные условия. Крестьяне на основе фенологических наблюдений в течение ряда лет могут составить свой местный «календарь природы». В этом отношении интересен опыт местных метео-

рологических учреждений и отдельных сельскохозяйственных «коммун» — например, данные Гун Гао-фа («Прогнозирование сроков полевых работ», — «Дили чжиши», 1966, № 2, с. 77—82), относящиеся к району Пекина и др. В качестве опорных показателей, относящиеся к району набухания почек отдельных местных пород деревьев, используются время освобождения оз. Куньминху от ледяного покрова, начала роста трав, пчел и т. д.

Таким образом, многовековой опыт китайских крестьян, выраженный в описанных выше сезонах и периодах в сочетании с фенологическими наблюдениями, помогает им выбрать оптимальные сроки проведения различных полевых работ.

КИТАЙСКИЕ ДЕНЕЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ
И ОСНОВНЫЕ МЕРЫ *

Денежные единицы

Юань = 10 цзяо, или мао = 100 фэням (с 1974 г. введена монета
5 цзяо = 0,5 юаня)

Цзяо, или мао = 0,1 юаня

Фэнь = 0,01 юаня

Меры веса

Дань = 100 цзиням = 50 (59,68) кг

Цзинь = 0,01 даня = 16 ляпам = 0,5 (0,596) кг

Лян = 1/16 цзиня = 10 цяням = 31,25 (37,3) г

Цянь = 0,1 ляна = 3,125 (3,73) г

Меры объема

Дань = 10 доу = 100 (103,54) л

Доу = 0,1 даня = 10 шэнам = 10 (10,35) л

Шэн = 0,1 доу = 1,0 (1,035) л

Меры длины

Ли = 150 чжапам = 0,5 (0,576) км

Чжан = 10 чи = 3,33 (3,2) м

Чи = 10 цуням = 0,3 (0,32) м

Цунь = 0,1 чи = 3,3 (3,2) см.

Меры площади

Му = 10 фэням = 1/15 (1/16) га = 6,66 (6,14) а

Фэнь = 0,1 му = 0,66 (0,61) а = 66,6 (61,4) кв. м

* В скобках даны эквиваленты в метрической системе, существовавшие до 1958 г.

Юань КНР по котировке на 1 января 1976 г. равен 0,45 руб.

ХРОНИКА ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ (1975 г.)

Внутриполитическая жизнь

Январь

- 6 — «Жэньминь жибао» поместила статью о создании «теоретических отрядов борьбы против ревизионизма и за его предотвращение».
- 9 — В Пекине на 75-м году жизни скончался член ЦК КПК десятого созыва и заместитель премьера Госсовета КНР Ли Фу-чунь
- 8—10 — В Пекине состоялся 1-й Пленум ЦК КПК десятого созыва. Пленум обсудил вопросы, касающиеся предстоящей сессии Всекитайского Собрания народных представителей четвертого созыва. Дэн Сяо-пин избран заместителем председателя ЦК и членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК.
- 13—17 — В Пекине состоялась 1-я сессия Всекитайского Собрания народных представителей четвертого созыва. На сессии принята новая конституция КНР, избраны Постоянный совет ВСНП и новый состав Госсовета во главе с Чжоу Энь-лаем.
- 21 — В Пекине состоялось первое заседание Постоянного комитета ВСНП четвертого созыва. Цзян Хуа назначен председателем Верховного народного суда, Цзи Пэн-фэй — начальником секретариата Постоянного комитета ВСНП четвертого созыва.
- 30 — В Пекине объявлено, что Дэн Сяо-пин стал начальником Генерального штаба НОАК, Чжан Чунь-цяо — начальником Главного политического управления Народно-освободительной армии Китая.

Февраль

- 2 — «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» опубликовали статью Чи Хэна «По-настоящему изучать теорию диктатуры пролетариата», явившуюся одним из первых установочных материалов новой пропагандистской кампании.
- 3 — Чжан Цзун-сунь назначен начальником Главного управления тыла армии.
- 9 — «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» опубликовали передовую статью «Как овладеть теорией диктатуры пролетариата», содержащую «новые указания» по этому вопросу. В статье под предлогом «ликвидации почвы, порождающей ревизионизм» и ограничения так называемого «буржуазного права», по существу, обосновывалась линия на дальнейшее ужесточение режима и ограничение оплаты труда.

- 28 — «Жэньминь жибао» в рубрике «Серьезно изучать марксизм, укреплять диктатуру пролетариата» поместила статью Цзинь Хуа «Ограничивать буржуазное право, укреплять диктатуру пролетариата», основной смысл которой сводился к обоснованию необходимости ограничения оплаты по труду.

Март

- 1 — В «Хунци», № 3, помещена статья Яо Вэнь-юаня «О социальной основе антипартийной группировки Линь Бяо», продолжившая кампанию против оппозиционных элементов внутри КПК.
- 6 — «Гуанмин жибао» опубликовала статью «Необходимо ограничивать буржуазное право», написанную «теоретической группой рабочих» 5-го Шанхайского металлургического завода. В статье впервые критиковались термины «прибыль — командная сила» и «материальное стимулирование».
- 12 — На митинге в Пекине, посвященном 50-летию со дня смерти Сунь Ят-сена, с речами выступили Е Цзянь-ини, Цзян Цини, Дэн Сяопини.
- 17—18 — Проходило заседание Постоянного комитета ВСНП, на котором было принято решение о помиловании и освобождении всех находящихся в заключении военных преступников.
- 20 — В Пекине закончились совещания подготовительных групп по созыву IX съезда профсоюзов, X съезда комсомола и IV Всекитайского съезда женщин; на совещаниях присутствовали и выступали с речами руководящие работники ЦК партии. Совещания обсудили проекты докладов о работе указанных организаций и их уставы и приняли решения о порядке выдвижения делегатов съездов.

Апрель

- 1 — В «Хунци», № 4, опубликована статья Чжан Чунь-цяо «О всесторонней диктатуре в отношении буржуазии», продолжившая кампанию пропаганды маоистской интерпретации теории диктатуры пролетариата.
- 2 — В Пекине скончался на 90-м году жизни Дуи Би-у, член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК и заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП.

Июль

- 31 — На приеме по случаю 48-й годовщины создания НОАК среди присутствующих находился бывший начальник Генштаба Ло Жуй-цин, репрессированный во время «культурной революции».

Август

- 4 — Свыше 85 600 выпускников средних школ провинции Цзиньин направлены в деревню.
- 10 — Объявлено об основании в Лхасе Тибетского педагогического университета.
- 27 — Более 240 тыс. выпускников средних школ Ляонина по окончании учебы направлены в деревню.
- 31 — В масштабах всего Китая официально развернута новая политическая кампания «критики средневекового классического романа „Речные заводы“».

В августе в г. Ханчжоу происходили крупные волнения среди рабочих. Недовольство рабочих было вызвано отменой на предприятиях материального стимулирования труда, возрожденного после «культурной революции». Для подавления волнений было послано около 11 тыс. солдат, которые вместе с местным контингентом войск заняли фабрики и заводы. Для контроля за наведением порядка в Ханчжоу были направлены Ван Хун-вэнь и Дэн Сяо-пин. Улицы Ханчжоу патрулировались вооруженной полицией и агентами безопасности. После подавления волнений были сняты командующий войсками и 1-й комиссар Чжэцзяньского военного округа, 1-й и 2-й секретари Ханчжоуского горкома КПК.

Сообщалось также о волнениях среди крестьян уезда Сюйцзянь пров. Юньнань, в которых участвовало более 2 тыс. человек. При подавлении войска открыли огонь, было убито и ранено десятки людей.

В августе в Пекине появились дацзыбао с критикой китайского руководства по поводу реабилитации и возвращения на руководящие посты некоторых лиц.

Сентябрь

10 — Заместитель премьера Госсовета Тань Чжэнь-пинь на встрече с японской делегацией заявил, что кампания «критики романа „Речные заводи“» начата с целью «предотвратить возникновение ревизионизма в Китае».

15 — В уезде Сиань пров. Шаньси открылось созванное Госсоветом КНР Всекитайское совещание «В сельском хозяйстве учиться у Дачжая».

Октябрь

16 — «Жэньминь жибао» поместила информацию о заключительном пленарном заседании Всекитайского совещания «В сельском хозяйстве учиться у Дачжая», которое состоялось 15 октября в Пекине. На этом заседании с обобщающим докладом выступил член Политбюро ЦК КПК Хуа Го-фэн. На нем присутствовали Е Цзянь-пин, Дэн Сяо-пин, Чжан Чунь-цяо, Цзян Цинь, Яо Вэнь-юань, Ли Сянь-нянь, Чэнь Си-лянь, Цзи Дэн-куй, Ван Дун-син и другие руководящие лица.

31 — В прессе сообщалось, что при китайской Академии наук создан институт физики высоких энергий (в Пекине) во главе с профессором Чжан Вэнь-ю.

Ноябрь

1 — Член Политбюро ЦК КПК Вэй Го-цин переведен из Гуанси-Чжуанского автономного района на должность первого секретаря комитета КПК и председателя «ревкома» пров. Гуандун.

2 — Пекинское радио передало циркулярное письмо Главного политического управления НОАК (а центральные газеты дали изложение) с обращением к армии об участии в общенациональном движении «Учиться у Дачжая».

10 — Центральные китайские газеты сообщили об отправке в сельские районы пров. Сычуань более 200 тыс. представителей «грамотной молодежи».

- 12 — В Пекине, Шанхае, Нанкине, Гуанчжоу и Ухани состоялись мероприятия, посвященные 109-й годовщине со дня рождения Сунь Ят-сена.
- 18 — В Пекинском университете и политехническом институте Цинхуа появились дацзыбао, содержавшие критику в адрес министра просвещения Чжоу Жун-синя и ректора университета Цинхуа Лу Пина.
- 29 — Центральные китайские газеты сообщают об отправке в сельские районы пров. Цзянси 50 тыс. представителей «грамотной молодежи»; более 20 тыс. человек отправлено в сельские районы пров. Юньнань.

Декабрь

- 4 — Центральные газеты перепечатали из журнала «Хунци», № 12, статью «группы большой критики» Пекинского университета Цинхуа «Не допустим ревизии курса революции в области образования». Эта статья положила начало кампании против «странных и чудовищных рассуждений, распространенных среди работников просвещения и имеющих своей целью возврат к ревизионистской линии, отрицание культурной революции и изменение революционной линии председателя Мао».
- 6 — Центральные газеты перепечатали из «Хунци», № 12, статью Ши Лина «Твердо следовать правильной линии сплочения молодежи с рабочими и крестьянами», в которой оправдывалась высылка «грамотной молодежи» на поселение в деревню.
- 7 — «Жэньминь жибао» опубликовала материал о студентах «из рабочих, крестьян и солдат» в институте Цинхуа, пытавшихся опровергнуть факты, свидетельствующие о низком уровне подготовки студентов. Сообщено, что в 1975 г. на поселение в сельские районы Хэйлунцзяна было направлено 220 тыс. представителей «грамотной молодежи».
- 8 — «Жэньминь жибао» опубликовала статью известного китайского философа, профессора Пекинского университета Фэн Ю-ляня «Поговорим о воспитательном значении для меня кампании критики Линь Бяо и Конфуция», в которой автор подверг себя самобичеванию.
- 11 — Сообщено, что в пров. Аньхуэй находится на поселении 400 тыс. представителей «грамотной молодежи».
- 16 — В Пекине официально объявлено о смерти заместителя председателя ЦК КПК Кан Шэна.
- 19 — «Жэньминь жибао» информировала о том, что в 1975 г. на поселение в деревню пров. Шаньдун отправлено 110 тыс. представителей «грамотной молодежи», в Шэньси — 60 тыс., в Цзянсу — 50 тыс.
- 21 — Впервые упомянут бывший член ЦК КПК, секретарь Северо-западного бюро ЦК КПК и политкомиссар Синьцзянского военного округа Ван Энь-мао, репрессированный в период «культурной революции». Названа его должность — заместитель политкомиссара Нанкинского большого военного округа.
- 23 — Газеты поместили комментарий агентства Синьхуа, в котором говорилось, что после «культурной революции» на поселение в сельские и горные районы было направлено 12 млн. человек «грамотной молодежи», из них 2 млн. — в этом году.
- 24 — Центральные газеты сообщили о том, что в соответствии с указаниями ЦК КПК судебные учреждения Китая приняли

решение освободить всех находившихся в заключении бывших гоминьдановских партийных и административных работников, военнослужащих и спецагентов в рангах от уездного или полкового начальника и выше.

Внешнеполитические связи

Январь

- 3 — В Китай прибыл министр иностранных дел Нидерландов М. ван дер Стул. Во время шестидневного визита он вел переговоры с Чжоу Энь-лаем, Дэн Сяо-пином и Цяо Гуань-хуа.
- 7 — В Китае с четырехдневным визитом находился премьер-министр Республики Мальта Д. Минтофф. Во время визита встречался с Мао Цзэ-дуном, Чжоу Энь-лаем, Дэн Сяо-пином и Ли Сянь-нянем.
- 12 — В КНР с десятидневным визитом прибыл Франц-Иозеф Штраус. Во время визита он встретился с Мао Цзэ-дуном, Чжоу Энь-лаем, Дэн Сяо-пином, председателем китайского народного общества по изучению международных отношений Кэ Бо-нянем, заместителем начальника Генерального штаба НОАК Ли Да, заместителем министра внешней торговли Яо И-линем.
- 17 — В Пекин с пятидневным визитом прибыл видный деятель Либерально-демократической партии Японии Хори. В ходе визита он имел встречи с Чжоу Энь-лаем и Дэн Сяо-пином.
- 30 — В Пекине с трехдневным визитом находился министр иностранных дел Республики Гамбия Амун Бадара Н'Джие. Во время визита он встретился с Чжоу Энь-лаем, Дэн Сяо-пином и Цяо Гуань-хуа. Подписано Соглашение по экономическому и техническому сотрудничеству между правительствами КНР и Республики Гамбия.
- 31 — В КНР находился с недельным визитом премьер-министр Тринидада и Тобаго Эрик Юстас Уильям. Опубликовано коммюнике о пребывании Э. Ю. Уильямса в КНР и подписано Соглашение о взаимном учреждении посольств в столицах обеих стран.

Февраль

- 20 — В Пекине с десятидневным визитом находилась делегация Мозамбика, возглавляемая председателем Фронта освобождения Саморой Машелом.
- 27 — В КНР с десятидневным визитом находилась делегация Народной Республики Конго, возглавляемая премьер-министром Анри Лопезом. Состоялись переговоры с Чжоу Энь-лаем и Дэн Сяо-пином; подписано Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между правительствами КНР и Народной Республики Конго.

Март

- 1 — В КНР в течение пятнадцати дней находился заместитель премьер-министра Королевского правительства национального единства Камбоджи Н. Сарн.

- 8 — В Пекине с четырехдневным визитом находился министр иностранных дел Республики Замбия Вернон Дж. Мванга.
- 12 — В КНР пять дней находился премьер-министр Республики Гайана Форбс Бернхэм. Опубликовано коммюнике.
- 13 — В КНР четыре дня находилась делегация правительства Республики Сингапур, возглавляемая министром иностранных дел Сингапура С. Раджаратнамом.
- 15 — В КНР пять дней находился государственный министр иностранных дел Королевства Марокко Ахмед Лараки и возглавляемая им делегация. Подписано долгосрочное торговое соглашение.
- 27 — По приглашению правительства Мексики из Пекина в Мехико выехали заместитель премьера Госсовета КНР Чэнь Юн-гуй, заместитель министра сельского и лесного хозяйства Сяо Пэн.
- 28 — В КНР прибыла делегация Национального политического объединенного совета Лаоса, возглавляемая заместителем председателя НПОСЛ С. Сисалеумсаком.
- 29 — В Пекине с десятидневным визитом прибыли спикер палаты представителей конгресса США Карл Альберт и лидер республиканцев в этой палате Джон Роудс.
- 31 — Дэн Сяо-пин встретился с генеральным секретарем раскольнического «Национального союза за полную независимость Анголы» (УНИТА) С. Чивалом и возглавляемой им делегацией.

Апрель

- 1 — В Пекине неделю находился премьер-министр Тунисской Республики Хеди Нуира; он встретился с Чжу Дэ и провел переговоры с Чжан Чунь-цяо.
- 4 — В Иране с официальным шестидневным визитом находился заместитель премьера Госсовета КНР Ли Сянь-нянь. Он был принят шахом Ирана.
- 13 — В КНР в течение девяти дней находилась партийно-правительственная делегация КНДР во главе с президентом Ким Ир Сеном. Мао Цзэ-дун встретился с делегацией. Состоялись переговоры между Дэн Сяо-пином и Ким Ир Сеном.
- 19 — В КНР на семь дней прибыл премьер-министр Бельгии Л. Тиндеманс. Мао Цзэ-дун встретился с Л. Тиндемансом. Подписаны коммюнике по морским перевозкам и о гражданском автасообщении между КНР и Бельгией.
- 20 — В Пакистане в течение шести дней с официальным визитом находился Ли Сянь-нянь.
- 24 — В Пекине на восемь дней прибыла делегация Йеменской Арабской Республики (ЙАР) во главе с подполковником Муджахидом Абу Шуарбом, членом Совета командования и заместителем главнокомандующего Вооруженными силами ЙАР.

Май

- 5 — По приглашению Общества китайско-японской дружбы в Пекине с недельным визитом прибыла делегация Социалистической партии Японии, возглавляемая председателем ЦИК Социалистической партии Японии Т. Наритой. Подписано совместное заявление.
- 11 — В Париже на пять дней прибыл Дэн Сяо-пин, он встречался с президентом Жискара д'Эстеном и премьер-министром Шираком.

Официально объявлено, что правительство КНР решило установить отношения с «Общим рынком» и аккредитовать при нем своего посла.

Июнь

- 6 — В Пекине неделю находился министр иностранных дел Австралии сенатор Д. Уиллис. Во время своего визита он встретился с Чжоу Энь-лаем и Цяо Гуань-хуа.
- 7 — В Китай на четыре дня прибыл президент Филиппин Ф. Маркос. Во время визита он встретился с Мао Цзэ-дуном, Чжоу Энь-лаем и Дэн Сяо-пинном. Подписаны торговое соглашение и совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений.
- 11 — В КНР шесть дней находился президент Республики Гамбия Д. К. Джавара. Во время визита Джавара встретился с Мао Цзэ-дуном, Чжоу Энь-лаем и Ли Сянь-нянем.
- 12 — Чжоу Энь-лай в беседе с бывшим министром иностранных дел Японии А. Фудзиямой выступил с требованием включить в проект китайско-японского договора о мире и дружбе статью о гегемонизме.
- 27 — В Пекине три дня находился президент Габонской Республики О. Бонго. Во время визита он встретился с Чжоу Энь-лаем и вел переговоры с Чжан Чунь-цяо.
- 30 — В Китай на семь дней прибыл премьер-министр Таиланда Кукрит Прамот. Опубликовано совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между КНР и Королевством Таиланд.

Июль

- 3 — В Пекине шесть дней находилась правительственная делегация Республики Гвинеи-Бисау, возглавляемая министром иностранных дел Виктором Сауде Мариа.
- 4 — В КНР на три дня прибыла правительственная делегация Ирака во главе с вице-президентом Иракской Республики Тах Мохи эд-Дин Мааруфом. Члены делегации встречались с Мао Цзэ-дуном, Чжоу Энь-лаем и Дэн Сяо-пинном. Были подписаны совместные китайско-иракские документы.
- 16 — В КНР более недели находилась делегация из Анголы во главе с членом политбюро «Фронта национального освобождения Анголы» Хендрико В. Нето. Делегация была принята Хэ Инюем и Дэн Сяо-пинном.

Август

- 12 — В Пекине в течение пяти дней находилась правительственная делегация ДРВ во главе с Ле Тхань Нги, состоялись встречи делегации с Чжоу Энь-лаем и Ли Сянь-нянем.
- 13 — В Китай на четыре дня прибыла группа американских конгрессменов во главе с Я. Джавитсом. Делегация была принята Дэн Сяо-пинном.
- 15 — Правительства КНР и Японии решили учредить генеральные консульства соответственно в городах Осака и Шанхай.
- 15—19 — В Китай с официальным дружественным визитом прибыла делегация Национального единого фронта и Королевского правительства Национального единства Камбоджи во главе с заместителем премьер-министра К. Самфаном и Н. Сарн с заместителем премьер-министра К. Самфаном и Н. Сарн. Состоялись переговоры с Мао Цзэ-дуном, Дэн Сяо-пинном

и Хуа Го-фэном. Подписано соглашение о развитии отношений между КНР и Камбоджей.

- 18 — В Пекине с четырехдневным визитом находилась торговая делегация Таиланда.
- 23 — В Китае с недельным визитом находилась делегация американских конгрессменов во главе с Дж. Андерсоном. Она была принята Дэн Сяо-пином.
- 31 — Премьер Госсовета КНР Чжоу Энь-лай направил президенту Народной Республики Бангладеш К. М. Ахмеду телеграмму, в которой сообщил о признании КНР Народной Республики Бангладеш.
- В ДРВ на торжества по случаю 30-й годовщины образования ДРВ выехала партийно-правительственная делегация КНР во главе с Чэнь Си-ляном.

Сентябрь

- 5 — В КНР четыре дня находилась партийно-правительственная делегация СРР во главе с Илие Вердецом, Делегация вела переговоры с Цзи Дэн-куем и была принята Чжоу Энь-лаем.
- 8 — В КНР на четыре дня прибыл министр иностранных дел и кооперирования Руандийской Республики Н. Алойс.
- 12 — Из Пекина в Болгарию отбыл новый чрезвычайный и полномочный посол КНР в НРБ Мэн Юэ.
- 15 — В Пекине четыре дня находился Ф.-И. Штраус. Во время визита состоялась встреча с Дэн Сяо-пином и Цяо Гуань-хуа.
- 16 — Чжоу Энь-лай направил премьер-министру Папуа Новой Гвинеи М. Сомаре поздравительную телеграмму в связи с провозглашением независимости Папуа Новой Гвинеи и сообщением, что правительство КНР решило признать это государство.
- 19 — В Пекин на четыре дня прибыл бывший лидер консерваторов в Англии Э. Хит. Во время визита Э. Хит встретился с Мао Цзэ-дуном и Дэн Сяо-пином.
- 21 — В КНР с семидневным визитом прибыла китайская партийно-правительственная делегация во главе с Чжан Чунь-цяо. Делегация была принята Ким Ир Сенем и другими корейскими руководителями.
- 22 — В Китае с шестидневным визитом находилась партийно-правительственная делегация, возглавляемая первым секретарем ЦК ПТВ Ле Зуаном и членом Политбюро ЦК ПТВ, заместителем премьер-министра правительства ДРВ Ле Тхань Нги. Во время визита делегация встречалась с руководителями партии и правительства КНР. Подписаны соглашения о предоставлении Китаем ДРВ кредита.

Октябрь

- 6 — В КНР на шесть дней прибыла делегация во главе с председателем Союзного исполнительного веча СФРЮ Джемалом Биедичем. Состоялись встречи с Мао Цзэ-дуном, Чжоу Дэ, Дэн Сяо-пином, У Дэ.
- 14 — В Манилу прибыла делегация официальных лиц КНР для открытия первого китайского посольства на Филиппинах.
- 19 — В КНР на четыре дня прибыл Г. Киссинджер. Он провел переговоры с Мао Цзэ-дуном, Дэн Сяо-пином.
- 23 — В КНР на шесть дней прибыли из Непала принц Гьянендра Бир Бикрам Шах, принц Дхирендра Бир Бикрам Шах Дева

- в сопровождении министра иностранных дел Непала Кришна Радж Арьяла.
- 29 — По приглашению КНР в Пекине в течение четырех дней находился федеральный канцлер ФРГ Шмидт. Он был принят Мао Цзэ-дуном.

Ноябрь

- 6 — Посол СССР в КНР В. С. Толстиков устроил прием по случаю 58-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. (С китайской стороны были заместитель министра иностранных дел КНР Юй Чжань, заместитель министра внешней торговли Чэнь Цзе, заместитель начальника Генерального штаба НОАК Ху Вэй и др.)
- 11 — В Пекине с официальным визитом по приглашению правительства КНР в течение пяти дней находился У Не Вин — президент Социалистической Республики Бирманский Союз. 13 ноября У Не Вин был принят Мао Цзэ-дуном. «Руководящий член» Академии наук Китая Ху Яо-бан принял находящуюся в Китае делегацию французских ученых-атомников.
- 19 — В КНР с официальным визитом в течение шести дней находился министр иностранных дел Франции Ж. Сованьярг.
- 19 — В Париж прибыла министр здравоохранения КНР Лю Сяньпин.
- 21 — Чжу Дэ направил регентскому совету Испании телеграмму с выражением соболезнования по поводу смерти Франко. По сообщению Франс Пресс, Чжоу Энь-лай направил в испанское посольство в Пекине венок в связи с этим событием. Венки направили также Чжу Дэ и МИД КНР.

Декабрь

- 1 — В КНР с официальным четырехдневным визитом прибыл президент США Д. Форд. Он был принят Мао Цзэ-дуном, Чжу Дэ, Дэн Сяо-пинном. (Коммюнике о визите не было.)
- 11 — В КНР с неофициальным шестидневным визитом прибыл бывший глава итальянского правительства лидер правого крыла ХДП А. Фанфани. Он был принят Хуа Го-фэном и Дэн Сяо-пинном.
- 21 — В КНР пять дней находился президент Республики Сан-Томе и Принсипи Н. да Кошта. Он был принят Мао Цзэ-дуном, Дэн Сяо-пинном, Ли Сянь-нянем. Было подписано соглашение о научно-техническом сотрудничестве и товарообороте.

КНИГИ О КИТАЕ, ИЗДАННЫЕ В СССР В 1973—1975 гг.

1973

Идеология

- Антимарксистская сущность военной политики маоистов. М., 1973.
Владимиров О., Рязанцев В. Страницы политической биографии Мао Цзэ-дуна, изд. 2 доп. М., 1973.
Гельбрас В. Г. Китай: кризис продолжается. М., 1973.
Древнекитайская философия. Собрание текстов, т. 2. М., 1973.
Желтоховцев А. «Культурная революция» с близкого расстояния. Записки очевидца. М., 1973.
Ильин М. А. Маоизм: подрыв дела социализма и мира. М., 1973.
Кочетов А. Н. Ламаизм, М., 1973.
Критика теоретических основ маоизма. М., 1978.
Критика теории и практики маоизма (Сборник статей из периодической печати социалистических стран). М., 1973.
Маоистский курс: против мира и прогресса. М., 1973.
Рутберг С. Классовое содержание маоизма (Материалы в помощь лектору). Рига, 1973.

История

- Владимиров П. П. Особый район Китая. 1942—1945. М., 1973.
Калюжная Н. М. Восстание ихэтуаней (1898—1901). Историко-география. М., 1973.
Китай: общество и государство. Сборник статей. М., 1973.
Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973.
Ларичев В. Путешествие в страну восточных индоевропейцев. Новосибирск, 1973.
Материалы по истории сюнну (по кит. источникам), вып. 2. М., 1973.
Общество и государство в Китае. 4-я научная конференция. Тезисы и доклады. М., 1973.
Проблемы советского китаеведения. Сборник докладов Всесоюзной научной конференции китаеведов, состоявшейся в ноябре 1971 г. М., 1973.

Экономика

- Кузнецов В. С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX века. М., 1973.
Наумов И. Н. Продовольственная проблема в Китае. М., 1973.

Культура

- Вэнь И-до. Думы о хризантеме. Стихи, пер. с кит. М., 1973.
Задоев Т. П., Хуан Шу-ин. Учебник китайского языка, изд. 2, перераб. и доп. М., 1973.
Иванов В. В. Терминология и заимствования в современном китайском языке. М., 1973.
Изучение китайской литературы в СССР. Сборник статей к 60-летию члена-корреспондента АН СССР Н. Т. Федоренко. М., 1973.
Исследования по китайскому языку. Сборник статей. М., 1973.
Каталог фонда китайских ксилографов Института востоковедения АН СССР. М., 1973.
Крюков М. В. Язык пньских надписей. М., 1973.
Пу Сун-лин. Рассказы Ляо Чжэя о чудесах, пер. с кит. М., 1973.
Серебряков Е. А. Лу Ю. Жизнь и творчество. Л., 1973.
Серкина А. А. Опыт дешифровки древнейшего китайского письма. Надписи на гадательных костях. М., 1973.
Цзо Чжи. Семь печалей. Стихотворения, пер. с кит. М., 1973.

Внешняя политика

- Андреев М. А. Зарубежная китайская буржуазия — орудие Пекина в Юго-Восточной Азии. М., 1973.
Кадымов Г. Г. Пекин на мировой арене. М., 1973.
Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973.
Мурашева Г. Ф. Вьетнам-китайские отношения XVII—XIX вв. М., 1973.
Опасный курс. О политике и тактических маневрах маоистов, вып. 4. М., 1973.
Сергейчук С. США и Китай, изд. 2, доп. и испр. М., 1973.

1974

Идеология

- Арзамасцев А. М. Казарменный «коммунизм». Критический очерк. М., 1974.
Гудошников Л. М. Политический механизм Китайской Народной Республики. М., 1974.
Кохановский В. П., Селезнев А. И. Критика философских основ маоизма. Метод. разработка в помощь лектору. Ростов-на-Дону, 1974.
Кузнецов П. Е. Антимарксистская сущность маоизма. Л., 1974.
Маоизм — идейный и политический противник марксизма-ленинизма. М., 1974.
Маоизм и мировой революционный процесс (Проблемы изучения теории и практики маоизма). М., 1974.
Реакционная сущность идеологии и политики маоизма, пер. с болг. М., 1974.
Тер-Григорян А. Л. Искаленные ненавистью. Зарисовки, наблюдения, факты из китайского блокнота. М., 1974.

История

- Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. Сборник статей. М., 1974.
Браун О. Китайские записки. 1932—1939, пер. с нем. М., 1974.

Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. Три века войны Китая со степными народами III—IV вв. М., 1974.

Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974.

Ерусалимский А. С. Колониальная экспансия капиталистических держав и освободительное движение народов Южной Африки и Китая в XVII—XIX вв. М., 1974.

Ефимов Г. В. Буржуазная революция в Китае и Сунь Ят-сен. 1911—1913 гг. Факты и проблемы. М., 1974.

История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.

История профсоюзного движения в МНР, ДРВ, КНДР, КНР. Учебный материал к лекциям, подг. М. И. Гольман и др. М., 1974.

Леньков В. Д. Металлургия и металлообработка у чжурчженей в XII веке. Новосибирск, 1974.

Малухин А. М. Китайское крестьянство в революции 1925—1927 гг. М., 1974.

Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974.

Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке XVII в. М., 1974. Общество и государство в Китае. 5-я научная конференция. Тезисы и доклады. М., 1974.

Сидихменов В. Я. Китай. Страницы прошлого. М., 1974.

Смолин Г. Я. Антифеодалные восстания в Китае второй половины X—первой четверти XII в. М., 1974.

Танлов З. В борьбе за свободу. М., 1974.

Фомина Н. И. Борьба против Цинов на Юго-Востоке Китая. Середина XVII века. М., 1974.

Чимитдоржиев Ш. В. Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа (XVII—первая половина и середина XVIII в.). Улан-Удэ, 1974.

Юсувалиев Ю. К. К проблеме самоопределения уйгуров в КНР. Ташкент, 1974.

Экономика

Ванин В. И. Государственный капитализм в КНР. М., 1974.

Непомнин О. Е. Экономическая история Китая (1864—1894). М., 1974.

Сладковский М. И., Акимов В. И., Морозов А. П. Проблемы и противоречия индустриального развития КНР. М., 1974.

Общие вопросы культуры, литература и искусство, языковедение

Боревская Н. Е. Школа в КНР 1957—1972 гг. М., 1974.

Вопросы китайской филологии. М., 1974.

Гуревич И. С. Очерк грамматики китайского языка III—V вв. М., 1974.

История и культура Китая. Сборник памяти акад. В. П. Васильева. М., 1974.

Китайская филология (Лингвостатистика). Чита, 1974.

Мелналкенис А. И. Описание китайских рукописных книг и карт. Из собрания К. А. Скачкова. М., 1974.

Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1974.

Федоренко Н. Т. Проблемы исследования китайской литературы. М., 1974.

- Цветко А. С. Советско-китайские культурные связи. Исторический очерк. М., 1974.
- Языки Китая и Юго-Восточной Азии. Вопросы грамматического строя. М., 1974.
- Вновь собранные драгоценные парные изречения. Факсимиле ксилографа, изд. текста, пер. с тангут. М., 1974.
- Дождь. Рассказы китайских писателей 20—30-х годов, пер. с кит. М., 1974.
- Дэн То. Вечерние беседы в Яньшани. Заметки публициста, пер. с кит. М., 1974.
- Ли Ии-чжао. Строфы из граненой яшмы, пер. с кит. М., 1974.
- Цзи Юнь. Заметки из хижины «Великое в малом» («Юэвэй цаотан бицзи»), пер. с кит. М., 1974.
- Чжао Шу-ли. Песенки Ли Ю-цая. Повесть и рассказы, пер. с кит. М., 1974.
- Ши Юй-кунь. Трое храбрых, пятеро справедливых. Роман, пер. с кит. М., 1974.

Внешняя политика

- Внешняя политика и международные отношения Китайской Народной Республики. М., 1974, т. 1, 1949—1963; т. 2, 1963—1973.
- На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925—1945. М., 1974.
- Опасный курс, вып. 5. Пекин: курс, враждебный миру, демократии и социализму. М., 1974.
- Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974.
- Степанов А. И. ФРГ и Китай. К истории отношений. 1949—1974 гг. М., 1974.

Книги о Китае, переведенные на иностранные языки

- Апалин Г. Классовое отступничество Пекина. М., 1974 (на англ., нем. яз.).
- Богуш Е. Маонизм и политика раскола в национально-освободительном движении. М., 1974 (на яз. хинди).
- Борисов О. К истории дружественных связей между народами Китая и СССР (О деятельности Общества китайско-советской дружбы 1949—1959). М., 1974 (на англ., исп., кор., кит., нем., франц. яз.).
- Гебри Э. Чего хотят во дворце Чжуннаньхай? [О внешней политике Китая]. М., 1974 (на исп., монг., нем. и франц. яз.).
- Европейская безопасность и проники Пекина. М., 1973 (на англ. яз.).
- Казанни М. И. Китай и двадцатые годы. М., 1973 (на англ. яз.).
- Корбаш Э. Экономические «теории» маонизма. М., 1974 (на англ. яз.).
- Критика теоретических концепций Мао Цзэ-дуна. М., 1973 (на исп. яз.).
- Лженстория на службе маонизма. М., 1974 (на англ., исп., кит., монг., нем. и франц. яз.).
- Марксизм — против маонизма. М., 1974 (на англ. яз.).
- Мархинин Е. Пекин и борьба вьетнамского народа. М., 1973 (на англ., нем., франц. яз.).
- От антиимпериализма к антисоциализму. Эволюция внешней политики Пекина. М., 1974 (на англ. яз.).
- Павловский В. Азии — коллективную безопасность. М., 1974 (на кит. яз.).

- Пекин: беспринципная политика. М., 1973 (на монг. яз.).
 Политика Мао против свободы и независимости монгольского народа. М., 1974 (на кит. яз.).
 Слова и дела пекинских шовинистов. М., 1974 (на англ., исп., нем., польск., франц., чешск. яз.).
 Современный Китай. Социально-экономические проблемы. Сборник статей. М., 1974 (на яп. яз.).

1975

История

- Благодатов А. В. Записки о китайской революции 1925—1927 гг., изд. 2-е доп. М., 1975, 277 с.
 Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. X в.—1234 г. Исторический очерк. М., 1975, 448 с.
 Далин С. А. Китайские мемуары. 1921—1927. М., 1975, 360 с.
 Исхаков Г. М. Этнографическое изучение уйгуров Восточного Туркестана русскими путешественниками второй половины XIX века. Алма-Ата, 1975, 135 с.
 Малухин А. М. Пэн Бай — герой китайской революции. М., 1975, 141 с.
 Матвеева Г. Отец республики. Повесть о Сунь Ят-сене. М., 1975, 398 с.
 Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар), факс. ксил. пер. с кит., введ., коммент. и прил. Н. Ц. Мункуева. М., 1975, 286 с.
 Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1975, 350 с.
 Синицын Е. П. Бань Гу — историк древнего Китая. М., 1975, 111 с.
 Средние слои городского общества в странах Востока, сб. ст. М., 1975, 384 с.
 Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи), т. 2, пер. с кит. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина (Памятники письменности Востока, вып. 32, кн. 2). М., 1975, 579 с.
 Установления о соли и чае, пер. с кит., вступит. статья Н. П. Свистуновой. М., 1975, 279 с.

История КПК. Внутриполитическое положение

- Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна. М., 1975, 310 с.
 Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР. М., 1975, 126 с.
 Владимиров О., Рязанцев В. Страницы политической биографии Мао Цзэ-дуна, изд. 3-е, доп. М., 1975, 112 с.
 Дьёрдь И. Через призму Пекина, пер. с венг. М., 1975, 284 с.
 Кельнер В. Е. Опасный курс (Критика теории и практики маоизма). Беседы о книгах. [М.], 1975, 15 с.
 Маоизм — идейный и политический противник марксизма-ленинизма. М., 1975, 109 с.
 Никольников Г. Подлинный облик маоизма. Киев, 1975, 96 с.
 Общество и государство в Китае, 6-я научная конференция. Тезисы и доклады. 1—3. М., 1975.
 Опасный курс. Антисоветизм и шовинизм — основа политики Пекина, вып. 6, М., 1975, 384 с.
 Особенности современной политической борьбы в КНР. Доклады и тезисы научной конференции, ч. I. М., 1975, 288 с.

Поспелов Б. В. Японская общественно-политическая мысль и маоизм. Критика антимарксистских концепций сущности маоизма. М., 1975, 224 с.

Экономика

Китайская Народная Республика. Политическое и экономическое развитие в 1973 году. М., 1975, 438 с.

Кульпин Э. С. Технико-экономическая политика руководства КНР и рабочий класс Китая. М., 1975, 199 с.

Сельское хозяйство КНР. 1966—1973. «Культурная революция» и ее последствия. М., 1975, 127 с.

Холодковская А. Рабочий класс Китая в период «урегулирования» (1961—1965). М., 1975, 157 с.

Внешняя политика

Агеенко К. П. и др. Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. М., 1975, 190 с.

Борисов О. Советский Союз и Маньчжурская революционная база. 1945—1949. К 30-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1975, 220 с.

Внешнеполитические концепции маоизма (Правовые аспекты). М., 1975, 255 с.

Иванов О. Некоторые факты из истории советско-китайских отношений. М., 1975, 55 с.

Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе. М., 1975, 288 с.

Гломбиньский С. Китай и США, пер. с польск. М., 1975, 310 с.

Общие вопросы культуры, литературы и искусства, языкознание

Алиева М. М. Уйгурская сказка. Алма-Ата, 1975, 151 с.

Араушкин Н. С., Надточенко Б. Я. Карманный китайско-русский словарь. М., 1975, 208 с.

Завадская Е. В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. М., 1975, 439 с.

Китайская классическая поэзия, пер. и вступит. ст. Л. Эйлина. М., 1975, 350 с.

Классическая проза Дальнего Востока. Переводы. вступит. ст. Б. Рифтина. М., 1975, 895 с.

Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока, сб. ст. Л. [1975], 136 с.

Кычанов Е. И., Савицкий Л. С. Люди и боги Страны солнца. Очерк истории Тибета и его культуры. М., 1975, 302 с.

Маркова С. Д. Маоизм и интеллигенция. Проблемы и события (1956—1973 гг.). М., 1975, 244 с.

Миллибанд С. Д. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1975, 733 с.

Пятая стража. Китайская лирика 30—40-х годов. пер. с кит. и предисл. Л. Е. Черкаского. М., 1975, 128 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю, т. I. Л., 1975, 672 с.

Сычев Л. П., Сычев В. Л., Китайский костюм. Символика. История. Трактовка в литературе и искусстве. М., 1975, 163 с.

Торопцев С. Трудные годы китайского кино. М., 1975, 118 с.

Цанцзуань. Изречения китайских писателей. IX—XIX вв. М., 1975, 136 с.

Цюй Цю-бо. Избранное. М., 1975, 222 с.

Книги, переведенные в СССР на иностранные языки и изданные в СССР

- Андреев М. А. Зарубежная китайская буржуазия — орудие Пекина в Юго-Восточной Азии. М., 1975 (на англ. яз.).
- Апалли Г. Классовое отступничество Пекина. М., 1975 (на кит. яз.).
- Борисов О., Колосков Б. Советско-китайские отношения. 1945—1973. Краткий очерк. М., 1975 (на англ. яз.).
- Ельников А., Турусов В. Маонисты и молодежь. М., 1975 (на англ., итал., нем., франц. яз.).
- Желуховцев А. «Культурная революция» с близкого расстояния. М., 1975 (на англ., араб., франц. яз.).
- Иванов О. Некоторые факты из истории советско-китайских отношений. М., 1975 (на англ., нем., франц. яз.).
- Каушик Д. Пекин и «третий мир». М., 1975 (на англ. яз.).
- Корбаш Э. Экономические теории маонизма. М., 1975 (на исп., хинди яз.).
- Критика теоретических концепций Мао Цзэ-дуна. М., 1975 (на араб. яз.).
- Марксизм — против маонизма. М., 1975 (на франц., исп. яз.).
- От антиимпериализма к антисоциализму (Эволюция внешней политики Пекина). М., 1975 (на араб., исп., япон. яз.).
- Сладковский М. И. Китай и Япония. М., 1975 (на япон. яз.).
- Современный Китай. Социально-экономические проблемы. Сб. ст. М., 1975 (на араб. яз.).

- Ажавара Д. К. 235
 Лйтматов Ч. 315
 Алойс Н. 352
 Альберт К. 350
 Андерсон Дж. 345
 Асанов Н. 315
 Ахмед К. М. 352
- Бабаевский С. 315
 Балагтас Ф. 287
 Беляев И. 315
 Берихэм Ф. 235, 256, 350
 Биедич Дж. 352
 Бирендра 247
 Бокарев Г. 323
 Бонго И. Б. 235, 253
 Бонго О. 351
 Брежнев Л. И. 4—6, 15, 208, 212, 213
 Бянь Цзян 338
- Ван дер Стул М. 349
 Ван Дун-син 92, 347
 Ван Хун-вэнь 86—88, 92, 210, 301, 347
 Ван Цзе 294
 Ван Цэн-шэн 301
 Ван Чжэнь 338
 Ван Ши-мэй 315
 Ван Шоу-у 337
 Ван Шоу-цин 315
 Ван Шу 301
 Ван Шу-чжэнь 105
 Ван Энь-мао 348
 Ван Ю-пин 243
 Ван Ян 338
 Вань Ли 338
 Вердец Илне 352
 Вернон Дж. Мванга 350
 Вэй Го-цин 58, 92, 347
- Ганди И. 238
 Герасимов С. 315
 Го Мо-жо 58
 Го Чэн-цин 314
- Громько А. А. 262
 Гу Му 338
 Гу Юань 328
 Гуань Шань-юэ 328
 Гун Бянь 315
 Гун Гао-фа 343
 Гьянендра Бир Бакрам Шах 247, 352
- Дань Сюэ-пэн 315
 Дворецкий И. 315, 323
 Джавара Д. К. 351
 Джексон Г. 218
 Дернбергер Р. 124
 Джавитс Я. 351
 Дун Би-у 58, 92, 346
 Дун Хуа-мин 251
 Дхирендра Бир Бикрам Шах Де-ва 247, 352
 Дэн Ган 301
 Дэн Сяо-пин 87, 88, 91, 118, 138, 198, 216, 225, 228, 229, 237, 238, 240, 290, 333, 338, 345—347, 349—353
 Дэн Цзин-чжун 28
 Дэн Чу-минь 103
- Е Фэй 253, 338
 Е Цзянь-ни 92, 338, 346, 347
- Жискар д'Эстен 229, 350
 Жун И-жэнь 103
 Жэнь Мэй-э 28
 Жэнь Янь-фан 315
- Икэда Д. 222
 Иогансон Л. 303
 Иоселмани О. 315
- Кабус 250
 Кавасаки Х. 222, 224
 Кадар Я. 211
 Кан Ши-энь 172, 331
 Кан Шэн 92, 338, 348
 Кейнс 300
 Косака Д. 222

Ким Ир Сен 350, 352
Киссинджер Г. 199, 216, 217, 219,
248, 352
Клао Р. 255
Кожевников В. 315
Коновалов Г. 316
Конфуций 96, 270, 271, 276, 292,
285
Кошта Н. 353
Кришна Радж Арьял 353
Куросава А. 325
Кэ Бо-нянь 349
Ке Хуа 242
Кэюму Туэрди 308

Лазар Д. 211
Лара А. 252
Лараки А. 250
Ле Зуан 212, 352
Ле Тхань-Нгя 351
Ленни В. И. 90, 188, 273, 300
Ли Го-жэнь 303
Ли Да 89, 198, 349
Ли Дэ-шэн 92
Ли Кэ-жань 328
Ли Су-вэнь 105
Ли Сюй-юй 315
Ли Сянь-нянь 92, 224—226, 236,
336, 338, 347, 349, 350, 353
Ли Фу-чунь 345
Ли Хуа 323
Ли Цзи-тай 338
Ли Цян 237, 246, 259, 331, 338
Ли Цян-шэн 328
Ли Чжи 315
Ли Чэн-фан 338
Ли Шу-чжэн 105
Ли Шуй-цин 338
Линь Бяо 51, 59—61, 83, 91, 92,
96, 270, 271, 277, 289, 298, 299
Липатов В. 316
Ло Гуай-чжун 308
Ло Жуй-цин 346
Ло Кай-фу 28
Ло Шу-чжан 103
Лопез А. 235, 349
Лу Пин 348
Лэй Фэн 294
Лю Бай-юй 307
Лю Бин 335
Лю Бо-чэн 58, 92
Лю Вэнь-хой 103
Лю И-ань 335
Лю Кай-цюй 328
Лю Си-яо 338
Лю Сян-пин 251, 253, 338, 353

Лю Фань-чжэн 335
Лю Фэй 103
Лю Цзун-юань 315
Лю Чжэн-сян 276
Лю Шао-ци 61, 66, 72, 83, 91, 96,
100, 277
Лян Хуан-чжоу 328
Ляо Чэн-чжи 102

Ма Цюань-и 327
Малдун 234
Мао И-пин 327
Мао И-шэн 103
Мао Цзэ-дун 5, 6, 10, 12, 39—41,
45, 48—52, 54, 56, 58—61, 67,
72, 75, 79, 80, 82—85, 88, 89, 91,
92, 96—99, 103, 104, 106, 108,
112—114, 145, 189, 217, 246,
270—278, 288, 289, 291—299,
308—311, 314—321, 324, 326,
329, 331, 332, 335, 336, 348—
353.
Мариа В. С. 351
Маркс К. 188, 273, 300
Маркос Ф. 235, 351
Махабнр Э. 256
Машел С. 235, 349
Мики Т. 224
Минтофф Д. 349
Миядзава К. 223, 225
Мияло К. 210
Мойл К. 234
Мохн эд Дин Мааруф 235, 351
Муджахид Абу Шуароб 350
Мурзаев Э. М. 28
Мэн-цзы 271, 276, 292
Мэн Юэ 352

Нарита Т. 224, 350
Нгапод Нгаван-дэгмэд 58
Н'Джие Г.А.Б. 359
Не Вин 235, 246, 264, 353
Не Жуи-чжэнь 58
Не Цзин-хуа 276
Него Х. В. 351
Ни Чжи-фу 92
Никсон Р. 224, 304
Нородом Снанук 241
Нуира Х. 235, 350

Огава Х. 222
Ольгин В. С. 267
Оу Ян 327
Ошанин И. М. 339

Пени Нут 241
Перес Т. 249
Петрашквич А. 323
Пиночет 238, 255
Пошизон 105
Прамот К. 235, 351
Раджаратнам С. 350
Рейман М. 286
Рокфеллер Н. 220
Роудс Дж. 350

Сайфуддин (Лзизов) 58, 63, 66, 92
Самфан К. 235, 240, 351
Сари И. 349, 351
Сасаки К. 222
Се Чжи-гао 328
Сисилеумсак С. 350
Сованьярг Ж. 232, 353
Сомаре М. 352
Спешнев А. 316
Станиславский К. 321
Стэнфорд 234
Су Лан 328
Су Чжэнь-хуа 92
Сун Цзян 61, 276—278, 308
Сун Цин-лин 58, 72
Сунь Цзянь 338
Сунь Ят-сен 102, 346, 348
Сухарто 244
Сюй Гуан-сяо 301
Сюй Гуан 105
Сюй Дэ-хэн 102
Сюй Ли-чжан 77
Сюй Цзинь-цянь 338
Сюй Чжун-фу 255
Сюй Ши-ю 92
Сюэ Юнь-ди 105
Сяо Пэн 350
Сян Чжун-фа 91
Тан Ди-чжоу 103
Тань Чжэнь-лин 91, 347
Тиндеманс Л. 350
Того Ф. 223
Толстикова В. С. 353
Трифонов Ю. 316
Троцкий 90
Трюдо П. 233
Туэрди К. 315
Тянь Цзянь 310, 314

У Гуй-сян 58, 92, 338
У Дэ 92, 352
У Синь-юй 103
У Цзо-жэнь 328
Уиллис Д. 351
Уильямс Э. 235, 256, 349

Уитке 88
Уитлем 234
Уланьфу 58, 65
Уцуномия Т. 222

Фалла И. 254
Фан И. 338
Фань Цзы-юй 338
Фанфани А. 231, 353
Форд Дж. 198—200, 216, 217,
219—221, 353
Франко 353
Фридерике Г. 231
Фрнер У. 234
Фудзияма А. 222, 224—226, 351
Фэн Ю-лань 348

Хаватма Н. 248
Хао Жань 313, 314
Хао Лян 336
Хао Цзянь-сю 104
Хит Э. 230, 352
Холл Г. 286
Хори С. 222, 224—226, 349
Храбровицкий Д. 316
Ху Вэй 353
Ху Цзы-ан 103
Ху Цзы-вэй 301
Ху Цзюэ-вэнь 103
Ху Чжэнь-юй 328
Ху Юй-чжи 103
Ху Яо-бан 353
Хуа Го-фэн 11, 55, 65, 92, 107,
138, 338, 347, 352, 353
Хуа Ло-гэн 103
Хуа Цзюнь-у 307, 328
Хуан Бин-вэй 28
Хуан Син-бай 337
Хуан Эн-тао 328
Хуэй Сян-чжун 335
Хэ Ин 198, 248, 351
Хэ Ци-фан 307

Цао Цао 315
Цеденбал Ю. 212
Цзан Кэ-ся 310
Цзи Дэн-куй 92, 223, 225, 338,
347, 352
Цзи Лун 77
Цзи Пэн-фэй 345
Цзи Фан 103
Цзинь Хуа 346
Цзинь Цзе-чжун 328
Цзинь Шэн-тань 308
Цзян Хуа 345
Цзян Хуа-лянь 254

- Вэйхэ, р. 163
 Вэньцзян, окр. 30
 Вэньцюань, г. 30
 Вэньчжоу, окр. 31
 Вэньшань, г. 31
 Вэньшань-Чжуан-Мяоский, авт. окр. 32
 Вьентьян, г. 158
 Вьетнам 234, 239—241
- Габон 235, 253, 258, 351
 Гавана, г. 255, 286
 Гайана 187, 235, 255, 256, 258, 336, 350
 Гайсянь, г. 29
 Гамбиа 235, 258, 349, 351
 Гана 254, 258
 Ганьянь-Тибетский, авт. окр. 29
 Ганьсу, пров. 27, 29, 116, 117, 129, 154, 158, 160, 161
 Гавцзы-Тибетский, авт. окр. 30
 Ганьчжоу, окр. 31
 Гвинея, 186, 254, 258
 Гвинея (Бисау) 235, 253, 254, 258, 351
 Германская Демократическая Республика (ГДР) 167, 207, 209, 230, 305
 Гималаи, горы 16
 Гирин, г. 30, 31
 Голландия 183
 Голо-Тибетский, авт. окр. 31
 Гонконг, г. 97, 135, 169, 170, 171, 173
 Гонулулу, г. 199
 Гуаядун, пров. 25, 29, 53, 69, 76, 102, 117, 122, 143, 146, 149, 163, 192, 193, 194, 196, 347
 Гуанси, пров. 25
 Гуанси-Чжуанский авт. р-н (ГЧАР) 32, 52, 64, 136, 146, 149, 158, 347
 Гуанчжоу (Кантон), г. 9, 16, 29, 70, 90, 102, 152, 158, 172, 184, 187, 190, 193, 221, 246, 304, 342, 348
 Гусе, г. 153
 Гуйлинь, г. 32
 Гуйлинь, окр. 32
 Гуйчжоу, пров. 29, 117, 127, 158, 318
 Гуйчи, г. 29
 Гуйян, г. 29
 Гунхэ, г. 31
 Гутяньси, р. 162
- Гуюань, окр. 32
 Гэцю, г. 31
- Дабашань горы 22
 Даган, нефт. пр. 171, 326
 Дагомея (Бенин) 258, 337
 Дакар, г. 237
 Дакка, г. 246
 Дали-Байский, авт. окр. 32
 Далянь (Дальний), г. 133, 153, 155, 156, 172, 205
 Даманский, о-в 204
 Дания 183, 337
 Дандун, г. 29
 Дасянь, окр. 30
 Датун, г. 31
 Даукоу, г. 32
 Дацин, нефт. пр. 70, 71, 73, 121, 128, 160, 171, 172, 326
 Дачжай, б. произв. бр. 69, 70, 72, 85, 86, 107, 138, 141, 142, 144, 145, 151, 159, 314, 326, 327, 332, 337, 347
 Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ) 16, 171, 206, 207, 211, 352, 351
 Джирим, аймак 31
 Джомолунгма, г. в. 16
 Диего-Гарсия, о-в 234
 Динси, окр. 29
 Динхай, г. 31
 Динши-Тибетский, авт. окр. 32
 Дукоу, г. 30
 Дунчуань, г. 32
 Дуншэн, г. 29
 Дуюнь, г. 29
 Дэлинха, г. 31
 Дэчжоу, окр. 31
 Дэхун-Тай-Цзиньпоский, авт. окр. 32
- Европа 4, 13, 158, 168, 198, 209, 210, 218, 226—227, 229, 231, 233, 238, 261, 281, 282, 283, 336
- Женсва, г. 158, 248, 261
- Заир 254, 258
 Замбия 235, 253, 254, 258, 350
 Ибнь, окр. 30
 Израиль 248, 249, 261
 Икэчжао, аймак 32
 Или-Казахский, авт. окр. 32, 45
 Индия 16, 211, 244, 245, 257, 263, 264, 280, 284, 287

Индийский океан 24, 234, 238
Индокитай 4, 199, 203, 239, 261
Индонезия 170, 241, 243, 244,
257, 267, 287

Инкоу, г. 29
Иньбэй, окр. 32
Иньнань, окр. 32
Иньчуань, г. 32
Иньчуань, окр. 27
Иордания 250
Ирак 171, 187, 235, 250, 252, 257,
351

Иран 171, 198, 236, 257, 350
Испания 15, 209, 353
Италия 176, 180, 183, 230, 337
Иту-Аба, о-в 265
Итуруп, о-в 266
Ихэ, р. 162
Ичан, окр. 30
Ичунь, окр. 30, 31
Иян, окр. 30

Иеменская Арабская Республика
(ИАР) 257, 350

Казылсу-Киргизский, авт. окр. 32

Кайли, г. 29
Кайлуаньский кам. у. бас. 127
Кайфын, г. 30
Кайфын, окр. 30
Калаяана, о-ва 265
Камбоджа 4, 169, 171, 239—241,
257, 352, 349, 351
Камерун 254, 258
Канада 232, 233, 337
Кандин, г. 30
Карамай, г. 32
Карачи, г. 159
Катманду, г. 247
Кашгар, окр. 32
Кашмир 238, 263
Кения 258
Кингстон, г. 256
Кипр, о. 228
Кито, г. 250, 257

Корейская Народно-Демократи-
ческая Республика (КНДР) 16,
167, 171, 206, 207, 336, 352, 337,
350, 352

Коморские, о-ва 235, 258

Корея 184, 203
Куала-Лумпур, г. 243

Куба 167, 207

Кувейт 257

Кукунор, оз. 28

Кульджа, г. 32

Кунашир, о-в 266
Куньлунь, хр. 27
Куньмин, г. 31, 32
Куньминху, оз. 343
Курильская гряда 266
Курля, г. 32
Кюсю, о-в 222

Ланфан, окр. 30
Ланьчжоу, г. 29, 159, 161, 192,
193

Лаос 4, 16, 158, 235, 239, 240, 257,
350

Латинская Америка 236, 255, 257,
258, 280, 283, 286, 297

Лесото 235

Лессовое плато 19, 20, 27

Ливан 242, 248, 257

Ливия 244

Лима, г. 237

Линлин, окр. 30

Линьцан, окр. 31

Линьшань, окр. 31

Линьси, г. 159

Линьфэн, окр. 31

Линьхай, г. 31

Линься-Хуэйский, авт. окр. 29

Линьхэ, г. 32

Лицзян, окр. 31

Лиши, г. 31

Лишуй, окр. 31

Ломашу, оз. 162

Лоян, г. 30, 152

Лоян, окр. 30

Луанда, г. 252

Луцзи, окр. 30

Лунъянь, окр. 30

Луси, г. 32

Лхаса, г. 28, 32, 159, 346

Лходраг, окр. 32

Лэшань, окр. 30

Люань, окр. 29

Люйда, г. 16, 29, 96, 326

Люйлян, окр. 31

Люпаньшуй, окр. 29

Люцзяся, ГЭС 160, 161

Лючжоу, г. 32, 117

Лючжоу, окр. 32

Ляньчуньган, г. 31, 156

Ляодун, пров. 18, 19

Ляонань, окр. 29

Ляонин, пров. 29, 55, 76, 81, 117,
130, 132, 143, 146, 322, 331,
336, 346

Ляньшань-Иский, авт. окр. 30

Ляохэ, рав. 18

Ляохэ, р. 19, 20
Ляочэн, окр. 31
Ляоян, г. 29, 53, 128, 152

Мааньшань, г. 29
Маврикий 258
Мавритания 250, 258
Мадагаскар, о-в 254
Мако 169, 170
Малагасийская Демократическая Республика 253, 258
Малайзия 157, 173, 186, 187, 235, 241, 243, 257, 267, 283
Мали 254, 258
Малый Хинган, хр. 18
Мальдивская Республика, 257
Мальта, о-в 228, 349
Манила, г. 241, 352
Маньян, окр. 30
Маркан, г. 30
Марокко 235, 250, 251, 258, 350
Мацзинь, г. 31
Меконг, р. 336
Мексика 235, 255, 256, 258, 337, 350
Мехико, г. 104, 257, 337, 350
Мяньцзян, р. 162
Могаддишо, г. 254
Монгольская Народная Республика (МНР) 16, 64, 211, 212
Мозамбик 235, 253, 258, 315, 349
Монголо-Синьцзянский, ф.-г. р-н 17, 26, 27
Москва, г. 90, 91, 205
Муданьцзян, окр. 30
Мэньюань, г. 31
Мэйсянь, окр. 29
Мюнхен, г. 227

Нагасаки, г. 288
Нагчу, окр. 32
Нанкин, г. 16, 31, 57, 65, 71, 102, 117, 348
Наньлин, хр. 21, 24, 25
Наньнин, г. 32
Наньнин, окр. 32
Наньтун, г. 31
Наньтун, окр. 31
Наньчан, г. 31, 159
Наньчун, окр. 30
Наньшань, хр. 27
Наньян, окр. 30
Народная Республика Болгария (НРБ) 207, 209, 210, 337, 352
Народная Республика Конго 235, 238, 253, 254, 258, 349

Народно-Демократическая Республика Йемен (НДРЙ) 252, 257
Непал 16, 187, 235, 236, 246, 247, 257, 353
Нерчинск, г. 261
Нигер 258
Нигерия 258
Нидерланды 342
Нинбао, окр. 31
Нинбо, г. 31
Ниндэ, окр. 30
Нинся, г. 29
Нинся-Хуэйский авт. р-н (НХАР) 27, 32, 127, 161
Новая Зеландия 232, 233, 234, 235
Нупьцзян, окр. 30
Нуцзян-Лисуский, авт. окр. 32
Нью-Йорк, г. 246
Нэйцзян, окр. 30
Няньцзышань, г. 30

Осака, г. 222, 344

Пакистан 186, 236, 245—247, 315, 337, 350
Палестина 248, 249, 261
Панама 256
Папуа Новая Гвинея 187, 352
Парасельские, о-ва 240, 265
Париж, г. 184, 353
Пекин, г. 14, 16, 21, 32—34, 52, 53, 57, 58, 60, 65, 69, 73, 88, 91—93, 95, 102, 104, 117, 128—130, 135, 143, 148, 152, 153, 158—160, 164, 165, 172, 190—192, 194, 196, 198, 199, 204, 205, 217, 221—224, 229, 232, 233, 235, 242, 246, 252, 255—257, 267, 291, 292, 302—305, 319, 326, 343, 345—353
Персидский, зал. 250
Перу 258
Пиндишань, г. 30
Пинлянь, окр. 29
Пинсян, г. 31
Пиомпень, г. 242
Польская Народная Республика (Польша) 210, 212
Порт-Артур, г. 205
Португалия 15, 209, 219, 230, 282
Пукоу, г. 153, 154
Путьань, окр. 30

Республика Анголы (Ангола) 4,
219, 251—253, 284, 351
Республика Южный Вьетнам
(РЮВ) 212, 213, 257
Руанда 235, 258, 352
Садан, р. 163
Сайгон, г. 242
Сан-Томе и Принсипи 235, 258,
353
Сан-Франциско, г. 266
Саньмин, окр. 30
Саньмынься, ГЭС 162, 205
Саудовская Аравия 250
Северный, ф.-г. р-н 17
Северный Китай 19, 148, 153, 160,
342
Северо-Восточный, ф.-г. р-н 17
Северо-Восточный Китай 18, 19
160, 172, 190, 205
Северо-Западный Китай 118, 165,
191
Северо-Китайская, рав. 19, 20
Сенегал 254, 258
Сиань, г. 31, 53, 117, 193, 302
Сикким 245, 263
Силингол, аймак 32
Силин-Хото, г. 32
Синайский, п-ов 248
Сингапур, г. 170, 186, 187, 235,
241, 242, 336, 350
Синин, г. 31
Синтай, окр. 30
Синьган, г. 128, 156, 157
Синьн, окр. 29
Синьсян, окр. 30, 31
Синьцзян 21, 27, 64—66
Синьцзян-Уйгурский авт. р-н
(СУАР) 27, 32, 63, 65, 103, 118,
146, 196, 203
Синьян, окр. 30
Синьп, окр. 29
Сирия 252, 258
Сифэнчжэнь, г. 29
Сичзян, р. 16
Сичап, окр. 30
Сичуанбаньяна-Тибетский, авт.
окр. 31
Сомали 258
Социалистическая Республика Ру-
мыния (СРР) 157, 167, 206, 207,
337, 352
Социалистическая Федеративная
Республика Югославия
(СФРЮ) 167, 207, 337, 352
Спратли, о-ва 213, 240, 265

Средиземное море 15, 209, 228,
238
СССР 5, 6, 14—16, 38, 61, 63, 64,
105, 167, 171, 178, 174, 178, 183,
185, 199—207, 209, 212—214,
216—220, 223, 225—230, 232,
233, 236—240, 247—250, 253,
257, 259, 260, 262, 266, 267,
269—271, 276, 278, 282, 283,
285, 288, 290, 292, 295, 300, 301,
304, 353
Судан 250, 251, 258
Суйхуа, окр. 30
Сунгари, р. 19
Сунляо, рав. 19
Сунхуацзян, окр. 30
Сусянь, окр. 29
Сучжоу, г. 31
Сучжоу, окр. 31
США 5, 14, 15, 167, 168, 170, 176,
177, 180, 183, 184, 186, 187,
198—201, 215—222, 224, 227,
233, 234, 236, 238, 239, 242,
246, 247, 249, 250, 253, 259,
262, 280, 284, 288, 303, 304, 336,
337, 350
Сьера-Леоне 258
Сыппи, окр. 31
Сычуань, пров. 30, 118, 127, 130,
132, 136, 146, 347
Сычуаньская, котл. 22—24
Сымао, окр. 31
Сэнкаку, о-ва 225
Сюйчан, окр. 30
Сюйчжоу, г. 31
Сюйчжоу, окр. 31
Сягуань, г. 32
Сяогань, окр. 30
Сямынь, г. 30
Сянси-Туцзя-Мяоский, авт. окр. 30
Сянтань, окр. 30
Сяньфань, г. 30, 153
Сяньнин, окр. 30
Сяньян, окр. 30, 31

Тайань, окр. 31
Таиланд 173, 176, 177, 218, 234,
235, 241, 242, 258, 283, 336, 337,
351, 352
Тайвань, о-в 16, 32, 102, 220, 221,
225, 337, 339
Тайчжоу, окр. 31
Тайюнь, г. 31, 117
Танзания 253, 254, 258
Таншань, г. 30, 130
Таншань, окр. 30

Телин, г. 29
Тибет 28, 65, 66, 68, 159, 163, 245
Тибетский авт. р-н (ТАР) 32,
64—66, 95
Тибетское. наг. 27
Тихий океан 24, 26, 200, 217, 218,
223, 235, 238, 239, 241
Тихуана, г. 256
Того 258
Токно, г. 223, 225
Тринидад и Тобаго 235, 255, 256,
258, 336, 349
Тундин, г. 29
Тунжэнь, г. 31
Тунжэнь, окр. 29
Тунис 235, 250, 251, 258, 336, 350
Тунляо, г. 31
Тунсянь, г. 153
Тунхуа, окр. 31
Тунчуань, г. 31
Турция 258, 336
Тяньцзинь, г. 16, 21, 32, 33, 52,
65, 121, 133, 143, 153, 154, 156,
196, 249
Тяньшуй, окр. 29

Увэй, окр. 29
Уганда 258
Уда, р. 268
Уду, окр. 29
Улан-Батор, г. 212
Уланцаб, аймак 32
Урумчи, р. 32, 63, 117, 203
Уси, г. 31
Усин, г. 31
Уссури, р. 268
Ухань, г. 9, 16, 30, 53, 57, 76, 90,
102, 322, 348
Уханьский мет. комб. 117, 130
Уху, окр. 29
Учжоу, г. 32
Учжоу, окр. 32
Учжун, г. 32

Федеративная Республика Герма-
ния (ФРГ) 157, 158, 170, 176,
180, 183, 184, 198, 199, 209,
229—232, 262, 274, 304, 305, 337,
353
Филиппины 173, 176, 177, 218, 234,
235, 241, 258, 265, 287, 351, 352
Финляндия 157, 158, 283
Фошань, окр. 29

Франция 128, 135, 153, 157, 158,
176, 180, 183, 228, 229, 231, 282,
303, 304, 337, 353
Фулин, окр. 30
Фусинь, г. 29
Фуцзянь, пров. 23, 30, 53, 77, 117,
118, 122, 146, 162, 194
Фучжоу, г. 30, 31, 159
Фушунь, г. 29
Фуян, окр. 29
Фэнсянь, г. 153

Хайбэй-Тибетский, авт. окр. 31
Хайкоу, г. 29
Хайлар, г. 30
Хайнань, о-в 25
Хайнань-Ли-Мяоский, авт. окр. 29
Хайнаньский адм. р-н 29
Хайси-Монголо-Тибетско - Казах-
ский, авт. окр. 31
Хайхэ, г. 156
Хами, окр. 32
Ханчжоу, г. 9, 31, 39, 53, 56, 88,
116, 117, 192, 194, 302, 347
Ханчжоуский, зал. 128, 156
Хашьдань, окр. 30
Ханьчжун, окр. 31
Ханьшуй, р. 22, 162
Харбин, г. 16, 30, 103, 116, 117,
205
Хельсинки, г. 226, 227, 283
Хиросима, г. 288
Хотан, окр. 32
Хуайбэй, г. 29
Хуайинь, окр. 31
Хуайнань, г. 29
Хуайхэ, р. 20, 22, 153, 162
Хуаннань-Тибетский, авт. окр. 31
Хуанган, окр. 30
Хуанпу, г. 156
Хуанпу, р. 128, 153, 156
Хуанхэ, р. 16, 20, 21, 160, 161,
163, 342
Хуанши, г. 30
Хуацзе, окр. 29
Хубэй, пров. 30, 93, 106, 116—
118, 146, 148, 152, 154, 304, 319
Хулун-Буир, аймак 30
Хунань, пров. 30, 64, 80, 85, 117,
118, 130, 143, 146, 304
Хунхэ, р. 161
Хунхэ-Ханн-Иский, авт. окр. 31
Хунцичжэнь, г. 29
Хух-Хото, г. 32
Хуэйминь, окр. 31

Хуэйчжоу, г. 29
Хуэйян, окр. 29
Хэбэй, пров. 30, 33, 65, 146, 136,
163
Хэган, г. 30
Хэйлуницзян, пров. 30, 33, 53, 57,
70, 75, 80, 81, 85, 86, 96, 103,
117, 121, 122, 132, 149, 196, 348
Хэйхэ, окр. 30
Хэнань, пров. 30, 33, 75, 116, 127,
146, 147, 152, 163, 196, 315
Хэншуй, окр. 30
Хэньян, окр. 30
Хэфэй, г. 29
Хэцзо, г. 29
Хэцзэ, окр. 31
Хэцзян, окр. 30
Хэчи, окр. 32

Цанпо, р. 28
Цаньдуннань-Мяо-Камский, авт.
окр. 29
Цансянь, г. 30
Цанчжоу, окр. 30
Цейлон, о-в 284
Центральный, ф.-т. р-н 17
Центральный Китай 21, 22, 33,
342
Цзаочжуан, г. 31
Цзиань, г. 31
Цзиндэчжэнь, г. 31
Цзилинь, г. 31, 117
Цзилинь, пров. 30, 31, 75, 132, 149,
196, 346
Цзиннань, г. 31, 104, 193, 302, 304
Цзинганшань, окр. 31
Цзинин, г. 32
Цзинин, окр. 31
Цзинхун, г. 31
Цзинчжоу, окр. 30
Цзиньчжоу, г. 29
Цзиньчжоу, окр. 29
Цзиньдуннань, окр. 31
Цзиньцзян, окр. 30
Цзиньчжоу 117
Цзиньчжун, окр. 31
Цзиньхуа, окр. 31
Цзиси, г. 30
Цзишоу, г. 30
Цзунь, окр. 29
Цзыбо, г. 31
Цзыгун, г. 30
Цээдан, г. 32
Цюцзян, окр. 31
Цюцюань, окр. 29

Цзякэдацзи, г. 30
Цзямусы, г. 30
Цзянлин, г. 30
Цзянси, пров. 31, 53, 83, 117, 118,
122, 146, 148, 348
Цзянси, окр. 31
Цзянсу, пров. 31, 70, 77, 93, 116,
130—132, 141, 143, 146, 154, 162,
194, 322, 348
Цзянцзинь, окр. 30
Цзяньян, окр. 30
Цзяоцзо, г. 152
Циндао, г. 31, 156, 172
Цинтунся, вдхр. 161
Цинхай, наг. 27
Цинхай, пров. 28, 31, 65, 80, 83,
161
Цинхай-Тибетский, ф.-г. р-н 17,
27, 28
Цинцзян, г. 31
Циньцзян, р. 162
Циньлин, хр. 19, 21, 22
Циньхуандао, г. 128, 156, 160, 172
Циньчжоу, окр. 32
Цинъян, окр. 29
Цидикар, г. 30, 116, 117
Цюаньчжоу, г. 30
Цюрнх, г. 158
Цяинань-Буи-Мяоский, авт. окр. 29
Цяньдуннань-Мяо-Тунский, авт.
окр. 29
Цяньли, окр. 30

Чад 258
Чамдо, окр. 32
Чаньвэй, окр. 31
Чандэ, окр. 30
Чанцзи, г. 32
Чанцзи-Хуэйский, авт. окр. 32
Чанчжи, г. 31
Чанчжоу, г. 31
Чанчунь, г. 30, 31, 205, 342
Чанча, г. 30
Чаосянь, г. 29
Чаоху, г. 29
Чаоян, г. 29, 331
Чехословацкая Социалистическая
Республика (ЧСР) 211
Чжэнчжоу, г. 30
Чжанье, окр. 29
Чжаньцзян, г. 156
Чжаньцзян, окр. 29
Чжаньцзякоу, окр. 30
Чжаоцзюэ, г. 30
Чжаотун, окр. 31

Чжаоцин, окр. 29
Чжинчэн, г. 152
Чжоуда, аймак 29
Чжоукоу, окр. 30
Чжоушань, окр. 31
Чжумадянь, окр. 30
Чжундянь, г. 32
Чжуцзян, р. 25, 26
Чжучжоу, г. 30
Чжэнчжоу, г. 30, 53, 163
Чжэньцзян, окр. 31
Чжэцзян, пров. 23, 31, 33, 39, 53,
65, 83, 104, 116, 117, 122, 143,
146, 154, 163, 194, 304, 342
Чили 238, 255, 258, 262
Чифэн, г. 29, 159
Чинжоу, окр. 29
Чугучак, окр. 32
Чусюнь, г. 32
Чунцин, г. 16, 30, 302
Чусюнь-Иский, авт. окр. 32
Чусянь, окр. 29
Чэнду, г. 30, 117, 153, 159
Чэнду, рав. 23, 24
Чэндэ, окр. 30
Чэньсянь, г. 30
Чэньцунь, ГЭС 162
Чэньчжоу, окр. 30
Чэньшань, г. 128
Чюсюнь, г. 32

Шанжао, окр. 31
Шанло, окр. 31
Шансянь, г. 31
Шанхай, г. 16, 32, 65, 68, 71, 89,
90, 96, 102, 117, 128, 131, 133,
134, 136, 140, 143, 153, 156, 158,
190—194, 196, 222, 233, 289,
299, 302, 314, 322, 326, 335, 348
Шанцю, окр. 30
Шаншуй, г. 30
Шаньдун, пров. 19, 31, 65, 76, 104,
129, 132, 140, 143, 146, 161,
193, 293, 304, 348
Шаньнань, г. см. Лхондраг
Шаньнань, окр. 32
Шаньси, пров. 31, 33, 54, 141, 146,
347
Шаньтоу, окр. 29
Шаньхайгуань, г. 153
Шаогуань, окр. 29
Шаосин, окр. 31
Шаоян, окр. 30
Швейцария 158, 304
Швеция 157, 180, 183

Шнгацзе, окр. 32
Шинцзюйшань, г. 32
Шинцзячжуан, г. 30
Шинцзячжуан, окр. 30
Шинцюаньхэ, г. 32
Шиянь, г. 30
Шри Ланка 246, 247, 258, 284
Шуаньяшань, г. 30
Шухэ, р. 20, 162
Шуэйчэи, г. 29
Шэнли, нефт. пр. 171, 172
Шэньси, пров. 31, 33, 117, 125,
129, 161—163, 348
Шэньян, г. 16, 29, 96, 128, 136,
165, 205, 302
Шэньян, окр. 29

Эквадор 256, 257
Экваториальная Гвинея 258
Эньши, окр. 30
Эфиопия 254, 258
Юньян, окр. 30
Юдшихэ, р. 20
Юго-Восточная Азия 186, 218,
232, 234, 237—239, 243, 283,
287, 336
Юго-Западный Китай 191
Южно-Африканская Республика
(РЮВ) 284
Южно-Китайское море 213, 265
Южное Приморье 25, 26
Южный, ф. г. р-н 17
Южный Вьетнам 213, 239, 265
Южный Китай 21, 24, 25
Юйлинь, г. 32, 52
Юйлинь, окр. 31, 32
Юйпи, г. 31
Юйшу, г. 31
Юйшу-Тибетский, авт. окр. 31
Юндшихэ, р. 20
Юнчуань, г. 30
Юньнань, пров. 24—26, 31, 54, 93,
116—118, 154, 158, 192, 347, 348
Юньнань-Гуйчжоуское, наг. 21,
22, 24
Юньчэн, окр. 31
Юэян, окр. 30

Янь, окр. 30
Ямайка, о-в 256, 258
Янцзы, р. 16, 21—23, 148, 152, 156,
162, 193, 322
Янцюань, г. 326

Ялчжоу, окр. 31
Яньвань, г. 91, 314
Яньвань, окр. 31
Яньбать-Корейский, авт. окр. 31
Яньбэй, окр. 31
Яньтай, г. 156
Яньтай, окр. 31

Яньцзи, г. 31
Яньчэн, окр. 31
Япония 14, 131, 133, 135, 158, 168,
170, 173—177, 180—183, 186, 200,
203, 215, 220, 222—226, 266,
281, 303, 336, 349, 350, 351

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

авт. р-н	— автономный район
авт. окр.	— автономный округ
адм. р-н	— административный район
б. произв. бр.	— большая производственная бригада
вдхр.	— водохранилище
г.	— город
г. в.	— горная вершина
зал.	— залив
кам. у. бас.	— каменноугольный бассейн
котл.	— котловина
мст. комб.	— металлургический комбинат
наг.	— нагорье
нефт. пр.	— нефтяные промыслы
оз.	— озеро
окр.	— округ
о-в	— остров
п-ов	— полуостров
пров.	— провинция
р.	— река
рав.	— равнина
ф.-г. р-н	— физико-географический район
хр.	— хребет

От редакции	3
Китайская Народная Республика в 1975 г. (М. И. Сладковский)	4
Географическая характеристика (К. Н. Черножуков)	16
Общие сведения	16
Природное районирование Китая	16
Административно-территориальное деление	29
Государственный строй	34
Новая конституция КНР (Л. М. Гудошников, К. А. Егоров)	34
Внутриполитическое положение	50
Общий обзор (Б. П. Барахта)	50
Национальная политика (Т. Р. Рахимов, А. А. Москвитин)	62
Женщины в Китае (Е. А. Коновалов)	68
Политические партии и массовые организации	79
Коммунистическая партия Китая (А. Ю. Тюрин)	79
Съезды Коммунистической партии Китая (Т. И. Илларионова)	89
Коммунистический союз молодежи (Ю. Е. Гомолов)	92
Профсоюзы (А. П. Давыдов)	95
Демократические партии (Г. А. Степанова)	101
Женские организации (Т. М. Емельянова)	103
Союзы бедняков и низших середняков (Р. М. Исронов)	103
Экономика	108
Итоги социально-экономического развития и экономическая политика КНР в 1971—1975 гг. (Е. А. Коновалов, С. А. Воеводич, В. В. Чуванкова)	108
Промышленность (В. И. Акимов, В. П. Поляков)	120
Сельское хозяйство (З. А. Муромцева, Л. А. Волкова, Е. В. Бубенцов)	138
Транспорт (С. Л. Ширлев)	152
Водохозяйственное строительство (Р. Д. Шурова)	160
Внутренняя торговля (Н. С. Наумова)	163
Внешнеэкономические связи (З. В. Дашкевич)	166
Проблема экспорта нефти (Г. В. Жданов)	171
Импорт машин и оборудования (Г. В. Жданов)	178
Гуанчжоуская ярмарка (Ю. С. Борисов)	184
Материальное положение трудящихся (И. Н. Наумов)	187
Внешняя политика	198
Введение (А. Г. Яковлев)	198
КНР и социалистические страны (Е. А. Григорьева, Д. М. Поспелов)	201
КНР и развитие страны капитализма (В. И. Петухов, И. Я. Бурлингас, А. Г. Ларин, В. А. Захваткина, В. К. Вольский)	214
КНР и развивающиеся страны (И. Я. Бурлингас, Г. А. Боголюбов, Т. М. Котова, А. В. Педин, А. С. Красильников, А. В. Кудряцев)	235

КНР и Организация Объединенных Наций (В. К. Хомяков)	259
Пограничная политика руководства КНР (В. С. Мясников, Е. Д. Степанов)	263
Идеология	270
Введение (В. Ф. Феоктистов)	270
Пекинская пропаганда и мировой революционный процесс (Б. В. Поспелов)	279
Проблемы войны и мира в пропаганде Пекина (В. Я. Сидихменов)	287
Общественные науки (Г. Н. Яценко)	295
Средства массовой информации (Н. Л. Пахомов)	301
Культура	306
Введение (В. Ф. Сорокин)	306
Положение интеллигенции (С. Д. Маркова)	309
Литература (А. Н. Желоховцев)	313
Театр (И. В. Гайда)	317
Кинематография (С. А. Торопцев)	323
Изобразительное искусство (В. Л. Сычев)	325
Просвещение (Н. Е. Боревская, Н. В. Франчук)	329
Культурные связи (А. А. Антиповский)	336
Приложения	338
Состав Государственного совета КНР	338
Традиционный китайский календарь (К. Н. Черножуков)	339
Китайские денежные единицы и основные меры	344
Хроника важнейших событий (1975 г) (А. Н. Нешумова, В. П. Пиотровский)	345
Книги о Китае, изданные в СССР в 1973—1975 гг. (А. Г. Новгородская, Г. Г. Сверщевская)	354
Указатель имен (Л. А. Романова)	361
Указатель географических названий (Л. А. Романова)	365

Поправка. В предыдущем выпуске ежегодника «Китайская Народная Республика в 1974 г. Политика, экономика, идеология» авторами раздела «Китай и развивающиеся страны» являются: И. Я. Бурлингас, М. В. Коваль, Т. М. Котова, А. С. Красильников, А. В. Кудрявцев, Ю. М. Рякин.

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА В 1975 г.

Политика, экономика, идеология

*Утверждено к печати
Институтом Дальнего Востока
Академии наук СССР*

Редактор *Л. В. Матвеева.*
Младший редактор *Р. Г. Селиванова*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректоры *К. Н. Драгунова* и *Р. Ш. Чемериц*

ИБ № 13241

Сдано в набор 28/VII 1977 г.
Подписано к печати 3/III 1978 г.
А-10437 Формат 60 × 90^{1/16} Бум. № 2
Печ. л. 23,5 + 0,5 п. л. вкл. Усл. п. л. 24
Уч.-изд. л. 24,71 Тираж 20 000 экз. Изд. № 4032
Зак. № 335 Цена 1 р. 80 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Набрано в типографии № 13 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 107005, Москва Б-5, Денисовский пер., д. 30.

Отпечатано в полиграфическом объединении «Полиграфист» Управления издательства полиграфии и книжной торговли Мосгорисполкома. Москва, ул. Макаренко, 5/16. Зак. 311.